

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Москва
2004

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК (выпуск шестой)
М., 2004, 328 стр.

Ответственные редактор

А.О.Филоник

ISBN 5-89394-136-5

Сборник включает работы российских и арабских авторов из различных научных центров России и содержит разнообразные исследования по странам Востока.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-136-5

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Бескомпромиссная во многих случаях ситуация, которая сложилась на сегодняшний день в ряде конфликтных зон Ближнего Востока, фактически не оставляет шансов для оптимистичного прогноза. Однако, чем острее кризисные отношения, тем ощутимее становится необходимость поиска эффективных средств их преодоления. Актуальность решения этой задачи подчеркивает целый ряд факторов, один из которых – тесная взаимосвязь региональных процессов с системой отношений в мире. Тем более, что участие международных сил в судьбе Ближнего Востока не вызывает сомнения¹.

Исторически так сложилось, что проблемы Ближнего Востока постоянно находились и продолжают находиться в центре внимания как международных организаций и геополитических лидеров, так и отдельных государств. Степень этого внимания и последствия, которые возникают после вмешательства международных структур в решение региональных проблем, сегодня могут быть оценены неоднозначно. Причины возможных разногласий во взглядах на роль мирового сообщества в судьбе региона определяются сложностью исторически сложившихся правил и характером взаимоотношений стран. Особенно важно это учитывать при анализе принципов урегулирования конфликтов.

Формирование миротворческой политики в регионе происходило поэтапно на протяжении почти всего XX в. Главным критерием этого процесса стала трансформация колониальных принципов решения проблем в систему правил, получивших в современном международном законодательстве название «миротворчество».

Вопросу о миротворчестве, а точнее, о миротворческих подходах к урегулированию международных конфликтов и обеспечению безопасности в региональной и мировой политике, посвящено значительное количество как научной, так и публицистической отечественной литературы. Особое место в этом ряду занимают работы О.Богданова², В.Н.Федорова³, Р.А.Тузмухамедова⁴, В.С.Бруза⁵, Г.И.Морозова⁶ и т.д. В них данная проблема рассматривается с достаточно широких исследовательских позиций. Причем, как при оценке деятельности крупных международных организаций (таких как ООН или Движение неприсоединения), так и при анализе теоретических аспектов самого явления «миротворчество» в международных отношениях.

Ближневосточная проблематика в контексте ее урегулирования также достаточно широко разрабатывается. Интерес к ней в равной степени нашел отражение и в исследованиях зарубежных авторов (А.Тарох⁷, Ф.Гергес⁸, В.Лаквер⁹ и др.), и отечественных (О.Э.Туганова¹⁰, Е.Д.Пырлин¹¹, Е.М.Примаков¹², С.О.Шохин¹³, А.М.Хазанов¹⁴ и др.). Однако весь комплекс исследований пока не дал исчерпывающего ответа на вопрос о миротворческом потенциале международных структур в решении региональных проблем на Ближнем Востоке. Исследованию этого аспекта урегулирования ближневосточного конфликта (международным принципам) в период второй половины XX в. и посвящена данная статья.

Покровительственная во всех отношениях политика мировых лидеров предусматривала изначально некоторые правила политического и экономического ограничения не только международной активности региональных субъектов, но и их внутреннего развития. Такая система поддержания мира в международных отношениях, созданная еще в конце первой мировой войны, не оправдала себя. Требовались новые, более совершенные, принципы миротворчества, а, следовательно, и новые формы обеспечения мира и стабильности в регионе. Главным критерием этих перемен становится не одностороннее «оказание помощи», а стремление к рациональному использованию внутренних и внешних потенциалов урегулирования конфликтов. В связи с этим, в рамках сложившихся после второй мировой войны геополитических условий процесс миротворчества на Ближнем Востоке развивается сразу в двух направлениях: первое, основывается на принципах международного сотрудничества, а, второе, – на условиях регионального самоопределения.

Оба направления имеют достаточно разнообразные уровни реализации. Как показывает исторический опыт, принципиальным условием их существования является степень доверия участников конфликта к миротворцу и занимаемых им в том или ином конфликте позиций.

Основной же особенностью участников ближневосточного урегулирования является диапазон масштабов вмешательства: от разного уровня международных организаций¹⁵ до отдельных государств.

Таким образом, в зависимости от уровня занимаемых позиций весь круг участников миротворческого процесса в регионе можно условно разделить на три части (см. табл. в приложении):

- *высший* (международные организации);
- *средний* (третейские нерегиональные лица-посредники и региональные межправительственные организации);
- *локальный* (посредничество государств местного регионального уровня).

Учитывая то обстоятельство, что попытки мирного инициирования делались многими представителями мирового сообщества, попытаемся рассмотреть позиции основных застрельщиков миротворче-

ского процесса в регионе в соответствии с их уровнем вмешательства. При этом в рамках исследовательской цели акцентируем внимание на внешних (нерегionalных) участниках.

В соответствии с условиями международного права гарантом мира и безопасности после окончания второй мировой войны во всем мире выступает Организации Объединенных Наций. Основные принципы ее деятельности, выработанные в ходе Ялтинской и Потсдамской конференций¹⁶, легли в основу правил современной мировой политики. Кроме того, значительная часть положений, провозглашенных в Уставе ООН и вошедших в систему международного права¹⁷, приобрела свое реальное очертание в развитии условий мирного существования большинства конфликтных зон второй половины XX в.¹⁸ В последнее десятилетие XX в., как было отмечено в Декларации тысячелетия¹⁹, деятельность ООН неоднократно подвергалась критике²⁰. Тем не менее, положительный опыт организации по строительству мирных отношений между государствами и народами в различных регионах мира является уникальным.

Во многом благодаря созданию разветвленной структуры поддержания безопасности и оказания гуманитарной помощи жертвам военных действий, а также использованию совещательных органов с целью легитимации принимаемых решений большей частью субъектов мировой политики, значение деятельности ООН для истории Ближнего Востока всегда было велико²¹.

Структура этой организации, как об этом говорят ее уставные документы, изначально направлена на выполнение миротворческих функций, включая оказание гуманитарной помощи и содействия в развитии мирных международных отношений²². И для этого используется очень разветвленный и сложный механизм²³, важная характеристика которого, как отметил Х.Николас, «...заключается в ...способности приспособливаться к изменяющимся международным условиям²⁴».

Фактически с первых дней своего существования ООН принимает активное участие и в развитии региональных процессов на Ближнем Востоке. Уже со второй половины 40-х годов XX в. ООН, основываясь на положении своего Устава²⁵, развернула широкомасштабную деятельность по формированию и развитию мирных отношений, став тем самым, глобальным защитником безопасности в регионе. Под эгидой ООН на Ближнем Востоке действуют сразу несколько миротворческих организаций, каждая из которых выполняет конкретные задачи. Для региона имеет значение осуществление ими миротворческих операций. С момента официального утверждения Генеральной Ассамблеей этой формы работы²⁶ она приобретает все более широкое применение²⁷.

Весь комплекс проводимых ООН работ в регионе можно свести к нескольким направлениям: контроль над выполнением принимаемых

ООН резолюций; наблюдение за развитием гуманитарной, социально-экономической и политической ситуациями; выработка рекомендаций по урегулированию конфликта; силовое вмешательство в улаживание конфликта.

Обращая внимание на ближневосточный круг проблем, следует отметить то обстоятельство, что значительный объем миротворческой деятельности изначально был затрачен на разрешение конфликтных ситуаций, доставшихся новому гаранту мира по наследству от Лиги Наций²⁸.

Подобно своей предшественнице, основой принятия тех или иных решений для ООН служат результаты наблюдений международных комиссий и коллективное обсуждение как форм мирных отношений, так и методов их достижения. Однако, в отличие от Лиги, в которой преобладали интересы Франции и Великобритании, стран традиционно занимавших колониальные позиции, новый международный порядок определялся в основном международной стратегией СССР и США, имевших противоположные представления об экономической и идеологической сущности мирового порядка. Эти обстоятельства в целом и определяли характер подготавливаемых наблюдательными комиссиями отчетов и проектов принимаемых резолюций. Причем, после распада Советского Союза ситуация в ООН не изменилась. Модифицировалось лишь содержание процесса обеспечения мира. Что не замедлило отразиться на ситуации вокруг ближневосточных противоречий и путей их урегулирования.

Поляризация мира вокруг двух сверхдержав (США и СССР) в период «холодной войны» позволила сгруппировать международные приоритеты организации миротворчества на Ближнем Востоке в два политических лагеря, каждый из которых отражал интересы «мировых противников», и постепенно вытеснить из ближневосточной политики традиционно-консервативные представления о мире в регионе европейских лидеров²⁹.

Сущность политических лагерей не имела ничего общего с деятельностью военно-политических блоков и представляла собой некий позиционный театр, в котором главными действующими лицами, в конечном итоге, стали Израиль и своеобразный союз арабских государств, передвинув на второстепенные роли других участников ближневосточного конфликта (таких как, например, Иран и Ирак или Йемен). Соединенные Штаты и Советский Союз здесь выступали в качестве сторонников этих лагерей, периодически меняясь местами, а иногда принимая на себя обязательства третейских арбитров, осуждая или приветствуя действия той или иной стороны. При этом не следует воспринимать позиции США и СССР как позиции сторонних наблюдателей. Именно в ходе развертывания основных событий ближневосточного кризиса, как указывает на это в своем исследовании В.Лаквьер, наиболее сильно проявилась конфронтация сверх-

держав³⁰. Причем, состояние конфронтации в мировой политике и на Ближнем Востоке определено Лаквьером, как состояние «утраченного доверия и нереализованного статуса»³¹. Что, в свою очередь, привело к еще большей дестабилизации региона и невозможности найти оптимальное решение проблем в ходе международных встреч.

Характер занимаемых позиций США и СССР в отношении миротворчества во многом определялся и сущностью происходивших в регионе конфликтов. Не вызывает сомнения тот факт, что стратегическая значимость Азии в целом и Ближнего Востока, в частности, для сверхдержав зависит в равной степени как от экономического фактора³², так и от военно-политического. Последний особенно четко проявился именно в годы «холодной войны», хотя сформировался еще в период второй мировой.

Тенденции в развитии их отношения к событиям начали формироваться еще в первой половине XX в.³³, постоянно подвергаясь воздействию меняющегося политического фона. В рассматриваемый период они также претерпели значительную трансформацию. Уход с геополитической арены Великобритании, образование Израиля, а также периодически возникающие межэтнические и межконфессиональные конфликты внутри региона в комплексе создавали условия для выработки новых вариантов ближневосточного курса как США, так и СССР³⁴.

Давая оценку внешнеполитической линии США в процессе ближневосточного урегулирования, необходимо учитывать их стратегические планы. Если в начале XX в. претензии США на участие в ближневосточных процессах определялись стремлением вытеснить из региональной политики Великобританию и Францию путем установления протектората над бывшими владениями Османской империи, то вторая половина века поэтапно демонстрирует отход от конфронтации с Англией в сторону противостояния с СССР³⁵. При этом их стратегические интересы неизменно сосредоточивались на двух основных направлениях: средиземноморское направление (Палестина и Турция)³⁶ и зоне Персидского залива (Саудовская Аравия и Иран)³⁷. Соединенные штаты принимали участие практически во всех мирных переговорах по Ближнему Востоку и выступали инициаторами большинства планов урегулирования конфликтов. На сегодня позиция США продолжает развиваться, но уже с учетом преемственности внешнеполитических интересов современной России.

В отличие от США с их активностью в деле организации и проведения международных миротворческих операций под эгидой ООН³⁸, деятельность СССР на этом направлении миротворческой работы характеризуется некоторой пассивностью. Такое отношение Советского Союза к международным возможностям поддержания мира, по мнению Г.Морозова, вызвано, прежде всего, его слабыми позициями в самой Организации Объединенных Наций³⁹.

Позиция же советской стороны по отдельным конфликтам, в частности арабо-израильского, отмечена большей стабильностью в отношениях с арабскими государствами⁴⁰, чем при рассмотрении интересов Израиля, в ходе выработки рекомендаций по урегулированию конфликта между ними. По другим направлениям ближневосточной политики Советский Союз исходил из принципа необходимости «...обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля⁴¹».

Распад Советского Союза и фактическое окончание «холодной войны», по мнению А.М.Хазанова, привело к тому, что «...в этом регионе возникла новая расстановка региональных и внерегиональных сил⁴²». Подобные изменения, коснувшиеся и политической позиции России на Ближнем Востоке, во многом неблагоприятно сказались на ситуации в регионе⁴³. Фактическое вытеснение российских интересов в конце 80-х и в 90-х годах из ближневосточной политики привело к резкому перекосу в сторону американского присутствия и их геополитических интересов⁴⁴.

Современная позиция Российской Федерации по целому ряду спорных вопросов ближневосточного урегулирования имеет двухстороннее значение: с одной стороны, жесткая позиция российского руководства в отношении терроризма, а, с другой стороны, продолжающаяся конкуренция в военно-политических и экономических сферах с США и НАТО. Все это в комплексе определяет основные критерии участия России в миротворческих процессах на Ближнем Востоке в конце XX в.

Ближневосточный регион привлекал и продолжает привлекать внимание не только крупных мировых лидеров, но и ряд иных государств нерегионального уровня, заявлявших о своем стремлении выступить в качестве посредников-миротворцев. Учитывая высокое положение Китайской Народной Республики в Совете Безопасности ООН, приобретает значение ее внешнеполитический курс в отношении стран Ближнего Востока. Следует отметить, что взаимоотношения Китая с регионом не всегда были основаны на сотрудничестве и взаимопонимании⁴⁵. Крайняя сложность и разнообразие социально-экономического и политического развития арабского мира создавали препятствие для формирования в этом регионе стабильных позиций китайских интересов⁴⁶. Поддержка же этой части мира Китаю была крайне необходима, особенно в свете серьезных противоречий с СССР и далеко недружественных отношений с США. В результате, китайское правительство вынуждено было проводить достаточно гибкую политику в контексте ближневосточного урегулирования. Фактически, будучи единственной страной в Совете Безопасности, которая придерживается принципов неприсоединения⁴⁷, Китай по вполне объективным причинам традиционно занимал позиции радикального движения, направленные в сторону разрушения «биполярности мира»

и снижения роли двух сверхдержав в развитии мирных процессов в регионе⁴⁸. Влияние Китая на ситуацию в азиатском регионе стало стремительно возрастать после распада Советского Союза, что не замедлило сказаться и на его геополитической заинтересованности в участии в качестве миротворца на Ближнем Востоке. Однако китайская миротворческая инициатива до сих пор не приобрела ожидаемого политического веса в мировой политике.

Что же касается миротворческих инициатив других нерегиональных представителей, то здесь наибольший исторический интерес представляет позиция стран Северной Африки (Туниса, Марокко и т.д.). Их деятельность в процессе урегулирования ближневосточного конфликта хоть и не столь значительна, но заслуживает внимания, благодаря неординарности выдвигавшихся ими идей⁴⁹. Политическая самостоятельность принимаемых североафриканскими странами решений относительно перспектив строительства мира в регионе говорит об их стремлении занять независимые позиции в арабском мире. После урегулирования израильско-египетских территориальных претензий и налаживания Египтом мирных отношений с Израилем, миротворчество североафриканских государств получило дополнительный вес в ближневосточной политике.

Несмотря на политическое и юридическое доминирование в международных отношениях после второй мировой войны миротворческой роли ООН, достигнуть ей каких-нибудь значительных успехов в деле упрочения мира в самом центре Евразии без учета континентальных интересов европейских государств, как показывает опыт, практически не удалось. Значимость этого фактора на ближневосточной арене постоянно возрастает не только за счет экономической и политической деятельности отдельных европейских представителей, но и благодаря интеграционным процессам, которые происходят между ними. Изначальное стремление европейских структур изолироваться от системы международной биполярности и, если не вытеснить, то хотя бы обеспечить выгодное положение в политических процессах, которые оказывают воздействие на весь международный климат, сформировало особую концепцию миротворческого участия Европейского Союза на Ближнем Востоке.

Оценивая внешнеполитический курс европейских государств, необходимо учитывать влияние интеграционных процессов между ними и тенденцию к выработке единых требований по отношению к неевропейским регионам. Связующим же звеном здесь становится Европейский Союз. Структура организации ЕС⁵⁰ и его деятельность изначально направлены на обеспечение и защиту интересов европейских стран⁵¹ как на евроазиатском пространстве, так и на глобальном уровне. Необходимо учитывать также рост кризисных ситуаций в Европе (югославский кризис, грузино-абхазский конфликт, чеченский сепаратизм и т.д.) и особенности деструктивного воздействия на благопо-

лучие (и экономическое, и политическое) в мире ближневосточных событий, что в совокупности придает все большее значение вопросу о безопасности. Ввиду этих обстоятельств, одним из спектров функциональных задач ЕС на современном этапе является и организация миротворческих мероприятий⁵², в том числе на Ближнем Востоке.

Программные положения перспектив развития ЕС, изложенные в Маастрихтском договоре, подтвердили готовность Европы строить единое политическое пространство и формировать общую стратегию внешнеполитических связей⁵³, что вполне отражает их стремление занять достаточно прочные позиции и в отношении международного урегулирования конфликтных ситуаций⁵⁴. Для выполнения этой задачи ЕС обладает значительным опытом миротворческой деятельности ОБСЕ и ЕЭС⁵⁵. В рамках этих межправительственных объединений европейские государства в прошлом неоднократно делали совместные заявления о том, «...что в рамках всеобъемлющего урегулирования они готовы принять участие в системах конкретных и имеющих обязательную силу международных гарантий, включая гарантии на месте»⁵⁶. Однако, современная позиция Европы в решении ближневосточных конфликтов складывается из индивидуальных особенностей исторических связей европейских государств с этим регионом⁵⁷.

Уникальным в своем роде борцом за мир в регионе является Движение неприсоединения. Единого мнения в понимании сущности движения и политики неприсоединения с момента их официального⁵⁸ возникновения нет. Тем не менее, обращая внимание на условия «холодной войны», в которых движение развивалось, оно может быть определено как «международное объединение стран мира, избравших внешнеполитический курс после второй мировой войны против колониализма и неоколониализма, за мир, безопасность и равноправное участие в международных отношениях вне военных союзов и группировок»⁵⁹. На VII-й конференции глав государств или правительств неприсоединившихся стран (Дели, 7–13 марта 1983 г.) было отмечено, что «Движение неприсоединения явилось неизбежной реакцией на потребность недавно освободившихся стран во всех частях мира в защите и укреплении своей национальной независимости. Эти страны рассматривают политику неприсоединения как важнейший инструмент для осуществления своего полного суверенитета...⁶⁰». По масштабам в период своего расцвета (70–80-е годы) Движение было вторым крупным объединением государств мира после ООН, включая большинство стран Ближнего Востока⁶¹. Эта особенность заставляет учитывать политическое значение Движения неприсоединения в миротворческом процессе.

Деятельность неприсоединившихся стран в качестве миротворцев на Ближнем Востоке с исторической точки зрения довольно противоречива. С одной стороны, принципы, провозглашенные в декларациях Движения⁶², всецело и полностью отражают их стремление

противостоять угрозе войны в регионе⁶³. С другой, – состав стран, поддерживающих политику неприсоединения, во многом ориентирован на исламское или арабское ядро⁶⁴. Учитывая то, что ключевой проблемой ближневосточного региона является арабо-израильское противостояние, последнее условие постоянно оказывает существенное воздействие на содержание принимаемых в ходе регулярно созываемых конференций Движения резолюций.

Исследуя роль Движения неприсоединения в мирном разрешении международных споров и конфликтов, Я.Я.Этингер указал на следующий ряд факторов, которые определяют позицию неприсоединившихся стран в отношении проблем ближневосточного урегулирования:

«Во-первых, арабские страны традиционно играли большую роль в деятельности движения неприсоединения. Г.А.Насер наряду с Дж.Неру и И.Броз-Тито был основателем группы неприсоединившихся стран на международной арене.

Во-вторых, движение всегда активно и неизменно выступало в поддержку национально-освободительной борьбы палестинского народа, которая уже давно цементирует внутреннее единство этого движения.

В-третьих, определенное значение имеет и исламский фактор, оказывающий огромное морально-психологическое воздействие на позицию мусульманских стран по узловым вопросам ближневосточного урегулирования, прежде всего в отношении Западного Иерусалима, имеющего приоритетное значение для многих лидеров арабских и других мусульманских стран»⁶⁵.

Однако другой стороной сущности Движения неприсоединения является его активное участие в формировании политических и экономических решений ООН. Именно эти обстоятельства не позволяют проигнорировать историческое значение деятельности объединения в миротворческом процессе на Ближнем Востоке.

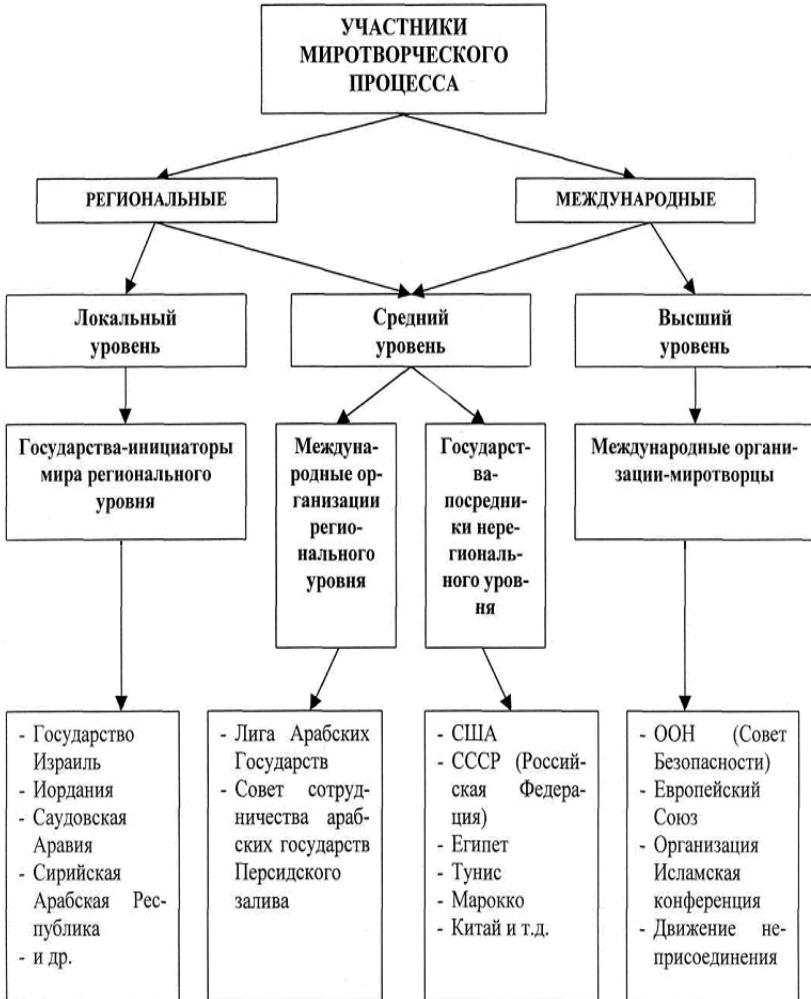
На сегодня роль Движения неприсоединения уже не столь значительна. С середины 90-х годов Движение переживает серьезный кризис⁶⁶. Поэтому об адекватности принимаемых им решений судить достаточно сложно, особенно учитывая возросшее влияние в нем исламского фактора⁶⁷. Об этом свидетельствуют и заявления арабских лидеров. В частности, в одном из своих публичных выступлений покойный президент Сирии Хафез Асад говорил: «Мы продолжим работу по развитию наших международных отношений так, чтобы они служили нашим национальным интересам... Мы также будем предпринимать усилия по укреплению роли ООН и Движения неприсоединения и поставим наши международные отношения на службу нашим целям и нашим интересам»⁶⁸.

В связи с вышеизложенным, актуальной при рассмотрении позиций международных сил становится проблема отношения мусульманских государств к миротворческому процессу в регионе.

Сложными и противоречивыми являются позиции на Ближнем Востоке межправительственной Организации Исламской Конференции. Происшедшие во второй половине 80-х годов изменения сказались и на политике мусульманских стран. Отход от радикальных методов урегулирования ближневосточного конфликта в сторону применения политических средств воздействия на арабо-израильские отношения, а также консолидации международного сотрудничества с целью мирного решения конфликтов и споров между мусульманскими государствами⁶⁹, делает эту организацию на современном этапе вполне перспективным участником развития региональных миротворческих процессов⁷⁰.

Таким образом, исследование деятельности международных организаций и отдельных нерегиональных посредников в процессе международного урегулирования ближневосточных конфликтов требует учитывать неоднозначность и динамичность занимаемых ими позиций по отношению к тем или иным сторонам как перманентно возникающих конфликтов, так и непрерывно длящихся. Особого внимания при этом требует проблема взаимовлияния миротворцев на выработку предлагаемых миротворческих планов. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что политика ООН, ЕС или ОИК в разные периоды отражала конъюнктурные интересы доминирующих в них государств и их внешнеполитические и внешнеэкономические курсы. Поэтому необходимым условием для взвешенной и объективной политики миротворчества является соблюдение региональных условий поддержания мира. Тем более, что ближневосточная международная политика накопила достаточно большой потенциал строительства мира, о чем свидетельствую и многочисленные исследования⁷¹, и разработанная в региональных организациях нормативная база⁷².

**Участники миротворческого процесса
на Ближнем Востоке**

¹ Для указанной взаимосвязи, по мнению израильского исследователя А.Эпштейна, характерна зависимость тенденций развития региональных конфликтов «...от общей расстановки сил в мире, что превращает Ближний Восток в едва ли не наиболее нестабильную арену мировой политики [Эпштейн А. Бесконечное противостояние. М., 2003. С. 15]».

² Богданов О. Метод переговоров – путь урегулирования разногласий // Международная жизнь. 1957, № 8, с. 26–33.

³ Федоров В.Н. ООН и проблемы войны и мира. – М., 1988, с. 263.

⁴ Тузмухамедов Р.А. Неприсоединение и разрядка международной напряженности. – М., Международные отношения, 1978, с. 120 и др.

⁵ Бруз В.С. ООН і врегулювання міжнародних конфліктів: навч. посіб. – К., 1995, с. 122.

⁶ Морозов Г.И. Миротворчество и принуждение к миру // МЭМО, 1999. № 2.

⁷ Taroch A. The superpowers involvement in the Iran-Iraq War. – Com-mack (N.Y.): Nova science, 1998, – xiv, с. 251.

⁸ Gerges F.A. The superpowers and the Middle East: Regional and international polities. 1955–1967, Boulder (Col.) etc.: Westview press, 1994, – xiii, с. 274.

⁹ Laqueur W. Confrontation. The Middle East and word politics. – N.Y., Quadrangle, 1974. – xii, с. 308.

¹⁰ Туганова О.Э. Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. – М., 1960, с. 304.

¹¹ Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. – М., 2002, с. 512 и др.

¹² Примаков Е.М. История одного сговора (Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов). – М., 1985, с. 319.

¹³ Шохин С. Политика США после кризиса в Персидском заливе // МЭМО, 1991, № 8, с. 5–20.

¹⁴ Хазанов М.Е. ООН и ближневосточный кризис. – М., 1983, с. 174 и др.

¹⁵ Міжурядові регіональні організації: навч. посіб. / За ред. Б.І.Гуменюка. К., 2001, с. 10–16.

¹⁶ The Yalta Conference, February 1945; The Berlin (Potsdam) Conference, July 17 – August 2, 1945.

¹⁷ Нешатаева Т.Н. Международные организации и право: новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М., 1999, с. 9–11.

¹⁸ «Усилия Организации Объединенных Наций по строительству мира, в котором царили бы порядок и справедливость, могут принести успех только при обеспечении верховенства права в международных делах. Развитие международного права, ратификация международных договоров и преследование военных преступников международными трибуналами помогут нам не допустить того, чтобы грубая сила победила [Доклад Генерального секретаря о работе Организации Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея, 6 сентября 2001 года // Официальные отчеты. Пятьдесят шестая сессия. – Нью-Йорк, 2001, Дополнение № 1 (A/56/1)]».

¹⁹ Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций / Генеральная Ассамблея ООН, от 8 сентября 2000 г. (A/RES/55/2(2000))

²⁰ Как отметил профессор Г.Морозов: «Почти полувековой опыт существования ООН, к сожалению, не дает оснований для оптимистических оценок практического использования потенциала превентивной дипломатии. Более того, разразившиеся в наше время во многих горячих точках конфликты отнюдь не только не урегулированы, а продолжают, приобретая все более широкие масштабы. ООН, таким образом, не смогла в полной мере реализовать свой потенциал в сфере мирного разрешения межгосударственных конфликтов [Морозов Г. ООН: опыт миротворчества // МЭМО, 1994, № 7, с. 16.]».

²¹ Plehwe, F.-K. v. Internationale Organisationen und moderne Diplomatic Munchen-Wien: Olyog, 1972, с. 7–9; Иванов И.С. Верховенство права в международных отношениях // Международная жизнь, 2000, № 12, с. 62–66.

²² Организация Объединенных Наций: основные факты / Пер. с англ. – М., 2000, с. 26–27.

²³ О методологии изучения международных организаций // МЭМО, 1992, № 6, с. 123–126.

²⁴ Nicolas H. The United Nations as a political institution. – L.: Oxford univ. press, 1962, с. 3.

²⁵ Устав ООН / Конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско, от 26 июня 1945 г.

²⁶ Термин «операции по поддержанию мира» (peace-keeping) Генеральная Ассамблея ООН впервые ввела в оборот 18 февраля 1965 года [Морозов Г. ООН: опыт миротворчества // МЭМО, 1994, № 7, с. 18.]

²⁷ «...Миротворческие операции ООН можно разделить на две категории. Первая – операции по поддержанию мира, которые призваны способствовать ограничению конфликтов, урегулированию и ликвидации их последствий... Вторая категория – операции по принуждению к миру... главной задачей таких операций является прекращение кровопролития в случаях агрессии, создание условий для проведения мирных переговоров [Морозов Г.И. Миротворчество и принуждение к миру // МЭМО, 1999, № 2, с. 65.]».

²⁸ Изначально, с момента создания ООН, заложен принцип правовой преемственности в обязательствах перед международным сообществом, установленных еще Лигой Наций. Однако именно это обстоятельство определило характер тех вопросов, которые пришлось решать с первых дней своего существования новой международной структуре. Ближневосточный спектр вопросов был особенно актуален, ввиду прямой заинтересованности в их разрешении государствами-учредителями.

²⁹ Gerges F.A. The superpowers and the Middle East: Regional and international politics. 1955–1967. – Boulder (Col.) etc.: Westview press, 1994, с. 249.

³⁰ Laqueur W. Confrontation. The Middle East and word politics. – N.Y., 1974, с. iii– ix.

³¹ Ibid, с. 15.

³² Особенно важным в этом отношении является нефтяной ресурс региона, который сделал участников конфликта, несмотря на обладание этим ресурсом, зависимыми от американских и европейских промышленных кру-

гов. Кроме этого, воздействие на стратегическое использование региона в экономических целях оказывает и его географическое расположение (непосредственная близость к Средиземноморскому бассейну и кросстерриториальное удобство для торговых связей).

³³ Bryson T. American diplomatic relations with the Middle East, 1784–1975. – N.Y., 1977, с. 143.

³⁴ Ibid, с. 376–379.

³⁵ Ibid, с. 396.

³⁶ Spiegel, Steven L. The other Arab-Israeli conflict: Making America's Middle East policy from Truman to Reagan. – Chicago; L., 1985, – xvi, с. 522.

³⁷ Taroch A. The superpowers involvement in the Iran-Iraq War. – Com-mack (N.Y.): Nova science, 1998, с. 216.

³⁸ Любая внешнеполитическая акция США сопровождается стремлением получить международное признание их правомерности. Как отметил в свое время сотрудник Управления США и Канады МИД СССР С.О.Шохин: «...Даже делая упор на собственные силовые возможности, США проявляет заинтересованность в том, чтобы придать своим действиям форму международных усилий... Соединенные Штаты четко просчитывают наиболее приемлемые для себя «пределы коллективности» предпринимаемых шагов [Шохин С. Политика США после кризиса в Персидском заливе//МЭМО. 1991. № 8, с. 14.]».

³⁹ События в корейской войне 1950–1953 гг. продемонстрировали Советскому Союзу и всему миру способность США использовать механизм ООН для реализации собственных интересов. В результате, «в подавляющем большинстве последовавших затем операций ООН по поддержанию мира СССР не участвовал. Он отказывался от их финансирования, ссылаясь главным образом на то, что они вызваны последствиями колониальных режимов и поэтому бывшие метрополии обязаны полностью взять на себя финансирование и иное бремя [Морозов Г. ООН: опыт миротворчества // МЭМО, 1994, № 7, с. 17–18]».

⁴⁰ Linde G. Das Viereck Moskau-Damaskus-Bagdad-Taheeran und die Kraftekonstellation im Mittelost – Koln: Berichte des Bundesist fur ostwiss., 1980, iv, с. 68.

⁴¹ Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и Советского государства: речи и статьи. – М., 1978, с. 149.

⁴² Хазанов А. М. Политика России на Ближнем и Среднем Востоке // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности: сб. ст. / Ответ, ред. чл.-корр. РАЕН Л.Н.Клепацкий. М., 2000, с. 185.

⁴³ К основным чертам, характеризующими позицию России после распада Советского Союза, следует отнести: «Во-первых, произошло значительное ослабление влияния России на страны арабского мира. Процессы разоружения, поворот к конверсии, ограничение деятельности советского военно-промышленного комплекса – все это привело к тому, что практически исчез один из основных факторов, укреплявших позиции СССР на Ближнем Востоке, – военная поддержка арабских стран советской стороной,

заклучавшаяся в поставках в регион оружия, посылке военных экспертов, косвенном участии в вооруженных конфликтах. Во-вторых, параллельно с этим шел активный процесс нормализации отношений России с Израилем – вплоть до восстановления в октябре 1991 г. в полном объеме дипломатических отношений... В разрыве дипотношений с Израилем ярко проявился характерный для советской дипломатии тех времен идеологизированный и догматизированный подход к международным отношениям [Там же, с. 185–186]».

⁴⁴ Пырлин Е.Д. Проблема ближневосточного урегулирования в контексте российско-американских отношений (Воспоминания и мысли участника переговорного процесса по ближневосточному урегулированию) // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. Сб. ст. М, 2000, с. 194–206.

⁴⁵ Колосов Б. Внешняя политика Китая. 1969–1976. Основные факторы и ведущие тенденции. – М., 1977, с. 121.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Движение неприсоединения в документах и материалах. – М., 1979, с. 30–32.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Кушнир П.Т. Мирные инициативы стран Северной Африки в урегулировании ближневосточного конфликта // Историчні і політологічні дослідження / За ред. професора П.В.Доброва. – Донецьк, 2003, № 5–6 (17–18), с. 236–244.

⁵⁰ Міжурядові регіональні організації: навч. посіб. / За ред. Б.І.Гуменюка. – К., 2001, с. 62.

⁵¹ Там же, с. 61–74.

⁵² Marin M. The Role of the European Union in the Peace Process and its Future Assistance to the Middle East. – Brussels: The European Commission, 1998, с. 22.

⁵³ История формирования единых для Европы требований к внешнеполитическому курсу берет свое начало еще в годы «холодной войны».

⁵⁴ Хартия европейской безопасности, Стамбул, ноябрь 1999 г. (SUM.DOC/1/99).

⁵⁵ «...Традиционные отношения и общие интересы, связывающие Европу с Ближним Востоком, обязывают их выступить в особой роли и требуют от них теперь принятие более конкретных мер по обеспечению мира [Заявление ЕЭС по Ближнему Востоку // СССР и Ближневосточное урегулирование, 1967–1988: документы и материалы / МИД СССР, под ред. Ю.М. Воронцова. – М., 1989, с. 469.]».

⁵⁶ Там же, с. 470.

⁵⁷ Копейка В.В. Позиция основных политических партий Франции по вопросу ближневосточного урегулирования // Вестник киевского университета. Серия № 4. Международные отношения и международное право. 1990, № 31; Манчурян А.Л. ФРГ и ближневосточный конфликт (1910–1980), Ереван, 1991, с. 240.

⁵⁸ «Некоторые... исследователи, исходя из формальных моментов, считают, что история движения неприсоединения начинается с 1946–1947 гг., т.е., со времени распада колониальной системы... и образования молодых

национальных государств. Высказывается и другая точка зрения, согласно которой движение неприсоединения делится на два главных периода – добелградский и послебелградский, рубежом между которыми является I конференция неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Белграде в 1961 г.» [Движение неприсоединения в документах и материалах. – М., 1979, с. 14.].

⁵⁹ Дипломатический словарь: в 3-х т. / Под ред. А.А.Громыко, А.Г.Ковалева, П.П.Севостьянова, С.Л.Тихвинского. – М., 1984, т. 2, с. 277–278.

⁶⁰ VII Конференция глав государств или правительств неприсоединившихся стран (Дели, Индия, 7–13 марта 1983 г.). Политическая декларация // Движение неприсоединения в документах и материалах / Сост. Р.С.Листопадова. – М., 1989, с. 11.

⁶¹ Тузмухамедов Р.А. Неприсоединение и разрядка международной напряженности. – М., 1978, с. 22–36.

⁶² Принципы Движения неприсоединения берут свое начало от пяти принципов «панча шила», установленных в отношениях между Китаем и Индией в апреле 1954 г. В последствии они вошли в международную практику большинства освободившихся стран. К ним относят: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование. Указанные принципы сыграли важную роль и в формировании доктрины неприсоединения. Уже на Бан-дунской конференции 1955 г. пять принципов мирного сосуществования были не только признаны, но и дополнены и развиты в стройную систему, представляющую политико-правовую основу взаимоотношений государств с различными социальными системами. [Движение неприсоединения / Отв. ред. И.И.Коваленко. М., 1985, с. 14–51.]. В проведенном Р.А.Тузмухамедовым анализе Деклараций, принятых конференциями движения неприсоединения с 1961 г., отмечается как верность ранее названным принципам, так и обязательное соблюдение принципов мирного сосуществования Устава ООН. Кроме того, они отражают и ряд специфических принципов, изложенных в программных документах организаций-участниц Движения (ОАЕ и ЛАГ) [Там же, с. 61.].

⁶³ Там же, с. 157–158.

⁶⁴ «Достаточно сказать, что из 88 участников движения (на 1 апреля 1979 г.) 49, или 56%, – члены ОАЕ, а 22 – или 25%, – члены ЛАГ. Совокупно же на их долю приходится 62 неприсоединившиеся страны, или 70% стран – участниц движения» [Движение неприсоединения в документах и материалах / Сост. Р. А. Тузмухамедов. М., 1979, с. 45.].

⁶⁵ Движение неприсоединения / Отв. ред. И. И. Коваленко. – М., 1985, с. 159–160.

⁶⁶ Кондратьев С. Саммит Движения неприсоединения в Куала-Лумпуре // www.mignews.com.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Речь президента Хафеза Асада в Народном Совете по случаю принятия Конституционной присяги (Дамаск, 11 марта 1999 г.) // Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада: сборник, речей и выступлений / М., 2000, с. 245.

⁶⁹ Міжурядові регіональні організації: навч. посіб. / За ред. Б.І.Гуменюка. К., 2001, с. 123–125.

⁷⁰ С момента возникновения в истории международных отношений такого явления, как «ближневосточный конфликт», значительную роль в его развитии играет исламский фактор. Особенно важно это учитывать при рассмотрении вопроса о том, что поддержание мирных отношений в регионе не противоречит самой сущности мусульманской идеологии. В условиях нарастающего противостояния в системе «Восток-Запад» данное положение кажется наименее удачным. Тем не менее, именно оно нашло отражение в уставе Организации исламской конференции принятом на III Конференции министров иностранных дел мусульманских государств в Джидде (1972). Влияние исламской составляющей на взаимоотношения между мусульманскими государствами является основой для укрепления сотрудничества между ними и снижения уровня напряженности как внутри арабского мира, так и в его периферийной зоне.

⁷¹ Ismael T.Y. International relations of contemporary Middle East: a study in world politics. Syracuse, 1986, x, с. 290; Ismael T.Y. The Middle East in world politics: a study in contemporary international relations. – Syracuse, 1974, xiv, с. 297; Донцов В.Е. Современные исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений: учеб. пособ. М., 2001, с. 212 и т.д.

⁷² Wahby M. Arab quest for peace. – Bombay, 1971, viii, с. 202.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В течение долгого времени терроризм был одним из ведущих факторов, определяющих взрывоопасную ситуацию, которая царит на Ближнем Востоке на протяжении почти всего XX в. и имеет место и в наше время. Выявление экономических основ, которые позволяют террористическим организациям в этом регионе активно действовать и расширять свою сеть, может помочь более точно оценить их потенциал и способность слаженно и в максимальной степени осуществлять свои задачи, а, значит, усилить борьбу с этими сообществами. Здесь и далее под «террористическими организациями» понимаются организации, созданные в целях осуществления террористической деятельности или признающие возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации. «Террористической группой» следует считать группу лиц, объединившихся в целях осуществления террористической деятельности¹. Следует отметить особо, что руководители большинства стран ближневосточного региона и руководители других стран мира (в частности, Израиля) в силу исторических, политических и других причин имеют различные представления о характере деятельности той или иной организации и критериях включения их в число террористических организаций. На этот факт часто обращают внимание арабские аналитики, которые пишут о деятельности таких организаций, как «Хизбалла», «Исламский джихад» и т.п., заявляя о том, что большинство западных исследователей является, по их мнению, апологетами политики Израиля и ряда других государств в отношении арабских стран в целом и палестинского народа, в частности².

В настоящем исследовании будут использоваться данные из открытых западных и российских источников, а также материалы официальных расследований, проведенных государственными структурами США и ряда стран Западной Европы.

К числу основных источников получения финансовых средств террористических организаций на Ближнем Востоке следует отнести:

– незаконные и неконтролируемые операции в финансовой сфере (в частности, в банковской);

- криминал; совместную деятельность преступных сообществ;
- деятельность легальных организаций (коммерческих предприятий);
- деятельность «благотворительных» и «гуманитарных» организаций,
- спонсорскую помощь государственных структур отдельных стран этого региона;
- личные состояния ряда представителей террористических организаций и т.д.

Одними из наиболее ярких и драматичных террористических актов, совершенных в XX в., стали нападения на здания Всемирного торгового центра и Пентагона, произошедшие 11 сентября 2001 г. в США. Будучи беспрецедентными, по своей сути, эти события вызвали много вопросов, к числу которых относятся следующие: какие средства могли быть затрачены на проведение подобной акции? Каковы источники этих средств? Каков масштаб деятельности организации или организаций, которые смогли осуществить эти теракты?

По данным ФБР США, приблизительная сумма, которая была затрачена на осуществление этого теракта, варьируется между 300–500 тыс. долл.³ С самого начала расследование событий 11 сентября установило связь между террористами, находившимися в четырех самолетах, и их соучастников с финансовыми источниками, расположенными в странах Персидского залива, Германии и некоторых других государствах Западной Европы. В качестве ключевых членов организации «Аль-Каида» и одновременно распорядителей денежных средств были названы, в частности, Рамзи бен аш-Шибх в Германии и Мустафа Ахмед аль-Хаснауи в Объединенных Арабских Эмиратах. Анализ финансовой деятельности этих людей подтвердил, что террористические акты 11 сентября были осуществлены организацией «Аль-Каида». Установлена связь между преступниками, непосредственно совершившими нападения, другими членами организации, оказывавшими им поддержку из Германии, в частности, с Захарием Мусауи. Телефонные и телеграфные контакты между Мусауи и Бен аш-Шибхом сыграли решающую роль в обвинении Мусауи в участии в терактах 11 сентября. Финансовые расследования также установили связь между Мусауи и членами «Аль-Каиды», связанными с малайзийской организацией «Джамаа аль-Ислами»⁴.

Банковские системы включены в финансирование террористических организаций во многих странах мира. Отделения «Арабского Банка» используются некоторыми террористическими организациями, подобными «Хамас» (особенно его дамасским филиалом), для перевода средств на счета своих сторонников для оплаты террористических операций, в частности, проводящихся и на Западном берегу реки Иордан. Некоторые из активистов «Хамас» такие, как Табит Мардауи и Али Саффури, были задержаны спецслужбами Израиля. В ходе расследования их деятельности выяснилось, что этими лицами было открыто несколько банковских счетов, на которые переводились средства, шедшие через «Арабский банк». Во время рейдов израиль-

ских войск на оккупированных территориях на Западном берегу реки Иордан представителями спецслужб Израиля были обнаружены документы, которые являлись неопровержимым подтверждением факта передачи саудовскими организациями денег структурам, связанным с «Хамас» и семьями террористов-смертников, через отделения «Арабского Банка», расположенные на Западном берегу реки Иордан⁵. В качестве другого примера можно привести использование «Арабского Банка» полковником Муниром аль-Магда, также известным как Абу Хасан, для передачи средств отделению движения «Фатх» – «Бригаде мучеников аль-Аксы». Начиная с середины 2001 г., аль-Магда перевел приблизительно 40–50 тыс. долл. на счет Насера Увайса, одного из лидеров «Фатх». По некоторым данным, эти средства пошли на закупку оружия, оборудования, транспорт и на другие расходы для осуществления терактов как на территории Израиля, так и за его пределами⁶. «Арабский Банк» аккумулировал и переводил средства не только на территории стран Ближнего Востока. Используя возможности этого банка, ряд лиц, подозреваемых в причастности к деятельности «Аль-Каиды», переводили средства из Испании в Пакистан и Йемен⁷.

Заслуживает внимание и деятельность банка «Ат-Таква». В 1996 г. итальянские спецслужбы установили, что этот банк финансировал ряд палестинских террористических групп, алжирскую «Вооруженную Исламскую Группу» и египетскую «Джамаат аль-Ислами». В состав учредителей банка «Ат-Таква» входят известные члены организации «Хамас» и частные лица, которые так или иначе связаны с различными террористическими организациями Ближнего Востока.

В ноябре 2001 г. министерство финансов США заморозило счета 62 организаций и частных лиц, которые подозревались или были обвинены в связях с «Ат-Таква». Через несколько месяцев, выступая с докладом перед Конгрессом, представитель Казначейства США Хуан С.Зарате заявил, что только в 1997 г. клиенты «Ат-Таква» из организации «Хамас» перевели около 60 млн. долл. на его счета⁸.

В августе 2002 г. спецслужбы США, Италии, Багамских островов и Королевства Люксембург провели совместную операцию, в ходе которой была выявлена причастность более 25 физических и юридических лиц, связанных с банком «Ат-Таква» и финансировавших многие террористические организации на Ближнем Востоке. Активы этих лиц были заблокированы⁹. Сотрудники министерства финансов США заявили, что «был установлен факт финансовой помощи, которая оказывалась банком «Ат-Таква» членам организаций «Братья-мусульмане», «Хамас», алжирским «Исламскому Фронту Спасения» и «Вооруженной Исламской Группе», тунисской «Ан-Нахда», а также «Аль-Каиде», в состав которой входят граждане различных стран мира.

14 декабря 2003 г. в газете «Вашингтон Пост» был опубликован детальный отчет о проведении федеральными органами США операции по блокированию финансовых средств физических и юридических

лиц, подозреваемых или обвиненных в причастности к деятельности террористических организаций. В ходе этой операции было арестовано и обвинено в пособничестве террористическим организациям 272 человека, 138 млн. долл. были заморожены на счетах этих и других лиц, находящихся в федеральном розыске или розыске международных организаций. Из 138 млн. долл. 75 млн. были размещены на счетах «Аль-Каиды»¹⁰. Часть средств, арестованных федеральными властями, принадлежала также «Организации помощи улемов». Штаб-квартира и основные базы этой организации расположены в Пакистане. В 1999 г. именно эта организация занималась сбором средств для афганских талибов. После начала совместных действий антитеррористической коалиции администрация Буша отнесла эту организацию к числу наиболее важных структур, занимающихся финансированием различных террористических группировок, включая и «Аль-Каиду». Наряду со счетами этой организации были арестованы счета физических лиц, к числу которых относились:

Насреддин Ахмед Идрис. 7 ноября 2001 г. Госдепартамент США включил его в список разыскиваемых преступников, участвующих в финансировании террористических организаций Ближнего Востока (помимо него в список вошли Зейнаб Мансур-Фаттах, Мухаммад Мансур, Альберт Фридрих Арманд Убер и Али Халеб Имнат). Насреддин в тесном сотрудничестве с этими лицами осуществлял перевод и отмывание средств через банк «Ат-Таква». Для этих целей им были открыты офисы на территории Швейцарии, Лихтенштейна, Италии и на островах в Карибском море. В течение долгого времени он был советником по финансам руководителей «Аль-Каиды».

Ас-Сайед Абделькадир Махмуд. Налоговой полицией Италии был выдан ордер на его арест по обвинению в торговле оружием (в том числе и химическим), взрывчатыми веществами, подделке документов, оказании содействия незаконной иммиграции в страну. Считается, что именно он является координатором разветвленной сети отделений «Аль-Каиды» в Италии. В ходе телефонных переговоров с лидерами «Аль-Каиды», которые прослушивались правоохранительными органами, Ас-Сайед заявлял, что он прибыл в Милан с тем, чтобы организовать и подготовить «братьев-мусульман» для борьбы против «неверных». Властями Египта этот человек был признан виновным в теракте, совершенном в Луксоре в 1997 г., в результате которого погибли 58 иностранных туристов.

Аль-Фауз Халид в 1994 г. был направлен Усамой бен Ладеном в Лондон, где открыл офис с целью координации действий отделений «Аль-Каиды» на территории Великобритании и за ее пределами. Подозревается в участии в организации взрывов американских посольств в Кении и Танзании.

Аль-Масри Абу Хамза заявляет о себе, как об офицере «Исламской Армии Адена», террористической организации, которая была при-

частна к серии взрывов в Йемене в середине 90-х годов XX в. 24 сентября 2001 г. президент США назвал эту организацию одним из источников финансирования терроризма на Ближнем Востоке и за его пределами.

Уади Мохаммед бен Белькасем член организаций «Салафитская группа Проповеди и Джихада» и «Аль-Каида». Был арестован в Италии и приговорен к пятилетнему тюремному заключению за торговлю и транспортировку оружия и взрывчатых веществ. Он также участвовал в передаче фальшивых документов другим членам «Аль-Каиды», действовавшим на территории Италии.

Шараби Тарек также являлся членом организаций «Салафитская группа Проповеди и Джихада» и «Аль-Каида». Был арестован правоохранительными органами Италии и приговорен к 4 годам тюрьмы за транспортировку оружия и взрывчатых веществ.

Эсид Сами входил в «Салафитскую группу Проповеди и Джихада»; Был осужден и приговорен итальянским судом к пяти годам тюрьмы за транспортировку оружия и взрывчатых веществ. Являлся фактическим руководителем «филиала» «Аль-Каиды» в Италии.

Бен Эни Ласед являлся активным членом организации «Салафитская группа Проповеди и Джихада». Действовал как связующее звено между членами «Аль-Каиды» в Италии и сторонниками этой террористической организации в Германии. Был задержан в Германии и экстрадирован в Италию, где ему предъявили обвинение в незаконном приобретении и хранении огнестрельного и химического оружия, транспортировке оружия, подделке документов и незаконной иммиграции.

Одним из главных способов получения денежных средств представителями террористических организаций и групп является криминал. Контрабанда, похищения людей, вымогательство, продажа наркотиков, подделка документов и т.п. – все это неполный перечень приемов получения финансовых средств террористическими группами и сообществами. Для осуществления своей деятельности «Аль-Каида» и «Хизбалла» добывают большую часть средств продажей наркотиков. По некоторым данным, 35% средств, которые находятся в распоряжении «Аль-Каиды», получены именно от этого вида преступной деятельности¹¹. Многие данные указывают на то, что основные базы по производству и переработке наркотиков, контролируемые «Аль-Каидой», находятся в Афганистане. «Хизбалла» же контролирует продажу наркотиков в Ливане, используя полученные от продажи финансовые средства на поддержку своих сторонников на оккупированных Израилем территориях. Для получения дополнительных доходов «Хизбалла» и другие террористические организации организуют и контролируют пути доставки наркотиков в США и страны Западной Европы. Международное Агентство по борьбе с наркотиками (АБН) провело расследование, имевшее целью установить пути распространения различных наркотиков, а также степень участия представителей таких стран, как Иран, Иордания, Йемен, Ливан, Сирия и таких терро-

ристических организаций, как «Хизбалла» и «Хамас» в этом процессе. По окончании расследования глава АБН Аса Хатчинсон заявила, что «большая часть доходов от продажи наркотиков идет на нужды террористических организаций»¹².

Организации «Хизбалла» и «Хамас» также активно действуют на черных рынках золота и драгоценных камней. По словам официальных лиц, в последнее время в Конго наблюдается «приток главным образом исламских экстремистов», которые самым активным образом участвуют в контрабанде алмазов¹³. При этом, террористические группы получают вооружение по схеме «оружие в обмен на алмазы». Бельгийские власти выдали постановление об аресте Виктора Бута, известного торговца оружием, который подозревался в поставках вооружения движению Талибан и «Аль-Каиде», а также различным воюющим группировкам по всей Африке.

По некоторым данным, источником получения средств для террористических организаций также является производство и распространение нелегальных копий компьютерных программ, музыкальной и видеопродукции, распространяемой на CD и DVD дисках. Пиратское использование охраняемой законом интеллектуальной собственности ежегодно приносит миллионы долларов не только непосредственно производителям и распространителям контрабандной продукции, но также и представителям и террористическим группировкам, которые получают финансовые средства в виде «лицензионных платежей» – своеобразной дани, которой они облагают всех производителей пиратских копий продукции мультимедиа. По некоторым данным, члены таких организаций, как «Фатх», «Хамас», а также Палестинской Национальной администрации получают финансовые средства подобным образом¹⁴.

Во многих странах мира, включая США, спецслужбы ведут пристальное наблюдение за деятельностью организаций и групп, подозреваемых в финансировании террористических организаций. По заявлению некоторых официальных лиц, ближневосточные террористические группировки ежегодно получают от 20 до 30 млн. долл. от незаконного товарооборота в США¹⁵. В некоторых докладах также указывается на то, что на территории США террористические организации и группы лиц, поддерживающие их, осуществляют в крупных масштабах производство и распространение поддельных кредитных и продовольственных карточек, банковских чеков. В частности, в этом был уличен Абд аль-Гани Мескини, соратник Ахмеда Рессама, которые были обвинены в подготовке террористического акта в международном аэропорту Лос-Анджелеса в 2000 г.¹⁶

Для получения дополнительных материальных средств на определенных этапах происходит объединение различных по своим структурам и целям преступных сообществ. В июне 2002 г. в Северной Каролине были обвинены и признаны виновными в оказании различной

поддержки террористической организации «Хизбалла» два брата – Мухаммад и Шуки Хамуд. По этому делу также проходили семь человек, которые затем были признаны виновными в поддержке террористического движения, отмывании денег, контрабанде сигарет, нарушении закона об иммиграции. Многочисленные источники сообщают о том, что такие организации, как «Аль-Каида» или «Хамас», так или иначе, взаимодействуют за все время своего существования. Имеются данные о том, что «Хамас», «Хизбалла» и ряд других организаций спонсируются из одних и тех же источников, а также используют одни и те же финансовые структуры для переводов денежных средств. Некоторые исследователи допускают возможность образования своего рода союза «Аль-Каиды» и вышеуказанных террористических организаций с целью получения и отмывания денег, а также для других видов противоправной деятельности¹⁷.

В качестве примера можно привести и деятельность Ахмада Омара Саид аш-Шейха. Этот человек был обвинен в похищении и убийстве в Пакистане корреспондента издания «Уолл Стрит Джорнэл» Дэниэла Перла в 2002 г. Аш-Шейх имел постоянные контакты с Афтабом Ансари, представителем верхушки индийской мафии, который, как было установлено следствием, оказывал содействие «Аль-Каиде» в привлечении новых кадров, в обеспечении поддельными документами, а также финансовыми средствами, полученными от продажи наркотиков, выкупов за похищенных, доходов от проституции и т.п.¹⁸

Преступные организации используются также и легальными источниками для получения финансовых средств и установления международных контактов в интересах укрепления собственной базы. В качестве легальных источников чаще всего выступают коммерческие организации. По некоторым данным, для получения денежных средств некоторые лица, обвиненные в связях с «Аль-Каидой», участвовали в продаже подержанных автомобилей на территории Германии. Мухаммад Хайдар Заммар, немецкий предприниматель сирийского происхождения, а также директор фирмы «Тэйтекс» Абд аль-Маитин Татари были уличены в преступном содействии сирийской организации «Братья-мусульмане». В соответствии с данными, приведенными в расследовании террористического акта 11 сентября, вышеупомянутые лица оказались также одними из наиболее активных членов организации «Аль-Каида». Интересно отметить, что среди ведущих акционеров фирмы «Тэйтекс» есть Мухаммад Маджид Сайд, который в период с 1987 по 1994 гг. возглавлял Управление общей разведки Сирии¹⁹.

Для прикрытия различных видов незаконной деятельности террористических структур привлекаются некоторые гуманитарные и благотворительные организации. Проведение расследования в подобных ситуациях представляется крайне затруднительным, поскольку

ку затрагивает организации, которые могли быть случайно втянуты в деятельность преступных организаций и действовали непреднамеренно наряду с теми организациями, которые были образованы исключительно для поддержки террористических организаций и работали под маркой благотворительных.

Задолго до трагических событий 11 сентября 2001 г., которые стимулировали объединение усилий многих стран мира в борьбе против терроризма, различные международные и национальные правоохранительные организации представляли доклады, в которых высказывались предположения или непосредственно указывалось на участие некоторых благотворительных и гуманитарных фондов в деятельности, несовместимой с целями, заявленными в их уставах. В ходе расследований взрывов в Центре международной торговли (США) в 1993 г. была установлена причастность к этим событиям одной гуманитарной организации, занимавшейся поставками сувенирной продукции из Мекки (Саудовская Аравия) в Пакистан²⁰. В 1997 г. канадское правительство прекратило оказание поддержки «Хьюмен Консён Интернэшнл». Эта организация работала в основном на территории Канады и США²¹. Причиной принятия такого решения послужило расследование ее деятельности и обвинение в содействии террористическим организациям.

14 декабря 2001 г. сотрудники ФБР провели обыски в офисах фонда «Глобал Релиф» и заморозили его активы. Несколько дней спустя натовцы, находившиеся в Косово, арестовали сотрудников филиала этой организации, расположенного в этом регионе, по подозрению в подготовке нападений на миротворческие силы²². Только в 2001 г. фонды организации «Глобал Релиф» составили 5 млн. долл. Хотя нет информации, что большинство ее средств пошло на преступные цели, федеральные агенты, расследовавшие деятельность этой организации, заявили в интервью СМИ, что имеются сведения об участии этой структуры в террористической сети, включавшей и «Аль-Каиду». По данным министерства внутренних дел Испании, главный финансист Бен Ладена, Мухаммад Галиб Каладже Зуэиди перечислил средства на счета некоторых физических лиц, включая главу филиала «Глобал Релиф» в Бельгии Набиля Суади (Абу Зейнаба). На счет Суади было перечислено 205 тыс. долл.²³

Представители правоохранительных органов США, ведущих расследование по делу «Аль-Каиды», в различных интервью заявляли о том, что одной из главных в структуре организации «Аль-Каида» является гуманитарная организация «Аль-Уафа» – крупнейшая благотворительная организация Саудовской Аравии, «большинство средств которой направляется на покупку вооружения, а не на благотворительность»²⁴. В Кабуле в ходе операции, проводимой вооруженными силами США, был захвачен Абд аль-Азиз, один из руководителей «Аль-Каиды», который осуществлял перечисление средств этой

организации через «Аль-Уафа»²⁵. В марте 2002 г. в Виргинии были закрыты несколько представительств исламских гуманитарных организаций, к числу которых относилась и организация СААР (SAAR), названная по латинским инициалам имени ее основателя, саудовского банкира шейха Сулеймана Абд аль-Азиза ар-Раджхи. СААР подозревалась в финансировании организаций «Хамас», «Исламский Джихад», «Исламского комитета в защиту Палестины» и ряда других. Также были установлены тесные контакты между руководителями организации СААР и представителями королевской семьи Саудовской Аравии²⁶.

Предметом самого тщательного расследования также стала деятельность благотворительной организации «The Holy Land Foundation for Relief and Development». 4 декабря 2001 г. в заявлении, сделанном официальными лицами американской администрации, было сказано, что эта организация рассматривается властями США как одна из центральных частей в структуре «Хамас». Через пять дней после события 11 сентября ФБР закрыло офисы и заморозило активы интернет-компании «Infocom», которая была частью «The Holy Land Foundation» и предоставляла интернет-услуги, офис и персонал для этой «благотворительной» организации. По данным расследования, проведенным спецслужбами США, обе организации – «The Holy Land Foundation» и «Infocom» были образованы приблизительно в одно и то же время в Калифорнии на деньги одного из лидеров «Хамас» Мусы Абу Марзука. Согласно налоговым поступлениям в казну США за 2000 г., выплаченным только организацией «The Holy Land Foundation», совокупный доход этой организации только в том году составил 13 млн. долл. В детальном отчете о деятельности этого фонда, представленном ФБР, было обращено особое внимание на то, что основные средства шли на содержание школ и образовательные программы, целью которых была подготовка смертников среди палестинских детей и подростков. Другая часть средств шла на материальное обеспечение террористов-смертников и их семей. Денежные средства, полученные «The Holy Land Foundation», переправлялись в местные комитеты, расположенные на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, и уже через них передавались непосредственно получателям. В частности, было установлено, что за период с 1997 г. по 1999 г. организацией «The Holy Land Foundation» на нужды одного из комитетов, расположенного в палестинском городе Тулькарм, было выделено более 70 тыс. долл. Следует отметить особо, что многие международные благотворительные организации маскируют свою помощь «Хамас» и подобным террористическим группировкам на территории Палестины под предлогом помощи бедствующему народу Палестины. Например, в июле 2002 г. на портале «Islam on-line» было размещен сайт с призывом его разработчиков поддержать вооруженную борьбу палестинцев и участвовать в «экономическом джихаде», который, по их мнению, выражается в поддержке

террористов-смертников и их семей, а также подготовке молодого поколения к продолжению вооруженного сопротивления израильским оккупантам. Также на сайте был представлен целый список организаций, расположенных в Европе, США, Южной Африке и ряде арабских государств, через которые рекомендовалось перечислять средства на счета конкретных палестинских организаций. Многие из этих организаций напрямую связаны с «Хамас»²⁷.

Некоторые благотворительные и гуманитарные фонды используются международными террористами не только с целью получения и отмывания денежных средств, но также для облегчения их деятельности благодаря использованию статуса этих организаций, который предоставляет определенные льготы. С этим столкнулись американские военные в ходе своих операций в Афганистане и Ираке, когда подозреваемые ими в поддержке террористов лица предъявляли документы гуманитарных организаций. Следует отметить, что американские военные под предлогом проведения контртеррористических операций не раз совершали противоправные действия в отношении активистов гуманитарных и благотворительных организаций, тем самым препятствуя оказанию помощи крайне нуждающимся в ней народам Афганистана и Ирака.

К числу организаций, заявивших о гуманитарном и благотворительном характере своей деятельности и имеющих крайне разветвленную сеть представительств, относится и «Международная Исламская Благотворительная Организация» (IIRO). Филиппинское отделение этой организации с 1986 г. по 1994 г. возглавлял зять Бен Ладена, Мухаммад Джамал Калифа. Через счета этой организации переправлялись средства террористическим группировкам, входящим в состав «Аль-Каиды». В 2001 г. канадскими властями был арестован проживавший в то время на территории этого государства Махмуд Джубейлла, который был объявлен Интерполом в международный розыск по обвинению в причастности к деятельности египетской террористической организации «Исламский джихад». В ходе расследования Интерпола, а затем и канадских правоохранительных органов была установлена причастность Джубейлла и к «Международной Исламской Благотворительной Организации». В акциях этой организации также принимал участие Файез Ахмед, один из террористов, совершивших нападения на здания Всемирного Торгового Центра 11 сентября 2001 г. По словам отца Ахмеда, последний, накануне совершения теракта, рассказал, что отправляется за границу по поручению представителей «Международной Исламской Благотворительной Организации». В ходе спецопераций израильских войск на Западном берегу реки Иордан в офисах комитета «Тулькарм закят» (общественной организации, чьей целью, по данным уставных документов, является оказание помощи правоверным мусульманам), контролируемого движением «Хамас», были изъяты документы, свидетельству-

ющие о том, что на счета этого комитета и некоторых других «Международной Исламской Благотворительной Организацией» было перечислено более 280 тыс. долл.²⁸

«Международная Исламская Благотворительная Организация» (IIRO) входит в состав «Мусульманской Мировой Лиги», которая образована на средства и всячески поддерживается руководством Саудовской Аравии. В марте 2002 г. в офисах этих организаций, расположенных в северной Виргинии, сотрудниками министерства финансов США были проведены обыски с целью обнаружения улик, свидетельствующих об участии этих структур в получении, перераспределении и отмывании денег «Аль-Каиды»²⁹. Министерство финансов США арестовало счета других фондов, входящих в состав «Мусульманской Мировой Лиги», подозреваемых в финансировании террористических организаций, отмывании денег и других видах преступной деятельности. К числу подобных организаций была отнесена «Рабита Траст». Ее штаб-квартира расположена в Пакистане. В 1999–2001 гг. эта организация оказывала финансовую помощь движению Талибан³⁰.

В октябре 2002 г. представители вооруженных сил НАТО провели расследование деятельности «Саудовской Высшей Комиссии по оказанию помощи Боснии», которая была образована принцем Сулейманом бен Абдель Азизом и поддерживалась королем Фахдом. По данным НАТО, один сотрудник этой комиссии вел телефонные переговоры с Усамой бен Ладеном и другим руководителем «Аль-Каиды» Абу Зубайдой с тем, чтобы подготовить нападение на американское посольство в Сараево. Представители НАТО также попытались заблокировать банковские счета этой организации, однако незадолго до начала расследования 41 млн. долл. был снят членами этой организации.

Существует еще ряд благотворительных и гуманитарных организаций, которые были заподозрены в действиях, идущих вразрез с декларируемыми целями. Для предотвращения противоправной деятельности подобных организаций и препятствия финансированию террористических группировок, администрацией Джорджа Буша был составлен своеобразный «черный список», в который вошли имена физических и названия юридических лиц из всех стран мира (в общей сложности около 191). По словам министра финансов США, около 150 стран последовали примеру США и заблокировали деятельность многих организаций, арестовав более 70 млн. долл. на их активах. Представляется возможным говорить о готовности большинства стран мира сотрудничать в борьбе с международным терроризмом. Следует отметить, что такая борьба является одной из наиболее сложных и животрепещущих проблем, с которыми сталкиваются страны Ближнего Востока. Многие государства этого региона пошли на организацию, укрепление и активизацию борьбы с противоправной деятельностью на своих территориях. В некоторых странах Ближнего Востока в рамках этого процесса были созданы антитеррористические комитеты и

комиссии. Деятельность подобных комитетов и комиссий часто встречает ожесточенное сопротивление со стороны преступных организаций. Примером подобной реакции может служить теракт, совершенный членами организации «Бригады аль-Харамейн», в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде. Теракт произошел 21 апреля 2004 г. неподалеку от здания, в котором расположена одна из служб безопасности, специализирующаяся на борьбе с терроризмом. Примечательно, что накануне этого события наследный принц Саудовской Аравии выступил с официальным заявлением, в котором подчеркнул стремление своей страны приложить все усилия для борьбы с терроризмом. Однако следует отметить, что, несмотря на подобные заявления, которые в последнее время звучат все чаще, имеются данные о том, что отдельные члены правящей королевской семьи Саудовской Аравии активно помогают представителям террористических организаций и членам их семей, в частности, «Хамас», «Исламский джихад» и т.п. В течение долгого времени правящая монархия Саудовской Аравии являлась основным спонсором террористических движений, ведущих подрывные и военные действия в отношении Израиля. Для помощи подобным движениям были сформированы «Народный комитет помощи палестинским муджахидинам» и «Комитет поддержки интифады Аль-Кудс, а также «Фонд аль-Аксы», на нужды которых было выделено около 15 млрд. саудовских реалов, что при пересчете составляет 1 млрд. долл. Эти средства были направлены саудовскими властями на продление интифады на оккупированных палестинских территориях, которую саудовские официальные лица называют «джихадом» или «сопротивлением».

«Народный комитет помощи палестинским муджахидинам» был образован после арабо-израильской войны 1967 г. Его возглавил принц Салман бен Абдель Азиз. В феврале 1994 г. король Фахд Ибн Абдель Азиз издал очередной указ об оказании всесторонней помощи «членам семей мучеников-борцов за освобождение Палестины»³¹ в рамках национальной кампании по сбору необходимых средств. Комитет собрал на заявленные цели около 300 млн. сауд. реалов³².

В октябре 2000 г. в Каире состоялась встреча на высшем уровне, в ходе работы которой было одобрено предложение Саудовской Аравии создать два фонда: «Фонд интифады Аль-Кудс» (уставной капитал 200 млн. долл.; цель – оказание помощи семьям палестинцев-смертников, убитых во время интифады «Аль-Кудс») и «Фонд Аль-Акса» (уставной капитал 800 млн. долл.; цель – разработка и финансирование проектов по сохранению арабского и исламского облика Иерусалима, а также поддержка освободительной борьбы палестинского народа)³³. Наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз заявил, что саудовская сторона готова внести четверть от общей суммы уставных капиталов этих двух фондов, т.е. 250 млн. долл., а также сообщил, что король Саудовской Аравии Фахд Ибн Абдель Азиз

возьмет на попечение 1 тыс. семей палестинских террористов-самоубийц. Было также сообщено, что губернаторам провинций в Саудовской Аравии предписано донести до каждого гражданина этого государства мысль о необходимости его участия в сборе средств в пользу «Фонда интифады Аль-Кудс»³⁴. Принц Наиф бен Абдель Азиз, министр внутренних дел Саудовской Аравии, возглавил «Саудовский комитет поддержки «Фонда интифады Аль-Кудс» и «Фонда Аль-Акса», который перечислил на счета этих организаций более 15 млрд. сауд. риалов. В дополнение к этому принцем Наифом был образован комитет, который выделил 20 тыс. сауд. риалов (более 5 тыс. долл.) каждой семье смертника³⁵.

Говоря о средствах, которые имели в своем распоряжении «Народный комитет помощи палестинским муджахидинам», а также «Фонд интифады Аль-Кудс» и «Фонд Аль-Акса», можно привести следующую статистику за период с января 1998 г. по июнь 2003 г.³⁶:

Год	Народный Комитет Помощи Палестинским Муджахидинам	Комитет поддержки «Фонда интифады Аль-Кудс» и «Фонда Аль-Акса»	ОБЩАЯ СУММА
1998	3 600 000	0	3 600 000
1999	3 490 000	0	3 490 000
2000	8 418 348	0	8 418 348
2001	9 473 628	14 454 190 000	14 463 663 628
2002	266 575 791	350 000 000	616 575 791
2003	7 226 384	720 003 150	727 229 534
ИТОГО:	298 784 151	15 524 193 150	15 822 977 301

Следует отметить, что один из основных получателей материальной помощи со стороны Саудовской Аравии – Организация Освобождения Палестины, признанным лидером которой является Ясир Арафат. С января 1998 г. по июнь 2003 г. в официальных документах, представленных государственными организациями Саудовской Аравии, сообщается о проведении переговоров палестинской и саудовской сторонами о выделении ООП различных по объему денежных сумм. «С палестинской стороны в разное время в переговорах и встречах принимали участие Набиль Шаат (бывший в свое время министром иностранных дел Палестинской Национальной администрации), Мустафа Хашем Диб (палестинский посол в Саудовской Аравии), с саудовской – принц Наиф бен Абдель Азиз (министр внутренних дел Саудовской Аравии), принц Сальман бен Абдель Азиз (губернатор Эр-Рияда) и другие официальные лица.

В июне 2003 г. в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья, в которой сообщалось со ссылкой на официальные лица, что США через представителей министерства финансов и других федеральных

агентств оказывают давление на руководство Саудовской Аравии, чтобы получить контроль над средствами, размещенными на счетах благотворительных фондов, оказывающих помощь палестинцам. Особо подчеркивалось, что эта помощь может использоваться для финансирования террористических организаций. В статье говорилось о том, что счета, на которые перечисляются средства для оказания помощи палестинской стороне, объединены общим названием «Счет 98». Обращалось особое внимание на то, что своеобразным координатором деятельности благотворительных фондов и распределения финансовых средств для оказания помощи семьям террористов-смертников (называемых во всех арабоязычных или переведенных с этого языка документах – «мучениками») является принц Наиф бен Абдель Азиз. В 2001 г. «Счет 98» был впервые упомянут в официальных документах, представленных государственными органами Саудовской Аравии, в которых детально были расписаны приход-расход материальных средств. Следует отметить, что через два года, 26 июня 2003 г., вопрос о существовании «Счета 98» вновь был обсужден на заседании подкомиссии Законодательного комитета Конгресса США. Эта подкомиссия, возглавляемая сенатором Джоном Килом, занимается исследованиями в области технологий, правительственной связи и терроризма. «Счет 98» упоминался в докладе «Терроризм: растущее влияние ваххабизма на Соединенные Штаты Америки»³⁷. Также были заслушаны показания свидетелей из числа государственных чиновников, которые были приглашены на заседание данной подкомиссии для дачи показаний. Все они заявили о том, что им не было известно о существовании данного счета и проведении через него финансовых операций.

В соответствии с данными, опубликованными саудовской стороной, часть средств, поступивших на «Счет 98», шла от Лиги Арабских Государств, которые затем через саудовский «Банк Исламского Развития» передавались казначейству Палестинской Национальной администрации³⁸. Официальные представители Саудовской Аравии не раз заявляли, что королевство «всегда выступало на стороне палестинского народа, за реализацию его законных прав и надежд. Королевство всегда готово оказать политическую, финансовую и моральную поддержку палестинцам...»³⁹. Руководством Саудовской Аравии и, в частности, А.аль-Джубейром, советником по внешней политике главы этого государства, всячески подчеркивалось, что оно «никогда не скрывало свою заботу о судьбе палестинского народа, однако, не стоит говорить о спонсировании террористических организаций через фонды благотворительных организаций, действующих на территории королевства и за его пределами»⁴⁰. Отмечался также и тот факт, что большая часть собранных средств на благотворительные цели, перераспределялась нуждающимся через организации, имеющие международное признание, такие, как Красный Полумесяц, Палестинская

администрация, ООН и другие, что позволяет говорить о «прозрачности перераспределения средств»⁴¹.

В интервью западным и арабским средствам массовой информации принц Бандар бен Султан (посол Саудовской Аравии в США), принц Сауд бен Фейсал (министр иностранных дел Саудовской Аравии) и принц Сальман бен Абдель Азиз (губернатор Эр-Рияда) многократно подчеркивали, что единственной целью создания вышеуказанных фондов и выделения столь внушительных денежных средств являлось оказание помощи палестинскому народу, несущему колоссальные потери в связи с многолетней неурегулированностью палестинской проблемы. Официальные лица Саудовской Аравии указывали и на то, что некоторые благотворительные организации, расположенные на территории Западной Европы и США, также были заподозрены в оказании помощи террористическим организациям, однако их деятельность не подвергалась столь пристальному вниманию, а страны, на чьей территории они действовали, не были обвинены в пособничестве терроризму. Факты попадания части средств на счета террористических организаций и групп рассматриваются официальными представителями Саудовской Аравии как недоразумение, имеющее случайный характер.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что, помимо Саудовской Аравии, к числу государств-спонсоров, оказывающих поддержку террористическим организациям на Ближнем Востоке, западные источники относят Иран и Сирию. Существуют также прецеденты, когда такая организация, как «Хизбалла» открыто ведет хозяйственную деятельность на территории Ливана. Члены этой организации размещают денежные средства этой организации на счетах местных банков. «Исламский Фронт Действия» (Иордания) и организация «Братья-мусульмане» (Египет) открыто заявляют о своей поддержке действий «Хамас» и призывают мусульман всего мира жертвовать средства на поддержку семей террористов-самоубийц, действующих на территории Палестины, в других странах арабского мира и за их пределами⁴².

Крупные личные состояния некоторых руководителей ближневосточных террористических организаций и их сторонников являются существенным источником финансирования планов и проведения широкомасштабных террористических операций. К числу подобных «спонсоров» можно отнести Мустафу Ахмада аль-Хаснауи, который предоставил средства террористам, осуществившим нападение 11 сентября. Из денег, которые он выделил на поддержку террористов в этой акции, по крайней мере, 15 тыс. долл. были не потрачены и возвращены ему перед его скоропалительным отъездом из Объединенных Арабских Эмиратов в Пакистан 11 сентября 2001 г. По данным официальных лиц США, глава фонда «Муаффах» известный саудовский бизнесмен Ясин аль-Кады финансировал деятельность различных террористических организаций, включая «Хамас» и «Аль-Каиду». Как свидетельствуют документы, опубликованные Верховным судом США, только в 1992 г. аль-Кады

предоставил 847 тыс. долл. одному из лидеров «Хамас», Мухаммаду Салаху, находившемуся в то время в США. Вскоре после получения данной информации, американское правительство заморозило счета Мухаммада Салаха и ряда организаций, которые также были заподозрены или уличены в пособничестве террористическим организациям. Американские официальные лица также утверждают, что именно фонд «Муаффах» аккумулировал и перечислял средства, выделенные состоятельными гражданами Саудовской Аравии на нужды «Аль-Каиды».

В декабре 2001 г. израильские власти арестовали члена организации «Хамас» Усаму Зухади Хамида Карику, пытавшегося покинуть территорию сектора Газа. У задержанного были найдены документы, свидетельствующие о том, что целью его поездки было получение средств от саудовских бизнесменов на покупку ракет «Кассам»⁴³.

Несколько раз представители американского правосудия обращались к своим европейским коллегам с просьбой блокировать счета некоторых бизнесменов в основном арабского происхождения и имевшим подданство Саудовской Аравии, подозреваемых или обвиненных в пособничестве террористическим организациям и финансировании их деятельности.

Следует отметить особо, что практически сразу после событий 11 сентября 2001 г. были арестованы счета главного подозреваемого в организации и совершении этих терактов – Усамы бен Ладена. С тех пор деятельность и финансовая состоятельность этого человека стали предметом самого пристального внимания не только со стороны правоохранительных органов, но и исследователей и аналитиков во многих странах мира.

Известно, что свою активную военную деятельность Усама бен Ладен начал с участия в создании в Афганистане «Бюро услуг» – организации, занимавшейся переправкой в Афганистан из арабских стран добровольцев для ведения «священной войны против неверных». На поддержание этого «Бюро» ЦРУ тратило около 500 млн. долл. в год.

Опираясь на многомиллионное наследство, а также состояние, приобретенное за счет деятельности многочисленных предприятий, находившихся под контролем бен Ладена, последний в 1988 г. создал в Афганистане новую организацию под названием «Аль-Каида» («База»), целью которой было распространение «джихада» на другие страны мира⁴⁴. В состав руководства «Аль-Каиды» вошли в основном арабские исламистские экстремисты, чаще всего саудовского происхождения, представляющие состоятельные высшие круги общества этого государства Персидского залива, которые распределяли денежные средства спонсоров, в том числе и ряда западных спецслужб, направляемые на поддержку афганских моджахедов, воевавших с советскими войсками после 1979 г.

Отличительной чертой деятельности «Аль-Каиды» является то, что она подчинила и/или объединила ряд независимых террористи-

ческих групп. В начале 1998 г. бен Ладен заявил о том, что создан «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев», в который вошло несколько арабских и пакистанских террористических организаций: египетский «Исламский Джихад», египетская «Джамаа Исламия», «Ливийская Исламская Боевая Группа», йеменская «Исламская Армия Адена», кашмирские «Лашкар-и-Тайба» и «Джайш-и-Муххамед», «Исламское Движение Узбекистана», алжирские «Салафистская группа Проповеди и Джихада» и «Вооруженная Исламская Группа», малайзийско-филиппинская «Абу Сайяф».

В настоящее время многие аналитики указывают на тот факт, что различные по своим целям и задачам, но объединенные религиозным фактором, террористические организации готовы объединиться в так называемый исламистский интернационал. В качестве примера приводят объединение усилий «Аль-Каиды» и турецких организаций «Исламские Великие Всадники Востока» и «Бригады Абу Хафса» до и после совершения террористических актов в Стамбуле 20 ноября 2003 г. Стремление создать устойчивую разветвленную сеть по всему миру в сотрудничестве с местными террористическими и преступными группировками действительно имеет место быть не только у руководителей «Аль-Каиды», но и других террористических организаций. Лишним подтверждением тому может служить выявление «филиалов» подобных организаций в европейских государствах. По мнению некоторых аналитиков, а также представителей правоохранительных органов ряда стран Европы, наиболее сильные и дееспособные подразделения были созданы в Германии, Италии и Испании. Некоторые исследователи высказывают предположения о том, что существуют «законсервированные» ячейки «Аль-Каиды» и дружественных ей организаций в 100 странах мира.

На данный момент конкретных данных о существовании единого центра по координации действий и финансированию террористических операций у «Аль-Каиды» и ее сторонников нет. Следует также отметить, что в настоящее время «Аль-Каида» и другие подобные организации стремятся не к широкому объединению, а к своеобразной «регионализации» своей деятельности, а именно: концентрации своих сил и средств для использования мелких и разрозненных террористических группировок и преступных сообществ. На современном этапе подобные террористические группы находятся на полном самообеспечении и самостоятельно ищут спонсоров и возможности финансирования в своих регионах и странах. Если раньше спецслужбам удавалось выходить на террористов, отслеживая финансовые потоки, обычно исходившие из стран Ближнего Востока и крупных мусульманских общин США и Западной Европы, то сейчас этот способ получения информации стал крайне затруднительным.

В конце XX – начале XXI вв. одна из задач государства – охрана своих граждан от действий преступных организаций (в частности, осуществляющих террористическую деятельность), используя для этого

весь арсенал средств, находящийся в его распоряжении и обеспечивающий профилактику, сдерживание и защиту, – стала одной из наиболее актуальных. Возможность полного уничтожения терроризма представляется, к сожалению, маловероятной. Однако то, что терроризм не может быть полностью искоренен, не означает, что следует отказаться от осуществления мер, препятствующих его распространению. В этом отношении выявление источников финансирования деятельности террористических организаций способствует не только расследованию причин тех или иных террористических актов, но и предотвращению других подобных противоправных деяний, ведущих к большим человеческим и материальным потерям. В частности, расследование терактов 11 сентября 2001 г. в США, финансирования их организации и осуществления способствовало не только раскрытию некоторых отдельных участников преступного заговора, но и связей террористической организации «Аль-Каида» с другими преступными сообществами, действующими в различных странах мира, в том числе и на Ближнем Востоке.

¹ Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», глава 1, статья 3.

² Dar al-Hayat, 01.02.2004.

³ Paul Beckett «Sept. 11 Attacks Cost \$303,672; Plot Papers Lacking, FBI Says», Wall Street Journal, 15.05.2002.

⁴ Maurice R. Greenberg, chair «Terrorist Financing: Report of an Independent Task Force Sponsored by the Council on Foreign Relations», The Council on Foreign Relations, October 2002.

⁵ «Iran and Syria as Strategic Support for Palestinian Terrorism», Document TR6-548-02, Israel Defense Forces, Military Intelligence, September 2002.

⁶ <http://www.imra.org.il/story.php3?id=12156>

⁷ «Spain-Based al-Qaeda Cell Wired Cash to Extremists, Judge Says», Bloomberg News, 19.11.2001.

⁸ Testimony of Juan C. Zarate, Deputy Assistant Secretary, Terrorism and Violent Crime, U.S. Department of the Treasury, House Financial Subcommittee Oversight and Investigations, February 12, 2002.

⁹ <http://www.ustreas.gov/press/releases/po3380.htm>

¹⁰ The Washington Post, 14.12.2003.

¹¹ The Financial Times, 14.06.2002.

¹² The New York Times, 03.09.2002.

¹³ The Washington Post, 30.12.2001.

¹⁴ Ma'ariv, 14.08.2002.

¹⁵ Washington Post, 12.08.2002.

¹⁶ Associated Press, 28.08.2002.

¹⁷ Там же.

¹⁸ P.Watson, S.Barua «Worlds of Extremism and Crime Collide in Indian Jail», Los Angeles Times, 08.02.2002.

¹⁹ Middle East Intelligence Bulletin, «Syrian Intelligence Linked to Al-Qaida in Hamburg», Vol.4, 2002.

²⁰ Financial Times, 29.11.2002.

²¹ <http://www.usinfo.state.gov/topical/pol/terror/02052105.htm>

²² The New York Times, 18.12.2001.

²³ Там же.

²⁴ The Wall Street Journal, 25.09.2001.

²⁵ The Washington Post, 15.03.2002.

²⁶ U.S. News & World Report, 29.10.2001.

²⁷ <http://www.idf.il/english/announcements/2002/july/hamas.htm>

²⁸ Доклад правительства Израиля, направленный руководству США, под названием «Крупные суммы денежных средств, передаваемые Саудовской Аравией палестинцам, используются для финансирования террористических организаций (особенно Хамас) и осуществления терактов (включая теракты на территории Израиля)», 3 мая 2002.

²⁹ The New York Times, 21.03.2002.

³⁰ The Associated Press, 20.04.2002.

³¹ Ain-Al-Yaqeen. «Prince Salman Orders the Transfer of New Financial Public Support to the Palestinian People.» July 5, 2002.

³² Там же.

³³ Ain-Al-Yaqeen. «The Custodian of the Two Holy Mosques Approves the Establishment of Al Quds Center at King Abd Al-Aziz Foundation». Sept. 21, 2002.

³⁴ Ain-Al-Yaqeen. «Scholars and Experts Praise King Fahd Approval for the Establishment of the Al Quds Center for Studies and Researchers». Oct. 12, 2003.

³⁵ Ain-Al-Yaqeen. «Prior to the Summit in Amman». Apr. 6, 2001.

³⁶ Денежные средства представлены в саудовских реалах.

³⁷ O'Brien, L.Timothy. «U.S Presses Saudis to Police Accounts Used to Aid Palestinians». New York Times, 27.06.2003.

³⁸ Ain-Al-Yaqeen. «Stands: The Kingdom of Saudi Arabia and Palestine: Facts and Achievements». Dec. 7, 2003.

³⁹ Ain-Al-Yaqeen. «Editorial: Saudi Arabia and the Palestinian Issue». May 25, 2003.

⁴⁰ O'Brien, L.Timothy. «U.S Presses Saudis to Police Accounts Used to Aid Palestinians». New York Times, 27.06.2003.

⁴¹ Там же.

⁴² Matthew Levitt «Diplomacy Run Amuck», Jerusalem Post, 18.10.2002.

⁴³ Amos Harel «Saudis Help Hamas with Rocket Pocket», Haaretz Daily, 03.01.2002.

⁴⁴ По разным данным личное состояние бен Ладена насчитывало 300–500 млн. долл.

**ИМПОРТ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ЕГО РОЛЬ
В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ВНУТРЕННИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
В ПРОДУКТАХ ПИТАНИЯ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ**

Одним из наиболее острых проявлений продовольственной проблемы в странах Северной Африки является резко возросшая во второй половине XX в. зависимость от импорта продовольствия. Несмотря на значительные усилия ряда стран региона преодолеть эту тенденцию, особенно заметные в условиях рыночных реформ – в последние одно-два десятилетия, решить эту задачу к началу XXI в. не удалось ни одной из них. Тем не менее, определенных положительных результатов в этом удалось добиться отдельным североафриканским государствам, прежде всего, Египту и Тунису. Однако сдвиги носили ограниченный характер и прерывались в засушливые неурожайные годы (Тунис), т.е. не были стабильными и устойчивыми.

Приведенная ниже таблица дает представление о динамике абсолютных и относительных показателей, характеризующих импорт продовольствия отдельных стран Северной Африки.

Таблица 1

**Динамика доли продовольственных товаров
в импорте стран Северной Африки в 80–90-е годы, %**

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2001
Алжир	19,4	21,7	25,5	23,9	29,1	26,6	...	31,8	...	...
Египет	26,1	20,1	23,1	17,0	21,0	22,4	22,5	...	21,2	20,9*
Ливия	18,5	19,7	...	...	...	...	...	22,8	...	...
Марокко	8,7	8,7	12,2	14,2	12,3	16,7	16,1	16,6	...	12,3*
Судан	...	...	...	...	...	24,4	17,3	...	...	...
Тунис	8,6	6,0	6,2	6,3	7,8	10,5	7,4	...	10,3	6,1**

Подсчитано по: International Trade Statistics Yearbook. N.Y., UN. 1997, с. 7, 309, 610, 699, 1032; UNCTAD. Handbook of Statistics. 2000. UN, N.Y. 2000, с. 147, 149, 152, 153, 156, 157;

[http://www.arab.net/Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Sudan, Tunisia; The Middle East and North Africa. 2003. L., 2003, с. 852, 1097.](http://www.arab.net/Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Sudan, Tunisia; The Middle East and North Africa. 2003. L., 2003, с. 852, 1097)

Примечание: * оценка;

** 1999 г.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в большинстве крупнейших стран Северной Африки доля импорта продуктов питания

в 90-е годы была очень высокой и составляла порой от 1/5 до примерно 1/4 и более всего объема импорта. Отдельные арабские исследователи указывают даже на более высокую зависимость от ввоза из-за рубежа продуктов питания – до половины всего объема потребляемого продовольствия.

Важно отметить, что в тех странах, где в последнее десятилетие XX в. был достигнут немалый прогресс в развитии (Египет, Тунис), данный показатель имел тенденцию к сокращению. Напротив, где развитие сельскохозяйственного производства отличалось особой неустойчивостью, как, например, в Марокко, доля продовольственных товаров в импорте этих стран заметно возросла, что порождало немалые трудности в выполнении импортных программ стран.

Особенно в сложном положении находился Алжир, где импорт продовольствия к 1995 г. достиг почти 30%. Принимая во внимание тогдашнее критическое состояние экономики страны, можно считать, что столь высокий уровень расходов на ввоз продовольствия из-за рубежа имел самые негативные последствия для валютно-финансового положения Алжира. Он явился важнейшим фактором беспрецедентного нарастания его внешнего долга, который в тот период превысил годовой национальный продукт – около 30 млрд. долл. Расходы на его погашение привели к тому, что Алжир далеко переступил опасную черту – допустимый уровень коэффициента выплаты внешнего долга, и страна стояла перед реальной возможностью объявления дефолта. Последнее в реальных условиях Алжира 90-х годов означало экономический крах со всеми вытекающими из этого и политическими последствиями¹.

Но и в относительно благополучных странах, где проявилась тенденция к сокращению доли продовольствия в общем импорте, прежде всего в Египте, ввоз продуктов питания на рубеже XX–XXI вв. все еще оставался слишком большим и также оказывал негативное давление на платежный баланс страны, являлся ведущим фактором наращивания внешнего долга, который в 2001 г. составил около 33 млрд. долл.²

Даже в Ливии, обладающей крупными доходами от экспорта нефти, расходы на импорт продовольствия подрывают выполнение инвестиционных программ.

По имеющимся неполным данным, приводимым в национальной статистике, доля продовольствия в импорте Мавритании в 90-е годы была близка к доле крупных стран региона и колебалась, в зависимости от валютно-финансового положения этой страны, примерно в тех же пределах – порядка 25–30%.

Тем не менее, определенного прогресса в решении продовольственной проблемы отдельным странам за последнее десятилетие XX в. удалось добиться. К 1999 г., согласно данным официальных тунисских источников, страна смогла достичь самообеспечения таки-

ми основными видами продовольствия, как молочные продукты, овощи и фрукты и почти полностью обеспечить внутренний рынок мясом³. Несомненно, это – значительное достижение, которое указывает на принципиальную возможность решения важнейших аспектов продовольственной проблемы в странах североафриканского региона. Однако официальная оценка лишь констатирует сам факт. Если его рассматривать в связи с другими аспектами продовольственной проблемы в этой стране и в регионе в целом, то следует отметить, что достижение стало возможным прежде всего благодаря благоприятным погодным условиям, позволившим собрать рекордный урожай. Кроме того, насыщение внутреннего рынка продовольствием собственного производства еще не означает обеспечения им всех слоев общества. Между тем, в Тунисе доходы значительной части населения и в начале XXI в. были ниже или равны прожиточному минимуму, что фактически означало недопотребление высококачественных продуктов питания. По имеющимся оценкам, доля населения с низкими доходами составляла в конце XX – начале XXI вв. примерно 25%⁴. Представляется, что при более высоких доходах беднейших слоев населения страны и, соответственно, более высоком уровне потребительского спроса на эти продукты питания, даже при рекордном урожае 1999 г. вряд ли удалось добиться самообеспечения вышеуказанными продовольственными товарами. Это достижение также не должно успокаивать, так как еще два-три года до этого Тунис вынужден был выделять огромную сумму на импорт зерна в засушливый период, закупив 2 млн. т на сумму почти в 350 млн. долл.

Приведенный пример, с некоторыми страновыми вариациями, довольно типичен для ряда государств Северной Африки, периодически собирающих рекордные урожаи и добывающихся по отдельным позициям, в том числе значимым, серьезного улучшения и даже самообеспечения, но позитивные результаты не стали правилом пока ни в одной из североафриканских стран, исключая Египет. В большинстве из них затраты на импорт таких важных продовольственных товаров, как зерно – пшеница, кукуруза, мука, произведенная из них, а также рис, мясо, масло, в меньшей степени – молочные продукты, остаются высокими.

Практически все страны региона в той или иной мере вынуждены и в конце XX в. прибегать к импорту важнейших видов продовольствия. Причем, страны – экспортеры нефти – Алжир и Ливия являются крупнейшими импортерами продовольствия как в силу его дефицита, так и потому, что имеют необходимые валютные ресурсы. Эта оценка частично относится и к Египту с оговоркой, что эта страна все ощутимее переходит к обеспечению внутренних потребностей за счет местного производства, в том числе и по зерну, что особенно важно подчеркнуть, и все меньше прибегает к импорту продовольствия при постепенном повышении стандартов ежедневного «рациона питания египтян.

Импорт продовольствия Тунисом имеет тенденцию к сокращению, как и в Египте, причем также в условиях повышения стандартов и норм ежедневного рациона. В 90-е годы, главным образом во второй их половине, Тунис нередко достигал положительного баланса во внешней торговле сельскохозяйственной продукцией, что выделяет в положительном плане эту страну из североафриканских государств. Уже в 1993 г. стоимость тунисского экспорта сельскохозяйственной продукции превысила стоимость импорта по данной статье примерно на 8 млн. долл., а в следующем – 1994 г. – уже почти на 50 млн. Стоимость сельскохозяйственного экспорта составила 527 млн. тунисских динаров при объеме импорта в 478 млн. тун. дин. Однако лишь в 1999 г. это достижение удалось повторить и даже достичь рекордного положительного сальдо в торговле сельскохозяйственной продукцией. Достижения в 90-е годы в данной области дают основания утверждать, что Тунис движется к оптимальной структуре сельскохозяйственного производства, определяемой его природно-климатическими условиями и хозяйственной специализацией. Последнее означает, что он все более переходит к производству тех видов продукции, которые дают наивысшие результаты в местных условиях, включая оливки и оливковое масло, цитрусовые, финики, ранние овощи и лекарственные травы и т.д., и приносят значительные экспортные доходы, позволяющие закупать в необходимых объемах продовольственные товары, собственное производство которых менее эффективно или вовсе невыгодно. Несомненно, достижения этой страны были бы более весомыми, если бы ей удалось достичь большей стабильности в росте урожаев. Пока же, как свидетельствуют данные таблицы производства основных экспортных культур, Тунису даже в условиях падения среднегодовых сборов в середине 90-х годов (1996–1997 гг.) удается выходить на позиции чистого нетто-экспортера сельскохозяйственной продукции.

Ситуация в Судане в сфере внешней торговли сельскохозяйственными товарами в чем-то близка с тунисской. Эта страна в последние десятилетия в большой мере или в основном покрывала свой импорт сельскохозяйственной продукции, главным образом продовольствия, доходами от экспорта таких сельскохозяйственных товаров, как хлопок, арахис, гуммиарабик, домашний скот и т.д. Более того, парадоксально, но при относительно более низком уровне развития отрасли в этой стране, по сравнению с Тунисом, Египтом, Марокко, а также при вспышках голода в районах суданского Сахеля, она была в основном, как и Тунис, чистым экспортером сельскохозяйственных товаров. И это – несмотря на значительные потребности в отдельных важных видах продовольствия, прежде всего зерна. Такое положение Судана было в значительной мере возможно вследствие традиционно несбалансированной диеты питания, в ко-

торой преобладают растительные продукты, относительно низка доля таких высококачественных продовольственных товаров, как мясо, рыба, масло животного происхождения. Будь диета другой по составу, а экономические и социальные приоритеты иными, эта страна испытывала бы значительные трудности.

Таблица 2

**Индексы производства важнейших товарных
и экспортных культур, 1988–91 = 100**

		Среднегодовой показатель за		Прирост, %
		1989–91 гг.	1997–99 гг.	
Алжир	цитрусовые	288	405	40,6
	оливки	119	202	69,7
Египет	цитрусовые	2114	2182	3,2
	оливки	41	205	400,0
	хлопок	299	293	-2,0
Ливия	цитрусовые	94	66	-29,8
	оливки	71	188	164,8
Марокко	цитрусовые	1302	1370	5,2
	оливки	532	518	-2,6
Судан	хлопок	100	75	-25,0
	арахис	174	932	435,6
Тунис	цитрусовые	190	164	-13,7
	оливки	933	800	-15,3

Подсчитано по: FAO. Production Yearbook. 1999. Rome, 2001, с. 113, 124–125, 173–174, 196.

Данные таблицы указывают на то, что большинство стран региона – Тунис, Судан, Марокко, Египет – являются крупными экспортерами отдельных видов субтропической продукции. Так, даже такая небольшая по меркам региона страна, как Тунис, является четвертым в мире производителем оливок и оливкового масла. Марокко – один из крупнейших мировых производителей цитрусовых. Судан – крупнейший мировой производитель арахиса и гуммиарабика.

Однако это пока не позволило названным странам решить продовольственную проблему на основе углубления их сельскохозяйственной специализации и укрепления своей ниши в мировом производстве и торговле теми или иными видами сельскохозяйственных товаров. Впрочем, пример Туниса, о котором более подробно говорилось выше, свидетельствует о том, что ситуация развивается в этом направлении. Египет и Марокко также движутся по такому пути.

В целом доля сельскохозяйственного экспорта примерно в половине стран региона была незначительной, что не позволяло сбалансировать внешнюю торговлю продукцией сельского хозяйства.

Так в Алжире в 90-е годы она колебалась в пределах 0,2–0,9% всего экспорта, в Ливии составляла около 0,5%. В Египте, где доминировала политика импортзамещения, она сократилась почти вдвое – с 16,3% в начале десятилетия, до 8,8% в конце. Лишь в Марокко, где сельскохозяйственный экспорт среди стран региона играет исключительно большую роль в экономической жизни, данный показатель вырос с 17,8 до 24,2%. Несомненно, пример этой страны указывает на реальные возможности региона достичь высокой степени сбалансированности торговли сельскохозяйственной продукцией при проведении целенаправленной и выверенной, обоснованной аграрной политики, опирающейся на всесторонний учет потенциала и особенностей отрасли в каждой отдельно взятой стране. Собственно, и пример Египта с его относительно высокой долей продукции сельского хозяйства в экспорте, свидетельствует о значительных потенциальных возможностях достичь большей или полной сбалансированности торговли продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

Показателен и пример Туниса, где пока, как и в других странах Северной Африки, ни производство, ни торговля сельскохозяйственной продукцией не отмечены стабильным ростом, все же во второй половине 90-х годов удалось достичь положительного сальдо во внешней торговле сельхозпродукцией. И это несмотря на то, что к 1996 г. доля сельскохозяйственного экспорта сократилась почти вдвое, составив 3,1% против 5,8% в начале десятилетия.

Таблица 3

**Доля продовольствия и сельскохозяйственного сырья
в экспорте и импорте стран Северной Африки
(80–90-е годы XX в.)**

Экспорт						
	Объем экспорта		Доля, %			
	млн. долл.		продовольствие		сельхозсырье	
	1985 г.	1997 г.	1985 г.	1997 г.	1985 г.	1997 г.
Алжир	15624	13894	0,8	0,3	0,0	0,1
Египет	1838	3195	5,6	12,1	12,1	6,0
Ливия	12314	9092	–	0,3	–	0,1
Марокко	2403	4674	28,5	30,9	2,6	2,6
Судан	685	260	43,3	60,6	46,1	25,0

Тунис	1980 г.	1998 г.	1980 г.	1998 г.	1980 г.	1998 г.
	2234	5736	7,2	9,5	0,9	0,6
Импорт						
	Объем импорта,		Доля, %			
	млн. долл.		продовольствие		сельхозсырье	
Алжир	1980 г.	1997 г.	1980 г.	1997 г.	1980 г.	1997 г.
	10544	8688	20,9	31,8	3,2	3,1
Египет	1980 г.	1998 г.	1980 г.	1998 г.	1980 г.	1998 г.
	5495	16479	27,1	21,2	6,8	4,9
Ливия	1985 г.	1997 г.	1985 г.	1997 г.	1985 г.	1997 г.
	4102	5593	17,2	22,8	1,0	0,9
Марокко	1980 г.	1997 г.	1980 г.	1997 г.	1980 г.	1997 г.
	4182	7878	19,8	16,6	6,4	5,4
Судан	1995 г.	1996 г.	1995 г.	1996 г.	1995 г.	1996 г.
	1185	1073	24,4	17,3	1,8	1,6
Тунис	1980 г.	1998 г.	1980 г.	1998 г.	1980 г.	1998 г.
	3522	8347	13,6	10,3	3,6	3,0

Источник: UNCTAD. Handbook of Statistics. 2000. UN, N.Y. 2000, с. 136, 138, 141, 142, 145, 147, 149, 152, 153, 156, 157.

Данные таблицы позволяют прийти к ряду важных оценок и выводов не только относительно современного состояния отрасли и, прежде всего, ее продовольственного сектора в странах Северной Африки, но и, что значимо, некоторых возможных перспектив развития этих жизненно важных сфер национальных экономик. Во-первых, следует отметить как очень важный сдвиг в эволюции продовольственной проблемы то обстоятельство, что большинство стран увеличило долю продовольствия в национальном экспорте. Это – Египет, Судан, Марокко, Тунис. Даже в Ливии образовался экспортный излишек, хотя его объем и невелик. Во-вторых, обращает на себя внимание более, чем двукратное увеличение данного показателя в Египте, который достиг заметной величины в 12%. Причем, такой значительный сдвиг произошел за сравнительно непродолжительный период времени. В-третьих, исключительно высока доля продовольствия в экспорте Судана – «продовольственной корзине Ближнего Востока», как называют эту страну, причем она даже увеличилась за рассматриваемый период. Сказанное выше позволяет утверждать, что оценки относительно имеющегося потенциала оптимизации структуры производства сельскохозяйственной продукции, а также роста производства и экспорта продовольствия на основе более эффективного использования природно-климатических ресурсов североафриканских государств имеют под собой объективную основу.

Позитивные изменения наблюдаются и в сфере импорта продовольствия. Доля продуктов питания в суммарном импорте снизилась также в основной группе стран региона – в Египте, Марокко, Судане и Тунисе. Причем в Судане и Египте этот показатель сократился на весьма значительную величину. Однако, несомненно, важные изменения не следует преувеличивать. Действительно, отмеченная динамика частично связана с дефицитом валютных ресурсов во всех без исключения рассматриваемых государствах, хотя его острота существенно отличается в разных странах.

Вместе с тем, следует отметить все еще сохраняющийся высокий уровень ввоза из-за рубежа продовольствия во всех странах. Он варьируется от примерно 10 до 30 и более процентов от всего импорта и указывает на сохраняющуюся довольно высокую степень зависимости большинства стран Северной Африки от внешних продовольственных ресурсов, несмотря на некоторые позитивные подвижки в этой области.

¹ The Middle East and North Africa. – L., 2004, сс. 190–192.

² Султан Абу Али. Аль-машура аль-ватаний аль-мысрий. Рууя иктисадия ли-мыср ам 2020. – Кюрасат истратиджия. Марказ ад-дирасат ас-сиясия ва-ль-истратиджия «Аль-Ахрам». – Национальная программа развития Египта. Египетская экономика до 2020 года. Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам». – Аль-Кахира. № 35, 1996, с. 5.

³ The Middle East and North Africa. – L., 2004, с. 1129.

⁴ The Middle East and North Africa. – L., 2004, с. 1128.

**ПОЛИТИКА СТРАН-РЕЦИПИЕНТОВ
В ОТНОШЕНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ
ИЗ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ**

Политика промышленно развитых стран Европы в отношении миграции из-за рубежа на протяжении второй половины XX в. отличалась большим диапазоном – от поощрения трудовой миграции в периоды экономического роста и непротивления свободному въезду до введения жестких ограничений и даже сокращения численности мигрантов, а порой и высылки части из них в периоды экономической депрессии и спада или из-за возникших политических трений. Специальные меры приходилось принимать для ограничения наиболее вопиющих проявлений дискриминации по отношению к арабам-мигрантам¹.

Страны Западной Европы, принимавшие основную часть мигрантов из Северной Африки, прочие государства-реципиенты существенно различаются по условиям, масштабам и профилю (качественным характеристикам) мигрантских потоков, а также с точки зрения проблем, которые порождает пребывание и деятельность мигрантской общины в данной конкретной стране. Например, Германия заметно превосходит другие европейские страны по числу ежегодно прибывающих и осевших мигрантов. Италия отличается тем, что она принимает наибольшее число нелегальных мигрантов, главным образом из Марокко. Именно в этой стране североафриканские мигранты оседают в «динамично развивающемся и процветающем неформальном секторе экономики». Миграция в Великобританию в основном представляет собой воссоединение семей, а также с целью заключения браков².

Возросшая потребность стран Западной Европы и некоторых других промышленных государств после Второй мировой войны в значительном дополнительном числе рабочих рук на начальных этапах развития внешней миграции определила их курс на содействие притоку мигрантов из Северной Африки и других регионов развивающихся стран. Крупнейший реципиент мигрантов из Северной Африки среди европейских государств – Франция – в первые годы после окончания Второй мировой войны ввела норму, дававшую мигрантам из франкофонных стран севера Африки право свободного въезда. Эта норма просуществовала вплоть до второй половины 50-х – начала 60-х годов, пока сохранялись особые отношения метрополии и зависимых территорий. Естественно, приобретаемая в Северной Аф-

рике все более широкие масштабы борьба за политическую независимость, переросшая в Алжире, например, в вооруженное сопротивление и антиколониальную войну, не могла не сказаться на ней. С середины 50-х годов такое право было отменено.

Научно-техническая революция, начиная с периода 60-х годов, хотя и оказывала противоречивое влияние на динамику спроса на рабочую силу на рынке труда в промышленно развитых государствах, в целом также прямо или косвенно (через экономический рост) содействовала увеличению спроса на неквалифицированный и малоквалифицированный труд, однако его объем имел свои пределы. Он был ниже возрастающего притока мигрантов из Северной Африки и других регионов. Согласно имеющимся данным, мигранты в страны Европы, как и в другие развитые регионы мира, распределялись по уровню образования следующим образом: на имеющих среднее и высшее образование приходилось до 15% всех мигрантов, около 10% – имевшие неполное среднее образование, наибольшую долю – порядка 40% – составляли мигранты с начальным образованием, т.е. лишь умеющие читать и писать, оставшуюся треть составляли неграмотные³.

В этих условиях в 60-е годы правительства ряда стран Западной Европы, являвшейся основным регионом, в который направлялась миграция из Северной Африки, заключают двусторонние соглашения с североафриканскими партнерами, регулирующие трудовую миграцию в Европу. Их главными целями являлись удовлетворение внутреннего спроса на рабочие руки и в то же время предотвращение притока избыточной рабочей силы в неблагоприятные, с точки зрения экономической конъюнктуры, периоды, воспрепятствование нелегальной миграции, приобретавшей все большие масштабы и угрожавшей расцветом преступности, особенно наркобизнеса, ростом безработицы в самих странах-реципиентах и т.д. В этой связи в качестве основного средства использовалась политика квотирования – ограничения численности въездных виз, которые устанавливались двусторонними соглашениями. Этот метод в основном применялся европейскими странами, прежде всего Францией, испытывавшей наибольший наплыв мигрантов из таких стран Северной Африки, как Марокко, Алжир, Тунис⁴.

С начала-середины 90-х годов XX в. миграционная политика европейских государств претерпевает глубокие изменения. Это было вызвано рядом обстоятельств – негативным воздействием проблемы мигрантов на внутриполитическую жизнь, разрастанием масштабов нелегальной миграции, принятием Шенгенских соглашений, относительным сокращением спроса на неквалифицированный труд и некоторыми другими. Эти факторы способствовали инициированию поиска единого подхода, точнее говоря, единых подходов, унифицированной миграционной политики стран ЕС, характерной чертой которой становится не только контроль, и даже не столько контроль, сколько управление миграционными процессами⁵.

Принципиальное значение имело принятие странами ЕС так называемой Новой интеграционной стратегии в районе Средиземноморья (1992 г.), согласно которой промышленно развитые страны усиливали свою поддержку и помощь арабским государствам с целью решения тех проблем, которые и вызывали в прошлом массовую миграцию в Европу. Однако, как отмечали эксперты спустя 10 лет после провозглашения новой средиземноморской стратегии Евросоюзом, влияние последней все еще было слишком скромным, чтобы приостановить поток мигрантов из Северной Африки. Лишь Марокко получило ощутимые фонды на цели хозяйственного развития и решение социальных проблем. Явно недостаточными были инвестиции европейского частного капитала, на приток которых возлагали большие надежды в начале 90-х годов.

Ужесточение миграционной политики европейских государств, в том числе вследствие принятия странами-членами ЕС соглашений о свободном передвижении внутри Шенгенской зоны, своим следствием имело сокращение ежегодной численности мигрантов. И эта тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени.

Широкий географический спектр миграционных потоков предопределяет и разнообразие позиций и подходов правительств принимающих государств к регулированию трудовой миграции и положения мигрантов.

В арабском мире Саудовская Аравия (как Франция в Европе) приняла, начиная с 70-х годов, наибольшее число рабочих-мигрантов из арабских стран. Впрочем, внешняя миграция в страны Залива вообще представляет собой совершенно уникальное явление в истории мировой миграции. Действительно, доля мигрантов среди коренных жителей стран этого региона арабского мира настолько высока, что это дает все основания для такой оценки. Ее подтверждает нижеследующая таблица.

Таблица 1

**Собственное население и доля мигрантов
в странах Залива в середине 90-х годов**

Страна	Население (1996 г.), млн. чел.	Доля мигрантов, %
Саудовская Аравия	19,8	27,7
Кувейт*	2,2	65,4
Бахрейн	0,6	37,4
Катар	0,6	76,5
ОАЭ	2,4	73,1
Оман	2,2	27,5
ВСЕГО:	27,8	51,4

Примечание: * – 1997 г.

Источник: World Migration Report. 2000. International Organization for Migration. P., 108.

В крупнейшей стране-реципиенте мигрантов из Северной Африки трудились миллионы выходцев из соседних по региону государств, целые отрасли использовали труд только рабочих-мигрантов. Однако растянувшийся на 80–90-е годы спад мировых цен на нефть и, соответственно, нефтяных доходов королевства привел к сокращению программ развития страны и спроса на рабочую силу. Но это – только одна сторона проблемы. Другая состоит в том, что в КСА сохраняется высокий уровень рождаемости и естественного прироста населения. Оба эти фактора в 80–90-е годы начинают влиять на политику государства на рынке труда в сторону ее кардинального изменения. Суть происходящих в последний период истории Саудовской Аравии изменений состоит в постепенном отказе от использования иностранной рабочей силы, высвобождении занятых мигрантами рабочих мест и предоставлении их местным категориям, ищущим работу. Политика «саудизации» особенно активно начинает проводиться в новом столетии. Государственные органы, отвечающие за регулирование рынка труда, опубликовали прогнозы быстрого роста безработицы среди коренного населения уже в ближайшие годы, если не будут приняты энергичные и хорошо продуманные меры. В плане социально-экономического развития КСА на пятилетие отмечается, что ограничение возможных негативных явлений на рынке труда страны, с которыми страна столкнется в ближайшие годы, является одной из сложнейших проблем. С учетом высокой динамики демографического роста и неблагоприятных тенденций в сфере занятости (уровень безработицы среди мужского населения в начале XXI в. оценивался Саудовским советом по трудовым ресурсам в 14% [2000 г.]), в стране необходимо за пятилетний срок трудоустроить 817,3 тыс. человек. Планом предусматривается, что в частном секторе будет создано 328,7 тыс. новых рабочих мест. Еще 488,6 тыс. необходимых вакансий намечается получить в ходе «саудизации» сферы занятости, т.е. освобождения мест, занятых мигрантами из-за рубежа. Об остроте и масштабах проблемы говорит и тот факт, что сейчас в стране ежегодно создается лишь 25 тыс. новых рабочих вакансий. Нетрудно подсчитать, что при сохранении нынешних тенденций вместо намеченных на пятилетие будет создано лишь 125 тыс. новых рабочих мест – примерно в 3 раза меньше планируемого числа⁶.

Саудовская Аравия в своей миграционной политике прибегает не только к мерам административного регулирования, но и к экономическим методам с целью достижения большей гибкости и эффективности. Главное место занимает комплекс мер, направленных на ускорение экономического роста, что, в принципе, является наиболее надежным направлением в решении проблемы занятости и ведет к созданию новых вакансий. Один из приоритетных методов заключается в стимулировании инвестиций в целом и иностранных, в частности. С этой целью в Саудовской Аравии принят новый кодекс, регулирующий деятельность иностранных инвесторов. Ключевое нововве-

дение заключается в уравнивании местных и иностранных инвесторов в области налогообложения, что создает сильные стимулы для последних. Наряду с этим, допускается 100% иностранное участие в капитале компаний, предоставление внешним инвесторам возможности получения дешевых кредитов, выдаваемых Саудовским фондом промышленного развития. Кодекс предусматривает также упрощение всей процедуры одобрения инвестиционного проекта по принципу «одного окна».

Европейские страны, в отличие от арабских государств-экспортеров энергоносителей, не испытывают резких перепадов в экономической конъюнктуре, и потому потребность в иностранной рабочей силе, в том числе из стран Арабского Востока, носит более или менее постоянный, стабильный характер. Поэтому они пока не прибегали к политике вытеснения мигрантов из сферы труда, подобно Саудовской Аравии или Ливии. Тем более, что, в отличие от стран Залива, в промышленно развитых странах Европы доля мигрантов относительно невысока: на 370,6 млн. граждан приходилось 17,6 млн. мигрантов (1997 г.) или около 5% общей численности населения⁷. Причем лишь небольшую их часть, как отмечалось ранее, составляли мигранты из Северной Африки. Тем не менее, в периоды спада европейские страны прибегают к ограничению притока иностранных рабочих или к его приостановке, в том числе из североафриканских государств. Так было в 1974 г. во Франции, и в следующие десятилетия в этой стране принимались законы по регулированию и ограничению притока мигрантов. Подобное положение складывалось и в ряде других европейских государств – Италии, Швейцарии и др. Дело доходило порой и до высылки части мигрантов, когда, например, как в Италии в 1990 г., несколько десятков тысяч мигрантов из североафриканских стран подпали под действие нового итальянского закона об иммиграции.

Но даже в условиях усиления регулирования трудовой миграции из стран Северной Африки в Европе показательно, что огромное число, если не большинство мигрантов, в условиях демократического общества довольно прочно оседает на длительное проживание там и не собирается возвращаться на родину. Так, к началу 90-х годов XX в. примерно 4/5 всех тунисцев во Франции прибыла в эту страну еще до 1975 г.⁸ Иначе обстояло дело в соседней с Тунисом Ливией. В этой арабской стране в начале 90-х годов около 20% всех работавших тунисцев проживали относительно продолжительный период и то – с середины 80-х годов. Сопоставление этих данных говорит о многом. Во-первых, политические условия и характер общественного устройства в сильной, если не сказать в решающей, степени влияют на «ценз оседлости» внешних мигрантов. Во-вторых, вышеприведенные чрезвычайно важные, во многом характерные, данные указывают на то, что адаптационные способности мигрантов из арабского, мусульманского мира» в европейских, христианских государствах в современную эпоху (ин-

формационное общество, высокая коммуникативная динамика, т.е. большие возможности для связи с родиной, посещением родных мест, семьи и т.д.) заметно возросли и могут оцениваться как социальный феномен последней четверти XX в. – периода массовых трудовых миграций. В-третьих, несмотря на определенные трудности и лишения, которые испытывают мигранты, подавляющее большинство вполне способно ассимилироваться в изначально чуждых им культуре и религиозной среде. Более того, они предпочитают как можно дольше оставаться в стране-реципиенте, длительность их пребывания указывает на то, что, вероятно, они останутся в ней на всю жизнь.

Законодательство стран-реципиентов регулирует различные стороны не только трудовой деятельности, но и пребывания мигрантов. Это, в частности, касается такого важного гуманитарного аспекта, как положение семей мигрантов. Так, французское законодательство с 1984 г. разрешает со второго года после приезда во Францию и начала работы проживать мигрантам с ближайшими родственниками, к которым были отнесены жена и дети моложе 18 лет. Но для этого должны быть соответствующие жилищные и материальные условия – не менее 8 кв. м жилплощади на одного члена семьи и т.п. Однако обследования, проведенные в среде мигрантов, показали, что такие условия способны обеспечить далеко не все из них – лишь один из 10–15. Иными словами, среди мигрантов полностью доминируют холостяки и мужчины, чьи семьи проживают на родине.

В последние десятилетия, когда вопрос об иностранных рабочих, главным образом в Европе, приобрел особую остроту, проблема регулирования их численности привлекает повышенное внимание политиков и ученых, общественных деятелей и самые широкие слои электората. В этой связи необходимо подчеркнуть, что общественно-политический резонанс, который имеет с 80–90-х годов проблема мигрантов контрастирует с долей последних в общей численности населения. По имеющимся оценкам, в 90-е годы XX в. она составляла немногим более 1% во Франции, Бельгии и Голландии и менее 1% – в прочих европейских государствах. Впрочем, несмотря на столь скромный показатель, его не следует недооценивать. Во-первых, потому, что значительное число, если не большинство, мигрантов оседает очень компактно, причем в столицах и пригородах. Во-вторых, для них характерна высокая социальная мобильность. Ряд других характеристик также придаёт особое значение данному показателю.

Анализ государственной политики стран-реципиентов в области миграции позволяет прийти к следующим выводам.

В целом, общей тенденцией в политике стран-реципиентов второй половины XX в. было введение и сохранение контроля над миграционными потоками из стран Северной Африки. Эта тенденция – ужесточение миграционной политики европейских стран – усиливается в особенности с середины 90-х годов.

Почти полувековой опыт регулирования миграции показывает ограниченные возможности государства-реципиента в этой области. Полностью государственному регулированию подчинить миграционные потоки не удалось, на что указывает довольно высокая доля нелегальной миграции: по отдельным странам с учетом близких к ним по статусу мигрантов, чье пребывание в стране-реципиенте не оформлено должным образом, ее доля достигает 30–50%. Не только в относительно перенаселенных странах Европы и других промышленно развитых государствах, но и в арабском мире государство не устанавливало, как правило, жестких ограничений на попытки мигрантов ассимилироваться и осесть в стране-реципиенте, получив гражданство. Как правило, это достигалось путем заключения браков и созданием смешанных семей. Среди мигрантов во Франции, например, доля смешанных браков к численности общины достигала заметной величины.

Большая часть мигрантов, по некоторым странам до 80%, как это имело место с тунисцами во Франции, в основном адаптировалась к новым условиям и практически ассимилировалась. Это не означает, по мнению многих исследователей проблемы миграции, полной адаптации мигрантов, главным образом, первого поколения. Такая полная адаптация – скорее исключение, чем правило. Однако частичная адаптация – явление довольно широкое. Оно проявляется в целом ряде признаков, среди которых можно выделить следующие:

- получение профессии, пользующейся спросом на местном рынке труда;

- заключение смешанного брака;

- рождение детей в семье мигрантов;

- открытие собственного дела в стране-реципиенте и т.д.

Последнее обстоятельство – «неполная», частичная ассимиляция, адаптация вместе с ростом миграционных потоков в промышленно развитые страны, прежде всего в Европу, дала повод некоторым исследователям считать, что миграция в основном порождает конфликтогенную зону в странах-реципиентах, что она является частью общей проблемы XXI в. – конфликта цивилизаций (известная теория Г.Хантингтона) и т.д. В целом, позиция отдельных исследователей вкратце сводится к тому, что миграцию следует оценивать как социальное зло.

Однако анализ проблемы на различных этапах ее развития дает основания для более сбалансированной оценки этого важного феномена, позволяет избежать крайностей и односторонних оценок. Во-первых, нельзя не отметить рост масштабов трудовой миграции за рубеж, что указывает на высокую потребность и заинтересованность значительного числа жителей Северной Африки в выезде за рубеж и улучшения своего экономического положения и смене социального статуса. Миграция позволяет им решать многие существенные проблемы

и для многих из них становится выходом из беспросветного существования у себя на родине. Во-вторых, миграция решает важные проблемы на родине мигрантов, способствуя рассасыванию безработицы и т.д. В-третьих, миграция, возможно как ни одно другое социальное явление, имеет массовый характер и способствует взаимопроникновению культур и цивилизаций, т.е. содействует сближению наций, религий и народов и т.п. Последнее обстоятельство особенно важно в условиях глобализации многих процессов экономической, политической и социальной жизни, становления единого информационного поля, роста взаимозависимости народов и стран в их развитии.

¹ Documenting discrimination against migrant workers in the labour market: A comparative study of four European countries. – ILO. Geneva, 2000, с. 107–112.

² World Migration Report. 2000, с. 190; Asylum and migration policies in the European Union. – Research Inst. of German Society for Foreign Affairs. Berlin. 1999.

³ Тунисская Республика. М., 1993 г., с. 316.

⁴ Labour market changes and job insecurity: A challenge for social welfare and health promotion. Copenhagen, 1999.

⁵ El Gueddari A. Vers une politique d'immigration de l'Union europeenne. – Hommes et migrations. – P., 1999, № 1222, с. 78–84.

⁶ Middle East Economic Digest. L. 16.03.2002, № 11, с. 23–24.

⁷ EUROSTAR. Demographic Statistics. 1999, с. 189.

⁸ Тунисская Республика. М., 1993 г., с. 318.

ЕГИПЕТСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ
МЕЖАРАБСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РЕФОРМИРОВАНИЮ ЛАГ

Война в Ираке, начатая США и их союзниками в 2003 г. и выявившая раскол в арабских рядах, вновь дала пищу для размышлений по поводу того, насколько эффективна нынешняя организация арабского сообщества. Арабы весьма болезненно переживали военный исход кризиса вокруг Ирака, свидетельствовавший о слабости арабского сообщества, о расколе в его рядах и неспособности повлиять на нежелательное для большинства арабских стран развитие событий в регионе.

В арабской прессе все чаще стала звучать критика в адрес арабских стран, оказавшихся неспособными или не пожелавшими объединиться перед лицом нависшей над регионом угрозы. Видный египетский политолог Ваиль аль-Абраши на страницах египетского журнала «Роз эль-Юсеф» высказал мнение, что «каждая американская крылатая ракета, выпущенная по Ираку, одновременно уничтожает Лигу Арабских Государств, которая в нынешнем ее виде демонстрирует свое полное бессилие». Заявления и резолюции, принятые на недавних саммитах ЛАГ, – пустой звук перед лицом того, что некоторые члены организации оказывают открытую поддержку американско-британской экспансии в регионе. Ряд других арабских стран, считав, что эта война обойдет их стороной и закончится быстро, закрывают глаза на такое двурушничество. В настоящий момент было бы уместнее говорить о Лиге «американо-арабских государств», открыто предающей арабские интересы, подчеркнул египетский политолог¹. Сегодня подобное мнение разделяют многие в арабском мире.

Пессимизм относительно эффективности нынешней организации арабского сообщества высказывался и главами государств региона. Накануне начала военных действий президент АРЕ Хосни Мубарак не без горечи констатировал, что «арабы не в состоянии остановить или отложить войну против Ирака»². По итогам встречи с саудовским министром иностранных дел Саудом аль-Фейсалом в апреле 2003 г. Х.Мубарак заявил, что, «если после войны регион и не станет принципиально иным, все же он должен извлечь уроки из текущих событий, должен пойти по пути развития, что принципиально важно для самого региона»³. В Каире пришли к выводу, что одним из необходимых шагов в сторону развития арабского сообщества должно стать реформирование его крупных организаций, прежде всего ЛАГ.

По окончании войны в Ираке практически во всех арабских странах стали звучать голоса сомнения относительно эффективности ЛАГ в нынешней ее форме. Данные упреки были направлены, в том числе и в адрес Египта, поскольку позиции АРЕ в этой крупнейшей межаарабской организации по традиции сильны. Свидетельством весомой роли Египта в арабском мире стало избрание на общеарабском саммите в Аммане в марте 2001 г. на пост генерального секретаря ЛАГ министра иностранных дел АРЕ Амра Мусы. Он стал пятым египтянином из шести на должности генерального секретаря ЛАГ со времени ее основания в 1945 г.⁴

Надо сказать, что в последние годы Амру Мусе удавалось поднять престиж ЛАГ в глазах арабов. Он многое сделал для того, чтобы сгладить противоречия между Ираком и странами Персидского залива, прежде всего, Кувейтом и Саудовской Аравией, что можно было наблюдать в ходе саммита ЛАГ в Бейруте в марте 2002 г. Однако он и его организация оказалась бессильной перед мощной, четко слаженной в своих действиях американско-британской военной машиной. ЛАГ не удалось сделать главного – сплотить ряды арабских государств и выступить с решительными мерами. Это, по мнению египетского руководства, связано с тем, что ЛАГ не обладает наднациональными полномочиями, позволяющими в нужный момент принять адекватные шаги для пресечения угрозы по отношению к одной или нескольким арабским странам⁵.

В июле 2003 г. официальный Каир выступил с пакетом предложений по развитию межаарабских отношений и реформированию крупнейшей межаарабской организации – ЛАГ⁶. Документ, включавший в себя 11 предложений, по мнению Египта, призван преодолеть паралич действий арабского сообщества, находящегося в состоянии глубокого кризиса. Инициатива содержит в себе целый комплекс мер, которые предусматривают в частности, создание новых структурных объединений внутри арабского сообщества, призванных повысить эффективность взаимодействия между странами и диверсифицировать многосторонние связи. Ключом к активизации межаарабских отношений Египет считает улучшение атмосферы в арабском мире путем устранения имеющихся на сегодня разногласий между странами. Без этого трудно приступить к главному – строительству общего «арабского дома» на базе глубоких интеграционных процессов.

Каир предлагает ЛАГ взять на себя роль основного стержня в системе межаарабских отношений. Как заявил глава МИД Египта Ахмед Махер, «все инициативы государств региона должны быть направлены на развитие Лиги Арабских Государств как главного представителя арабских стран и показателя их работы»⁷. Египет полагает, что ЛАГ следует рассматривать как основной инструмент межаарабского сотрудничества, способного обеспечить интересы арабов на государственном, блоковом и общеарабском уровнях. Эта система

многоуровневых связей в рамках ЛАГ должна, в конечном счете, стать ее опорой, укрепить межарабское сотрудничество в условиях меняющегося, сложного международного положения и региональной ситуации, создающей прежде невиданные угрозы. По мнению официального Каира, до нынешнего дня у многих арабских стран не хватало политической воли, чтобы повысить роль ЛАГ в межарабских отношениях.

В египетском проекте реформирования ЛАГ подтверждается «важность арабской экономической интеграции». Каир напоминает арабским странам, что со времени подписания Соглашения по экономическому сотрудничеству в 1950 г. и взятия курса на создание арабского общего рынка в 1964 г., реальных плодов межарабской интеграции так и не видно, в то время как страны такого регионального объединения, как ЕС прошли практически все стадии экономической интеграции и приступают к реализации мер по достижению политической интеграции.

Египет, приводя пример ЕС, утверждает, что любая интеграция должна осуществляться на базе тесного экономического сотрудничества. Для этого арабам необходимо активно работать в следующих направлениях: изучить весь предыдущий опыт межарабского экономического сотрудничества, создать совместные координационные комитеты в различных секторах экономики, осуществлять совместные экономические проекты и поощрять частный сектор для его участия в процессе межарабской интеграции. В Каире считают, что осуществление совместных экономических проектов и развитие многоуровневых экономических связей – это залог более тесного взаимодействия арабских стран и в политической сфере. Непременным условием успешной арабской экономической интеграции египтяне называют рост товарооборота между арабскими странами⁸. На сегодня этот показатель торгово-экономического сотрудничества в арабском мире довольно низкий. Так, например, товарооборот Египта с Тунисом равен 99 млн. долл., с Марокко – 74 млн., а с Иорданией – 136 млн. Причем в каждом из этих случаев экспорт из Египта превышает импорт⁹.

Очевидно, Египет будет стремиться как можно скорее вовлечь Ирак в процесс экономической интеграции с тем, чтобы обеспечить участие в ней потенциально сильного экономического столпа в регионе Арабского Машрика, которым Ирак с его солидными экономическими и людскими возможностями, безусловно, является. В июле 2004 г. по итогам египетско-иракских переговоров было объявлено о том, что совместная комиссия по двустороннему сотрудничеству, возглавляемая премьер-министрами, активно займется всеми вопросами двусторонних отношений – политическими, экономическими, торговыми, обороны и безопасности. Как заявил египетский премьер Ахмед Назиф, его страна готова сделать все, чтобы помочь Ираку обеспечить безопасность и экономическое развитие с тем, чтобы страна

вновь стала деятельным членом международного сообщества и вернула свои позиции в арабском мире¹⁰.

Говоря о необходимости более тесного межарабского экономического сотрудничества как залого процветания арабской нации в целом и каждой страны в отдельности, Египет затрагивает один из наиболее актуальных вопросов, стоящих на повестке в регионе – проблему преодоления экономической отсталости. Экономическая составляющая играет далеко не последнюю роль в достижении согласия внутри страны. «Островки стабильности» на Арабском Востоке, к которым, как правило, относят Ливан, Иорданию, Тунис, – это страны, если не победившие бедность, то, по крайней мере, существенно повысившие средний уровень доходов населения в результате продуманных реформ. Для Египта данная проблема стоит весьма остро, поскольку, несмотря на рост макроэкономических показателей, социальная политика властей ощутимых результатов не дает. Численность населения стремительно растет, а экономические показатели не поспевают за демографическим, ростом. В 2003 г. численность населения Египта перевалила за 70-миллионную отметку, увеличиваясь при этом примерно на 1,3 млн. человек ежегодно¹¹.

Бюджет Египта во многом зависит от источников поступления денег, тесно связанных с внешней конъюнктурой, – экспортом нефти, туризма, валютных переводов египтян-эмигрантов из-за рубежа, доходов от Суэцкого канала. В связи с этим Каир стремится максимально диверсифицировать источники доходов своей казны и обоснованно рассчитывает в этом на помощь арабских стран, располагающих финансовыми средствами.

Весьма важными, с точки зрения развития межарабских экономических связей, представляются проекты в области наиболее развитых секторов экономики, в частности, поставок углеводородного сырья, осуществление которых активно ведется и в начале XXI в. Почти одновременно с обнародованием египетской инициативы в конце июля 2003 г. был введен в строй межарабский газопровод, по которому газ из Египта пойдет сначала в Иорданию, Сирию, Ливан, а в дальнейшем предполагается пустить газ в Кипр, Турцию и некоторые другие страны Европы. Помимо решения насущных задач в области энергетики, проект позволит привлечь в регион солидные иностранные инвестиции. Это самый масштабный межарабский проект за последние годы. На Арабском Востоке нет недостатка в хвалебных эпитетах этому плану, но чаще сами арабы называют программу «важнейшим проектом межарабского сотрудничества, который значительно повышает экономические возможности арабов и устремлен в будущее». По мнению министра нефти Египта, успешный запуск газопровода это «качественный рывок вперед для египетской нефтегазовой индустрии и в то же время важнейший экономический и стратегический проект для всего арабского мира»¹².

Далее в рамках своей инициативы Каир предлагает создание межарабского парламента, который, по мнению египетских властей, будет способствовать укреплению демократических институтов. Важнейшей функцией межарабского парламента должен стать контроль над деятельностью органов ЛАГ, а также содействие в выработке политической линии ЛАГ во всех сферах ее деятельности. Помимо политического контроля, в компетенцию межарабского парламента должен входить также финансовый контроль над бюджетом Лиги и ее проектами.

В сфере обеспечения безопасности Египет предложил создать эффективную систему межарабской безопасности. Ядром такой системы должен стать Арабский совет безопасности, который возьмет на себя основные функции в данной области. Совет необходимо наделить большими полномочиями, чтобы он был в состоянии как можно более оперативно реагировать и принимать решительные меры, а также действовать в случае, если одно из государств членов ЛАГ подвергнется агрессии. Альтернативой Арабскому Совету Безопасности или параллельно действующим органом может стать Арабский форум национальной арабской безопасности в рамках ЛАГ с участием специалистов из арабских стран в области обороны, безопасности и стратегии, а также аналитиков из различных исследовательских центров. Такой форум, по мнению Каира, будет способствовать открытому обсуждению арабскими странами проблем, касающихся вопросов безопасности и источников угроз.

Еще одним неременным условием для активизации межарабской интеграции Египет считает поддержку арабских специализированных организаций, действующих не только в политико-экономической, но и в культурной сфере, а также создание новых специализированных организаций при усилении их связей с ЛАГ без ущерба объему их полномочий, финансовой и управленческой независимости. Каир настаивает на укреплении связей ЛАГ и его институтов с арабским гражданским сообществом и неправительственными организациями. ЛАГ нужно тесно сотрудничать с неправительственными организациями, чтобы в своей работе руководствоваться истинными чаяниями общественности – самым верным показателем и ориентиром, который всегда необходимо принимать во внимание. Именно они выражают волю народа самому участвовать в деятельности различных сфер – политической, экономической, социальной, культурной, гуманитарной. В связи с этим Египет выступает за внесение поправок в Устав ЛАГ, в которых должны быть четко прописаны механизмы взаимодействия ЛАГ с неправительственными организациями в арабском мире.

Египет предложил изменить систему голосования в Совете ЛАГ, считая ныне существующую устаревшей и даже препятствующей принятию решительных мер. Вместо единодушного согласия всех

стран-членов, предлагается ввести принцип простого или же квалифицированного большинства.

Важным шагом на пути к межарабской интеграции Каир считает межарабскую коллегиальную дипломатию. Это, с одной стороны, повысит эффективность принятых арабскими странами решений, а с другой, – сделает позицию арабов более весомой. В данном вопросе Египет вновь ссылается на пример ЕС, чья внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность успешна в силу ее коллективной основы.

В качестве примера успешного взаимодействия арабских стран по предотвращению конфликта официальный Каир приводит четкие и слаженные действия арабской дипломатии в 1961 г., когда удалось вовремя погасить конфликт между Ираком и Кувейтом. Тот кризис выявил региональные амбиции иракских властей и их территориальные притязания к арабскому соседу. 19 июня 1961 г. Кувейт был провозглашен независимым государством, и режим английского протектората завершился. Вскоре Ирак потребовал включения Кувейта в состав своих территорий, объясняя это тем, что Кувейт в прошлом был частью иракской провинции Басра. В июле 1961 г. на заседании ЛАГ Кувейт, несмотря на протест со стороны Ирака, был принят в ее члены. Кроме того, ЛАГ приняла решение о направлении объединенных вооруженных сил ЛАГ в Кувейт и замене ими английских войск, что и было произведено в октябре того же года¹³. Такая реакция явила собой пример межарабского взаимопонимания и продемонстрировала возможность коллективных действий арабских стран по принятию превентивных мер для погашения конфликта.

Заключительный пункт египетской инициативы касается необходимости усовершенствования Генерального секретариата (ГС) ЛАГ. Наличие эффективного ГС – необходимое условия для того, чтобы достичь развития ЛАГ, поскольку от этого органа многое зависит, в частности, контроль над выполнением принятых решений. Каир считает, что ГС ЛАГ необходимо подпитывать лучшими кадрами.

Египет предлагает увеличить бюджет ЛАГ, в том числе и за счет не прямых источников, а также призывает страны-члены ЛАГ погасить задолженность перед бюджетом крупнейшей межарабской организации.

В данной ситуации становится очевидно, что принятие этих мер неизбежно повлечет за собой реформы правовой основы межарабского сотрудничества в рамках ЛАГ. В Египте выражают уверенность в том, что внесение существенных изменений в Устав ЛАГ уже давно назрело. Египет предлагает три варианта действий для арабских стран в данном направлении: отказаться от существующего Устава ЛАГ и выработать новый; ограничиться включением в Устав частичных изменений и корректировок; сохранить Устав ЛАГ с добавлением к нему приложений после проведения очередных саммитов.

Как говорится в заключительной части документа, Египет выдвигает эту инициативу ради сохранения арабского сообщества и повышения эффективности его основного органа – ЛАГ. Египет надеется, что мысли, содержащиеся в этой инициативе, станут стимулом для начала реального диалога в целях сохранения высших арабских интересов и стремления к выработке четкого совместного понимания для противодействия опасным угрозам, стоящим перед всем арабским миром. И если эти усилия закончатся провалом, это будет равносильно провалу настоящего и будущего арабской нации.

Выдвинув эту инициативу, Египет не только предложил арабам план на будущее, но и подвел некоторые итоги работы нынешней системы межарабского сотрудничества, которая за более, чем полвека неоднократно подвергалась потрясениям и оказывалась под ударом, в том числе из-за нерешительных действий самих арабских стран. Для Египта ЛАГ – ключевой инструмент межарабских отношений, который, несмотря на охватившие арабский мир пессимистические настроения после вторжения США и их союзников в Ирак, непременно нужно сохранить, при этом существенно модернизировать и укрепив.

В ЛАГ приветствовали инициативу Египта, назвав ее выдвижение «превосходным и своевременным шагом»¹⁴. Официальный представитель ЛАГ Хишам Юсеф охарактеризовал предложения Египта как проявление Каиром ЛАГ «ясной политической воли в деле реформирования ЛАГ»¹⁵. В арабском мире реакция на программу реформ Египта была в целом положительной. В начале 2004 г. на ее основе была выработана совместная египетско-саудовско-сирийская инициатива, которая, впрочем, не получила всеобщего одобрения.

Как ожидалось, обсуждение египетской инициативы должно было состояться на саммите ЛАГ в Тунисе в конце мая 2004 г. Однако она не была включена в повестку дня, что вызвало протест со стороны египетской делегации. В целом, характеризуя план Египта по реформированию ЛАГ, можно сказать, что он представляет собой пакет кардинальных мер по преобразованию структурно-институциональной основы межарабских отношений. Столь масштабные реформы, которые предлагает Каир, вполне адекватны тому положению, которое занимает Египет в арабском мире. Усилия, предпринимаемые официальным Каиром в деле реформирования системы межарабских отношений и главной межарабской организации – ЛАГ, демонстрируют готовность Египта взять на себя роль флагмана и в этом ключевом для арабов вопросе. Египет – страна, обладающая большим политическим весом в арабском мире, стремится к закреплению в нем своего лидерства.

Реформы в арабском мире согласно египетским планам – вполне приемлемый вариант и для Запада. На международной арене за более, чем два десятилетия президентства, Хосни Мубарак успел заре-

комендовать себя как внушающая доверие политическая фигура, а правящий режим получил репутацию умеренного. Действия властей АРЕ как внутри страны, так и вне ее представляются Западу последовательными и логичными. Учитывая в целом благоприятные отношения Каира с Западом, а также большой интеллектуальный потенциал Египта, на Западе нередко звучат голоса, что первый – это будущий «тигр Нила», которого ждет быстрый и блестящий подъем, подобно некоторым странам Юго-Восточной Азии. С Египтом связаны серьезные экономические интересы западных стран, особенно в нефтегазовой сфере.

В Египте, стремящемся инициировать начало кардинальных реформ в арабском мире, понимают, что промедление в данном вопросе может отбросить арабские страны на обочину мирового развития, и если не начать процесс коренных преобразований в самое ближайшее время, то пропасть, которая в экономическом плане разделяет сейчас развитый Север и отсталый Юг, будет со временем только увеличиваться.

Очевидно, что сегодня не все арабские страны готовы встать на путь серьезных преобразований, которые позволят догнать ушедшие вперед промышленные развитые страны. Арабский мир широк и разнолик, его терзают противоречия как внутреннего характера, так и приносимые извне. Разногласия, имевшие место в ходе переговоров арабских стран по вопросу реформирования структурно-институциональной системы межарабских отношений, продемонстрировали, что за годы сложились противоречия, которые, если их не разрешить сейчас, в дальнейшем станут серьезным препятствием для эффективного межарабского взаимодействия. Вместе с тем, нельзя не отметить возрастающий интерес к данной проблеме не только в правительственных кругах, но и на уровне неправительственных организаций, арабской общественности.

В марте 2004 г. около 170 видных представителей общественности из различных арабских стран приняли участие в проходившей в египетском городе Александрия конференции «Арабская реформа – концепция и осуществление», посвященной различным аспектам реформирования арабского общества. Она была организована при активной роли ряда арабских неправительственных организаций, в том числе Александрийской библиотеки, Совета арабских предпринимателей, Арабской академии науки и техники, Организации арабских женщин и др.

В своем выступлении на открытии конференции президент Египта Хосни Мубарак подчеркнул, что стратегия построения лучшего будущего арабских стран имеет два главных направления – активизацию усилий по модернизации и развитию арабского общества и установлению всестороннего, прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. Он заявил, что Египет уже на протяжении многих лет осуществляет реформу политической организации общества, в которой

основное внимание уделяется двум важнейшим аспектам – закладке прочной основы институциональной структуры государства и созданию демократического климата в стране.

Президент Мубарак особо отметил, что при всей серьезности и настойчивости усилий по реформированию арабского общества достичь успеха в этой работе можно только при наличии сильной поддержки извне, но такая поддержка ни в коем случае не должна сопровождаться попытками внешних сил навязать чуждые рецепты или реализовать таким образом собственные корыстные цели. Одновременно он потребовал от международного сообщества перестать обращаться с мусульманской культурой, как с культурой насилия, а видеть в ней культуру сотрудничества и партнерства на основе диалога и равноправия. Говоря об успехах реформ в Египте, президент отметил, что страна продолжает совершенствовать свою систему образования, движется вперед по пути реформирования экономики в направлении развития рыночных отношений, борется с бюрократией и прилагает максимум усилий для привлечения новых инвестиций.

Мубарак особенно подчеркнул важность развития политических институтов общества и, в первую очередь, политических партий, которые должны стать трибуной для выражения устремлений и чаяний народа страны. «Истинным фундаментом для осуществления реформ является гражданское общество и его организации, а без глубокого уважения к правам человека, без защиты основных прав гражданина и сохранения его достоинства нет полноценной демократии», – сказал президент, подчеркнув тем самым необходимость внедрения в общественное сознание принципов соблюдения прав человека в самом широком смысле этого понятия.

Итогом работы конференции стало принятие «Александрийской декларации»¹⁶, в которой участники сформулировали основные направления дальнейшей работы для осуществления политических, социально-экономических, культурных реформ в регионе Арабского Востока. В этом документе, в частности, отмечается необходимость серьезных законодательных реформ для устранения положений, противоречащих демократическим ценностям, важность проведения свободных выборов, недопустимость заключения под стражу за те или иные взгляды, свобода организации политических партий. В экономической и социальной сфере отмечается важность стимулирования иностранных инвестиций, поддержки предпринимательства, борьбы с безработицей, поддержания реального экономического роста на уровне 6–7% ежегодно, поощрения приватизации, активного вовлечения женщин в различные сферы деятельности, развития высоких технологий, постоянного культурного обмена между народами арабских стран, в том числе посредством современных информационных технологий и многое другое.

Итоги Александрийской конференции продемонстрировали желание арабов двигаться в направлении реформ и подтвердили, что арабские страны способны сами выработать всесторонний план действий для модернизации своего сообщества.

¹ ИТАР-ТАСС. 07.04.2003.

² ИТАР-ТАСС. 10.02.2003.

³ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. – М., 2003, с. 159.

⁴ Мамед-заде П.Н. Амр Муса – «старожил» ближневосточной политики // Мир Востока, 2003, № 2. С. 16.

⁵ Аль-Ахрам. 28.07.2003.

⁶ Египетская инициатива по развитию системы межарабских отношений и реформированию Лиги арабских государств // Al-Siyassa al-dawliya. Cairo, October 2003, Issue № 154, с. 397–400 (на арабском языке).

⁷ РИА «Новости». 09.02.2004.

⁸ Ахмед Юсеф К. Египетская инициатива по реформированию системы межарабских отношений. // Al-Siyassa al-dawliya, Cairo, October 2003, Issue № 154, с. 179 (на арабском языке).

⁹ Al-Ahram Weekly, 4–10 March 2004, Issue № 680.

¹⁰ РИА «Новости». 21.07.2004.

¹¹ Monday Morning, 29 September 2003, Issue № 1605.

¹² Al-Ahram Weekly. 31 July – 6 August 2003, Issue № 649.

¹³ Исаев В., Филоник А., Шагаль В. Кувейт и кувейтцы в современном мире. – М., 2003, с. 109.

¹⁴ Al-Ahram Weekly, 31 July – 6 August 2003, Issue № 649.

¹⁵ Al-Ahram Weekly, 31 July – 6 August 2003, Issue № 649.

¹⁶ Проблемы реформ в арабском мире // Al-Siyassa al-Dawliya, Cairo, April 2004, Issue № 156, с. 291–296 (на арабском языке).

**ОТНОШЕНИЯ ЕГИПТА С ЛИВИЕЙ И СУДАНОМ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖАРАБСКИХ СВЯЗЕЙ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

В начале XXI в. внешняя политика Арабской Республики Египет (АРЕ) продолжает оставаться многовекторной и весьма активной. Наряду с решением проблемы арабо-израильского урегулирования, власти «страны пирамид» уделяют большое внимание ситуации в непосредственной близости от своих границ. Каир заинтересован в том, чтобы в окружающих его государствах правили умеренные режимы, не вовлеченные в региональные конфликты, что неизбежно повлекло бы за собой осложнение внутривосточной обстановки и в самом Египте. Несомненное значение для Каира в связи с этим имеют его отношения с арабскими соседями по африканскому континенту – Ливией и Суданом.

Отношения с Ливией на протяжении последних нескольких десятилетий переживали периоды взлетов и падений. После революции 1969 г. и ликвидации монархического строя в Ливии, новый лидер страны Муаммар Каддафи установил добрососедские отношения с тогдашним президентом Египта Гамалем Абдель Насером. Обоими двигала идея арабского национализма, объединения арабских стран вокруг единых целей, а также жесткий курс в отношении Израиля. В декабре 1969 г. на встрече Насера и Каддафи был поставлен вопрос об объединении Египта и Ливии¹. Однако внезапная смерть Насера в 1970 г. помешала юнионистским устремлениям Каира и Триполи.

Пришедший на смену Насеру Анвар Садат, не разделявший панарабских воззрений своего предшественника и не желавший тесно сотрудничать с Ливией, взял курс на конфронтацию со своим арабским соседом, что, в конечном счете, привело сначала к политическому кризису в двусторонних отношениях, а затем и к серьезному вооруженному конфликту летом 1977 г. К счастью, военные действия между двумя соседними арабскими странами удалось вскоре прекратить, в том числе и благодаря посредническим усилиям президента Алжира Хуари Бумедьена².

Подписание Египтом сепаратного мира с Израилем в 1979 г. серьезно подорвало основу египетско-ливийских отношений. Ливия расценила этот шаг Садата не иначе, как предательство общеарабского дела. Стоит отметить, что в период правления Анвара Садата

список претензий Египта к Триполи был также довольно внушительным. Официальный Каир обвинял ливийцев в поддержке «международного терроризма», оказании помощи Ирану в войне с Ираком, вмешательстве во внутренние дела АРЕ, Чада, Туниса и других стран³. В Ливии, в свою очередь, осуждали отход Каира от панарабистского курса президента Насера, одновременно обвиняя египетское руководство в предательстве ислама.

В этот период отношения между Египтом и Ливией продолжали оставаться напряженными. Страны находились на грани вооруженного столкновения, о чем свидетельствует активная демонстрация обеими сторонами своей военной мощи. В марте 1980 г. начальник генштаба Египта А.Бадави по окончании инспекционной поездки по воинским частям, дислоцированным вдоль египетско-ливийской границы, заявил, что «Каддафи превратил Ливию в склад оружия. В связи с этим одна из важнейших задач Египта состоит в охране территориальной целостности Египта на случай агрессивных актов со стороны Ливии»⁴.

В июне 1980 г. Садат ввел чрезвычайное положение в районе египетско-ливийской границы, назвав этот шаг временным, который сделан в связи с угрозами безопасности страны со стороны Ливии. Садат также назвал это «предупредительной мерой» против Ливии⁵. Вскоре министерство обороны АРЕ сделало заявление о том, что Египет не имеет намерений совершать агрессию против каких-либо стран, однако не замедлит дать отпор любой попытке посягательства на его суверенитет или территорию. При этом представители египетского военного руководства отметили, что «сила стала на нынешнем этапе основным средством противодействия опасностям, угрожающим региону»⁶. Было очевидно, что среди тех стран, которым были адресованы эти слова, значилась и Ливия.

Напряженность в египетско-ливийских отношениях обуславливалась также противостоянием двух сверхдержав – СССР и США, принимавших активное участие в процессах в регионе. Если к концу 70-х годов Каир переориентировался на тесное сотрудничество с Вашингтоном, заметно ухудшив отношения с Советским Союзом, то Триполи по-прежнему оставался одним из ключевых союзников Москвы на Арабском Востоке. Степень конфронтационности в межарабских отношениях зависела от того, к какому лагерю в условиях биполярного мира и «холодной войны» принадлежала та или иная арабская страна. Ливия оказалась наиболее территориально близкой к Египту просоветской страной в арабском мире, что в условиях проамериканского внешнеполитического курса А.Садата практически предопределило напряженность в двусторонних отношениях.

В последующие годы обстановка складывалась таким образом, что сближение между официальным Каиром и Триполи представлялось довольно проблематичным. Ухудшение двусторонних отношений происходило по мере того, как Египет продолжал налаживать связи с

Израилем. Ливия так же, как и подавляющее большинство арабских стран, негативно отреагировала на открытие египетского и израильского посольств соответственно в Тель-Авиве и Каире 26 февраля 1980 г. Лидер ливийской революции М.Каддафи направил послание главам арабских государств, в котором указал на возрастающую опасность для интересов всего арабского региона капитулянтской политики египетского режима, устремленной на обеспечение господства американского империализма в богатых нефтеносных районах Ближнего Востока. В послании содержалась критика ряда арабских режимов, продолжающих поддерживать отношения с Египтом, тем самым поощрявших антиарабскую политику руководства АРЕ⁷.

В 80-е годы XX в. египетско-ливийские отношения продолжали оставаться напряженными, несмотря на то, что в октябре 1981 г. после убийства А.Садата, президентом АРЕ стал Хосни Мубарак, заметно дистанцировавшийся от тесных связей с Израилем. Необходимо отметить, что, став главой государства, Мубарак приказал египетским средствам массовой информации прекратить пропагандистскую кампанию против арабских государств, в том числе и против Ливии, а также значительно ослабил напряженность на египетско-ливийской границе. В Триполи, тем не менее, продолжали считать, что Каир не отошел от садатовского курса.

Одновременно режим Каддафи поддерживал контакты с египетской оппозицией. В телеграмме председателю Национально-прогрессивной партии (НПП) Халеду Мохи эд-Дину от 10 июня 1982 г. Муаммар Каддафи призывал Египет «избавиться от позора кемпдэвидских соглашений, ибо в противном случае эта страна больше не будет иметь никакого значения в национальном или политическом отношении»⁸. В свою очередь Египет, провозгласивший при Мубараке курс на нормализацию отношений с арабскими странами, неоднократно давал понять, что не пойдет на улучшение отношений с арабами за счет ухудшения своих связей с Израилем.

На характер двусторонних отношений большое влияние оказывали региональные события. В начавшейся в сентябре 1980 г. ирано-иракской войне Египет и Ливия оказались по разные стороны – Каир поддержал Саддама Хусейна, а Триполи встал на сторону исламского режима в Тегеране.

В то же время Ливию и Египет связывали довольно существенные экономические факторы, которые не могли не учитываться обеими сторонами. В Ливии работало много египтян, которые, будучи высококвалифицированными специалистами, играли в ливийской экономике довольно весомую роль. В свою очередь для Египта они были источником солидных валютных поступлений⁹, которые позволяли улучшить финансовое положение в АРЕ.

Двусторонние связи между Египтом и Ливией начали налаживаться в конце 80-х годов. К этому моменту Египту удалось суще-

ственно улучшить свою репутацию в арабском мире. Со своей стороны, Каддафи предпринял ряд дружественных демаршей в отношении Каира. Приняв решение об открытии границ с соседними арабскими странами, ливийцы распространили в марте 1988 г. эту меру и на Египет. Кроме того, они заявили об одностороннем отводе войск от границы с Египтом¹⁰. Наконец, в октябре 1989 г. после того, как арабские страны приняли решение вернуть Египту членство в ЛАГ, дипломатические отношения между официальным Каиром и Триполи были восстановлены¹¹. К этому времени дипломатические отношения с Египтом восстановили уже практически все арабские страны. Таким образом, Мубараку и его окружению блестяще удался задуманный еще в начале 80-х годов план по возвращению Египта в ряды арабской нации без отказа от кемп-дэвидских соглашений, сотрудничества с Израилем и стратегического партнерства с США.

С начала 90-х годов Египет и Ливия взяли курс на нормализацию двусторонних отношений, которые испытали серьезный кризис в конце 70-х – начале 80-х годов. В ноябре 1993 г. в интервью египетской газете «Аль-Ахрам» президент Хосни Мубарак заявил, что «в египетских интересах сохранение стабильности в Ливии, и отношения между двумя странами должны оставаться теплыми»¹². Для Ливии, попавшей в жернова санкций ООН в 1992 г., соседний Египет стал основным посредником в контактах с мировым сообществом. Несмотря на введенное эмбарго, Ливия развивала торговые отношения с АРЕ, предоставляла рабочие места для египтян, не имеющих источников заработка на родине. Каир критиковал санкции ООН и прилагал большие дипломатические усилия в посредничестве по «делу Локерби» между Ливией и западными странами, стараясь ослабить санкции¹³.

Египет не был заинтересован в ослаблении такой страны как Ливия, обладающей солидными природными ресурсами и способной стать эффективным участником арабского общего рынка и других совместных межарабских проектов. Выступая в защиту Ливии, официальный Каир позиционировал себя как поборник общеарабских интересов и набирал политические очки, укрепляя свое лидирующее положение в арабском мире. Акцент, как правило, делался на огромную значимость Ливии для арабского мира. Каир придерживался такого дипломатического курса, в том числе и для налаживания прочных доверительных связей между правящими элитами двух стран.

Для Каира Ливия – потенциально сильный геополитический союзник, при этом имеющий хорошие отношения со странами Европы. Египетские политики и дипломаты стремятся оттенить некоторые различия в подходах к наиболее болезненным проблемам в регионе и вынести на передний план необходимость укрепления арабских рядов перед лицом вызовов современности. Этот подход в египетской дипломатической практике наблюдается и по сей день, несмотря на то, что Триполи в ряде вопросов занимает более жесткую позицию, чем Каир.

Ливия, в свою очередь, соглашается с ролью Египта как флагмана арабского мира, по достоинству оценивая как исторический опыт АРЕ в этом качестве, так и реальный потенциал последней с учетом ее солидного веса в современных международных отношениях. В этом смысле показательны слова Муамара Каддафи, произнесенные им в ходе визита в АРЕ в марте 1999 г. Призывая к дальнейшему усилению роли Египта в регионе, Каддафи подчеркнул, что «ослабленный Египет ослабит и арабскую нацию».

Как бы то ни было, египетско-ливийские отношения на современном этапе развиваются вполне успешно. Обе страны постоянно обмениваются мнениями по ключевым проблемам, стоящим перед регионом и стараются выработать по ним совместную позицию. Так, в 1999 г. Египет и Ливия предложили общий план урегулирования суданского конфликта.

Однако к концу XX началу XXI вв. обозначились процессы, которые могут сыграть роль центробежных сил в арабском сообществе. Нерешенность арабо-израильского конфликта, неспособность предотвратить агрессию США и их союзников в Ираке и в целом экономическая и военно-техническая отсталость арабов стали причиной критики в адрес правящих кругов в арабских странах и межарабских организаций. В последние годы усилилась критика со стороны официального Триполи арабского сообщества и его основных институтов. Неоднократно делались заявления относительно намерения Ливии выйти из состава Лиги Арабских Государств (ЛАГ). Летом 2003 г. М.Каддафи заявил, что «арабы потерпели поражение в национальной борьбе, не сумев достичь целей, декларированных при создании ЛАГ», подчеркнул при этом, что «эпоха арабского национализма завершена»¹⁴.

В мае 2003 г. Египет использовал свои тесные контакты с Триполи, чтобы убедить Ливию не выходить из ЛАГ, что могло бы ослабить ряды арабского сообщества. Специально для этого Х.Мубарак совершил визит в ливийскую столицу¹⁵. Касаясь этого вопроса, президент АРЕ отметил, что выход Ливии из ЛАГ «не в интересах арабской нации»¹⁶. Египет, по словам министра иностранных дел АРЕ Ахмеда Махера, «высоко оценивает роль Ливии в межарабских отношениях и выражает убежденность в том, что это позволит объединить арабские усилия и преодолеть кризис, в котором оказался арабский регион в настоящее время»¹⁷.

Оценивая нынешнее положение дел в отношениях между двумя странами, Х.Мубарак подчеркнул, что Египет и Ливия не имеют каких-либо разногласий по основным международным, региональным и двусторонним вопросам. В посланиях, которыми обменялись два лидера летом 2003 г. говорилось о совпадении точек зрения ливийской и египетской сторон относительно необходимости поддержки палестинского народа и его законного руководства вплоть до освобождения его территорий и создания палестинского государства. Мубарак и

Каддафи выступили за суверенитет Ирака и сохранение целостности его территории¹⁹. В то же время Ливия традиционно занимает анти-израильскую позицию в отношении мирного процесса на Ближнем Востоке по сравнению с Египтом, который имеет с Израилем мирный договор и дипломатические отношения.

Египет не слишком одобряет активную африканскую политику Ливии²⁰, видя в этом смену внешнеполитических приоритетов в ущерб участию Триполи в делах межаарабского сотрудничества. На современном этапе усилия Египта направлены на активизацию межаарабского сотрудничества для недопущения ослабления связей внутри арабского сообщества. В Каире надеются, что, по мере налаживания межаарабских связей, Ливия вновь выразит желание более активно участвовать в процессах политической и экономической интеграции на Арабском Востоке.

После того, как 12 сентября 2003 г. Совет Безопасности ООН снял с Ливии санкции, у египетско-ливийских отношений открываются широкие перспективы, главным образом, в области торговли, ирригационного строительства и транспортного сообщения. Ливия служит своеобразным буфером между Египтом и странами Магриба, и потому включение Ливии в систему торговых взаимоотношений в Северной Африке позволит существенно расширить и египетский рынок.

Основными сферами двустороннего сотрудничества являются крупномасштабные проекты по созданию искусственных оазисов или так называемых инфраструктурных оазисов в пустыне. Через Ливию может пройти ветка газопровода для экспорта египетского природного газа в Джамахирию с перспективой его дальнейшей продажи в Европе. Также намечено строительство нефтепровода для экспорта в АРЕ ливийской нефти. Египет и Ливия планируют поднять уровень торгового оборота до 1 млрд. долл. в год (его нынешний объем оценивается приблизительно в 300 млн. долл.)²¹. Кроме того, Ливия по-прежнему предоставляет большое количество рабочих мест египтянам. В Джамахирии, по разным данным, находятся на заработках от 500 тыс. до 1 млн. граждан АРЕ²².

Полигоном для совместных действий может стать борьба с международным терроризмом. Лидеры обеих стран – Х.Мубарак и М.Каддафи – осуждают терроризм во всех его формах. Специальные подразделения ливийской полиции по борьбе с терроризмом активно занимаются выявлением нелегальных военизированных структур, пресечением агитационно-пропагандистской деятельности, предотвращением сплочения с фундаменталистами Египта. В марте 1999 г. между Каиром и Триполи было заключено соглашение об экстрадиции.²³

Одним из препятствий активизации связей между Египтом и Ливией является антиливийская политика США, чье давление на Каир мешает реализации давних планов египетского руководства по расширению связей со своим западным арабским соседом. Так, в

июне 1997 г. Каир и Триполи подписали предварительное соглашение о создании зоны свободной торговли. Однако расширение экономических и финансовых связей с Ливией Египта, традиционного союзника Вашингтона из числа арабских стран, вызвало резкую реакцию со стороны США, где некоторые круги потребовали сокращения американской финансовой помощи Каиру²⁴. Также США занесли Ливию в список стран²⁵, которые «не сотрудничают в полной мере» с Вашингтоном в борьбе с терроризмом²⁶.

Египет приветствовал решение Ливии, принятое в декабре 2003 г., отказаться от производства оружия массового поражения (ОМП) и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Этот сильный политический демарш Триполи вызвал положительные отклики в мире, в том числе и в арабских странах. Он свидетельствовал о желании властей этой страны во главе с харизматичным Муаммаром Каддафи посредством столь своевременного шага снизить политическую напряженность, нависающую над Ближним Востоком и Северной Африкой уже не первый год. Кроме того, он говорил о желании властей Ливии начать новую внешнюю политику, направленную на улучшение отношений с мировым сообществом²⁷. Комментируя решение властей Ливии отказаться от дальнейшей разработки ОМП, министр иностранных дел Египта заявил, что официальный Каир удовлетворен этим шагом Триполи и ожидает, что Израиль сделает то же самое²⁸.

Египет давно выступает за то, чтобы превратить Ближний Восток в район, свободный от ОМП. В совместной декларации по итогам саммита с участием Египта и Сирии в Шарм эш-Шейхе (АРЕ) в декабре 2003 г., президенты двух стран – Хосни Мубарак и Башар Асад – заявили, что их страны выступают за запрещение ОМП на территории всего Ближнего Востока. «В свете последних событий, в регионе созрела необходимость превратить Ближний Восток в зону, свободную от ОМП, включая все страны, в том числе и Израиль», подчеркивается в документе. Главы государств призвали к решению проблемы через механизмы ООН, указав при этом, что будут стремиться вести диалог с США²⁹.

Ливия всегда позиционировала себя как важного участника международных отношений на Арабском Востоке. Снятие санкций ООН, отказ Ливии от ОМП и решение активно сотрудничать с МАГАТЭ прибавит политических очков Муаммару Каддафи в лице не только арабского сообщества, но и Запада. Это дает основание надеяться на то, что скоро Ливия станет одним из ключевых звеньев в системе межарабских отношений и активно включится в процесс межарабской интеграции. Все это вписывается в опубликованную в июле 2003 г. концепцию Египта развития межарабских отношений, согласно которой тесное экономическое сотрудничество между арабскими странами должно стать залогом их большей политической интеграции.

На рубеже XX–XXI вв. динамично развиваются египетско-суданские отношения, затрагивая различные векторы региональных проблем. За последнюю четверть века двусторонние отношения не отличались стабильностью, постоянно подвергаясь влиянию факторов как внутриарабского характера, так и приносимых извне.

Судан был одной из немногих стран арабского мира, кто не принял участие в политических и экономических санкциях против официального Каира за подписание мирного договора с Израилем в марте 1979 г. В то же время МИД страны заявил, что Судан «испытывает чувство глубокой скорби и сожаления в связи с тем, что Египет пошел на нормализацию отношений с Израилем и обменялся с ним дипломатическими представительствами, в то время как Израиль продолжает оккупировать арабские земли»³⁰. В целом, после подписания египетско-израильского мирного договора тон высказываний суданских деятелей относительно египетской политики на Ближнем Востоке ужесточился. В частности, в марте 1980 г. министр иностранных дел Судана Р.Бакр заявил, что после нормализации отношений между Египтом и Израилем «положение в арабском мире стало критическим, и Ближний Восток вновь вступил в период напряженности»³¹.

Заинтересованность сторон развивать тесные отношения в различных областях привела к заключению ряда двусторонних соглашений. В октябре 1982 г. Египет и Судан подписали «Хартию интеграции», предусматривавшую тесную координацию в военно-политической сфере. В феврале 1987 г. в Каире страны подписали «Хартию братства», предоставлявшую Судану равноправное участие в совместных проектах экономического сотрудничества и двусторонней торговле³². Суданские власти рассчитывали на помощь Египта в решении своих внутренних проблем. Пришедший к власти в 1989 г. режим Омара аль-Башира обратился к Египту с предложением выступить в качестве посредника между официальным Хартумом и мятежниками на Юге Судана. Однако проиракская позиция Хартума во время войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.) привела к международной изоляции Судана, к ухудшению отношений с Египтом, занявшим место в противоположном лагере. Осложнили положение Судана на мировой арене также обвинения его в поддержке международного терроризма, выдвинутые Египтом, США и рядом других стран.

Стабильному сотрудничеству двух стран мешали и внутривнутриполитические потрясения в Судане. Череда переворотов в Хартуме не позволяла Египту установить долгосрочные, стратегические отношения со своим соседом и реализовать весь потенциал двусторонних соглашений. Развитию международных контактов Судана препятствует включение его в 1993 г. госдепартаментом США в «список государств, поддерживающих международный терроризм»³³.

В период 1995–2000 гг. между Египтом и Суданом были разорваны дипломатические отношения в связи с тем, что Каир обвинил Хартум в соучастии в покушении на президента АРЕ Х.Мубарака в 1995 г. в Аддис-Абебе. Это, впрочем, не помешало двум странам вскоре приступить к налаживанию двусторонних отношений и начать на грани веков подготовку необходимой базы для будущей экономической интеграции. Таким образом, важность укрепления межарабских связей и поиска платформы для строительства долгосрочных взаимовыгодных отношений перевесила имевшиеся между странами противоречия.

Уже в 1997–1998 гг. наметилось улучшение египетско-суданских отношений. В январе 1998 г. обе страны согласились возобновить судоходство по Нилу после четырехлетнего перерыва и сформировать совместные комиссии, которые должны изучить инвестиционные возможности обеих стран³⁴. В июле 1999 г. состоялась встреча президентов. В последующие годы отношения между Египтом и Суданом отличала стабильная тенденция к улучшению.

В последнее время официальные власти делают заявления, подчеркивающие особую значимость развития двусторонних связей в контексте достижения как межарабской, так и африканской интеграции. Несмотря на существенную разницу потенциалов, Египет продолжает рассматривать Судан в качестве перспективного партнера в торгово-экономической области. Усилия Каира и Хартума на современном этапе направлены на достижение экономической интеграции, которая позволит решить насущные проблемы обеих стран.

В июле 2003 г. представительная правительственная делегация Египта во главе с премьер-министром Атефом Обейдом посетила Хартум, где стороны подписали большой пакет из 19 соглашений. Среди них соглашение о повышении уровня торговых отношений, улучшении транспортного сообщения, договор о создании совместного египетско-суданского банка, соглашения о сотрудничестве в области нефтедобычи, в сфере энергетики, образования, культуры и многих других³⁵.

Вице-президент Судана Али Осман Мухаммед Таха, также принимавший участие в переговорах в Хартуме, заявил о важности поддержки национальной промышленности двух стран, и подчеркнул, что для успешного воплощения в жизнь совместных египетско-суданских интеграционных проектов необходимо участие частного сектора³⁶. Все это, по мнению сторон, должно повысить уровень экономического сотрудничества, в том числе объем товарообмена, который, как считают в обеих странах, должен быть значительно больше. Согласно данным Банка Судана, экспорт суданских товаров в Египет достиг в 2002 г. 57 млн. долл., в то время как импорт из последнего составил 53,8 млн. долл.³⁷ Египет и Судан продемонстрировали, что они заинтересованы в развитии двусторонних связей в различных областях. При этом страны не раз подчеркивали,

что видят в своем партнере наиболее удобный и перспективный рынок сбыта отечественной продукции.

Египет и Судан также приняли совместное заявление, в котором подтвердили готовность прилагать усилия для развития двусторонних отношений во всех сферах, а также выразили «необходимость достижения мира в Судане в соответствии с национальными интересами, обеспечивающего стране единство и безопасность всех ее территорий»³⁸. Премьер-министр АРЕ А.Обейд на встрече с президентом Судана вновь подчеркнул, что Египет поддерживает все мирные усилия, которые обеспечат единство Судана. О.аль-Башир, в свою очередь, высоко оценил роль Египта и лично президента АРЕ в процессе мирного урегулирования на Юге Судана³⁹. Визит выявил, что стороны достигли достаточно высокого уровня взаимопонимания, что может служить базой для осуществления совместных проектов в интересах обеих стран. В целом египетско-суданскую встречу в Хартуме можно назвать настоящим прорывом в деле развития двусторонних отношений.

Ранее, в конце апреля 2003 г. президент Египта совершил первый за 14 лет визит в Судан, в ходе которого заявил, что «Судан жизненно важен для Египта и его страна сделает все возможное для того, чтобы суданский народ обрел стабильность и безопасность».⁴⁰ В свою очередь, президент Судана охарактеризовал визит египетского лидера как «исторический», который придаст импульс развитию двусторонних связей. Официальный Хартум расценил визит президента АРЕ как событие, которое указывает на желание египетского народа сотрудничать с суданским народом. Стороны всячески стремились показать, что активное сближение двух стран носит не только политико-экономический характер на уровне правящих элит и крупного бизнеса, но и национальный, подкрепленный давнишней дружбой двух народов и общностью их славного исторического прошлого.

Результатом активных двусторонних контактов стало подписание 4 апреля 2004 г. в Каире в присутствии двух президентов главами МИД Египта и Судана важнейшего двустороннего соглашения о свободе передвижения, проживания, работы и собственности для граждан одной страны на территории другой. Уже в июне 2004 г. договор был ратифицирован парламентами обеих стран.

Особый интерес Египта вызывает нефтяная промышленность Судана после того, как в 1999 г. в южных районах началась добыча нефти. Египетский министр нефти неоднократно заявлял о заинтересованности Каира в сотрудничестве с Суданом в нефтяной, газовой и нефтехимической областях. Судан в настоящее время добывает около 300 тыс. баррелей нефти в день, но имеет возможности значительно увеличить добычу, и рассматривается как один из потенциально перспективных новых поставщиков нефти. Согласно данным, выручка от экспорта нефти дает казне Судана свыше 2 млрд. долл. в год⁴¹.

Египетско-суданские отношения тесно связаны с региональной проблемой раздела водных ресурсов реки Нил. Обеспечение страны водами Нила является одной из ключевых проблем внешней политики Египта, на которую власти смотрят исключительно через призму национальной безопасности. Египет находится в нижнем течении Нила, а потому зависит от стран, расположенных выше по течению этой крупнейшей африканской реки.

Вместе с тем, именно у Египта на сегодняшний день наиболее привилегированное положение в том, что касается прав на забор воды из реки Нил. Согласно договору, заключенному между Египтом и Великобританией в 1929 г., ни одна из стран бассейна реки Нил не имеет права возводить сооружения или осуществлять какие-либо другие проекты, которые могут привести к уменьшению квоты воды для Египта. Ряд африканских государств требуют пересмотра этого договора, поскольку, по их мнению, он является устаревшим документом, не учитывающим нынешние экономические и демографические реалии континента.

8 ноября 1959 г. Египет и Судан подписали двустороннее соглашение по разделу стока реки Нил⁴². Согласно ему, Египет ежегодно получает 55,5 млрд. куб. м воды, в то время как Судан – 18,5 млрд. куб. м.⁴³ С тех пор стороны соблюдали условия договора, однако Судан не раз заявлял о том, что им планируется строительство ряда гидросооружений на Ниле с целью увеличения забора воды. Египет, чья потребность в воде из года в год постоянно растет, не заинтересован в том, чтобы Судан осуществлял свои проекты, поскольку это может отрицательно сказаться на стоке воды в Египте. Поэтому и в Каире, и в Хартуме понимают, что строительство Суданом ирригационных объектов повлечет за собой трения между государствами. В сложившейся ситуации стороны стремятся найти общую платформу для выработки единой позиции по водному вопросу. Для обеих стран степень обеспеченностью водными ресурсами прямо влияет на состояние национальной экономики.

В целом, можно говорить о том, что Каир и Хартум договорились действовать вместе в водном вопросе. В июне 2004 г. официальный Хартум подтвердил, что между Суданом и Египтом существует полное понимание в вопросах разделения водных ресурсов реки Нил. Египет и Судан заявляют о своем несогласии на вмешательство какого-либо государства за пределами бассейна Нила в проблемы, связанные с использованием ресурсов реки, поскольку это, по их убеждению, может привести к сокращению квот обоих государств. В свою очередь, Комитет по вопросам обороны и национальной безопасности Народного собрания АРЕ призвал к принятию активных мер для срыва попыток Израиля «получить доступ к ресурсам Нила через возведение каскада плотин в Уганде и Эфиопии при инвестиционной поддержке США и Всемирного банка»⁴⁴.

Перед Египтом стоит серьезная проблема поиска дополнительных источников воды в связи со стремительным ростом численности населения, составившего в 2003 г. уже более 70 млн. человек. Нынешняя доля страны в водных ресурсах пока устраивает египтян: ее достаточно для 90 млн. человек, однако, согласно прогнозам, к 2025 г. население Египта превысит 100-миллионную отметку⁴⁵.

Между тем, другие страны бассейна Нила (особенно Эфиопия) все чаще заявляют о том, что их не устраивает квота на воду, и требуют пересмотра имеющихся региональных соглашений, в том числе египетско-суданского договора 1959 г.⁴⁶ Его пересмотр и заключение нового международного договора с участием всех 10 стран бассейна может привести к снижению квоты Египта. Официальный Каир с нескрываемым раздражением реагирует на разговоры о пересмотре имеющихся соглашений. Вопрос о воде для египтян стоит весьма остро, и как считает исполнительный директор Асуанской высотной плотины Мухаммед аль-Амир Осман, «нарушение договора 1959 г. равносильно нарушению нашей границы»⁴⁷. Можно также вспомнить слова Бутроса Гали, который, будучи государственным министром иностранных дел Египта, заявил в 1988 г., что «следующая война в нашем регионе будет за воды Нила, а не по политическим причинам»⁴⁸.

Но, несмотря на нежелание Каира вести переговоры о снижении своей водной квоты в пользу стран расположенных в верхнем течении Нила, проблемы избежать не удастся. По мнению эксперта Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» Магди Собхи Юсефа, Египту рано или поздно «придется поделить реку Нил»⁴⁹. Однако Египет, по всей видимости, согласится только на такой пересмотр квот, который не создаст угрозу национальной безопасности страны, свыше 95% водных ресурсов которой забираются из реки Нил⁵⁰.

Таким образом, учитывая вероятный дележ водных ресурсов, для Египта представляется весьма важным перевод решения данной проблемы в дипломатическое русло. Это позволит избежать напряженности в отношениях с африканскими соседями и в дальнейшем рассчитывать на взаимовыгодное сотрудничество и участие в совместных проектах в области гидроэнергетики – сфере, в которой у Египта за долгие годы накопился колоссальный опыт.

Активизировавшееся в последние годы египетско-суданское сотрудничество в эксплуатации водных ресурсов Нила способствовало сближению точек зрения. В ходе двусторонних переговоров не раз отмечалось, что разблокирование ситуации на Юге Судана позволило бы возобновить реализацию совместных ирригационных проектов. Суданцы выступили также с просьбой о командировании египетских специалистов с целью повышения уровня эксплуатации и техобслуживания суданских электростанций.

Задача повышения эффективности использования Нила является одним из ключевых направлений двустороннего сотрудничества. В

июне 2004 г. страны договорились создать совместную египетско-суданскую компанию по развитию судоходства. Как заявил министр водных ресурсов Египта, необходимо поставить речной флот на службу двусторонней торговле и снизить тем самым издержки от перевозок. По мнению посла Судана в Каире, содействие в осуществлении этих проектов должно быть оказано со стороны частного сектора, а также международных валютных институтов⁵¹. По убеждению суданской стороны, развитие судоходства существенно повысит товарообмен между двумя странами⁵².

Начиная с 1983 г., в центре внимания официального Каира – идущая в Судане гражданская война между правительством и повстанцами Юга, добивающимися предоставления широкой автономии, а фактически независимости южным провинциям⁵³. Египет традиционно проявляет активность в отношении конфликта на Юге Судана, поскольку считает Судан зоной своих интересов и тесно сотрудничает с Хартумом в целях сохранения своих привилегий в использовании вод Нила. В Каире прекрасно понимают, что возможное разделение Судана на южную и северную части создаст дополнительные проблемы в разрешении вопроса о квотах на нильскую воду и в целом осложнит региональные отношения, подхлестнув этносепаратистские настроения. Поэтому, говоря о перспективах разрешения конфликта в Судане, Х.Мубарак неоднократно заявлял, что его страна поддержит то решение, которое будет предусматривать сохранение целостности этой страны.

Кроме того, достижение мира в Судане и сохранение его территориальной целостности является важным условием для интеграционных процессов, которые планируют осуществлять Каир и Хартум. Состояние войны, в котором находился в последние два с лишним десятилетия Судан, делал его малопривлекательным экономическим партнером не только для стран Запада, но и для арабских стран.

В 1999 г. Каир совместно с Ливией выдвинул собственный план, отрицающий возможность отделения юга от исламского севера. Но США приложили большие усилия, чтобы эта инициатива «заглохла»⁵⁴. Тем не менее, Каир продолжал играть весомую роль в процессе внутрисуданского урегулирования, поддерживая при этом постоянные контакты как с официальными властями в Хартуме, так и представителями повстанческих группировок. В частности, Египет активно поддерживал мирный процесс, проходивший под эгидой региональной африканской организации ИГ АД (Межправительственная организация африканского развития), при этом, не являясь ее членом.

Египет приветствовал подписанное в мае 2004 г. в кенийском городе Найваша соглашение между правительством Судана и повстанцами из группировки Народно-освободительной армии Судана (НОАС) о мирном урегулировании конфликта на юге страны. Мубарак направил

поздравления по случаю этого события президенту Судана и лидеру НОАС Джону Гарангу. Как ожидается, после выработки и подписания всеобъемлющего мирного договора должен начаться рассчитанный на 6,5 лет переходный период, после чего планируется провести под международным контролем референдум. На нем жители юга Судана решат, оставаться ли им в составе страны на правах автономии, или объявлять независимость⁵⁵. Еще раньше, осенью 2003 г. и в январе 2004 г. стороны достигли важнейших договоренностей об обеспечении безопасности и разделе доходов от экспорта нефти⁵⁶.

Как заявил глава МИД АРЕ, официальный Каир «воспринял с облегчением» эту новость⁵⁷. Министр представлял Египет на торжественных мероприятиях в Кении, приуроченных к подписанию соглашений. Практически все выступавшие отмечали эффективную посредническую роль Каира. Весьма показательно, что в июне 2004 г. в Каире находился вице-президент Судана, прибывший в египетскую столицу специально для того, чтобы выразить руководству АРЕ благодарность за посредничество и огромный вклад в достижении соглашения о мирном урегулировании⁵⁸.

Египет вправе занести себе в актив прогресс в деле урегулирования внутрисуданского конфликта, поскольку Каир никогда не был в стороне от мирного процесса в соседней арабской стране и прикладывал большие усилия для прекращения многолетнего кровопролития. По сути, гражданская война в Судане давно перестала быть только внутрисуданским делом, оказывая серьезное влияние на соседние страны. Со временем в нее оказались в той или иной степени вовлеченными региональные и мировые державы, в том числе и США. В какой-то момент Хартум обвинял южносуданских повстанцев в связи с Израилем⁵⁹.

Осенью 2003 г. президент Омар аль-Башир заявил, что его страна заинтересована в участии Египта в жизни Судана после окончания гражданской войны, подчеркнув при этом, что надеется на помощь АРЕ в достижении прогресса на территории всего Судана. В Хартуме хотели бы, чтобы Египет взял на себя роль проводника, который приведет к восстановлению позитивного облика Судана на международной арене, а также выведет эту бедную страну из затянувшегося экономического кризиса. При этом Хартум признает лидирующую роль АРЕ в арабском мире и желал бы видеть Египет в качестве локомотива межарабской интеграции. По словам министра юстиции Судана, «у Судана нет будущего без участия в нем Египта, которое необходимо Судану как никогда раньше для достижения мира, единства и развития»⁶⁰. Таким образом, будущее Судана после преодоления последствий гражданской войны его руководители видят в тесных контактах с Египтом, во всестороннем развитии политических, экономических, культурных связей с АРЕ.

В редакционной статье влиятельной египетской газеты «Аль-Ахрам Уикли» отмечалось, что Египет в течение шестилетнего пере-

ходного периода после подписания соглашения между Хартумом и НОАС должен приложить все усилия для того, чтобы в будущем жители Юга проголосовали за единый Судан, видя в единстве страны неоспоримые для себя преимущества. Египет, по мнению авторов статьи, должен использовать весь свой потенциал – ученых, экспертов, рабочих, бизнесменов – для достижения процветания и прогресса в Судане. Вообще, говоря о роли Египта в будущем Судана, издание часто использует такие слова как «долг», «обязанность», тем самым как бы подчеркивая ту особую роль, которую призван сыграть Египет в судьбе суданского народа. При этом не обходятся вниманием и геополитические интересы Каира. «Аль-Ахрам Уикли», в частности пишет, что единство Судана будет способствовать усилению роли Египта в Африке⁶¹.

Каир стремится наладить со своим южным соседом прочные связи в области культуры и образования. Летом 2004 г. в южносуданском городе Джуба был открыт филиал Александрийского университета, одного из самых престижных вузов АРЕ. Это событие – несомненный шаг вперед для будущей образовательной системы Судана, поскольку египетские высшие учебные заведения считаются одними из лучших в арабском мире. Очевидно, что в ближайшее время и другие египетские университеты и общественные организации устремятся в Судан. По крайней мере, политическая поддержка со стороны египетского руководства таким планам имеется.

В июне 2004 г. Египет согласился принять участие в миротворческой миссии ООН в Судане после того как будет подписано окончательное мирное соглашение между официальным Хартумом и НОАС. Как заявил постоянный представитель Египта при ООН, участие АРЕ в данной операции подтверждает «наше обязательство содействовать достижению мира и безопасности в братской стране, поддержанию ее единства, суверенитета и территориальной целостности, созданию надлежащих условий для восстановления и развития во всех провинциях и достижению прогресса и процветания для суданского народа»⁶².

Власти Судана приветствуют усилия Египта в достижении мира и стабильности у себя в стране. Как заявил министр иностранных дел Судана, Судан заинтересован в обеспечении стабильности и безопасности южной области страны и надеется привлечь капиталы для развития ее богатых ресурсов. Такая стабильность, по мнению министра, поможет Судану сыграть «жизненно важную и ключевую роль в этом регионе» в «мировой войне» против терроризма⁶³.

Приветствуя успехи Хартума и Каира в миротворческом процессе на Юге Судана, интеллектуальная элита двух стран, тем не менее, не спешит впадать в эйфорию и заявлять во всеуслышание об окончательном достижении мира в Судане. В мае 2004 г. в Каире и Хартуме состоялся ряд научных конференций, на которых обсуждалось будущее Судана, а также перспективы египетско-суданских отноше-

ний. В них приняли участие видные политологи и журналисты, эксперты в области международных отношений из Египта и Судана. Было подчеркнуто, что достижение мира между правительством в Хартуме и повстанцами из НОАС является важным и необходимым, но, вместе с тем, лишь первым шагом для достижения стабильности в Судане, поскольку НОАС является далеко не единственной оппозиционной силой, хотя и крупнейшей, ведущей борьбу с официальными властями. Таким образом, большинство участников этих встреч сошлись во мнении, что соглашение с НОАС – это успешная «приостановка» гражданской войны, но далеко еще не мир.

По мнению известного египетского политолога Хасана Абу Талиба, Египет в ближайшие годы может принять деятельное участие в осуществлении различных проектов в Судане. Так, отмечает он, египетские инвесторы способны не только поднять экономику Юга Судана, но и существенно укрепить египетско-суданские отношения. Кроме того Египет вполне мог бы оказать материально-техническое содействие в восстановлении служб безопасности Судана в соответствии с договором, заключенным между официальным Хартумом и НОАС осенью 2003 г.⁶⁴

Египет прилагает усилия в области внешнеполитической пропаганды, чтобы подретушировать нежелательную для правительства Судана подоплеку многолетнего противостояния центральных властей с повстанцами Юга. Дело в том, что этот конфликт часто (в основном в западных средствах массовой информации) определяют как борьбу исламского севера с христианским югом. В действительности же христианами можно назвать пять, от силы 10% жителей южного региона, остальные придерживаются традиционных языческих культов.⁶⁵

Судан за последние несколько лет значительно улучшил свой международный имидж – ему удалось пройти путь от положения страны, находившейся в международной изоляции до государства, с которым в регионе начинают все больше считаться. Став поставщиком углеводородного сырья, Судан умело использовал «нефтяную карту» в своей внешней политике, сумев улучшить отношения с международными валютно-финансовыми организациями и соседними странами.⁶⁶

После терактов 11 сентября 2001 г. в США суданцы отмежевались от связей с международными террористическими организациями, ликвидировали следы пребывания в стране Усамы бен Ладена, передали США списки членов «Аль-Каиды», находившихся на суданской территории, заморозили ее банковские счета и конфисковали имущество. Хартум присоединился ко всем международным (а также межарабским и межафриканским) антитеррористическим соглашениям и ратифицировал их.⁶⁷ Официальный Хартум доказал свою приверженность мирному сосуществованию со странами региона и общему снижению

напряженности в нем, подписав и ратифицировав в июне 2004 г. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).⁶⁸

Учитывая все вышеперечисленное, Каир не заинтересован в том, чтобы Судан оказался в центре событий, способных подпортить международный имидж этой страны, с таким трудом восстанавливаемый при помощи дружественных хартумскому режиму сил. Египет выступает категорически против какого-либо военного вмешательства в ситуацию в Судане, даже для проведения операций, связанных с ликвидацией последствий гуманитарной катастрофы.

Такие идеи стали появляться в правительственных кругах США после того, как в западной суданской провинции Дарфур⁶⁹ в 2003–2004 гг. обострился гуманитарный кризис, вызванный вооруженными столкновениями между проправительственным арабским ополчением «Джанджавид» и местными повстанцами, результатом чего стала гибель более 10 тыс. человек и вынужденное переселение почти миллиона жителей. Вашингтон, в частности, предложил размещение в Судане под эгидой ООН 25 тыс. американских солдат.

Кроме того, США распространили в штаб-квартире ООН проект резолюции Совета Безопасности, предусматривающей введение эмбарго на поставки оружия военизированной группировке «Джанджавид». Хотя проект не предусматривал введения санкций против официального Хартума, госдепартамент США заявил, что они могут быть распространены и на правительство Судана, если власти страны продолжат поддерживать арабских боевиков из «Джанджавид»⁷⁰. В ответ на это, глава МИД Египта заявил, что суданское правительство «напрягает все силы» для урегулирования гуманитарного кризиса в западной провинции Дарфур, и сложившуюся ситуацию следует решать без угроз применения санкций⁷¹.

И все же отношения Судана с международным сообществом, как уже говорилось выше, в последние годы заметно улучшились. В сентябре 2001 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, отменяющую международные санкции в отношении Судана⁷². Они были введены в 1996 г. после попытки покушения на президента Египта Хосни Мубарака в 1995 г. в Аддис-Абебе, осуществленной, как считается, при содействии суданских властей. СБ ООН потребовал тогда от Хартума выдать трех человек, причастных к покушению на главу египетского государства. Установленные СБ ООН ограничения включали требование к государствам-членам ООН существенно сократить численность персонала дипломатических миссий Судана, частичный запрет на поездки суданских официальных лиц, а также запрет на полеты самолетов суданских авиакомпаний. Впрочем, лица, подозреваемые в покушении на президента Мубарака, так и не были выданы.

Несмотря на имеющиеся разногласия между странами, в том числе приграничный спор вокруг участка Халаиб на побережье Красного моря, Египет стремится активизировать свое экономическое и

политическое участие в Судане. Каир, намеренный укрепить свое лидерство в арабском мире, крайне заинтересован в приобретении надежных и долгосрочных союзников. Судан, в свою очередь, желает видеть в лице Египта гаранта своей внутренней безопасности. Будущее двусторонних отношений зависит от того, насколько внутренние процессы в Судане (гражданская война, бедность, пережитки феодализма) будут влиять на колебание внешнеполитического курса суданского руководства.

Учитывая весомую роль Каира в арабском мире, в целом благоприятные его отношения с Западом, а также большой интеллектуальный потенциал Египта, на Западе нередко звучат голоса, что это государство – будущий «тигр Нила», которого ждет быстрый и блестящий подъем, подобно некоторым странам Юго-Восточной Азии. Для достижения этих целей руководство АРЕ проводит активный внешнеполитический и внешнеэкономический курс в регионе, и в том числе, в отношении двух соседних арабских стран – Ливии и Судана, рассматривая связи с ними как приоритетные направления в своей внешней политике.

Вместе с тем, отношения Египта с Ливией и Суданом отличаются. Если Каир и Триполи осуществляют работу по поиску совместной базы для будущего рывка в деле развития двустороннего сотрудничества, то египетско-суданские отношения уже развиваются в контексте интеграционных проектов. Каир и Хартум открыто заявляют, что являются стратегическими партнерами. Углубляя отношения с Суданом, Египет стремится обезопасить себя от неожиданных шагов со стороны официального Хартума по поводу пересмотра квот стока реки Нил. Кроме того, активное египетско-суданское сближение и Каир, и Хартум стремятся представить как часть усилий по объединению арабской нации. Египет вполне может стать эффективным посредником в налаживании ливийско-суданских отношений, которые несколько ухудшились в середине 90-х годов XX в. И, в силу ряда политических факторов, продолжают оставаться непростыми.

Сотрудничество Египта с соседними странами, в том числе с Ливией и Суданом, также призвано поддержать усилия Каира в активизации своей внешнеэкономической деятельности. На рубеже веков правительство АРЕ прилагает настойчивые усилия для развития внешнеторговых связей «по всему азимуту», обновления всего механизма внешнеэкономических связей. Основными целями Египта на данном направлении является повышение доли товарного экспорта, сдерживание роста объема импорта и, в конечном счете, сокращение огромного дефицита внешнеторгового баланса⁷³.

В начале 90-х годов Египет заявил о намерении стать членом Союза Арабского Магриба (САМ)⁷⁴. Данный шаг весьма ярко характеризует активную и многовекторную политику Египта, который стремится активизировать экономические связи не только с промышленно

развитыми государствами, но и с развивающимися странами, включая близко расположенные страны Азии и Африки.

Развитие Египтом отношений со своими арабскими соседями по африканскому континенту важно для укрепления роли АРЕ как ключевой региональной державы, от которой многое зависит. Таким образом, на современном историческом этапе стратегической задачей внешней политики Египта остается последовательное утверждение лидерства страны в арабском мире, политическое и экономическое упрочнение позиций АРЕ на Ближнем и Среднем Востоке, а также на африканском континенте.

¹ Егорин А.З. История Ливии. XX век. – М., 1999, с. 368.

² Борисов А.Б. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век) – М., 1991, с. 134.

³ Там же, с. 176.

⁴ АВП РФ, ф. 87, оп. 41, п. 79, д. 8, л. 14.

⁵ АВП РФ, ф. 87, оп. 41, п. 79, д. 8, л. 45–46.

⁶ АВП РФ, ф. 87, оп. 41, п. 79, д. 8, л. 47.

⁷ АВП РФ, ф. 87, оп. 41, п. 80, д. 13, л. 23.

⁸ АВП РФ, ф. 87, оп. 43, п. 83, д. 15, л. 131.

⁹ По некоторым данным, работавшие в начале 80-х годов в арабских странах египтяне переводили ежегодно домой почти 3 млрд. долл.

¹⁰ Борисов А.Б. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век), с. 176.

¹¹ Юрченко В.П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952 – 2002 гг.) – М., 2003, с. 99.

¹² Егорин А.З. История Ливии. XX век, с. 381.

¹³ 21 декабря 1988 г. над шотландским городом Локерби террористами был взорван самолет «Боинг-747» американской авиакомпании «Пан-Амэрикан». Погибли 270 человек. В организации теракта были обвинены два сотрудника ливийских спецслужб.

¹⁴ Пульс планеты. 26.05.2003.

¹⁵ РИА «Новости». 25.05.2003.

¹⁶ ИТАР-ТАСС. 26.05.2003.

¹⁷ Foreign Minister Maher Stresses the Importance of Libyan Role in Advancing Arab Issues. Cairo. 24 October 2002. – Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. – www.mfa.gov.eg.

¹⁸ РИА «Новости». 25.05.2003.

¹⁹ РИА «Новости». 29.07.2003.

²⁰ В 1998 г. ливийский лидер Муамар Каддафи выдвинул идею перехода Организации африканского единства (ОАЭ) к новой форме интеграции, результатом чего стало официальное начало работы в 2002 г. Африканского Союза (АС) – одного из крупнейших в мире региональных политико-экономических объединений. Ливия стала основным инициатором создания

АС и объявила участие в интеграционных проектах в Африке приоритетом в своей внешней политике.

²¹ «Деловой Египет. Том I, 2002», сайт www.polpred.ru

²² Юрченко В.П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.) – М., 2003, с. 122.

²³ ИТАР-ТАСС. КОМПАС, 06.02.2001.

²⁴ ИТАР-ТАСС. КОМПАС, 06.02.2001.

²⁵ Также, помимо Ливии, в этот список, составленный Госдепартаментом США, вошли Куба, Иран, КНДР и Сирия.

²⁶ РИА «Новости». 19.05.2004.

²⁷ Khaled Hanafi AH. Changes in Libyan Foreign Policy // Al-Siyassa al-dawliya, Cairo, April 2004, Issue № 156, с. 118–123.

²⁸ РИА «Новости». 21.12.2003.

²⁹ ИТАР-ТАСС. 24.12.2003.

³⁰ АВП РФ, ф. 87, оп. 41, п. 80, д. 13, л. 23–24.

³¹ АВП РФ, ф. 87, оп. 41, п. 80, д. 13, л. 24.

³² Судан. Справочник. М., 2000, с. 225–226.

³³ Там же, с. 227.

³⁴ Страны Африки 2002. – М., 2002, с. 193.

³⁵ Al-Ahram Weekly, 24–30 July 2003, Issue № 648.

³⁶ Аль-Ахрам. 21.07.2003.

³⁷ Al-Ahram Weekly, 24–30 July 2003, Issue № 648.

³⁸ Associated Press. – Khartoum, 21.07.2003.

³⁹ Аль-Ахрам. 21.07.2003.

⁴⁰ Al-Ahram Weekly, 1–7 May 2003, Issue № 636.

⁴¹ Пульс планеты. 28.05.2004.

⁴² Agreement between the Republic of Sudan and the United Arab Republic (Egypt) on the Full Utilization of the Waters of the Nile. Cairo. 8 November 1959. – Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. – www.mfa.gov.eg.

⁴³ Фазельянов Э. Вода как фактор мира и стабильности. Проблемы Нила в зеркале международного права // Азия и Африка сегодня. – 1999. № 11, с. 3.

⁴⁴ «Деловой Египет. Том I, 2002», сайт www.polpred.ru

⁴⁵ Мамед-заде П. Партнерство ради воды // Азия и Африка сегодня, 2002. № 1, с. 38.

⁴⁶ Нильский Э.Х. Некоторые аспекты проблемы регулирования стока Нила. // Ближний Восток и современность № 10, М., 2001, с. 221.

⁴⁷ Wall Street Journal. 22.08.1997.

⁴⁸ ИТАР-ТАСС, КОМПАС. 28.05.2001.

⁴⁹ Wall Street Journal. 22.08.1997.

⁵⁰ Middle East Times. 07.09.2001.

⁵¹ Al-Ahram al-Iqtisadi, 16.02.2004. Issue № 1832.

⁵² Аль-Ахрам. 19.06.2004.

⁵³ С 1983 г. повстанческая Народно-освободительная армия Судана (НОАС) добивалась широкой автономии, а фактически независимость юга. За это время до 2 млн. человек погибли в результате боевых дей-

ствий, голода и лишений, не меньшее число стали беженцами в собственной стране. Лидер НОАС полковник Джон Гаранг живет в столице Кении, базы партизан расположены в Уганде, но, самое главное, их все это время открыто поддерживали США, числящие Судан среди «террористических стран».

⁵⁴ Поляков А. Урегулирование на Юге Судана: несбывшиеся надежды // КОМПАС, 14.01.2003.

⁵⁵ Пульс планеты. 28.05.2004.

⁵⁶ Karim al-Qadi. Oil and the Unity of Sudan // Al-Siyassa al-dawliya, Cairo, April 2004, Issue № 156, с. 186–189.

⁵⁷ Foreign Minister: Egypt received Sudanese agreement with relief. 28 May 2004. Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt, www.mfa.gov.eg.

⁵⁸ Аль-Ахрам. 10.06.2004.

⁵⁹ ИТАР-ТАСС. 05.01.2003.

⁶⁰ Аль-Ахрам. 06.06.2004.

⁶¹ Al-Ahram Weekly, 17–23 June 2004, Issue № 695.

⁶² MENA. 01.06.2004.

⁶³ РИА «Новости». 11.01.2004.

⁶⁴ Al-Ahram Weekly, 3–9 June 2004, Issue № 693.

⁶⁵ Поляков А. Урегулирование на Юге Судана: несбывшиеся надежды // КОМПАС, 14.01.2003.

⁶⁶ Поляков А. Нефть – новый и убедительный аргумент Судана // КОМПАС, 25.09.2001.

⁶⁷ Российско-Арабский Деловой Совет (РАДС). // Сайт – www.russarabbc.ru.

⁶⁸ РИА «Новости». 15.06.2004.

⁶⁹ Дарфур – крайне засушливый и очень бедный район Судана, экономика в котором развита слабо.

⁷⁰ РИА «Новости». 01.07.2004.

⁷¹ Middle East Times. 02.07.2004.

⁷² ИТАР-ТАСС. 29.09.2001.

⁷³ Страны Африки 2002. – М., 2002, с. 138.

⁷⁴ Союз Арабского Магриба – региональная организация, созданная в 1989 г. В него входят Алжир, Мавритания, Марокко, Ливия и Тунис.

**АРАБСКИЙ ВОСТОК И ЕГО МЕСТО
В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРИОРИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Арабское направление, хотя и имеет некоторые традиции развития со времен Советского Союза, все же является новым явлением в белорусской внешней политике. Этим обусловлены некоторая непоследовательность в реализации арабской политики, поиск вариантов и форм сотрудничества в процессе формирования партнерских отношений, которые наблюдались последние десять лет независимого развития республики. Между тем, арабское направление закрепилось как самостоятельное и в настоящее время динамично развивается. Это результат целенаправленной политики развития отношений со странами арабского мира, проводимой в течение последних семи лет.

Первые попытки независимой Беларуси «выйти в арабский мир» были сделаны еще в 1992 г., когда белорусские официальные лица осуществили ряд поездок в страны Персидского Залива и Египет. Однако на тот момент руководство страны не использовало шанс установления тесных связей с арабскими странами, где образовался вакуум в результате ослабления связей с советскими республиками после распада СССР. Причина видится в прозападной ориентации белорусской политической элиты того периода и некоторой растерянности вследствие развивающейся ситуацией, когда независимый статус республики воспринимался некоторыми политиками лишь как временное состояние, за которым последует восстановление советского государства, а, значит, передача внешнеполитических полномочий Москве.

Беларусь получила независимость несколько неожиданно как для руководства, так и для общей массы белорусских граждан. Поэтому процесс определения приоритетов и направлений внешнеполитического курса шел не такими быстрыми темпами, как в соседних республиках.

Внешняя политика является выражением не только экономических задач государства, но и национальных интересов народа. Таким образом, перед республикой стояло одновременно множество проблем при реализации внешней политики: от обеспечения национальной безопасности страны до торгово-экономического взаимодействия с другими странами мира. Решение этих задач зависело, в том числе, от выбора внешнеполитических партнеров.

Нельзя не отметить, что арабские страны проявили неподдельный интерес к Беларуси. Арабские государства довольно быстро установили дипломатические отношения с белорусским государством (фактически установление дипломатических отношений прошло в два этапа: 1992–93 гг. и 1996–98 гг.). Еще в 1992 г. между Марокко и Беларусью велось обсуждение возможности открытия первого белорусского дипломатического представительства в арабском мире¹. Следует подчеркнуть, что инициатива исходила от марокканской стороны. Но она не встретила соответствующей реакции со стороны тогдашнего белорусского руководства. Этот период арабо-белорусских отношений можно охарактеризовать как «время активных связей, но упущенных возможностей».

Становление целостного арабского направления во внешней политике, а не в виде цепи эпизодических контактов, связано с приходом к власти А.Г.Лукашенко. Новое руководство республики после неоднозначной реакции на Западе в отношении проведенного референдума 1996 г. и политической ситуации в стране, а также в связи с напряженностью в отношениях с основным политическим союзником республики – Россией, стремилось найти новых партнеров. Именно к этому времени относится концепция многовекторности белорусского внешнеполитического курса, озвученная руководством республики. Принцип «ни Запад, ни Восток» заставил Беларусь обратить внимание на страны третьего мира, в том числе и на страны арабского мира.

Между тем, аналитики неоднократно отмечали в политике белорусского президента наличие «имперских традиций Советского Союза», ранее не свойственных белорусской внешней политике: статус ядерной державы, славянское единство с главенствующей ролью Беларуси как хранительницы славянских ценностей. Арабская политика белорусского руководства может рассматриваться в том же русле. Арабский мир занимал важное место во внешней политике Советского Союза, и успешное развитие отношений с арабскими странами превращало Минск в наследника советских традиций Москвы, которая сократила в значительной мере свою активность на Арабском Востоке. Тем более, что на тот период в арабских государствах слабо различали Беларусь и Россию – для арабов это были все те же старые «советские союзники».

Внимание к арабскому региону имело не только политические причины, но и определенный экономический расчет. Белорусская промышленность является на 80% экспортноориентированной, поэтому поиск емких рынков для продукции таких промышленных гигантов, как Минский тракторный завод (МТЗ), Белорусский автомобильный завод (БелАЗ), Минский автомобильный завод (МАЗ), Белорусский металлургический завод (БМЗ) и других предприятий стал жизненно важным. Оборонные предприятия республики («Интеграл», «Пеленг», «Агат») также нуждались в заказах, так как российский ВПК сократил свои

заказы на белорусских заводах и в научно-исследовательских институтах. Рынок арабских стран обладал не только емкостью, но и таким важным показателем как платежеспособность, а белорусским предприятиям были необходимы финансовые средства для модернизации своей производственной базы. Белорусская промышленная продукция была относительно известной в арабском мире, потому что многие выходцы из арабских стран получили высшее образование в Советском Союзе, в том числе в БССР, и были знакомы с белорусской техникой.

В странах Персидского Залива белорусские специалисты видели потенциальный источник инвестиций, в притоке которых нуждалась белорусская экономика. Таким образом, развитие отношений с арабским миром представлялось целесообразным и перспективным.

Взгляды А.Г.Лукашенко на многие вопросы мирового развития совпадают или близки к взглядам руководителей арабских государств. Отмечается некоторая идеологическая близость между главой белорусского государства и лидерами арабских стран по вопросам формирования многополярного мира, укрепления роли ООН при решении конфликтных ситуаций, таких как арабо-израильский конфликт, позиция относительно войны в Ираке и другим проблемам мирового развития².

Начиная с 1996 г., идет процесс формирования векторов арабской политики, расстановка региональных приоритетов. На этом пути возникли и возникают проблемы, связанные с отсутствием концепции развития отношений с арабскими странами, а, соответственно, с четким пониманием их целей и задач, с дублированием функций различных министерств и ведомств, несогласованностью их действий и просто незнанием специфики сотрудничества с арабскими странами. В министерстве иностранных дел Республики Беларусь работу по развитию сотрудничества с арабским миром осуществляет Управление Азии и Африки. Однако сфера деятельности этого структурного подразделения слишком велика и разнообразна³. Несмотря на то, что в структуре Управления четкое выделение отдела по арабскому направлению отсутствует, значительный объем работы приходится на страны арабского мира.

Приоритетное значение для Беларуси имеет развитие отношений со странами Персидского залива. Это обусловлено экономическим потенциалом региона и перспективами инвестиционного сотрудничества. С помощью Кувейтского фонда арабского экономического развития Беларусь осуществляет реконструкцию Светлогорского ПО «Химволокно», сейчас разрабатывается совместный проект модернизации Минской ТЭЦ-3, на стадии проработки находится ряд других важных для экономики Беларуси проектов.

Страны Персидского залива представляют интерес не только в качестве торгово-экономического партнера, но партнера в сфере военно-технического сотрудничества. Государства этого региона явля-

ются крупными покупателями на рынке вооружения. Заключение контрактов с ними позволяет получать необходимые заказы для белорусских оборонных предприятий. Белорусское руководство неоднократно выражало готовность к более тесному военно-техническому сотрудничеству.

С этим регионом Беларусь поддерживает весьма интенсивные связи: если среди стран Магриба официальный визит состоялся только в Ливию, то на протяжении 2000–2002 гг. президент Республики Беларусь посетил ряд стран Персидского залива (Катар, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ). Следует отметить, что обмен делегациями различного уровня между республикой и странами данного региона носит постоянный характер.

Вторым по важности для республики регионом арабского мира является Машрик. Если первоначально в развитии отношений со странами Машрика виделся «идеологический подход» и «наследие» традиций Советского Союза, когда присутствие на Ближнем Востоке считалось геополитически важным, то сейчас в политике Беларуси по отношению к этому региону преобладает экономический интерес и прагматичный подход.

Со времени первых самостоятельных шагов на ближневосточной политической арене белорусское руководство скорректировало прежнюю политику. Так, сначала Беларусь обратила внимание на Египет, который воспринимался как традиционной партнер СССР, а, значит, существовали предпосылки для возобновления двустороннего сотрудничества. В 1997 г. в Каире было открыто первое белорусское дипломатическое представительство в арабском мире. Однако расчеты специалистов на традиционность связей, выгодное для реэкспорта белорусских товаров географическое положение Египта, его емкий рынок не оправдались. Сотрудничество развивалось с многочисленными сложностями, такими как отсутствие гибкости при формировании ценовой политики, недооценка маркетинговых технологий со стороны белорусских предприятий, незнание египетского рынка. Политическая элита Египта встретила инициативы белорусского руководства по установлению партнерских и даже союзнических отношений весьма сдержанно, что объясняется как прозападной ориентацией, так и инертностью мышления египетского истеблишмента. Со времени открытия посольства Республики Беларусь в Каире прошло семь лет, а посольство Египта в Минске так и не было открыто, хотя этот вопрос неоднократно поднимался белорусской стороной. Отношения с Египтом не соответствовали уровню избранной приоритетности, и потенциал их не был использован в полной мере.

В соответствии со сложившейся ситуацией в белорусской политике в отношении стран Машрика произошло смещение акцентов. Приоритетное место заняла Сирия. Для такой трансформации имелся ряд предпосылок: сирийское руководство с самого начала проявило

интерес к восстановлению отношений с бывшими советскими республиками. Первым арабским министром иностранных дел, посетившим Республику Беларусь, стал сирийский министр Ф.Аш-Шараа (1997 г.). Уже в следующем году в Сирии открылось белорусское посольство. Отношения с этим арабским государством развивались весьма динамично – в Сирии начало работать сборочное предприятие одного из ведущих белорусских экспортеров – МТЗ; на основе повышенного спроса на продукцию можно ожидать подобного шага от МАЗа. Накануне своего второго официального визита в Сирию президент Республики Беларусь в своем интервью сирийской газете «Аль-Баас» заявил, что рассматривает Сирию в качестве союзника⁴. Еще одним важным заявлением видится высказывание о восприятии этой страны в качестве «плацдарма» для экономического сотрудничества со странами Машрика и всего арабского мира⁵. Ранее в качестве такого «плацдарма» рассматривался Египет.

Экономически белорусско-сирийское сотрудничество является выгодным: став участником зоны общего арабского рынка, Сирия позволяет через открытие сборочных предприятий на своей территории избежать импортной пошлины, которой сейчас облагается белорусская промышленная продукция. Сирийские специалисты знакомы с белорусской техникой, что немаловажно при ее внедрении. В последнее время в этой стране проводится модернизация промышленного сектора, что представляет интерес для белорусских предприятий. Так, в Сирии создаются новые автоматизированные системы таможенной службы, управления железными дорогами и в сфере телекоммуникаций – во всех этих областях Беларуси есть, что предложить. Кроме того, эта страна осуществляет модернизацию военной техники, большая часть которой поставлялась из СССР. Модернизация старой советской военной техники стала той нишей, которую Беларусь нашла для себя на рынке вооружения. В республике имеется ряд оборонных предприятий с производственной базой, ориентированной на проведение модернизации. Модернизация старой техники является менее капиталоемким методом обновления, чем покупка новых образцов вооружения.

Важным свидетельством большого потенциала белорусско-сирийских отношений является сотрудничество не только в военно-технической сфере, но также в экономической, культурной, образовательной, туристической. Между странами осуществляется межпарламентское и муниципальное взаимодействие. Следует подчеркнуть, что обмен белорусскими и сирийскими делегация носит постоянный характер. Помимо Сирии в ближневосточном регионе идет процесс укрепления экономических и культурных связей с Ливаном и Иорданией, что было продемонстрировано в ходе визитов высокопоставленных лиц обоих государств.

Что касается стран Магриба, то в этом регионе в течение долгого периода приоритетность отдавалась развитию отношений с Ливией.

В первые годы сотрудничества (1998–1999 гг.) были достигнуты положительные результаты в белорусско-ливийском сотрудничестве, на основе которых можно было рассчитывать на дальнейшее продвижение на ливийском рынке. Но снятие с Ливии санкции Совета Безопасности ООН изменило рыночную конъюнктуру, обострило конкуренцию в стране – активизировали свою деятельность не только французские, немецкие, итальянские компании, но и американские, и английские. «Примирение» ливийского лидера со странами Запада не пошло на пользу Беларуси, экспортеры которой не успели закрепить за собой место на новом рынке. Шансы на сохранение завоеванных позиций остаются у конкурентоспособной продукции белорусской промышленности, однако торгово-экономическое сотрудничество идет уже без риторики Каддафи о братских связях с белорусским народом и противостоянии Западу. Следует признать, что в белорусско-ливийских отношениях значительное место занимал политический компонент, а не экономический расчет. Белорусско-ливийский товарооборот, согласно данным официальной статистики, даже в своем пике (1999–2000 гг.) не превышал средний уровень белорусско-марокканского или белорусско-алжирского товарооборота (например, в 2002 г. товарооборот с Ливией составил 4,2 млн. долл., а с Марокко – 15,3 млн. долл., с Алжиром – 16,4 млн. долл.)⁶. И это при том, что в Марокко и Алжире отсутствуют белорусские посольства, которые могли бы оказать содействие национальным экспортерам. Открытие посольства в Рабате было запланировано на 2000 г., но отложено в связи с более приоритетным открытием дипломатического учреждения в Триполи. Если сравнить отношения Беларуси с такими странами, как Ливия и Сирия, очевидно, что, помимо «политического» компонента, в белорусско-сирийских отношениях имеется экономическая целесообразность, которая возрастает с каждым годом, чего не скажешь о белорусско-ливийских отношениях.

Результатом развития арабского направления стало открытие белорусских посольств в Египте, Сирии, Ливии, Ираке и ОАЭ, планируется открытие посольства в Марокко. В ряде арабских государств белорусские послы, не открывая постоянных представительств, получили аккредитацию. Так, посольство в ОАЭ включает в сферу деятельности Саудовскую Аравию, Кувейт, Катар, Бахрейн, посольство в Сирии координирует работу на ливанском направлении, хотя в 2002 г. в Ливане был учрежден институт почетного консула⁷. В свою очередь, посольские учреждения в Минске имеют Ливия, Ирак (в настоящий момент посольство Ирака не функционирует) и Палестины. На основе складывающегося сотрудничества в ближайшее время можно ожидать открытия дипломатического представительства Сирии. В Минске получили аккредитацию дипломаты ряда арабских государств.

При всех сложностях развития отношений с арабским миром с его особой спецификой партнерства, с недооценкой белорусскими представителями маркетинговых методов завоевания рынка, их неумением

закрепиться на рынке, при разовом характере поставок, отсутствии дилерской сети, высокой бюрократизации сотрудничества с обеих сторон, недостаточной квалификации специалистов при работе на арабских рынках (незнание арабского языка, страновых особенностей), слабой вовлеченности специалистов-арабистов во внешнеэкономическую деятельность ведущих предприятий-экспортеров, – арабское направление сотрудничества развивается. Беларусь устанавливает новые торгово-экономические и культурные связи (например, с Оманом, Иорданией, Бахрейном, Кувейтом) и восстанавливает отношения, утраченные после распада СССР (Сирия, Египет, Алжир, Ливан). Определенным положительным результатом можно считать тот факт, что Беларусь теперь четко идентифицируют в арабском сообществе не как часть России, а как самостоятельное государство. Нельзя отрицать, что личность белорусского президента, благодаря его политической позиции в отношении стран арабского мира и проблем мирового развития, находит поддержку у ряда лидеров арабских государств. Многочисленные официальные визиты А.Г.Лукашенко в страны Арабского Востока способствуют не только продвижению экономических интересов Беларуси, но и обращают внимание арабской общественности на развитие и достижения Республики Беларусь последних лет.

На данный момент арабским странам отводится роль «альтернативы» на случай ухудшения отношений с Россией. В Ежегодном обращении к Национальному Собранию президент Республики Беларусь высказал благодарность исламским государствам за помощь в диверсификации белорусских экспортных связей, сообщив, что в результате сотрудничества с арабским миром экспортная ориентированность на Россию сократилась с 85 до 50%⁸.

Свидетельством возрастающей роли арабского направления также является тот факт, что если в 1997 г. журналисты на брифинге в министерстве иностранных дел Республики Беларусь задавали вопрос о целесообразности развития отношений с арабскими странами, то теперь все чаще идет обсуждение сфер белорусско-арабского сотрудничества и региональных приоритетов⁹. Вопрос о невыгодности подобного сотрудничества был снят сам собой.

Весьма ярким событием стал так называемый десант послов арабских стран в 1999 г., когда главы дипломатических миссий, размещенных в Москве и Киеве, прибыли для встречи с президентом Республики Беларусь. Во время переговоров с представителями арабских государств А.Г.Лукашенко заявил, что арабский мир является одним из важнейших направлений его внешней политики: «Мы придаем этому направлению все большее значение. Это касается как контактов в экономической сфере, так и политического сотрудничества»¹⁰.

При дальнейшем динамичном развитии роль арабских стран во внешней политике Беларуси будет возрастать. Однако будет усиливаться и критика по поводу отношений с теми арабскими странами,

которые подозреваются в поддержке терроризма. Поэтому в сотрудничестве с арабскими государствами должны преобладать, в первую очередь, прагматизм и экономическая результативность, а также политическая целесообразность, способные оказать благоприятное воздействие на экономическое развитие Республики Беларусь и на ее имидж на международной арене.

¹ Материалы Министерства иностранных дел Республики Беларусь, 2003.

² http://www.mfa.gov.by/rus/publications/issue/No4_2003/Chapter8.htm#_VPID_43

³ Там же.

⁴ <http://www.president.gov.by/rus/president/news/archive/december2003/8-14/n1112-1.html>

⁵ <http://www.president.gov.by/rus/president/news/archive/december2003/8-14/n1112-1.html>

⁶ Материалы Министерства иностранных дел, 2003.

⁷ http://www.mfa.gov.by/rus/publications/issue/No4_2003/Chapter8.htm#_VPID_43

⁸ Послание Президента А.Лукашенко Национальному собранию и белорусскому народу. Советская Белоруссия. 15 апреля 2004, с. 2.

⁹ Пресс-конференция Министра иностранных дел Республики Беларусь И.И.Антоновича // Вестник МИД РБ. 1998, № 1, с. 1.

¹⁰ Республика. 25 февраля 1999, с. 1.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ УКРАИНЫ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Выстраивая свою внешнюю политику с 1991 г., Украина, по мере возможностей, стремилась сохранить связи с арабскими странами, так как в составе СССР она была не только передаточным звеном, но и партнером этих стран.

В постановлении Верховной Рады об «Основных направлениях внешней политики Украины» в восточном направлении был взят ориентир на страны, которые «...могут открыть мощные источники инвестиций в украинскую национальную экономику...»¹. На первом этапе инвестиционные ожидания не оправдались, но, тем не менее, дипломатические отношения были установлены с большинством стран арабского мира. Не претендуя на ведущие роли, Украина получила заметное место в системе отношений арабских государств с внешним миром.

С точки зрения экономических интересов, освоение рынков Ближнего Востока стало чередой упущенных лет и возможностей, что имело под собой не только объективную, но, главным образом, субъективную причину. Политическая и предпринимательская элита Украины первых «призывов» уверенно причисляла себя к «западникам», настойчиво стучась в объединенную Европу и в НАТО, распродавая сырьевые ресурсы на западных рынках. Экономические связи с арабским миром носили второстепенный характер, хотя именно там существует наибольшая потребность в готовой продукции, в строительных мощностях. Пожалуй, только руководство военно-промышленного комплекса адекватно оценило ситуацию и активно пробивалось со своей продукцией на Восток. Не случайно, Украина прочно закрепилась в первой десятке мировых экспортеров вооружений.

В начале XXI в. внешнеполитическая деятельность Украины на Ближнем Востоке значительно активизировалась. Состоялись визиты президента Украины в Сирию, Иорданию, Ливан, в страны Персидского Залива и в Ливию. Политика Украины в регионе стала более прагматичной и последовательной. 2003 год можно считать поворотным в связи с участием Украины в экономических проектах в Ливии и стабилизации ситуации в Ираке.

Нельзя сказать, что только Ливия и Ирак дают повод говорить о качественных переменах. Есть серьезные подвижки в отношениях со странами Леванта, наметились в целом изменения в отношении укра-

инской внешней политики к арабскому миру. Мы рассмотрим только два примера, которые, на наш взгляд являются ключевыми в формировании нового этапа украинской ближневосточной политики. Из множества ее задач, которые потребуют решения, мы выделяем в данной статье как одну из главных качественно и количественно иной уровень информационного проникновения и сопровождения украинской политики в этом регионе.

В ходе визита Л.Кучмы в Ливию в 2003 г. и визита ливийской правительственной делегации на Украину в 2004 г. был заключен ряд соглашений о сотрудничестве, масштабы которых беспрецедентны. Намечено участие Украины в разработке 4 ливийских нефтяных месторождений, где украинская часть будет составлять от 15 до 30%², в сотрудничестве в банковской, транспортной, авиационной областях, в строительстве грузовых судов и реконструкции авиапарка, строительстве железной дороги, автодороги в Ливии, планируется экспорт украинской металлопродукции, грузовиков большого тоннажа, создание совместной компании по выращиванию на Украине и переработке сельскохозяйственной продукции и др. Ливия изъявила желание инвестировать средства в украинское сельское хозяйство с целью выращивания пшеницы для своих потребностей, которые составляют более 400 тыс. т в год. 20 тыс. га украинских земель должны быть переданы во временное пользование украинско-ливийскому совместному предприятию.

Были подписаны соглашения о сотрудничестве в сферах науки и технологий и геологических исследованиях, в области трудоустройства, ветеринарии, карантинной защите растений, испытаний и охране сортов растений, Консульская конвенция между Украиной и Джамахирией, о взаимном предоставлении правовой помощи; меморандум о сотрудничестве между Национальным банком Украины и Центральным банком Ливии; меморандум о сотрудничестве между НАК «Нефтегаз Украины» и Национальной нефтяной компанией Ливии³.

В 2004 г. украинско-ливийский диалог продолжился. 5 апреля с официальным визитом в Украину прибыл Секретарь Высшего Народного Комитета Шукри Ганем⁴. Главной темой переговоров было экономическое сотрудничество. Леонид Кучма на встрече с председателем ливийского правительства подчеркнул, что Украина удовлетворена уровнем двустороннего сотрудничества. Президент подтвердил приглашение Муаммару Каддафи посетить Украину.

Этот визит свидетельствует об устойчивом развитии украинско-ливийских отношений, а также о том, что минувший визит президента Украины в Ливию в 2003 г. и масштабные предложения ливийской стороны не остались на уровне деклараций, а наполняются конкретными делами.

Перспективным направлением сотрудничества является строительство. В частности, украинская компания «Интерстроймонтаж» уже заключила контракт на участие в строительстве искусственной реки в Ливии, большую часть территории которой составляют пустыни. Авиакомпания «Международные Авиалинии Украины» в апреле 2004 г. открыла новый прямой регулярный рейс Киев – Триполи. Если все эти договоренности будут выполнены, то это будет новым качественным шагом в отношениях Украины с арабским миром в целом.

После начала военной операции в Ираке в марте 2003 г. министерство экономики Украины спрогнозировало потери украинских экспортеров на уровне 300 млн. долл. Это немного больше 1% общего объема украинского экспорта⁶. Сотрудничество Украины с Ираком в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» до 2003 г. проходило с нарастающей активностью. При этом импорт из Ирака, как и раньше, равнялся нулю, однако экспорт вырос с 13,7 млн. долл. в 1999 г. до 300 млн. в 2002 г. Активнее всего экспортировали трубы для модернизации нефтяного комплекса Ирака. В частности, контракты на поставку труб выполняли Индустриальный Союз Донбасса и корпорация «Интерпайп». В 2001 г. компания «Лугансктепловоз» выиграла тендер на поставку в Ирак 30 тепловозов. В 2004 г. контракт был восстановлен.

События 2003 г. в Ираке поставили Украину перед необходимостью создания абсолютно новой системы взаимоотношений с ним в условиях относительного содействия со стороны оккупационной власти и иракского правительства. Отправка миротворческих сил Украины в Ирак знаменовала новый этап украинской ближневосточной политики с прицелом на масштабные контракты в послевоенном восстановлении Ирака. Впрочем, реальные экономические перспективы оказались незначительными. Это показала работа делегации Украинского союза промышленников и предпринимателей в Иордании в марте 2004 г. на международной выставке «Rebuilding Iraq», целью которой было налаживание связей с американскими, иорданскими и иракскими компаниями. Принять участие в проектах восстановления Ирака выразили готовность больше 100 украинских компаний, крупнейшие из которых: «Нефтегаз Украины», «Укртранснефть», «Автокраз», «Мотор Сечь», Новокраматорский машиностроительный завод, корпорация «Укрэзиястрой» и «Укрстрой».

Некоторые украинские эксперты, считают, что украинским компаниям вряд ли стоит рассчитывать на масштабные контракты, большинство из которых получают американские компании. Из иностранных претендентов реальные шансы на успех будут иметь представители тех государств, которые для США имеют больший политический вес, чем Украина. Заместитель госсекретаря США Ричард Армитадж отмечает, что Украина, не выиграв ни одного большого контракта, может претендовать лишь на субподряды⁷.

Среди наиболее крупных контрактов значатся: восстановление систем электроснабжения, реконструкция системы ирригации, снабжение питьевой водой, создание и обеспечение всем необходимым армии Ирака, реконструкция нефтяных месторождений и т.д. Пока что Украина принимает участие только в контракте по обеспечению иракской армии.

На практике решающим фактором, тормозящим заключение контрактов, может оказаться не позиция американцев, а террор против иностранных специалистов, который уже заставил многих из них оставить страну, бросив реальные контракты.

Новый этап в развитии украинско-арабских отношений, с одной стороны, имеет очень обнадеживающие результаты, которые могут вывести Украину на более высокий уровень взаимодействия с другими странами арабского мира. С другой стороны, иракский опыт в данное время является важным скорее не из-за перспектив крупных контрактов, а благодаря тем урокам, которые Украина должна осмыслить. Союзничество с США в решении острых конфликтов в арабском мире – это путь проб и ошибок, где нельзя рассчитывать на признательность ведущего партнера, но можно более четко и прагматически строить отношения с ним.

Анализ двух разноплановых, но наиболее ярких примеров нового этапа украинско-арабских отношений не исчерпывает важных подвиг в связях с другими странами этого региона. В то же время, количество сделанных шагов и открывающихся потенциальных возможностей требуют качественно новых подходов к организации украинско-арабского сотрудничества.

С точки зрения стратегии, совершенно очевидно, что сегодняшний уровень научного анализа, концентрация исследовательских сил на этом направлении не способны в полной мере обеспечить успешное решение новых задач. Еще более глубоким является вакуум в сфере информации в целом, и, в частности, информационного взаимодействия. За всем этим скрываются другие, чрезвычайно серьезные проблемы, наиболее сложная из которых – кадровая. Еще раз подчеркнем, что в системе стратегических интересов Украины Арабский Восток занимает особое и важное место, точнее сказать, должен занимать, так как практика политических и экономических отношений Украины с арабскими странами, уровень научного анализа этих отношений, исследований современного арабского мира не полностью соответствуют объективному значению этой тематики. Это касается и украинской научной литературы, и украинских СМИ. Иностранных источников, посвященных конкретным проблемам украинско-арабских отношений, пока очень мало. Изредка и бессистемно появляются публикации о событиях или обстановке в той или иной арабской стране или о какой-нибудь проблеме арабских стран, иногда с участием Украины или ее граждан, чаще всего в негативном аспекте.

Крайне редкие сообщения об Украине или из Украины в арабских изданиях до 2003 г. обусловлены объективными причинами. Достаточно вспомнить, что 80% информационных ресурсов планеты сконцентрированы Новым и Старым Светом вместе с Японией⁸. Там формируются и оттуда расходятся основные сведения о мире. Оттуда их черпает и арабская пресса. Субъективными причинами были пассивность украинских дипломатических служб в арабских странах и отсутствие массивной информационной интервенции Украины в этом регионе.

Изучение первого этапа украинско-арабских отношений выявило информационный вакуум в арабском мире в отношении Украины, который все еще сохраняется. Заполняется он лишь разовыми информацией чаще всего западных информагентств, отношение которых к Украине весьма предубежденное. Поэтому реализация национальных интересов в арабском мире должна сопровождаться активным информационным наступлением.

После оживления украинско-арабских связей на высшем уровне в 2002–2003 гг., после резкой смены украинского курса в американо-иракской войне, интерес арабских СМИ к Украине несколько возрос. Однако отпечаток незнания или вторичности восприятия по западным шаблонам в этих публикациях очень заметны. Как и ожидалось, наибольший интерес вызывают сенсационные или отрицательные – с криминалом, жертвами – сведения, которые связаны с украинцами. Так, рассказав 27 марта 2003 г. читателям об украинской мафии, коррупции в связи с убийством журналистов Гонгадзе и Александрова катарская газета «Daily Gulf Times» через три дня дала новый большой репортаж, но уже из Ирака, о первом суде после свержения режима С.Хусейна. Подсудимые – украинские моряки, задержанные американцами по подозрению в контрабандном вывозе нефти. Репортаж сопровождается фотографией, на которой украинцы конвоируют американскими солдатами⁹.

В другом издании «The Peninsula» от 30 октября 2003 г. украинская тематика поддержана сообщением о том, как украинское военное подразделение в Ираке попало в засаду¹⁰, а также о задержании в Дели индийского бизнесмена, подозреваемого в экспорте в Ирак запрещенного химического сырья¹¹ («The Peninsula», 19 октября 2003 г.), но при этом сделано уточнение, что бизнесмен был задержан по возвращении из Украины. Такого рода информация авторитета Украине не прибавила. Вдобавок, в той же газете, где написано о суде над украинскими моряками, опубликован интересный репортаж о деятельности миротворцев в Либерии и Сьерра-Леоне. В Сьерра-Леоне миротворцы разоружили 47 тыс. повстанцев. Газета отметила большую роль в этом польского миротворческого контингента. Хотя на самом деле повстанцы сложили оружие к ногам украинского батальона. Сложно обвинять арабскую газету, так как в сообщении «Рейтера» из Найроби об украинцах забыли.

Несмотря на политическое и военное сотрудничество с США в Ираке, Украина периодически «накрывается» залпами дезинформации союзнических информационных агентств, которые подхватываются арабской прессой. Развешанный в дым слух с «Кольчугами», тем не менее, для кого-то оказался удачной находкой, а Украина – удобной мишенью для критики. Когда подзабылся «кольчужный» скандал, в западной, а, значит, и в арабской печати из вашингтонских «источников» «выстрелила» сенсация о продаже Украиной ядерного оружия «Аль-Каиде»¹². Никто из украинских политиков даже не старался всерьез опровергнуть совсем откровенную выдумку. Однако она стала чуть ли не главным информационным событием недели.

Вместе с тем, если агентство «Франс-Пресс» обратило внимание, что Украина и Ливия наметили масштабные планы сотрудничества в области нефтегазодобычи, в поставках транспортных самолетов Ан-32 и др., то это также заинтересовало арабскую прессу¹³. Это к слову о том, как формируются информационные потоки.

В целом же, ни положительная, ни отрицательная информация об Украине и украинцах в печати, эфире или в сети интернет решающего влияния на общественное сознание не имеют в силу того, что они крайне эпизодичны. Это касается как арабского информационного пространства, так и украинского. Таков один из многих уроков украинско-арабских отношений современного периода, который требует практических решений, так как на рубеже столетий глобалистские процессы уже привели к созданию информационного общества. Строить международные отношения сегодня придется и по законам данного общества.

Одной из объективных причин такого «молчания» являются отсутствие интереса политических, деловых и журналистских кругов арабского мира к Украине. Но это не является сугубо украинской проблемой. То же относится к России и другим странам СНГ. И хотя о России пишут во много раз больше, уровень гуманитарных контактов специалисты оценивают критически. На международной научной конференции «Диалог культур: опыт России и Левантийского Востока», которая проходила в 2001 г. в Ливане, в докладе С.Воробьева (Москва) отмечалось, что за 2000 год только один раз по инициативе арабской стороны было проведенное культурное мероприятие в столице России – выставка произведений саудовского художника Хасана аль-Ганема. На протяжении свыше десяти лет арабы не проводили в Москве свои национальные выставки, в Россию не приезжали из арабских государств творческие коллективы и т.д.¹⁴ Понять это нетрудно. За последние полстолетия арабы привыкли обращать внимание на мировые центры силы, между которыми им приходилось лавировать. С исчезновением такого центра силы, как Советский Союз, интерес арабов к этой части мира на некоторое время угас. Однако реалии информационного общества дают Украине шанс вызвать ин-

терес арабских политических, деловых и культурных кругов. Как показывает практика, один из важных рычагов сотрудничества – работа украинской арабской диаспоры, в среде которой выросли крупные бизнесмены и общественные деятели.

Например, весной 2004 г. в Одессе дважды побывали журналисты известной арабской телекомпании «Аль-Джазира». Это стало возможным благодаря настойчивым приглашениям крупных бизнесменов и общественных деятелей арабской диаспоры в Одессе. Из этого следует необходимость активнее использовать возможности этих людей в построении информационных мостов с Арабским Востоком.

На данный момент полностью очевидна потребность в создании сети информационных представительств Украины в арабских странах, в реализации осознанной стратегии информационного продвижения и обеспечения в этих странах украинских интересов.

Говоря об информационной интервенции как о важнейшей задаче будущего периода, мы подходим к выводу о том, что в целом, субъективный фактор будет играть ведущую роль в прогрессе украинско-арабских отношений. В том же контексте надо понимать и решать проблему подготовки специалистов разных направлений для деятельности в этом специфическом регионе. Важным является создание на Арабском Востоке целой сети учреждений и групп специалистов, связанных между собой общей целью и организованных корпоративно, когда работа будет строиться не методом проб и ошибок, а через систематическое изучение ситуаций специалистами на местах с широким географическим охватом.

Для достижения больших и гарантированных результатов украинских ближневосточных проектов все более актуальной становится «работа над ошибками» в вопросах правовой защиты интересов украинских граждан, предприятий и организаций в арабских странах. Данная составляющая внешнеполитической деятельности Украины по необъяснимым причинам и до сих пор остается почти без внимания исследователей и журналистов. В то же время, вопросы безопасности и юридической защиты украинских участников политических и экономических процессов на Ближнем Востоке будут возрастать прямо пропорционально масштабам этих процессов. И, наконец, обычная для Востока чувствительность к тому, на каком уровне представлены иностранные интересы, диктует необходимость первым лицам государства постоянно заниматься такими миссиями, продвигая интересы Украины кратчайшим путем.

¹ Постанова Верховної Ради України Про Основі напрями зовішньої політики України 2 липня 1993 р. // Україна на міжнародній арені. Збірник документів I матеріалів 1991–1995 рр. Кн. 1. – К., Юрінком Інтер. 1998, с. 46.

² Ольжич Д. Ливийские договоренности Президента дадут толчок развитию Украинской экономики // Одесские известия. 12 ноября 2003.

- ³ Внешнеэкономическая деятельность // <http://www.elvisti.com.ua/2003/10/15/foreign.shtml> [15.10.2003].
«Нафтогаз України» і національна нафтова корпорація Лівії підписали меморандум про співробітництво // www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=3132004&cat_id=3211801 [23.02.2004].
- ⁴ Новини МЗС України // <http://www.mfa.gov.ua/information/?media/tit.html#2004040505>
- ⁵ Програма офіційного візиту в Україну Секретаря Вищого Народного Комітету Великої Соціалістичної Народної Лівійської Арабської Джамагирії Шокрі Мохамеда Ганема 5 квітня, понеділок // <http://www.mfa.gov.ua/information/?pressman> [20.04.2004].
- ⁶ Паньків О. Украинская часть триллиона // Корреспондент. 2003, № 12. С. 22.
- ⁷ Армітадж обіцяє Україні субпідряди в Іраку // <http://uatoday.net/news?categ=1&date=1082203237&.html> [17.04.2004].
- ⁸ См.: Стратегія розвитку України: теорія і практика. – К., 2002, с. 864.
- ⁹ Daily Gulf Times, 30.09.2003.
- ¹⁰ The Peninsula, 30–31.10.2003.
- ¹¹ The Peninsula, 19.10.2003.
- ¹² Аль-Хаят, 11.02.2004.
- ¹³ Peninsula Business, 16.10.2003.
- ¹⁴ Воробьев С. Образ арабского социума: взгляд из современной России // Диалог культур. Опыт России и Левантийского Востока. – Материалы международной конференции 22–23 марта 2001 г. Триполи – Ливан, Бейрут, 2002. С. 153.

РОССИЙСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ БИЗНЕС
В АРАБСКИХ СТРАНАХ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Окончание эпохи «холодной войны», либерализация политической и экономической жизни в Российской Федерации дали, наряду с другими факторами, дали импульс росту численности российских туристов, направляющихся на отдых, а также в «шоп-туры» в страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Таблица 1

**Рост численности российских туристов,
посетивших в 90-е годы XX в.
страны Ближнего Востока и Северной Африки, тыс.**

	1990 г.	Доля, %	2000	г. Доля, %
Египет*	170	7,0	220	4,2
ОАЭ	331*	11,1	229	5,9
Тунис*	15	0,5	25	0,5
Марокко	ок.5	0,2	12	0,5
Весь регион*	530	3,8	510	2,1

Примечание: * – 1998 г.

Источник: The Middle East and North Africa. 2003, с. 1183;

<http://www.arab.net/Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Syria, Tunisia, UAE>.

Как свидетельствуют данные таблицы, за десятилетие туристические потоки из России в различные страны региона характеризовались разнонаправленностью тенденций. Если в Египте, Марокко и Тунисе на протяжении последнего десятилетия наблюдался рост числа россиян, прибывающих в качестве туристов, то в ОАЭ этот показатель со второй половины 90-х годов имел тенденцию к снижению. При этом численность россиян, посещавших ОАЭ, в целом характеризуется высоким уровнем. Такая картина во многом определяется тем, что Тунис и Марокко, но особенно Египет предлагают культурные программы, с которыми не могут конкурировать не только ОАЭ, но и другие страны региона. Их основой является знакомство с уникальными объектами мировой культуры и древних цивилизаций, которым нет равных в мире. Кроме того, со второй половины 90-х годов и в начале текущего десятилетия несколько сократился интерес к «шоп-турам» в ОАЭ. Это во многом было связано с дефолтом 1998 г., который вы-

звал существенное сокращение потребительского спроса на относительно дорогостоящие товары длительного пользования.

И, все же, для турпотоков в регион в истекший с начала 90-х годов период был характерен рост, о чем говорят данные вышеприведенной таблицы.

Многokратный рост туристического потока из России в регион, помимо вышеназванных причин, был связан с естественной ориентацией туристов из северной страны на отдых в государствах, расположенных в субтропической и тропической зонах. В немалой степени сказался и уровень сервиса в арабских странах, который заметно отличался в лучшую сторону в сравнении с тем, который могли предоставить российские морские курорты. Обилие фруктов и овощей, относительная дешевизна отдыха даже в сравнении с ценами на туристические услуги на юге РФ также в большой мере определили значительный поток россиян, выезжающих на Арабский Восток.

Колорит Востока, с которым россияне неплохо были знакомы еще с детства, благодаря обилию разнообразной литературы об арабских странах – учебной, художественной, информационной – способствовали также формированию предпочтений в пользу арабских курортов. Свою роль сыграла и изысканная арабская кухня, которую россияне оценили. Ее удачно дополняли блюда из европейской, китайской и других кухонь мира.

Немалое значение имело и то обстоятельство, что в условиях периодического происходящих потрясений в регионе и, как следствие, падения туристических потоков из развитых государств, прежде всего Европы, турагентства из арабских стран увидели, и не без оснований, в россиянах менее подверженных предубеждениям потенциально постоянных клиентов. Кроме того, Россию и арабский мир длительное время связывали тесные партнерские и дружеские связи, образ России, как друга арабов, ограждал их от терактов со стороны экстремистов. Поэтому на протяжении 90-х годов арабские и российские турагентства, пропагандируя отдых в странах Арабского Востока, вели интенсивную рекламную кампанию, которая увенчалась полным успехом.

Наряду с этим, следует отметить, что десятки тысяч российских специалистов, живших и работавших здесь на протяжении второй половины XX в., достаточно высоко оценивали возможности отдыха и туризма в регионе, который они хорошо узнали и в котором у многих из них появилось немало знакомых и друзей. Это также предопределило предпочтения россиян при выборе мест отдыха за рубежом.

И, наконец, не последнюю роль сыграла возможность совместить туристическую поездку с закупкой различных потребительских товаров в массовых количествах для последующей перепродажи в России, где, особенно в первой половине – середине 90-х годов, ощущался острый товарный голод. Показателен в этом отношении пример «челночной» торговли, которой занимались российские туристы в ОАЭ.

Ее объем в прошедшем десятилетии в отдельные годы составлял от 1 до 5 млрд. долл.

Электронная аппаратура, автомобили, золотые ювелирные украшения были основными товарными группами, пользовавшимися спросом у российских челноков. Однако при этом и туристические объекты Эмиратов, как правило, не были преданы забвению и органично дополняли трудовые будни россиян.

Среди более двух десятков арабских стран наибольшей популярностью у российских граждан пользовались туры в Египет, ОАЭ и Тунис. Наряду с общими для всего арабского мира туристическими достоинствами, туры в каждую из этих трех стран отличались особыми собственными качествами, привлекавшими туристов из РФ. Египет – не только уникальными историческими достопримечательностями мирового значения, но и низкими ценами на туристические услуги. Последнее было характерно и для поездок на отдых в ОАЭ, кроме того, в отличие от Египта и Туниса, здесь возможен отдых с купанием в зимние месяцы, т.е. туристический сезон длится практически круглый год. Но не меньшей привлекательностью пользовались, как уже отмечалось, рынки этой страны. На них предлагался широкий выбор самых различных товаров, прежде всего электронной аппаратуры, золота – ОАЭ был региональным, а по золоту – мировым перевалочным рынком этих товаров. В свою очередь, Тунис стал центром притяжения российских туристов, во многом благодаря особой культуре туристического сервиса. В ней тесно переплелись шарм Арабского Востока, европейской изысканности и возможности разнообразия отдыха в умеренной, мягкой средиземноморской климатической зоне. Значение имело исключительное богатство культурной программы, высокий уровень обслуживания, отсутствие некоторой зашоренности, свойственной ряду арабских стран, в которых ощущаются ограничения, налагаемые традиционным (фундаменталистским) исламом. Это особенно касается потребления алкогольной продукции – вина, пива и более крепких напитков.

Учитывая то, что индустрия туризма в арабских странах – относительно молодая отрасль экономики и отдельные ее сегменты и сектора лишь набирают необходимый опыт и еще только совершенствуют уровень обслуживания, российская составляющая ее представляется достаточно выигрышной. Дело в том, что основная часть туристов из РФ не отличается повышенной требовательностью к качеству сервиса в силу многих причин, в том числе и из-за относительно невысокого его уровня в самой России. Кроме того, россиян меньше отпугивает та политическая напряженность в регионе, которая периодически проявляется и не приемлема для некоторых других групп иностранных туристов, в частности, из США или Европы. Однако нельзя не сказать о том, что эти особенности – временное явление. По мере развития иностранного туризма в самой России, а он прини-

мает все более широкий характер, растет и требовательность туристов из РФ к самым различным сторонам индустрии туризма, с течением времени менее ощущается и влияние ценового фактора. Российский турист все более ощущает результаты конкурентной борьбы среди туристических центров мира за туристические потоки, в том числе и из России. Так, рост конкуренции со стороны турецкой индустрии туризма, оперативно и гибко отреагировавшей с середины 90-х годов на динамичный рост российского туризма на южном направлении, увенчался полным успехом, и это сразу сказалось на отрицательной динамике численности российских туристов в Объединенные Арабские Эмираты. Другой пример. Более современный туристический сервис, предлагаемый россиянам в Тунисе, также «оттянул» на себя существенную часть туристов из РФ, ранее предпочитавших отдыхать и совершать покупки в странах Арабского Машрика.

Тем не менее, связи между арабским миром и Россией по линии индустрии туризма приобрели в целом стабильный и широкомаштабный характер. Ежегодно российские туристы, по нашим оценкам, давали турагенствам, обслуживавших поездки в страны региона, только за предоставленные туруслуги до 0,5–1 млрд. долл. К этой сумме можно добавить от 2 до 5 млрд. долл. и более, оставляемых ими в торговой сети.

Можно заключить, что российское направление, начиная с 90-х годов XX в., стало на Ближнем Востоке и в Северной Африке одним из самых важных среди прочих туристических потоков. Его отличительными позитивными чертами, прежде всего, являются широкие масштабы, что соответствует ярко выраженной тенденции в регионе к росту индустрии туризма, относительная стабильность, что исключительно важно для региона, периодически сотрясаемого политическими кризисами, а также относительная неприязнательность к качеству сервиса, что позволяет развиваться «нижним этажам» отрасли.

Анализируя состояние и перспективы российского туризма в регионе, следует учитывать ряд дополнительных факторов и обстоятельств. Сложившиеся в предыдущий период связи и партнерские отношения в сфере иностранного туризма между арабами и россиянами, как и другие выше отмеченные факторы, позволяют утверждать, что регион, как мировой туристический центр, пользующийся предпочтением у россиян, вероятно, будет отличаться стабильным спросом с их стороны. Данная оценка в полной мере относится ко всем основным формам иностранного туризма, включая культурные, научные, деловые контакты, в том числе и в рамках «диалога цивилизаций», а также паломничество россиян к христианским, мусульманским и иудейским святыням.

Вместе с тем, стремительное развитие международного туризма, появление новых его центров, в том числе и на Арабском Востоке, в частности в Сирии, Марокко, Иордании, другие факторы заметно уси-

ливают конкурентную борьбу между ними на мировом рынке туристических услуг. Это будет в нарастающей степени влиять и на туристические связи между РФ и отдельными арабскими государствами.

Вероятно, политические факторы также будут оказывать растущее воздействие на туристические потоки из России. В этой связи острее ставится и вопрос об обеспечении безопасности туристов из РФ.

Особая и актуальная тема в рамках рассматриваемой проблемы – туристические поездки граждан арабских государств в Россию. В настоящее время, несмотря на то, что российский туризм на Ближний Восток получил значительное развитие, поездки арабов в Россию с целью отдыха, мягко говоря, скорее исключение, чем правило. Разумеется, адаптация жителей южных стран к северному суровому климату – совсем не то же, что адаптация северян к субтропическому или жаркому тропическому климату. И, тем не менее, Россия представляет, можно уверенно утверждать, реальный интерес для арабов в смысле познавательном, возможности получить высококачественные рекреационные и медицинские услуги, для научных и культурных, политических и деловых контактов. Главное препятствие для развития туризма из арабского мира в Россию – невысокий или откровенно низкий сервис в туристической сфере. Эта отрасль медленно «поднимается» в силу многих причин – из-за ее в целом невысокого уровня развития в предшествующий период – слабой материальной базы, отсутствия достаточного опыта в области мирового туризма и т.д. Тем не менее, перспективы для привлечения туристов из арабских стран в Россию можно оценивать как достаточно широкие.

Показателен не только рост турпотоков из России за последние полтора десятилетия, но и расширение сети туроператоров, работающих на южном (ближневосточном) направлении. Особо следует при развитии данного направления в российском туризме, которое может принести быстрый и значительный финансовый эффект, иметь в виду такие его формы, которые связаны с развитием культурных, научных и деловых контактов. Со стороны государственных и деловых кругов проявляются настойчивые попытки восстановить и расширить традиционно складывавшиеся на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. разносторонние виды сотрудничества. Серьезные возможности, как показывает опыт формирования туристических связей с ОАЭ, Турцией, Грецией и некоторыми другими странами, имеются в области организации шоп-туров. Достаточно сказать, что в отдельные годы туристы-челноки из России закупали в Турции товары на сумму в 5–6 млрд. долл., в ОАЭ, как отмечалось, – на 1–5 млрд. Хотя челночная торговля за последние годы утратила былое значение, «шоп-туры» занимают до сих пор заметное место в туристических связях и, вероятно, эта тенденция на ближайшую и более отдаленную перспективу сохранится. Основанием для такой оценки служит высокий объем импорта товаров массового спроса, особенно бытовой электроники, одежды,

обуви и т.д., в основе которого лежат замедленные темпы модернизации и развития российской легкой промышленности.

Ближайшие перспективы российского туризма в странах Ближнего Востока и Северной Африки зависят от широкого круга факторов.

В большой мере они связаны с общим состоянием и развитием российской экономики, оказывающим существенное влияние на предпочтения россиян в смысле выбора стран и районов туристического отдыха. Например, крушение финансовых пирамид середины 90-х годов и дефолт 1998 г. привели к заметному сокращению туристического потока из России, в том числе и в арабские страны, хотя спад был непродолжительным и быстро был преодолен. Но он чувствительно затронул «шоп-туры», особенно там, где они носили широкие масштабы (в ОАЭ). Учитывая нынешнее состояние российской экономики, вероятно, нельзя исключить повторения (хотя и не столь масштабное) подобных потрясений в будущем.

Как и европейские туристические потоки, испытывают негативное влияние на себе и туры из РФ в условиях всплесков нестабильности и террористической деятельности радикальных исламистов. Впрочем, российские туристы, пока не были мишенью для террористов.

Но именно вышеназванный фактор требует разработки и принятия комплекса мер, направленных на ограничение масштабов возможных форсмажорных обстоятельств и их негативного влияния на туристические потоки из РФ и, в конечном счете, на турагентства, арабо-российский туристический бизнес.

Туристические потоки из России будут испытывать влияние и других факторов. С одной стороны, сохраняют свое значение те положительные из них, которые привели к резкому их росту в начале 90-х годов. С другой, усиливается конкурирующее воздействие других центров мирового туризма – Европы, в том числе Восточной, а также Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, набирающих силу морских круизов и т.д. Однако в целом, то значение, которое имеет на протяжении уже длительного времени ближневосточное и североафриканское направление, сохранится. Свою роль играют и возрастающие усилия самих арабских туристических структур, которых активно поддерживает мощная государственная «машина».

**ПОДХОДЫ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ
К ВОЕННО-СИЛОВОМУ ВАРИАНТУ
РЕШЕНИЯ ИРАКСКОЙ ПРОБЛЕМЫ**

В преддверии начала военной операции против Ирака лидеры арабских государств оказались перед весьма сложным выбором. С одной стороны, требования населения помочь «братскому Ираку» и защитить идеи единства арабского мира. С другой стороны, давление США, рассчитывавших на поддержку в военной операции и/или предоставление арабских территорий для дислокации американско-британских войск.

Для арабских стран события вокруг Ирака имели особое значение: они стали своего рода «проверкой» международного сообщества – будет ли мир играть по правилам США или придерживаться норм международного права. Наиболее нежелательными представлялись два следствия. Во-первых, свержение неугодного Вашингтону политического режима и, во-вторых, нарушение международно-правовых норм и изменение баланса сил ООН – США в сторону последних на фоне нерешенного арабо-израильского конфликта. Практически все СМИ региона проводят параллели между военной акцией США в Ираке и арабо-израильским противостоянием, ближневосточной политикой Джорджа Буша и палестинской политикой Ариэля Шарона. События, происходящие в этих двух горячих точках арабского мира, воспринимаются в едином контексте и оцениваются следующим образом: «Цель США – добиться того, чтобы Ирак служил примером установления их контроля в регионе, – выглядит тем более угрожающей, что за этой целью стоит экспансионистская стратегия Израиля: задачи сторон в регионе совпадают»¹.

В ситуации весьма существенного давления населения арабских стран на официальные власти, возрастающего антиамериканизма и восхищения Саддамом Хусейном (как олицетворением защитника палестинцев, героизма противостояния с США), на фоне возмущения нерешительностью своих правительств и попыток оппозиции максимально использовать сложившуюся ситуацию для критики действий властных структур – с одной стороны, а с другой, – из-за известной давней нелюбви арабских режимов к Саддаму Хусейну (действия которого создавали постоянную угрозу войны и возможного расширения зоны конфликта на Ближнем Востоке и делали все соседние страны, несмотря на их нефтяной потенциал, непривлекательными для ино-

странных инвестиций), арабские лидеры поспешили дистанцироваться от Ирака и возложили ответственность за начало конфликта не на свои дипломатические неудачи, а на Багдад в связи с его отказом признать требования ООН. «Пришел момент истины, чтобы посмотреть правде в глаза и признать, что война с Ираном, вторжение в Кувейт и сегодняшний кризис с оружием массового поражения – это ряд ошибок, которые сегодня уже нельзя исправить. Иракское руководство обязано использовать возможность, чтобы выйти из кризиса, к которому оно привело Ирак и весь арабский мир», – писала египетская газета «Аль-Ахрам»².

В чем арабский мир был един, так это в осознании необходимости мирного разрешения иракского конфликта. К этому неоднократно призывали как отдельные арабские лидеры, так и Лига Арабских Государств, требуя от С.Хусейна признать резолюции ООН, что избавило бы арабов от нужды балансировать между Западом и общественным мнением своих стран. Правительственная египетская газета «Аль-Ахбар», комментируя высказывания о том, что «лишь отставка Саддама может разрешить иракский кризис»³, писала: «Единственное, что нас по-настоящему интересует, – это возможность избежать ужасов войны, а вовсе не судьба диктатора, уничтожившего миллионы мусульман и открывшего США потайную дверь к арабским ресурсам»⁴.

Одним из наиболее вероятных результатов иракской оккупации, по мнению аналитиков, в том числе и арабских, должно было стать распространение радикального исламизма, что создавало угрозу не только для правящих режимов, но и для политической стабильности региона в целом. Поэтому даже лояльные по отношению к Вашингтону правительства немедленно дистанцировались от США, пытаясь тем самым ослабить критику оппозиции в свой адрес. Однако выработать единую позицию по отношению к иракскому кризису арабским странам не удалось из-за различия имеющихся интересов.

Сирия

Негативная позиция Дамаска относительно войны в Ираке была вполне прогнозируемой вследствие следующих факторов. Сирийско-иракские отношения, которые были весьма напряженными до 1991 г. из-за раскола между сирийским и иракским баасистскими режимами, начали заметно улучшаться с момента прихода к власти Башара Асада, известного личной дружбой с Кусеем Хусейном, сыном Саддама Хусейна. Отчасти это и давало повод подозревать, что Сирия причастна к сокрытию членов семьи иракского лидера.

В первую очередь, такое сближение объяснялось экономические фактором. В Сирию, в обход санкций ООН, ежедневно поступало около 200 тыс. баррелей нефти по запущенному в 2000 г. трубопроводу⁵. Еще одна причина сближения Дамаска с Багдадом, а, следовательно, и сопротивления иракской войне, – курдский вопрос. В Сирии прожи-

вает многочисленное курдское этническое меньшинство, и перспектива войны в Ираке вызывала у Сирии (как и у Ирана с Турцией) опасения, что, в случае свержения Саддама Хусейна, Ирак окажется расчлененным на несколько частей, среди которых возможно возникновение и независимого Курдистана.

Из-за того, что Сирия включена в составленной Государственным департаментом США «черный список» спонсоров международного терроризма, и, в частности, близка в нем по статусу к так называемой оси зла, важным сигналом для Сирии стали некоторые шаги Вашингтона в период антииракской операции. В конце марта 2003 г. госсекретарь США Колин Пауэлл открыто пригрозил Сирии «серьезными последствиями» из-за поддержки режима Саддама Хусейна и террористических групп. А в середине апреля 2003 г. решение Вашингтона перекрыть доступ иракской нефти из месторождения под Киркуком в сирийский порт Банияс, а оттуда – в североливанский город Триполи, имело целью «наказать Сирию и Ливан» за их открытую поддержку Ирака в войне против коалиции⁶.

Так называемый синдром Ирака определенным образом производит эффект постоянного «сдерживания» Сирии. Понимая ситуацию, Башар Асад, взвесив все «за и против», занимает прагматическую позицию, учитывающую целый ряд проблем в отношениях Дамаска с Вашингтоном.

Во-первых, продолжающаяся поддержка Дамаском экстремистских группировок типа «Хизбалла» в Ливане и палестинских ХАМАС и «Исламский Джихад». Здесь следует заметить, что определенные шаги в сторону Вашингтона и его операции в Ираке со стороны Сирии были сделаны; она не пошла на открытую конфронтацию с США, не обострив тем самым ситуацию в регионе. Свидетельство этого – отсутствие обстрелов израильской территории со стороны «Хизбаллы» во время непосредственных боевых действий в Ираке. Эта «привязка» не случайна. Существует мнение, что целью нынешней военной операции был не сам Ирак, а давление на лидеров, оказывающих поддержку палестинцам.

Такая модель ближневосточной политики США предполагает ослабление позиций Сирии в регионе. В Вашингтоне и Тель-Авиве полагают, что, если Сирия и Иран перестанут поддерживать «Хизбаллу», ХАМАС и «Исламский Джихад», то эти радикальные движения не смогут больше препятствовать восстановлению мира между палестинцами и Израилем⁷. Однако после падения Багдада Сирия хотела бы занять место Ирака как защитника традиционных арабских интересов, в том числе интересов Палестины, и тем самым повысить уровень своего регионального влияния. И, в отличие от Ирака, Сирия имеет «особый» интерес в поддержке палестинцев, стремясь к возвращению Голанских высот. Помощь со стороны США в решении этого вопроса представляется сомнительной, даже если Сирия ради этого будет участвовать в

действиях коалиции. «Единственная проблема между нами и США – это израильский вопрос, – заявил Башар Асад. – У Америки не будет никаких претензий к Сирии, как только у Израиля не будет к нам претензий. На двустороннем уровне у нас нет проблем»⁸.

Во-вторых, заявления американских спецслужб о наличии в Сирии запасов химического оружия. В связи с захватом Саддама Хусейна и решением Муаммара Каддафи об отказе от программы создания оружия массового поражения Сирия занимает первое место в «черном списке» Америки. Дамаск вновь ссылается на ситуацию, сложившуюся в регионе вследствие политики Израиля, тем самым дистанцируется от обвинений, подобных послужившим поводом для вторжения США в Ирак. Башар Асад заявляет, что, согласно военной доктрине Сирии, химическое оружие необходимо стране для удержания военного паритета с соседним ядерным Израилем. По словам сирийского президента, любая сделка по уничтожению сирийских запасов химического и биологического оружия возможна только в том случае, если Израиль согласится на уничтожение своего незаявленного ядерного арсенала: «Мы – страна, которая частично оккупирована, периодически мы становимся объектом израильской агрессии. Поэтому для нас естественно искать средства самозащиты»⁹.

В связи с такой «щекотливой» ситуацией, в которой оказалась Сирия, невольно возникает вопрос: чем объясняется та довольно смелая позиция, которую занял Башар Асад в отношении иракского кризиса, активно критикуя действия США? Прежде всего, учитывается то, что в случае повторения «иракского варианта» (т.е. насильственного свержения лидера, на этот раз – сирийского) США столкнется с более непредсказуемой Сирией. Здесь вырисовываются некоторые параллели с Ираком: при численном преобладании в стране суннитского населения, Башар Асад (представитель алавитского меньшинства) поддерживает внутривнутриполитический и внутриконфессиональный баланс. Представляется, что допустить повторение иракского сценария, расширив зону нестабильности, Вашингтону было бы невыгодно. Имеет значение также и то, что Башар Асад, получивший образование в Великобритании, рассматривается США как «арабский лидер нового поколения», непохожий на диктаторскую личность Саддама Хусейна; следовательно, насильственные методы борьбы с ним вызвали бы резкий протест в арабском мире, перечеркнув американские «освободительные аргументы» операции в Ираке¹⁰. Следовательно, Башар Асад осознает, что сегодня США вряд ли пойдут на вторую авантюру после свержения Саддама Хусейна, чем, по всей видимости, и объясняются его весьма смелые заявления с критикой США.

Что касается позитивного голосования Сирии в СБ ООН по поводу резолюции № 1441, то, отвечая на вопрос еженедельника «Аль-Усбуа», не являлось ли это шагом в сторону США с тем, чтобы последние вычеркнули Сирию из «черного списка», министр иностран-

ных дел Сирии сказал: «Мы голосовали за резолюцию не для того, чтобы получить что-то взамен. Мы отстаивали общеарабскую позицию, чтобы предотвратить автоматическое развертывания войны и применения военных средств против Ирака и всего региона»¹¹. Это опять подтвердило намерение Сирии стать защитником всеарабских интересов, не идя при этом на открытое противостояние с Вашингтоном ввиду имеющихся серьезных опасений стать следующей мишенью в ближневосточной политике США.

Саудовская Аравия

Среди причин довольно резкого ухудшения отношений между США и Саудовской Аравией и бурных возражений последней против нынешней иракской войны (известно, что именно Саудовская Аравия в 1991 г. сыграла роль ключевого регионального партнера Вашингтона, предоставив США военные базы и взяв на себя часть военных расходов), можно назвать следующие. Убежденность американцев в том, что саудовский авторитарный режим является источником международного терроризма, укрепил тот факт, что 15 из 19 угонщиков самолетов, совершивших 11 сентября 2001 г. террористические акты в США (не говоря уже о самом бен Ладене), оказались выходцами из Саудовской Аравии. На фоне событий вокруг Ирака в США появилось множество публикаций с обвинениями королевской семьи Аль Саудов в оказании идейной поддержки терроризму (распространению идеи ваххабизма) и в предоставлении ему финансовой помощи (через исламские благотворительные фонды). Американскими адвокатами от имени родственников жертв 11 сентября был подан судебный иск с требованием возмещения огромных убытков (около 1 млрд. долл.) против членов королевской семьи за то, что они, якобы, финансируют «Аль-Каиду». Все это привело к тому, что саудовские аналитики увидели в действиях Вашингтона не столько намерение осуществить свержение режима Саддама Хусейна, сколько стремление принудительно трансформировать Саудовскую Аравию (прежде всего, ее идеологию ваххабизма) путем смещения семейства Аль Саудов. Таким образом, действия США в Ираке рассматриваются в Саудовской Аравии в более широком, региональном контексте.

Другая причина резкого осуждения Эр-Риядом иракской политики связана с нефтяным фактором. Власти Саудовской Аравии опасаются, что США намерены разрушить ОПЕК при помощи иракцев. Учитывая, что Ирак обладает вторыми по величине нефтяными запасами в мире – 11% (на территории Ирака разведаны месторождения, которые оцениваются в 112,5 млрд. баррелей нефти; по этим показателям Ирак уступает только Саудовской Аравии, месторождения которой оцениваются в 261,8 млрд. баррелей) и способен поставлять почти такое же количество нефти, что и Саудовская Аравия, возможность подобного поворота событий весьма беспокоит последнюю. В

саудовской прессе высказывались мнения, что иракская нефть является только тактической задачей военной операции США против Ирака. В частности, рассматривался вариант, что новый Ирак может отказаться от ограничений на добычу, установленных нефтяным картелем, и выйти из ОПЕК, сделав эту организацию неэффективной в деле регулирования цен на нефть, а, следовательно, ослабив доминирующую роль Саудовской Аравии в Персидском заливе. Вторым возможным вариантом представлялось то, что, если даже Ирак останется в ОПЕК, дело в картеле все равно дойдет до разногласий, поскольку Ирак после десятилетий войны и изоляции должен будет восстанавливать экономику и инфраструктуру на средства, которые сможет получить, лишь открыв нефтяной кран. Приток иракской нефти на мировой рынок в долгосрочной перспективе заставит мировых производителей увеличить объемы производства, отказаться от политики контроля добычи нефти с целью удержания цен в рамках установленного коридора¹². Последствия неконтролируемых действий нового Ирака ударят, прежде всего, по бюджету Саудовской Аравии. Более того, снижение роли ОПЕК, благодаря лидерству в которой Эр-Рияд получает и политические дивиденды для регионального лидерства, весьма нежелательно для Саудовской Аравии.

И все же полностью отказаться от привлечения Саудовской Аравии к планируемым акциям (или, по крайней мере, не предостеречь возможную поддержку Эр-Риядом Багдада) Вашингтон не мог. В преддверии военной операции в Ираке применение Соединенными Штатами формулы «кнута и пряника» в отношении Саудовской Аравии (с одной стороны, осенью 2002 г. Президент Дж.Буш принимает принца Абдаллу на ранчо в Техасе, что является «дружественным знаком»; с другой стороны, подается судебный иск против Саудовской Аравии родственниками жертв 11 сентября за то, что она, якобы, финансирует «Аль-Каиду») было оценено в Эр-Рияде как попытка оказать на него давление и склонить к поддержке американской политики в отношении Ирака.

Принимая во внимание данные обстоятельства, Саудовская Аравия заняла компромиссную позицию: на открытое противостояние с Вашингтоном в иракской кампании Эр-Рияд не пошел, но региональный штаб Центрального командования США был официально перенесен с Саудовской авиабазы «Принц Султан» на военную базу «Аль-Удейд» в Катаре.

Очевидно, власти Саудовской Аравии осознают, что угроза распространения антиамериканских настроений в случае поддержки Эр-Риядом американской военной операции гораздо опаснее для стабильности внутри страны по сравнению с некоторыми разногласиями в этой связи с Вашингтоном. К тому же учитывается, что вряд ли США пойдут на резкое обострение отношений с Саудовской Аравией, будучи зависимыми от поставок нефти из Эр-Рияда (составляющих 20%

американского нефтяного импорта), по крайней мере, до того, как приведут в действие альтернативные источники энергоносителей (в частности, для восстановления нефтяного сектора Ирака потребуется немалое время).

Египет

Политические шаги Египта в отношении иракского кризиса, в частности, его попытки решить проблему дипломатическими методами, были, скорее, попыткой «сохранить хорошую мину при плохой игре». Фактически, Каир признал свою неспособность повлиять на сложившуюся ситуацию. «Не в нашей власти отложить начало войны. Конгресс США, Совет Безопасности, британский парламент и американская администрация, только они могут приблизить или отложить начало войны, которой мы не желаем», – заявил в феврале 2003 г. Х.Мубарак на саммите в Шарм эш-Шейхе¹³. Однако, пытаясь оправдать занимаемую позицию, Египет акцентировал внимание на том, что вина за развязывание войны лежит на самом Саддаме Хусейне из-за его отказа должным образом сотрудничать с ООН. Каир считал, что такими действиями Ирак «сводит на нет» все дипломатические шаги арабских лидеров, стремящихся решить проблему мирным путем, подрывая тем самым их политический авторитет на международной арене. Как отмечала египетская газета «Аль-Ахрам», «Пока американские военные структуры все больше готовятся к военной операции, Багдад продолжает проявлять ложный героизм и самонадеянность. Таким поведением иракский режим делает тщетными все попытки арабских стран, прежде всего Египта, Саудовской Аравии и Сирии, решить проблему дипломатическими методами»¹⁴.

Если же взглянуть на суть проблемы, то в сложившейся обстановке у Египта существовали следующие мотивы, объясняющие, почему Каир выступал против военных действий в Ираке. С точки зрения экономических интересов, Египет, прежде всего, обеспокоен тем, что Ирак может стать основным экспортером природного газа, и будет конкурентом на традиционных «египетских» рынках, – таких, как Иордания, Сирия и Турция. Негативным также будет влияние военных действий на туризм, прибыли от которого составляют немалую долю дохода в бюджет Египта. С точки зрения политических интересов, Х.Мубарак не мог допустить трансформации существующих «союзнических» американо-египетских отношений в формат «патрон-клиент». Учитывалось усиление антиамериканских настроений после заявления США о том, что Америка не намерена увеличивать помощь Египту в связи с арестом египетского социолога и борца за права человека Саада Ад-Дина Ибрагима. «Если раньше египетские власти собирались освободить Ибрагима, то сейчас вряд ли это произойдет, иначе освобождение Ибрагима посчитают уступкой американскому давлению», – пишет «Аль-Ахбар»¹⁵. Одновременно Египет своим пове-

дение в связи с иракским кризисом демонстрирует нежелание жертвовать политическим влиянием в регионе: «Если Америка предоставляет Египту ежегодную финансовую помощь, то ведь Египет обеспечивает Западу и американской политике стабильность в регионе. Египетское влияние в регионе нельзя преуменьшать, Египет не согласен на американское давление и не позволит вмешиваться в свои внутренние дела»¹⁶. Такой курс Каира с целью дистанцироваться от Вашингтона объясняется и тем, что Египет опасается активизации деятельности исламистских движений внутри страны. Несмотря на действующий запрет на деятельность организации «Братья-мусульмане», ведущие члены этой группировки являются независимыми членами национального парламента, что наглядно указывает на то, что египетские власти считаются с данными настроениями, а, следовательно, будут выступать против войны в Ираке.

Иордания

В отличие от 1991 г., когда Иордания была одной из немногих арабских стран, поддержавших Ирак, сегодня она вообще выступает против каких-либо военных действий. Позиция в отношении иракского кризиса для Иордании в значительной мере определяется влиянием демографического фактора: большая часть иорданского населения имеет палестинское происхождение. Распространение палестино-израильского конфликта на иорданскую территорию – один их наиболее устрашающих сценариев развития событий для властных структур королевства. Экономика государства в значительной мере зависит от добрососедских отношений с Ираком – главным торговым партнером и единственным поставщиком нефти, причем по льготным ценам. Однако интенсивное развитие ирако-сирийских и ирако-саудовских отношений привело к тому, что Ирак придавал все меньшее значение своему соседу. Особенно встревожил иорданские власти тот факт, что в ближайшем будущем основным портом транзита нефти вместо иорданского порта Акабы станет Джидда (Саудовская Аравия), что крайне негативно скажется на экономике Иордании, доходы которой в значительной мере зависят именно от транзитной торговли иракской нефтью¹⁷.

Поэтому действия Иордании накануне иракской кампании напоминали «игру на два фронта». Так, король Абдалла II, который разрешил, по некоторым данным, разместить американские ракетные комплексы «Пэтриот», вынужден был на фоне антиамериканских демонстраций выступать с резким осуждением США. Одновременно принц Хасан участвовал в лондонской конференции лидеров иракской оппозиции в 2002 г. Вероятно, поэтому и на фоне все более сложной ситуации в Ираке, Иордания, заявляя США о непреклонности своей позиции, в то же время налаживала отношения с иракскими силами, находящимися в оппозиции к Саддаму.

Страны Залива

Пожалуй, оказались, в некотором роде в безальтернативной позиции, прежде всего ввиду того, что американские военные базы, созданные в 1991 г. на их территории как временные, превратились, фактически, в постоянные. В Кувейте находятся две базы США – «Ас-Салем» и «Ахмед Аль-Джабер», в Бахрейне на авиабазе «Шейх Иса» базируются самолеты-заправщики, а порт столицы страны – главная стоянка Пятого Флота США. В Саудовской Аравии на базе «Принц Султан» размещен Центр Управления аэрокосмическими операциями США на Ближнем Востоке. В Катаре расположена военно-воздушная база «Аль-Удейд», в Омане – две базы ВВС США – «Сиб» и «Мазира» и база ВМС «Тумрат», в Объединенных Арабских Эмиратах военно-воздушная база «Ад-Дхарфра», на которой находится один из важнейших складов горючего ВС США в этом регионе¹⁸. Более того, в 2001–2002 гг. эти государства, в частности, Кувейт и Бахрейн соответственно, продлили соглашения с США о военном сотрудничестве. Согласно условиям договоров, Вашингтон имеет право использовать при необходимости военные базы на территориях этих государств. Таким образом, то, что государства Залива предоставят свою территорию США в случае военной операции в Ираке, было ясно еще задолго до ее начала.

Тем не менее, у государств Залива были и свои мотивы, в соответствии с которыми они не предпринимали конкретных шагов против военной операции Вашингтона. Для Кувейта Ирак все еще остается основной угрозой. Здесь не были приняты даже официальные извинения иракских властей за действия 1991 г.¹⁹ Для Катара, чья телекомпания «Аль-Джазира» поддерживает тесные контакты с «Аль-Каидой», обвинения Вашингтона в поддержке терроризма также являются опасными.

Однако государства Залива заявили, что выступают против разрешения иракской проблемы военными методами. Дело в том, что их официальные власти как никто другой ощущают нестабильность своего положения. Они справедливо опасаются того, что использование Вашингтоном расположенных на Аравийском полуострове военных баз в условиях роста напряженности вокруг Ирака и нарастания антиамериканских настроений в арабском мире станет неким катализатором активизации массовых протестов населения. Это может привести к беспрецедентной поддержке населением исламистов, что поставит под угрозу внутривосточную стабильность сегодняшних режимов в Персидском Заливе.

Итак, можно сделать вывод, что отношение арабского мира к военной операции в Ираке было негативным; выступая против решений иракского вопроса военными методами, каждая отдельная страна мотивировала свои позиции по-разному. Ясно одно: не было сделано никаких практических шагов для предотвращения операции в Ираке,

не были использованы имеющиеся рычаги влияния: нефтяное эмбарго (как это было в 1974 г.) или разрыв дипломатических отношений с США (что сделало бы невозможным для Вашингтона использование военных баз в регионе).

¹ Аль-Ахрам, 17.03.2003.

² Аль-Ахрам, 26.02.2003.

³ Аш-Шарк аль-Аусат, 10.01.2003.

⁴ Аль-Ахбар, 03.03.2003.

⁵ Аль-Хаят, 21.03.2003.

⁶ www.aljazeera.net, 15.04.2003.

⁷ «Le Monde», 25.04.2003.

⁸ www.sana.org, 25.05.2003.

⁹ Daily Telegraph, 06.01.2004.

¹⁰ Шумилин А. США против стран-изгоев на Ближнем Востоке: кто под прицелом? // Международная жизнь. – 2003. – № 7. – С. 64.

¹¹ Аль-Усбуа, 25.11.2002.

¹² Аш-Шарк аль-Аусат, 07.04.2003.

¹³ Аль-Ахрам, 10.02.2003.

¹⁴ Аль-Ахрам, 14.02.2003.

¹⁵ Аль-Ахбар, 18.08.2002.

¹⁶ Аль-Ахбар, 18.08.2002.

¹⁷ Аль-Хаят, 23.05.2002. www.washprofile.org, 11.03.2003.

¹⁸ www.washprofile.org, 11.03.2003.

¹⁹ Аль-Ватан, 12.12.2002.

КОПЕНГАГЕНСКИЕ КРИТЕРИИ ЕС И ТУРЦИЯ

14 апреля 1987 г. Турция подала в ЕС заявку о вступлении в эту организацию. Комиссия ЕС представила свое мнение по данному вопросу в форме отчета, одобренного Советом ЕС. В документе указывалось, что экономическая и политическая ситуация в стране не убедила Комиссию в способности Турции преодолеть сложности экономических процессов при ее присоединении к сообществу и, что несмотря на позитивные достижения, остаются проблемы в сфере демократизации и прав человека¹.

18 декабря 1989 г. Комиссия Европейских Сообществ (КЕС) опубликовала два документа: «Мнение Комиссии по заявке Турции о вступлении в Сообщество» и в качестве приложения к нему доклад «Турецкая экономика: структура и развитие», который представлял собой развернутый анализ состояния экономики Турции, в том числе ее сравнение с Грецией, Испанией и Португалией как наименее развитыми членами ЕС. В документе указывалось, что начало переговоров о вступлении любой страны в Европейское Сообщество обусловлено двумя принципами. Страна-кандидат должна быть в состоянии принять на себя ряд ограничений, обязательных для членов Сообщества, и выдержать груз проблем, которые могут возникнуть в связи с поэтапной интеграцией стран ЕС. Отмечалось, что особенно важны эти положения для Турции как страны, обладающей значительной территорией и быстрорастущим населением, но уровень экономического развития которой, однако, в целом ниже общего уровня Сообщества².

Основными целями Европейского Союза являются обеспечение свободы, безопасности и законности; содействие экономическому и социальному прогрессу; утверждение роли Европы в мире. Этим целям предполагается достичь через: 1) образование тесного союза народов Европы, содействие сбалансированному и длительному экономическому прогрессу, особенно посредством создания пространства без внутренних границ; усиления экономического и социального взаимодействия; образования экономического и валютного союза и создания в перспективе единой валюты; 2) утверждение собственной идентичности в международной сфере, особенно путем проведения совместной внешней политики и политики в области безопасности, а в будущем и совместной оборонной политики; 3) развитие сотрудничества в сфере юстиции и

внутренних дел; 4) сохранение и приумножение общего достояния («aquis communautaire»).

Статья 49 Договора о ЕС предусматривает возможность присоединения к Союзу любого европейского государства при условии соблюдения им принципов, установленных в части 1 статьи 6 Договора, т.е. принципов свободы, демократии и уважения прав человека и основных свобод, а также наличия правового государства³. Помимо указанных требований, государство должно соответствовать по своим экономическим показателям странам – членам ЕС и провести гармонизацию своего законодательства, то есть привести нормы своего внутреннего права в соответствие с нормами права ЕС. В свою очередь, Европейский Союз подразумевает три уровня: первый представляет собой таможенный союз между государствами – членами ЕС и государствами-кандидатами при наличии необходимых экономических условий; второй уровень представлен государствами – участниками единого рынка, готовыми регулировать свои отношения согласно соответствующим нормам ЕС (т.е. теми же государствами, что и на ранее рассмотренном уровне, возможно, за исключением некоторых государств-кандидатов); третий, более интегрированный уровень, формирует наиболее узкий круг участников, экономика которых отвечает критериям конвергенции для валютного союза. В соответствии с таким подходом комплексный анализ преимуществ и потерь от членства в ЕС должен включать в себя оценку последствий присоединения к Таможенному союзу; свободного движения услуг; миграции рабочей силы; свободного движения капитала; присоединения к валютному союзу; снятия нетарифных барьеров, гармонизации стандартов; введения единых правил регулирования внутреннего рынка ЕС; бюджетной политики ЕС, в частности, его структурных фондов; общей аграрной политики и других согласованных акций; влияния на индустриальную и региональную структуру национальных экономик.

На Лиссабонской встрече на высшем уровне Европейского Совета 1992 г. также была подчеркнута важность наличия демократической системы для кандидатов в ЕС. Кроме того, учреждения Европейского Союза, в частности, Европейский парламент, провозглашают уважение прав человека основным условием для стран-кандидатов⁴. Маастрихтское соглашение расширило роль Европарламента в отношениях с третьими странами: необходимо его согласие для вступления в ЕС (статья 15 соглашения о Европейском Союзе).

В июне 1993 г. в Копенгагене Европейский Совет определил общие критерии, которым должны соответствовать страны-кандидаты, как предварительные условия вступления в ЕС: стабильность институтов, гарантирующих демократический процесс, силу закона, права человека, уважение и защиту меньшинств; наличие и функционирование рыночной экономики, а также способность противостоять конкуренции и рыночным силам внутри ЕС; способность выполнять обязательства, вы-

текающие из членства в ЕС, включая содействие достижению целей политического объединения, а также экономического и валютного союза⁵.

Крайне важно максимально использовать период до вступления с тем, чтобы кандидат мог вести общую политику и соблюдать правила Европейского Союза сразу же после вступления или после соответствующего переходного периода. Следование предварительной стратегии вступления объединит вместе различные формы помощи, предоставляемой ЕС в единых рамках партнерства по вступлению. Это также позволит кандидатам ознакомиться с основами политики и процедурами ЕС и принимать участие в его программах. Значительные инвестиции будут необходимы в области охраны окружающей среды, транспорта, энергетики, промышленной реструктуризации, в сельскохозяйственной инфраструктуре и в сельской местности. Европейская комиссия ожидает от стран-кандидатов соблюдения всех элементов «Белой книги» в период до вступления. Ожидается, что кандидаты решат все спорные пограничные проблемы со своими соседями или, если это необходимо, передадут их в Международный суд.

Подписанный в конце ноября 1993 г. протокол Совета Ассоциации обусловил переход Турции к режиму Таможенного союза принятием и введением в действие ряда отвечающих нормам ЕС законов, связанных с защитой прав потребителя, охраной авторских прав и интеллектуальной собственности, защитой конкуренции, мерами государственной поддержки и антидемпинговыми мерами, государственными закупками, а также новым Таможенным кодексом. Одновременно Турция должна была принять в качестве национальных нормативных актов технические директивы ЕС по промышленной продукции⁶.

После вступления в силу соглашения о Таможенном союзе Турция, не участвуя в руководящих органах ЕС и не имея возможности влиять на принимаемые решения, обязана выполнять их и с этой целью изменять национальное законодательство. Речь идет о серьезном ограничении закрепленных в конституции принципов национального суверенитета при том, что Евросоюз не берет на себя адекватных обязательств в отношении Турции.

В экономическом и социальном аспектах позиция Турции слабее, чем у всех других кандидатов на вступление. Турция опережает наименее развитые страны ЕС – Испанию, Португалию и Грецию – лишь по темпу роста ВВП, экспорта и размерам дефицита государственного бюджета. Ее доходы на душу населения достигают всего лишь 22% от среднего уровня ЕС и, таким образом, все еще сильно отстают от доходов беднейших из десяти государств, которые были приняты в ЕС в 2004 г.: в Латвии, например, этот показатель равняется 33%. Доля сельского хозяйства в создании брутто-стоимости достигает в Турции 12,1%, в ЕС – в среднем 2,1%. Инфляция в Евросоюзе составила в 2001 г. 2,3%, в Турции – 57,6%. Дефицит бюджета равнялся в том же году в ЕС 0,8%, в Турции – 28,7%⁷.

Экономические показатели Турции свидетельствуют о том, что пока она не может в полном объеме принять на себя экономические обязательства перед ЕС. Нестабильность турецкой экономики, высокий уровень инфляции, огромный дефицит бюджета, диспропорции территориального социально-экономического развития, гипертрофированное вмешательство государства в экономику не позволяют Турции участвовать в валютном союзе. Турция – слишком большая, бедная, густонаселенная страна с высоким уровнем безработицы. Кроме того, в случае вступления в ЕС, Турция будет угрожать другим его членам притоком дешевой рабочей силы, и структурные фонды Союза будут вынуждены ее кредитовать. Вполне естественно, что наименее развитые государства ЕС – Греция, Испания, Португалия и Ирландия – не хотели бы видеть Турцию в качестве члена ЕС, а следовательно, – делить с нею помощь из фондов этой организации.

В докладе Еврокомиссии от 13 декабря 1995 г. были сформулированы основные положения, требующие внимания Турции для ее вступления в ЕС: Конституция страны 1982 г., соблюдение прав человека и поиск политического решения курдского вопроса⁸.

Главное препятствие процессу демократизации в Турции видится в роли турецких военных в политике. Любая угроза кемализму сталкивается с агрессивной реакцией со стороны военных. Именно из-за этого они выступают и против повышения политической роли ислама, который угрожает лаицизму, и деятельности курдских сепаратистов, угрожающих территориальной целостности Турции. Нынешняя ситуация в стране больше не таит в себе опасности военного переворота, для нее характерна вездесущая роль военных в обществе. 90-е годы свидетельствуют об интеграции турецких военных в повседневную политическую жизнь через Совет национальной безопасности, который действует как контролирующий орган. Членами СНБ являются президент, премьер-министр и высшие должностные лица вооруженных сил Турции. Совет, согласно Конституции 1982 г., играет особую роль в национальной политике, а совет министров отдает приоритет его рекомендациям и решениям. Такая структура и ее роль контролирующего органа не принимаются ЕС: в либеральных демократических государствах военными должны управлять гражданские власти, а не наоборот. ЕС выступает против этого всемогущего военного присутствия в политике и расценивает его как доказательство того, что турецкая демократия находится далеко позади европейских стандартов.

Также одним из главных препятствий для полноправного вступления Турции в ЕС является нерешенность курдской проблемы. В отношении курдского населения проводится политика, направленная на отрицание национальной идентичности курдов. Конституция Турецкой Республики, принятая в результате референдума 7 ноября 1982 г. во времена правления военного режима, содержит ряд статей, отражающих политику государства в данной сфере. На военный кон-

фликт с курдами расходуются огромные ресурсы, которые можно было бы эффективно использовать в иной области. Кроме того, курдская проблема является одной из важных причин высоких темпов инфляции в Турции.

Европейский парламент многократно осуждал Турцию за кровопролития. В ряде случаев ЕС обращался к турецкому правительству с призывами облегчить напряженную ситуацию на Юго-Востоке и вступить в диалог с курдскими боевиками с целью достижения мирного соглашения, гарантирующего соблюдение основных прав курдов. ЕС старался повлиять на турецкое правительство, которое понимало, что вступление страны в Европейский Союз в значительной степени зависит от поддержания демократического порядка, и поэтому налицо потребность в поиске политического решения курдской проблемы, а не только военным способом.

В сентябре 1996 г. Европейский парламент решил приостановить всю финансовую помощь Турции за исключением той, что пойдет на восстановление демократии. Кроме того, в июле 1997 г. КЕС заявила, что соблюдение прав человека в Турции не соответствует стандартам ЕС⁹.

В результате, 8 декабря 1997 г. правительство Турции приняло пакет законов о правах человека. Основные его положения касались условий содержания заключенных. Согласно мнению ЕС, частые случаи пыток и практика вынесения смертных приговоров в Турции свидетельствовали о неспособности правительства страны контролировать собственные органы безопасности и управлять их действиями.

Ранее, 29 апреля 1997 г., Европейский Совет подтвердил, что Турция будет оценена по тем же объективным стандартам и критериям, что и другие претенденты. Однако в декабре 1997 г. на Люксембургской встрече ЕС не включил Турцию в число кандидатов. Такое решение было обосновано беспокойством относительно войск Турции на Кипре и ее напряженных отношений с Грецией. Европейский Совет напомнил, что конфликт между Грецией и Турцией в Эгейском море может быть преодолен только в соответствии с международным правом¹⁰.

Европейский Совет подчеркнул, что стратегии Турции на вступление в ЕС следует основывать на развитии возможностей, провозглашенных в Анкарском соглашении, интенсификации участия в таможенном союзе, проведении финансовой кооперации, сближении с законодательством ЕС. Приоритетами в области прав человека должны являться статус женщины, права и защита ребенка, информации и образования. Комиссия рассматривала в качестве важнейших областей сотрудничества с Турцией интенсификацию промышленного взаимодействия и привлечение инвестиций, поддержку в реформировании сельского хозяйства, повышение роли таможенного союза через техническое содействие и административное сотрудничество, установление макроэкономического диалога, в основном по

вопросам либерализации движения капитала, поддержку Турции Обществом в области охраны окружающей среды, телекоммуникаций и защиты потребителя. Для укрепления взаимодействия с ЕС подчеркивалась необходимость проведения в Турции политических и экономических реформ, продолжение переговоров, проводимых под наблюдением ООН с целью поиска решения проблемы Кипра¹¹.

В декабре 1999 г. на заседании Европейского Совета в Хельсинки Турции был предоставлен статус страны-кандидата на принятие в ЕС. Но она осталась при своем особом мнении, заявив, что принимает предложение о соблюдении критериев вступления, но категорически не согласна с необходимостью уступок по спорным вопросам с Грецией¹².

Участники Европейского Совета в Хельсинки одобрили позитивные изменения в политической жизни Турции, а также ее четко выраженное намерение продолжать реформы, направленные на достижение соответствия Копенгагенским критериям. В качестве краткосрочных политических задач были указаны следующие:

- всестороннее урегулирование Кипрской проблемы в соответствии с пунктом 9(а) Хельсинских заключений;

- укрепление законодательных и конституционных гарантий свободы слова на основании Статьи 10 Европейской конвенции по правам человека;

- укрепление законодательных, конституционных гарантий свободы собраний и мирных организаций; поддержка развития гражданского общества;

- принятие всех необходимых мер для усиления борьбы против применения пыток и обеспечение соблюдения Европейской конвенции о предотвращении пыток;

- дальнейшее проведение законодательных процедур, касающихся предварительного заключения под следствием, в соответствии с положениями Европейской конвенции по правам человека и рекомендациями Комитета по предотвращению пыток;

- использование каждой возможности для законодательного исправления любых нарушений прав человека;

- совершенствование функционирования и эффективности судебной власти в соответствии с международными стандартами;

- отмена любых законодательных постановлений, запрещающих использование турецкими гражданами своего родного языка для теле- и радиовещания;

- устранение регионального неравенства и особенно исправление ситуации на юго-востоке страны, увеличение экономических, социальных и культурных возможностей для всех граждан.

В качестве краткосрочных экономических целей в документе зафиксировано следующее:

- выполнение текущей дефляции и программы структурных реформ, одобренной МВФ и Всемирным Банком; при этом особое вни-

мание должно быть уделено обеспечению контроля над государственными расходами;

- скорейшее проведение реформы финансового сектора, направленной на гарантированную прозрачность и административный надзор;
- проведение сельскохозяйственной реформы;
- продолжение приватизации государственных объектов с учетом социального фактора.

Политические критерии в среднесрочном периоде:

– гарантирование всем индивидам вне зависимости от их языка, расы, цвета кожи, пола, политических, философских и религиозных взглядов неотъемлемого обладания полным комплексом прав человека и всеми основными свободами. Дальнейшее создание условий для обеспечения свободы мысли и сознания;

– пересмотр Конституции с целью предоставления гарантий всем турецким гражданам в пользовании полным комплексом прав и свобод в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека;

– унификация законодательных реформ с практикой государств-членов ЕС;

– отмена смертной казни в соответствии с подписанным и ратифицированным Протоколом № 6 Европейской конвенции по правам человека;

– ратификация международного соглашения по гражданским и политическим правам и протокола к нему, а также международного соглашения по экономическим, социальным и культурным правам;

– приведение условий содержания в тюрьмах в соответствие с международными стандартами;

– определение в Конституции роли Совета национальной безопасности как совещательного органа правительства в соответствии с практикой государств-членов ЕС;

– обеспечение культурного разнообразия и гарантирование культурных прав всем гражданам вне зависимости от их происхождения. Действие любых законодательных положений, препятствующих обладанию этими правами, должно быть приостановлено.

Экономические критерии:

– завершение процесса приватизации;

– завершение реформирования сельскохозяйственного и финансового сектора;

– поддержка пенсионной и социальной защиты населения;

– повышение общего уровня образования и качества здравоохранения, при этом особое внимание следует уделить молодому поколению и ряду регионов с низким уровнем благосостояния¹³.

Получив статус страны-кандидата, Турция обязалась соблюдать правила и уставные требования Европейского Союза. Но в начале 2000 г. начались переговоры о вступлении в ЕС со всеми странами-кандидатами, кроме Турции. Это объяснялось тем, что турецкое правительство не приступило к выполнению необходимых

условий, таких как соблюдение прав человека, отмена смертной казни, урегулирование турецко-греческих разногласий, кипрского вопроса. Однако Турции была предложена помощь в проведении необходимых реформ.

На саммите в Ницце в 2000 г. было принято решение, согласно которому переговоры о вступлении Турции не начнутся до тех пор, пока страна не достигнет соответствия предварительным политическим требованиям, а именно: не улучшит коренным образом положение с правами человека, не ограничит роль армии во внутренней политике, не прекратит дискриминацию национальных меньшинств. «Для вступления в Европейский союз Турции необходимо превратиться в демократическое государство современного типа», – так прокомментировал председатель Европейской комиссии Романо Проди перспективы Турции в вопросе вступления в ЕС. По мнению Проди, Турция движется в правильном направлении, но стране еще очень далеко до полного соответствия стандартам Евросоюза. «Для того, чтобы «подтянуть» Турцию к ЕС, – отметил Проди, – будут подписаны соглашения о партнерстве, которые станут для турецких властей своего рода программой действий»¹⁴.

В том же году Турция приступила к постепенной практической реализации требований и условий ЕС для приобретения статуса полноправного члена данной организации.

Правительство Турции оперативно разработало законопроект о создании «Генерального секретариата по делам ЕС», который был утвержден парламентом страны в июне 2000 г.

В декабре 2000 г. на очередном саммите ЕС в Брюсселе был одобрен и передан турецкой делегации подготовленный Комитетом по расширению ЕС «Документ о партнерстве в вопросах вступления Турции в ЕС». Он конкретизировал условия в политической и экономической областях, которые должны быть выполнены турецкой стороной в «посткандидатский» период, который подразделялся на краткосрочную (до 2002 г.) и долгосрочную (2006 г.) перспективу¹⁵.

«Документ о партнерстве» содержал перечень критериев, которым Турция должна четко соответствовать. Для выхода на решение сложных проблем (кипрскую; территориального размежевания с Грецией в Эгейском море; права курдов) предусматривался «расширенный политический диалог», причем были определены сроки, в которые Турцию призывали уложиться. Компромисс подразумевал, что турецкое правительство никто не заставляет поступаться национальными интересами, но оно само должно соразмерять свои действия и приоритеты с хорошо известными т.н. Копенгагенскими критериями вступления в ЕС.

В ряду наиболее острых вопросов – проблема кипрского урегулирования. «Документ о партнерстве» обязывал Турцию «активно поддерживать усилия генсека ООН», направленные на решение кипрского

вопроса¹⁶. Особое отношение Турецкой Республики к кипрской проблеме проистекает из того, что Анкара рассматривает остров в качестве ключевого элемента обеспечения своих военно-стратегических интересов в Восточном Средиземноморье.

Одной из наиболее острых политических проблем Турции, отраженных в «Документе о партнерстве», явилась курдская тема. Требования ЕС на первоначальном этапе (краткосрочная перспектива) сводились к «устранению всех законодательных предпосылок, запрещающих турецким гражданам использовать родной язык на телевидении и радиовещании»¹⁷. Проблема в том, что в конституции Турции нет понятия «меньшинство» по отношению к какому-либо этносу, и курдское население страны искусственно лишено юридических предпосылок, чтобы добиваться удовлетворения своих прав. Курдский язык запрещен, на юго-востоке страны сохраняется чрезвычайное положение, любые попытки повлиять на изменение этой ситуации приводят к острой полемике в политических кругах Турции. Тем не менее, в обществе и властных институтах под влиянием международного сообщества и осознания необходимости признавать реальности (программа вступления в ЕС послужила дополнительным катализатором) постепенно вышло понимание необходимости реформ в этой области. Была избрана, в частности, линия на заимствование соответствующих законодательных норм западных стран для определения минимальных лимитов предоставления соответствующих прав нацменьшинствам в Турции.

«Документ о партнерстве» предписывал Турции в среднесрочной перспективе свести полномочия Совета национальной безопасности к «совещательному органу при правительстве». Это представляется весьма сложным, с учетом традиционной роли Совета национальной безопасности (СНБ), на которую не посягал ни один турецкий политик за последние 20 лет. В Конституции Турции зафиксировано, что «Кабинет министров придает приоритетное значение решениям СНБ, касающимся мер, которые он считает необходимыми для сохранения существования государства и его независимости, единства и неделимости страны и мира и безопасности в обществе»¹⁸. Формулировка как раз и вызывает, по мнению Турции, критику со стороны ЕС, предлагающего турецкому правительству взять на себя четкое обязательство придать СНБ статус именно совещательного органа.

После обнародования Турцией в конце марта 2001 г. своей Национальной программы Комиссия Европейских сообществ приветствовала ее как «важную веху на пути к адаптации к законодательству ЕС» и принятию *Acquis communautaire* (институциональная и юридическая нормативная база европейской интеграции), – отправной точки процесса коренной трансформации в современное демократическое государство. В ЕС считают, что Национальная програм-

ма – прочная основа для того, чтобы турецкое правительство приступило к широкомасштабным реформам¹⁹.

В течение 2001 г. продолжались работы по реализации приоритетов, предусмотренных в Национальной программе. В области политических критериев одним из важнейших усовершенствований в турецкой Конституции, проведенных Комиссией по межпарламентскому сотрудничеству, явился Пакет конституционных поправок из 37 статей, подготовленный в связи с необходимыми изменениями. 22 из упомянутых предложений о поправках совпадали с приоритетами, зафиксированными в Национальной программе.

В начале октября 2001 г. турецкие депутаты подавляющим большинством голосов внесли поправки в статью 34 Конституции, среди которых право на радиовещание на языках нацменьшинств (что в значительной мере касается курдской общины). Однако приняты они были с существенной оговоркой: «Право использования любого языка может быть ограничено для защиты национальной безопасности, общественного порядка»²⁰. По-прежнему статья 42 объявляет турецкий язык единственным языком преподавания. Была отменена смертная казнь, хотя этот вид наказания может быть применен в случаях государственной измены и участия в терроризме. Сняты ограничения в отношении партий и профсоюзов. В гражданском праве закреплено равноправие мужчин и женщин. Законы времен военной диктатуры могут быть опротестованы в суде. Число закрепленных за военными мест в Совете национальной безопасности ограничено пятью, а число мест его гражданских членов увеличено с пяти до девяти. Решения этого органа объявлены юридически необязывающими. При этом парламент и правительство могут отклонить любое предложение Совета. И, наконец, законодатели впервые получают право требовать от министерства обороны подробного отчета о военных расходах.

Премьер-министр Турции Бюлент Эджевит расценил произошедшие перемены как шаг на пути к приему в ЕС. «Теперь больше никто не сможет сказать, что Турция не заслуживает полноценного присутствия в ЕС, – заявил он. – Теперь Турция стала более свободной, более демократической, более европейской». По его словам, «Турция соответствует всем политическим критериям, которые требовал ЕС»²¹.

Европейская Комиссия, со своей стороны, приветствовала реформы, принятые в Турции и направленные на демократизацию страны. Представитель исполнительного органа ЕС назвал произошедшее «очень позитивным шагом вперед». При этом он напомнил Турции о необходимости представить некоторые «разъяснения», прежде всего относительно порядка проведения в жизнь принятых реформ. «Мы должны очень четко и в мельчайших подробностях изучить всю совокупность решений, – заявил он. – Надо прояснить ряд тем, прежде всего должны быть приняты некоторые декреты о проведении реформ в жизнь. Например, это касается теле- и радиовещания на иных

языках, кроме турецкого». По его словам, эта информация может быть получена в ближайшее время, и на основании ее изучения Европейская Комиссия может дать «глобальную оценку» реформам и «предоставить рекомендации к «копенгагенской встрече в верхах»²².

В то же время 13 ноября 2001 г. Комиссией был опубликован Отчет о развитии, касающийся Турции. В качестве мотивировки задержки с переходом к заключительному этапу заявлялось, что многие члены ЕС считают равноценными начало заключительного этапа и переговоры о вступлении, а поскольку Турция не удовлетворяет политическим критериям для начала переговоров, она также не может приступить к заключительному этапу. В сфере прав человека особое внимание уделено свободе слова, условиям содержания в тюрьмах, судопроизводству и борьбе с беззакониями. В отчете приветствовалась работа правительства по изменению Конституции в целях расширения демократических прав и свобод в соответствии с Копенгагенскими критериями для вступления в ЕС. Авторы документа особо подчеркнули значение подготовительных мероприятий до непосредственной реализации на практике поправок, внесенных в Основной закон. Высоко оценены новые права и свободы, предоставленные национальным меньшинствам, и увеличение доли гражданских членов Совета национальной безопасности. В то же время по-прежнему критикуется широта полномочий этого государственного органа. Отмечается также сохранение в Конституции смертной казни и небольшой прогресс в деле прав и свобод личности, в борьбе с практикуемым жестоким отношением к заключенным. В тупике пока процесс решения кипрской проблемы, однако констатируется, что в основном действия Анкары на международной арене находятся в русле общеевропейской внешней политики. В целом подчеркивается, что Турция является единственной страной-кандидатом, не выполнившим Копенгагенские политические критерии, несмотря на предпринятые изменения²³.

Кроме того, в Лакейской декларации 2001 г. было подчеркнуто, что «одним из основных принципов членства в Европейском Союзе являются демократия и права человека. Союз открыт только для тех стран, которые поддерживают такие базовые ценности, как свободные выборы, толерантность по отношению к меньшинствам и господство закона»²⁴. Протокол по вступлению Турции в ЕС 2001 г. установил следующие требования: поддержание фактического моратория на высшую меру наказания в Турции, а в дальнейшем отмена смертной казни и ратификация Протокола № 6 Европейской Конвенции по правам человека²⁵.

Выступая на смешанной турецко-европейской парламентской комиссии, министр иностранных дел Турции И.Джем заявил о неприятии им критики ЕС по поводу несоблюдения прав человека. В частности, он не согласен с обвинениями в пытках заключенных в турецких

тюрьмах и считает, что ограничения на свободу собраний и шествий существуют и в других европейских странах²⁶.

Процесс подготовки к вступлению в ЕС стал для Турции важным катализатором правозащитных реформ. Турецкий парламент принял новый Гражданский кодекс, который вступил в силу 1 января 2002 г. и включил в себя изменения, рекомендованные ЕС. В феврале Великое национальное собрание Турции одобрило «минимальный пакет» реформ, пытаясь успеть в срок выполнить взятые на себя краткосрочные обязательства. Пакет законодательных актов, принятый в апреле 2002 г., расширил границы свободы мысли, слова, печати и мирных собраний. Он ужесточил меры по предотвращению пыток. В нем определены эффективные средства для сдерживания нарушений прав человека государственными властями. Укрепляется гражданская администрация. Заседание Европейского совета, проведенное 21–22 июня 2002 г., одобрило шаги, предпринятые Турцией, и постановило, что «осуществление необходимых политических и экономических реформ увеличит перспективы вступления Турции в соответствии с теми же принципами и критериями, которые применяются к другим странам-кандидатам»²⁷.

Как видим, Турция пошла на крупные внутренние реформы, призванные обеспечить соответствие ее законодательства и повседневной практики критериям и нормам ЕС. Пакет законодательных актов, который вступил в силу в августе 2002 г., отменил смертную казнь, снял юридические ограничения культурных прав индивидумов, сделал возможным повторное слушание дела в Европейском суде по правам человека, укрепил законодательные гарантии свободы слова и печати, сократил ограничения на право собраний, обеспечил право собственности на общественные учреждения, принадлежащие национальным меньшинствам Турции, разработал законодательную базу, необходимую для деятельности иностранных организаций в Турции, регламентировал новые меры по борьбе с незаконной иммиграцией. Таким образом, страна стала технически готова к переговорам о вступлении в ЕС.

Новое турецкое правительство, возглавляемое Абдуллой Гюлем, который пришел к власти в октябре 2002 г., продолжило курс на реформы. Оно установило одним из приоритетов своей деятельности отмену пыток заключенных, а также издало новый государственный нормативный акт, направленный на расширение прав человека. Правительство, поддерживаемое лидером правящей партии Реджепом Тайипом Эрдоганом, рассматривает возможность теле- и радиовещания на курдском языке.

Однако в списке десяти стран-кандидатов на вступление в ЕС в 2004 г. Турции снова не оказалось. Очевидно, что в нынешнем состоянии Турция все еще не удовлетворяет требованиям ЕС. Это касается экономических показателей и политической нестабильно-

сти в стране. В Копенгагенском заключении Европейского Совета 2002 г. было отмечено, что «Евросоюз поощряет энергичные реформы в Турции. Если Европейский Совет в декабре 2004 г. решит, что Турция соответствует Копенгагенским политическим критериям, Европейский Союз начнет переговоры о вступлении Турции без промедления»²⁸.

В марте 2003 г. Турция подписала протокол № 6 Европейской конвенции по правам человека, запрещающей смертную казнь в мирное время. «Это значительный шаг нового турецкого правительства по защите прав человека и обеспечению европейских стандартов для своих граждан», – заявил министр по делам Европы Деннис Макшан²⁹.

Многие влиятельные турецкие военные убеждены, что большинство выдвигаемых ЕС условий губительно для страны. В последнее время с ними все чаще соглашаются представители других слоев общества. Все более популярным в стране становится мнение о том, что на самом деле, соблазняя Анкару обещаниями приема, ЕС пытается вынудить Турцию пойти на уступки в отношении курдов, Кипра, территориальных споров с Грецией вокруг островов в Эгейском море, – а затем захлопнуть двери перед ослабшей и разделенной страной.

Очевидно, что «подвешенное» состояние Турции выгодно ЕС для сохранения страны в орбите демократических ценностей, вне экстремистского влияния, что обезопасит южные границы Европы. Возможно, этим объясняется стремление избежать однозначного отказа Турции во вступлении в Евросоюз.

¹ Türkiye ekonomisi «sektörel gelişmeler» (Türkiye Ekonomi Kurumu). – Ankara, 1992, с. 237.

² http://www.centran.ru/cgi-bin/index.pl?text_id=2030&all=yes

³ Treaty on European Union // Europe. № 1759/60. 07.02.1992, с. 31.

⁴ Meltem Muftuler-Bac: The Never-Ending Story: Turkey and the European Union. /Middle Eastern Studies, 1998, № 4, с. 244.

⁵ www.eur.com, <http://europe.rsuh.ru/journal/journal3.2001/6.htm>

⁶ Ataturk's long shadow. // The Economist: a survey of Turkey, 10–16 June 2000, vol. 355, № 8174, с. 16.

⁷ <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2003-01/article09.html>

⁸ Seyfi Tashan: A Turkish perspective on Europe – Turkey relations. /Balkan forum, 1997, vol. 5, № 2, с. 244.

⁹ Ataturk's long shadow. // The Economist: a survey of Turkey, 10–16 June 2000, vol. 355, № 8174, с. 9.

¹⁰ Jesus A.Nunez Villaverde: Turkey and the EU: an endless hurdle-race. // Perceptions. Journal of International Affairs, September – November, 1998, vol. 3, № 3, с. 1.

- ¹¹ European Strategy for Turkey. 1997.
- ¹² http://qafqaz.edu.az/old/journal/2_1/2_1_01.htm
- ¹³ European Strategy for Turkey 1999. // Official Journal of the European Communities. 24.03.2001.
- ¹⁴ <http://www.korrespondent.net/main.php?arid=10782>
- ¹⁵ <http://www.polpred.ru/free/turcija>
- ¹⁶ <http://www.polpred.ru/>
- ¹⁷ <http://www.mfa.gov.tr>
- ¹⁸ <http://www.mfa.gov.tr>
- ¹⁹ http://www.PTPU.ru/issues/2_02/1_2_02.htm – 31K – 04.07.2002
- ²⁰ <http://www.continent.kz/2003/14/15.htm>
- ²¹ http://www.eur.ru/neweur/emag/25/eeu04_11.htm
- ²² http://www.eur.ru/neweur/emag/25/eeu04_11.htm
- ²³ <http://www.mfa.gov.tr>
- ²⁴ <http://elvisti.com/2001/12/17/biz.shtm>
- ²⁵ <http://news.britemb.msk.ru/article.php?id=2221>
- ²⁶ <http://www.turtsia.ru/search/?category=all&keyword=EC&page=15>
- ²⁷ <http://www.mfa.gov.tr>
- ²⁸ <http://news.britemb.msk.ru/article.php?id=2221>
- ²⁹ <http://news.britemb.msk.ru/article.php?id=2221>

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Краеугольным камнем внешней политики Турции считается известный тезис Мустафы Кемалю Ататюрка «Мир в стране, мир во всем мире». Он был следующим образом развит лидером Турецкой Республики во время выступления в Парламенте 1 ноября 1928 г.: «...Страна, которая находится в процессе глубоких реформ и трансформации своей общественно-политической системы, должна желать и добиваться мира, стабильности и согласия как среди своих сограждан, так и среди государств ее окружающих»¹.

Как указывают турецкие исследователи Бильге Кризе и Пынар Бильгин, международная ориентация Турции в межвоенный период характеризовалась неприсоединением ни к одному из существовавших союзов и блоков. В то время Турецкая Республика была пережившим войну государством, в котором шли процессы реконструкции, необходимому условием для которых было сохранение мира и поддержание безопасности². Поэтому существует точка зрения, что особенностью внешней политики Ататюрка было именно его неприятие военных альянсов и пактов. Это основывалось на убеждении Кемалю, что деятельность любого союза провоцирует создание противостоящего ему блока, угрожающего в данном случае интересам самой Турции³. Тем не менее, во время правления Ататюрка (1923–1938 гг.) с участием Турции были заключены региональные союзы: Балканский (Греция, Румыния, Турция, Югославия) и Саадабадский пакты (Афганистан, Ирак, Иран, Турция). Первый был создан по образцу союзов европейских держав, вынужденных противостоять растущему влиянию Германии. Саадабадский договор стал новой точкой отсчета в отношениях по линии Турция – Ближний Восток. Среди турецких ученых существует мнение, что он стал выражением политики дистанцирования от стран Ближнего Востока, став не инструментом международного сотрудничества, а документом, устанавливающим принципы невмешательства во внутренние дела друг друга.

Таким образом, к основным внешнеполитическим целям кемализма в довоенный период можно отнести: а) создание сильного государства, способного защищать свой суверенитет и территориальную целостность; б) равноправное интегрирование в международное сообщество, чего не было в период существования Османской империи.

После Второй мировой войны внутривнутриполитическая жизнь Турции ознаменовалась переходом от однопартийной системы к многопартийной, что сопровождалось политической борьбой и нападками происламских сил на кемализм и его принципы. Однако во внешней политике Анкара продолжала проводить курс Ататюрка, направленный на поддержание мира и добрососедства, но дополненный интеграцией в западные структуры. В 1952 г. Турция стала членом НАТО, а в 1963 г. подписала договор о вступлении в ассоциированные члены ЕЭС. И именно в это время Демократическая партия, пребывавшая у власти, выдвигает идею о том, что Турецкая Республика должна стать звеном между Западом и Востоком как страна, традиционно включенная в систему отношений исламских государств.

В 70-е годы вспыхивает борьба между двумя политическими силами с различными идеологическими платформами – националистами и исламистами. В последующее десятилетие после прихода к власти военных эта борьба была на время приостановлена. Но с окончанием «холодной войны» и необходимостью определиться в новых условиях, противостояние между ними возобновилось. Несмотря на разные подходы к внутривнутриполитическому развитию, внешнеполитическая ориентация националистов и исламистов была по некоторым позициям близкой⁴:

Националисты

Поддержка существующих отношений с западными державами и НАТО. Требование пересмотра договоров между Турцией и ЕС. Укрепление связей с тюркскими народами Центральной Азии и продвижение идеи общего рынка и таможенного союза с ними. Критика американской политики по отношению к Турции. Поддержка турецко-израильских связей.

Исламисты

Нежелание развивать отношения с Западом при поддержке всех программ НАТО по обеспечению безопасности. Противостояние культурной интеграции в ЕС. Требования пересмотра отношений с Евросоюзом. Поддержка интеграции с исламскими государствами под лидерством Турции. Противостояние американскому влиянию в регионе и критика турецко-израильского сближения.

Однако в результате происшедшего в конце прошлого века изменения в руководстве исламского крыла политических сил Турции исламисты стали демонстрировать более гибкий и прагматичный подход к внешней политике, вскоре трансформированный в феномен Партии справедливости и развития (ПСР).

ПСР была образована Реджепом Тайипом Эрдоганом – бывшим членом исламистской партии «Рефах», соратником ее лидера (Н.Эрбакана) после того, как в июне 2001 г. Конституционный суд Турецкой Республики запретил «Рефах». Победа ПСР на выборах в ноябре 2002 г. повергла в шок сторонников кемализма, которые усмотрели в ней предпосылки

трансформации Турецкой Республики из светского в религиозное государство, что повлекло бы за собой отход от прозападной ориентации.

Во внешней политике перед ПСР стояло несколько задач, решение которых должно было послужить «экзаменом» для самой партии и окончательно определить ее принадлежность к тем или иным силам турецкого политического истеблишмента. Среди этих задач были ситуация вокруг Ирака, вступление в ЕС и кипрская проблема⁵.

Уже на первых порах ПСР преподнесла сюрприз международным аналитикам, воздерживаясь от нападок на секуляризм и кемалистский внешнеполитический курс. Впоследствии ПСР немного сместила свои «исламские» акценты, что нашло выражение в заявлении А.Гюля (второго человека в партии, в настоящее время министра иностранных дел) о проведении сбалансированной внешней политики и приверженности принципам атлантизма и европейской интеграции, которую правительством Р.Т.Эрдогана обозначило как одну из главных целей своего пребывания у власти⁶.

Во время эскалации иракского кризиса и международных дебатов относительно легитимности вторжения США и участия в нем вооруженных сил других государств, официальная Анкара выразила готовность поддержать действия международной коалиции при условии, что они будут санкционированы ООН. К тому же Турция хотела получить гарантии США относительно территориальной целостности Ирака в будущем и компенсаций за ущерб, который могла понести турецкая экономика в результате военных действий⁷.

Но после падения режима Саддама Хусейна эти отношения возобновились в силу объективных причин – США и Турция нуждаются в продолжении двустороннего военно-политического сотрудничества. Началом поворота здесь принято считать 10 августа 2003 г., когда было принято решение об отправке турецких военнослужащих в Ирак⁸. Правительство Эрдогана предполагало, что через военное сотрудничество с США в Северном Ираке ему удастся возобновить отношения с самым мощным западным союзником. Фактически Турция избрала гибкую и прагматичную позицию по иракскому вопросу, демонстрируя готовность оставаться стратегическим союзником США. Это выразилось в готовности предоставить свои военные базы для армии коалиции, что и было сделано.

Острым оставался вопрос о возможном закрытии военно-воздушной базы в Инджирлике. Однако и по этой проблеме был достигнут компромисс – помощник министра обороны США по политическим вопросам Марк Гроссман заявил 10 декабря 2003 г., что Вашингтон планирует провести консультации с турецкой стороной относительно возможного сокращения персонала базы, что отвечает плану генеральной реструктуризации НАТО⁹. А впоследствии стало известно, что США планируют использовать Инджирлик при ротации своего контингента в Ираке. Таким образом, для Турции Вашингтон остался одним из основных союзников, несмотря на изменения во внутривнутриполитической жизни страны. В этой

связи можно провести историческую параллель с кризисом в двусторонних отношениях между государствами после того, как Турция высадилась на Кипре в июле 1974 г. Немедленно после этого США ввели эмбарго на поставки вооружений в Турецкую Республику, что стало причиной самого большого напряжения в отношениях между Вашингтоном и Анкарой, когда американскими стратегами рассматривался даже вариант исключения Турции из НАТО. Однако этого не произошло, поскольку Белый Дом опасался потери своего влияния в регионе.

Урегулирование кипрской проблемы правительство Эрдогана воспринимает как составную часть евроинтеграции. Хотя прежде Турецкая Республика традиционно выступала за признание суверенитета Северного Кипра, после переговоров в марте – начале апреля 2004 г. и принятия решения о референдуме по объединению Кипра на основе плана Генерального секретаря ООН Кофи Аннана стало ясно, что взгляд ПСР на кипрский вопрос стал кардинальным образом отличаться от того, который господствовал в предыдущие десятилетия¹⁰. Анкара игнорировала позицию лидера Турецкой республики Северного Кипра Р.Денкташа, выступавшего против референдума, а, следовательно, и объединения двух частей острова. Примечательно, что обновленный план Аннана получил одобрение как в США, так и в ЕС. Это было подтверждено заявлениями государственного секретаря США К.Пауэлла, который отметил, что данный план является «последним вариантом для разрешения кипрской проблемы. Его придется выполнять независимо от желаний сторон конфликта»¹¹. Поддержка правительством Эрдогана нового плана ООН вызвала негативную реакцию со стороны турецких националистов, которые уже привыкли считать Кипр частью турецкой территории. В частности, Дениз Байкал заявил о возможности проведения акций протеста против данного решения в масштабе всей страны¹². На самом деле, это было нереально, т.к. по результатам выборов в местные органы власти 28 марта 2004 г. ПСР получила возможность контролировать большую часть муниципалитетов и местных советов, а, соответственно, и проводить практически любые решения через Великое Национальное Собрание Турции, не опасаясь неповиновения «на местах».

Для интеграции в ЕС «новые исламисты» ПСР предприняли ряд решительных шагов:

- по результатам Копенгагенского саммита ЕС им удалось заручиться поддержкой многих европейских держав и получить точную дату начала переговорного процесса о вступлении в Евросоюз (при условии выполнения требований ЕС);

- были значительно сокращены полномочия Совета Национальной Безопасности – государственного органа, созданного после переворота 1960 г., в котором турецкие военные играли ключевую роль, получив возможность контролировать внешнюю политику государства;

- были продекларированы намерения соблюдать права национальных меньшинств (в первую очередь, курдов), что является одним

из основных требований ЕС, предъявляемых к новым кандидатам на вступление в данную организацию.

Анкара возлагает определенные надежды на интеграцию с Евро-союзом. Во-первых, единый европейский процесс усилит турецкую демократию и принесет в копилку ПСР дополнительные дивиденды, которые она сможет использовать при последующих парламентских выборах. Во-вторых, Турция сможет укрепить свою экономическую и политическую систему. В-третьих, наиболее консервативная, происламски настроенная часть населения получит полную личную и религиозную свободу. Здесь политика ПСР напоминает курс А.Мендереса, лидера Демократической партии (1950–1960 гг.). Его правление закончилось нарастанием в обществе исламистских тенденций и вмешательством военных для защиты основ кемализма.

Таким образом, внешняя политика Турецкой Республики эволюционировала со времени правления Ататюрка, отказываясь от тех элементов его курса, которые не отвечали новым реалиям в положении страны и изменениям в системе международных отношений. Сегодня мы наблюдаем тенденции формирования прагматичного внешнеполитического курса, призванного, на наш взгляд, обеспечить интересы «новых» исламистских политических сил Турецкой Республики.

¹ Criss B., Bilgin P. Turkish Foreign Policy toward the Middle East // <http://www.biu.ac.il/Besa/meria/journal/1997/issuel/jvlnla3.html>

² Там же.

³ Шахинлер М. Кемализм: зарождение, влияние, актуальность. – М., Московский писатель, 1998. – С. 152.

⁴ Akgun B. Twins or Enemies: Comparing Nationalist and Islamist Tradition in Turkish Politics // <http://www.meria.idc.ac.il/journal/2002/issuel/jv6nla2.html>

⁵ Cagaptay S. The November 2002 Elections and Turkey's New Political Era // <http://www.washingtoninstitute.org/>

⁶ Torbakov I. Turkish Experts Pessimistic on Prospects for Restoration of US-Turkish Relationship // <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav072203.pr.shtml>

⁷ Cagaptay S. ibidem.

⁸ Cagaptay S. US-Turkish Military Cooperation in Iraq: The Next Step // Zaman Daily. – 2003. – August 13.

⁹ Amerikan yonetimi, Incirlik Ussu'nu birakmaktan vazgecti <http://www.zaman.com.tr/2003/12/10/dis/hl.htm>

¹⁰ Cyprus's future in its people's hands // http://www.economist.com/agenda/displayStory.cfm?story_id=25_52497

¹¹ Powell: No Plan B for Cyprus // <http://www.zaman.com/?bl=international&alt=&trh=20040405&hn=7178>

¹² Cyprus not a Victory, but a Diplomatic Fiasco // <http://www.zaman.com/?bl=politics&alt=&trh=20040405&hn=7175>

**АФГАНИСТАН В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 г.**

Определяющее влияние на политику США в отношении Афганистана после падения режима талибов оказали две группы факторов. С одной стороны, выводы, сделанные Вашингтоном на основе более чем полувековой истории своих взаимоотношений с Кабулом, с другой, – изменившиеся условия, в которых происходило формирование нового этапа афгано-американских отношений.

Представляется возможным выделить следующие основные выводы, которые сделала американская администрация на основе анализа истории своих отношений с Афганистаном. Во-первых, политика невмешательства во внутренние дела Афганистана «грозила выходом ситуации в этой стране из-под контроля с нанесением ущерба как региональной, так и глобальной стабильности»¹, из чего следовало, что Соединенным Штатам необходимо постоянно контролировать и направлять внутреннее развитие Афганистана, причем, главным образом, косвенными, экономическими методами. Во-вторых, экономическая поддержка «без проведения эффективной военной и идеологической политики»² внутри Афганистана не приведет к укреплению позиций США в этой стране, но, в случае прекращения экономической помощи, может превратить недавних американских союзников во врагов. В-третьих, политика США внутри Афганистана должна опираться на формирование проамериканских слоев общества с учетом, прежде всего, многонациональности афганского государства и преобладающего влияния в нем пуштунов.

Изменившаяся обстановка внутри Афганистана предполагала укрепление позиций Северного Альянса, состоящего в большинстве своем из представителей непустунских этнических групп и, прежде всего, – таджиков. США в своей политике вынуждены учитывать как тот факт, что именно с Северным Альянсом как единственной политической силой с более или менее определенной программой действий значительное число афганцев связывало «будущее своей страны, ее независимость и процветание»³, так и то, что представи-

---

* «Из 15,55 млн. человек населения Афганистана на пуштунов приходилось 10–11 млн. человек (данные на 1999 г.)» (А.Д. Давыдов «Афганистан: страна и население», М., 2001 г., с. 55).

тели Альянса придерживались в основном пророссийской и проиранской ориентации. Все это объективно влияло на формирование внешнеполитического курса США. При этом «обнадеживающим для Вашингтона был тот факт, что впервые размещенные на территории Афганистана американские войска смогут в какой-то мере гарантировать интересы Соединенных Штатов в Афганистане»⁴.

Что же касается руководства Афганистана, то его роль в афгано-американских отношениях как в силу экономического, политического, идеологического кризиса внутри страны, так и в результате прекращения существования биполярной системы международных отношений ограничивается положением наблюдателя, крайне стесненного в своих возможностях. Именно по этой причине на данном этапе в двусторонних отношениях между США и Афганистаном «проявление несогласия Кабула с каким-либо из аспектов афганской политики Вашингтона представляется маловероятным»⁵.

Отношения между США и Афганистаном сегодня сконцентрировались на двух основных, жизненно важных для Афганистана, направлениях – военно-политическом и экономическом. Рассмотрим каждый из этих аспектов подробнее.

Военно-политический аспект афгано-американских отношений

Развитие афгано-американских отношений в военно-политической сфере, по признанию ряда аналитиков^{**}, свидетельствует о том, что основная задача, поставленная Белым домом по завершении антитеррористической операции в Афганистане^{***}, заключается в поддержании стабильности в стране и, одновременно, в максимальном использовании безусловного военно-политического преобладания США в Афганистане в целях укрепления позиций Соединенных Штатов в регионе в целом. Именно первоочередная заинтересованность США в использовании победы над талибами, прежде всего, в своих региональных ин-

---

* Именно по инициативе Ирана в 1996 г. и был создан Северный Альянс. Влияние России основывается, прежде всего, на зависимости сил Северного Альянса, вооруженных в основном советским и российским оружием, на поставках из России запчастей к военной технике и вооружениям.

** См., в частности, John Gershman: «Afghanistan: It is Time for Change in the Nation-Building Strategy», Ill., 2002; Mark Sedra: «Lessons from Afghanistan», Yale, 2002.

*** По данным американского Центра по изучению внешней политики США (Интернет-адрес – www.foreignpolicy-infocus.org), на данный момент в Афганистане размещено около 3 тыс. американских военнослужащих, занимающих стратегически важные районы Афганистана – военно-воздушные базы Баграм и Шибирган, а также ключевые позиции в крупнейших городах Афганистана – Кабуле, Кандагаре, Герате и Мазари-Шарифе.

тересах позволяет говорить о том, что Афганистан по-прежнему продолжает оставаться инструментом в региональной политике Вашингтона (первоочередными приоритетами в региональном курсе США, в соответствии со Стратегией национальной безопасности 2002 г. а также заявлениями официальных лиц, является ограничение возможностей для маневра тех стран, которые сохраняют за собой присвоенный им статус стран «оси зла» – Ирана и Сирии).

Взятие Кабула силами Северного Альянса 13 ноября 2001 г. и размещение в столице Афганистана батальона вооруженных сил США открыли путь для быстрого установления контроля американцев и их союзников над основными, наиболее важными стратегическими пунктами. Уже на следующий день вооруженные силы США взяли под полный контроль бывшую советскую военно-воздушную базу Баграм к северу от Кабула. К концу ноября 2001 г. американцы контролировали все крупнейшие города Афганистана. При этом операция по ликвидации сохраняющихся на территории страны группировок, выступающих против иностранного военного присутствия, была продолжена.

В настоящее время военная часть антитеррористической операции осуществляется в форме непрерывного давления на силы, стремящиеся к слому сложившейся в стране военно-политической обстановки. Преимущественно в восточной и юго-восточной частях Афганистана периодически проводятся спецоперации по поиску и ликвидации остающихся очагов сопротивления и проведению «санации» приграничной с Пакистаном зоны.

Боевые действия чаще всего проходят без непосредственного контакта с противником, так как талибские силы рассеялись и перемещаются исключительно небольшими мобильными группами. Для обнаружения и ликвидации разрозненных групп террористов американские войска широко применяют авиацию, в том числе стратегические бомбардировщики. По этой причине операции очень часто вызывают значительные жертвы среди мирного населения, что обостряет «крайне негативную реакцию на присутствие в стране иностранных солдат»⁶. Внутри Афганистана против коалиционных сил и американцев развернута достаточно широкая пропагандистская кампания.

В связи с тем фактом, что, уклоняясь от ударов, группы террористов часто переходят афгано-пакистанскую границу, Соединенные Штаты периодически проводят зондаж позиции Пакистана относительно возможного преследования боевиков движения талибов и «Аль-Каиды» на пакистанской территории. В марте-апреле 2004 г. вооруженные силы США и Пакистана провели совместную антитеррористическую операцию по ликвидации групп сторонников Движения в южных районах Афганистана и пограничных с ними провинциях Пакистана.

---

* Обращение Дж.Буша к Конгрессу США (21 января 2004 г.), выступление Д.Рамсфельда в ходе визита в Афганистан (13 февраля 2004 г.).

Однако имеющаяся информация дает основание полагать, что акция во многом носила «демонстрационный характер и не оправдала возложенных на нее надежд»⁷.

Несмотря на то, что активная фаза военной операции была объявлена завершенной, американцы продолжают наращивать свою оперативную группировку как внутри страны, так и по ее периметру. Идет активное строительство объектов жизнедеятельности и военной инфраструктуры в Кандагаре, Баграме, Герате. Кроме этого, в Узбекистане (Ханабад) находится 1731 и Пакистане (Джакобабад, Шамси и Пашни) – 831 военнослужащий США. В качестве элементов тылового обеспечения используются авиабазы в Киргизии и Таджикистане. В аэропорту «Манас» (г. Бишкек) базируется около 30 единиц летной техники Франции и США. Там также размещен южнокорейский военно-полевой госпиталь с общей численностью 90 сотрудников. В аэропорту Душанбе постоянно базируются 5 военно-транспортных самолетов Франции, предназначенных для переброски войск.

В начале 2003 г. администрация Дж.Буша выдвинула идею создания провинциальных восстановительных команд (ПВК), включающих военных и гражданских специалистов, размещенных в ключевых провинциях Афганистана. Цели и задачи указанных групп весьма туманны и обозначаются как «содействие в различных аспектах процесса реконструкции и восстановления»⁸. Но, как представляется, в основном они предназначены для того, «чтобы контролировать ситуацию в периферийных провинциях, находящихся практически под полным контролем местных полевых командиров»⁹. При этом Вашингтон обратился ко всем странам-донорам принять действенное участие в функционировании ПВК.

С началом войны против Ирака военно-политическая обстановка в Афганистане существенно осложнилась. Одновременно с ударом по Ираку 20 марта 2003 г. американцы начали новую массированную операцию против остатков формирований талибов и «Аль-Каиды» в южных и юго-восточных провинциях Афганистана с применением стратегической авиации. Настораживающим фактором последнего времени являются сообщения об активизации достаточно крупных талибских боевых отрядов, которые впервые с момента поражения режима талибов в 2001 г. осуществили наступательную операцию на позиции американских сил и афганских правительственных войск в Спин-Булдаке. Для подавления этого выступления американцам пришлось использовать всю мощь стратегической и штурмовой авиации.

До окончания операции в Афганистане сотрудничество антитеррористической коалиции с новым афганским руководством, представленным лидерами Северного Альянса, носило характер военного

---

* Прежде всего, маршал М.Фахим (ныне министр обороны Афганистана), А.Абдулла (ныне министр иностранных дел Афганистана), генерал А.Дустум.

союза и не затрагивало иных вопросов, кроме борьбы с талибами и организацией «Аль-Каида», которую возглавлял Усама бен Ладен. Показателен тот факт, что связь между союзниками поддерживалась исключительно в рамках контактов между военным руководством Северного Альянса и главнокомандующим силами антитеррористической коалиции американским генералом Д.Макнейлом¹⁰. На этом этапе США смогли избежать раскола в рядах Северного Альянса, который непременно бы проявил себя, будь в это время поставлен вопрос о составе органов государственной власти Афганистана.

Однако завершение антитеррористической операции потребовало в кратчайшие сроки решить вопрос о политической власти в Афганистане. В противном случае, возникший вакуум мог привести к новой дестабилизации обстановки не только в самом Афганистане, но и в соседнем Пакистане – одном из основных союзников США в операции против талибов. Массовые антиамериканские демонстрации в Пакистане «сопровождали антитеррористическую операцию США и их союзников, порождая в Вашингтоне опасения утраты влияния во всем регионе Среднего Востока»¹¹.

При этом решение вопроса о государственной власти в Афганистане было осложнено национальной проблемой в этой стране. В Белом доме отдавали себе отчет в том, что Северный Альянс, превратившийся после падения талибов в наиболее мощную и организованную силу внутри Афганистана, носил, по большей части, антипуштунскую направленность, что вполне можно объяснить «стремлением национальных меньшинств, веками угнетавшихся пуштунами, восстановить историческую справедливость»¹². Преобладание пуштунов в этническом составе Афганистана, а также особенности его исторического развития делали крайне опасными любые попытки игнорировать мнение пуштунского большинства, а тем более отстранить его от управления страной.

Отражением компромисса, которого США смогли добиться ради поддержания стабильности в Афганистане и прилегающих к нему государствах стали т.н. Боннские соглашения, подписанные 5 декабря 2001 г. представителями этнических и политических групп¹³ Афганистана. Соглашения стали основой для фактически коалиционного управления

---

* Необходимо отметить, что с момента образования афганского государства (1747 г), во главе его находились представители пуштунского этноса (за исключением периода 1928–1929 гг., когда в результате гражданской войны к власти пришел Хабибулла – Бачаи Сакао, таджик по национальности).

** К основным группам влияния на политической арене Афганистана относятся Северный Альянс, Пешаварская группа (сторонники коалиции моджахедов периода 1979–1992 г.), Кипрская группа и близкая к ней Римская группа (объединила сторонников последнего шаха Афганистана Захир Шаха, покинувшего родину в 1973 г. и вернувшегося обратно 18 апреля 2002 г.).

Афганистаном и «заложили основу для достижения прочного политического урегулирования в Афганистане через общенациональное примирение и формирование в стране представительного полиэтнического правительства и стабильного гражданского общества»¹³.

В соответствии с Боннскими соглашениями, в Афганистане была сформирована многонациональная Временная администрация Афганистана (ВАА), которая 22 декабря 2001 г. приступила к управлению страной на период срока полномочий которой составлял шесть месяцев. Во главе ВАА встал Хамид Карзай, пуштун по национальности*. При этом, ключевые посты министров иностранных дел, обороны и внутренних дел достались таджикам, соответственно А.Абдулле, маршалу М.Фахиму и Ю.Кануни. Как видно из этого соотношения сил, на данном этапе Вашингтон, оказывавший определяющее влияние на формирование ВАА, ставил своей задачей сохранить баланс сил между проамерикански настроенными представителями пуштунов (зависимость от поддержки США которых объяснялась, в первую очередь, крайне усиливавшимися позициями национальных непуштунских меньшинств) и проирански или пророссийски настроенными представителями Северного Альянса.

Подобная тенденция сохранилась и в дальнейшем. В июне 2002 г. под руководством бывшего монарха Афганистана Захир Шаха состоялся чрезвычайный съезд Лойя Джирги, традиционного совета лидеров этнических групп со всей страны, участники которого приняли решение о формировании исламского переходного правительства Афганистана (ИППА). Срок полномочий ИППА составлял полтора года. Во главе правительства вновь встал Х.Карзай. Ключевые посты остались за представителями таджикского этноса. «Этническое многообразие нашло отражение в составе ... афганского кабинета министров: из 31 человека в нем 13 пуштунов, 10 таджиков, три узбека и три хазарейца, один нуристанец и один туркмен. Ситуация весьма необычная для страны, которой всегда правили пуштуны»¹⁴.

Ряд аналитиков рассматривают подобный состав ИППА как «откровенную неудачу нынешней администрации США в Афганистане: занимающие проамериканские позиции представители пуштунов так и не получили возможности оказывать определяющее влияние на судьбы страны ... Америка не сумела воспользоваться плодами своих побед в 1989 г. Видимо и 2001 г. не принесет США ... решительного успеха»¹⁵.

---

* «В 1992–1994 гг. Хамид Карзай занимал пост министра иностранных дел в правительстве Б.Раббани. Затем сотрудничал с талибами, после захвата ими Кабула в 1996 г. был назначен представителем при ООН, однако, вскоре отошел от талибов, заняв позицию независимого пуштунского авторитета в Урузгане». (Ежов Г.П. «Афганистан. Краткий географический справочник», М., 2002 г., с. 129).

Однако при изучении в контексте регионального курса Соединенных Штатов их подхода к проблеме государственного строительства в послевоенном Афганистане становится очевидным, что укрепление монопольных позиций США в Афганистане не было приоритетной задачей Белого Дома: сохранение за американскими войсками ключевых пунктов внутри страны было вполне достаточным для поддержания минимальной стабильности в Афганистане, т.е. для решения как раз той задачи, ради которой и начиналась антитеррористическая операция. При этом нельзя не учитывать того, что операция против талибов привела к беспрецедентному расширению влияния США в регионе, в сфере как военно-политических мероприятий, так и их должной пропагандистской поддержки. Во-первых, с сентября по октябрь 2001 г. Белый Дом получил согласие «центрально-азиатских республик бывшего СССР как на использование их воздушного пространства, так и на эксплуатацию на период антитеррористической операции находящихся на территории данных государств военных баз»¹⁶ (приоритетное значение для Соединенных Штатов имеет находящаяся на территории Киргизии база «Манас»). Во-вторых, Вашингтону удалось укрепить систему региональной стабильности и безопасности, привлечь страны региона к сотрудничеству либо в борьбе с талибами, либо в послевоенном восстановлении Афганистана* и, таким образом, свести к минимуму неблагоприятную реакцию региональных держав (прежде всего России и Ирана) на расширение своего влияния в регионе.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать активное привлечение других стран и Организации Объединенных Наций к обеспечению безопасности и государственному строительству Афганистана. Так, безопасность в стране наряду с американскими войсками поддерживают Международные силы содействия безопасности, которые, в соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН № 1386 от 20 декабря 2001 г., получили шестимесячный мандат на «оказание помощи афганскому Временному органу в обеспечении безопасности в Кабуле и прилегающих к нему районах»¹⁷. Другим примером международного сотрудничества стало соглашение, достигнутое в мае 2002 г. на встрече представителей США и ЕС в Брюсселе. Стороны договорились о разделении ответственности за обеспечение основных составляющих безопасности в Афганистане: «национальная армия (США), национальная полиция (Германия), подготовка работников органов правосудия (Италия/Еврокомиссия), борьба с незаконным оборотом наркотиков (Великобритания), демобилизация (ООН)»¹⁸.

Таким образом США делают основную ставку на обеспечение приемлемого уровня стабильности и безопасности в Афганистане,

---

* Так, 22 декабря 2002 г. Пакистан, Узбекистан, Туркмения, Китай и Иран подписали Кабульскую декларацию о невмешательстве во внутренние дела Афганистана и сотрудничестве в обеспечении безопасности внутри страны.

что позволило бы Вашингтону в полной мере реализовать свои региональные интересы. В условиях, когда присутствие американских войск, а также МССБ в Афганистане является, по мнению Белого дома, «достаточной гарантией сохранения мира, уважения прав человека и национальных меньшинств в стране», гарантией региональной стабильности, а значит, и сохранения за Соединенными Штатами их позиций в Центральной Азии и на Среднем Востоке, ценность Афганистана в рамках региональной стратегии Белого дома неуклонно понижается. Показателем этого служит передача американским командованием инициативы в области поддержки безопасности МССБ и снижение активности участия американских войск в борьбе с остатками сил талибов и организации «Аль-Каида» (за вторую половину 2002 г. американскими войсками было проведено в четыре раза меньше операций, чем за первую половину того же года¹⁹).

Как свидетельствуют официальные документы, афганское руководство крайне обеспокоено текущим положением дел и прилагает усилия по исправлению ситуации. Так в своем заявлении от 17 января 2003 г. на заседании кабинета министров ИППА Х.Карзай заявил: «В последнее время отмечен существенный рост внутренней напряженности в Афганистане, выразившийся в виде активизации отрядов талибов и «Аль-Каиды», а также очередного всплеска террористических проявлений. Афганистану срочно требуется расширение зоны ответственности американских войск и МССБ за пределы Кабула и крупнейших городов Афганистана»²⁰.

По признанию министра иностранных дел Афганистана, А.Абдуллы, если европейские государства в кратчайшие сроки отреагировали на инициативу Афганистана и заявили о готовности «инициировать рассмотрение этого вопроса на заседании Совета безопасности ООН, то Вашингтон ограничился ... общими фразами о необходимости изучения целесообразности подобного шага»²¹. При этом, крайне ограниченные политические и финансовые возможности афганского руководства в отсутствие какой-либо альтернативы влиянию США вынуждают Кабул избегать резких внешнеполитических шагов в отношении Соединенных Штатов. Постоянно нарастающая волна антиамериканских настроений среди афганцев (первая антиамериканская демонстрация прошла 7 июня 2002 г.²²), продолжающиеся столкновения полевых командиров в различных районах Афганистана (прежде всего на севере между силами А.Дустума и А.Аты) ограничивают возможности Кабула, проамериканский курс которого ведет к усилению влияния среди населения Афганистана антизападных в целом и антиамериканских, в частности, движений («на этом фоне наибольшую популярность приобрела т.н. Красная армия моджахедов, образованная на территории Пакистана и пропагандирующая очищение территории Афганистана от иностранного влияния»²³).

Перенесение основного внимания США на Ирак, а также начало 20 марта 2003 г. операции американских войск и их союзников «Шок и трепет» в этой стране «неизбежно ведет к дальнейшему отстранению Соединенных Штатов от участия в решении внутриафганских проблем»²⁴.

Экономический аспект афгано-американских отношений

Изучение экономического аспекта афгано-американских отношений дает основание полагать, что для этой сферы двустороннего сотрудничества характерны те же тенденции, что и для военно-политических отношений двух стран.

В основе экономической помощи Афганистану со стороны международного сообщества в целом и Соединенных Штатов, в частности, лежат соглашения, достигнутые на Токийской международной конференции по восстановлению Афганистана, проходившей 21–22 января 2002 г.

Конференция, в которой приняли участие 61 государство и 21 международная организация, «подтвердила серьезную и долгосрочную заинтересованность мирового сообщества в содействии возвращению Афганистана к нормальной жизни и его интеграции в систему цивилизованных международных отношений»²⁵. Участники конференции пообещали выделить на восстановление Афганистана 4,5 млрд. долл. при условии соблюдения всеми афганскими сторонами боннских договоренностей по продвижению процесса политического урегулирования.

В 2002 г. США выделили Афганистану «350 млн. долл., что на 17% превышает сумму, обещанную Соединенными Штатами на Токийской конференции»²⁶. По этому показателю США заняли первое место среди всех стран-доноров.

Однако, несмотря на размеры экономической помощи со стороны Соединенных Штатов, необходимо учитывать ряд факторов. Во-первых, по оценкам Всемирного банка, для полного восстановления экономики Афганистана требуются не 4,5 млрд., а 10–12 млрд. долл.²⁷ Очевидно, ни США в отдельности, ни международное сообщество не способны обеспечить приток таких финансовых средств в страну. Во-вторых, недостаток финансирования восстановления Афганистана обуславливает выделение основной части финансовых средств на краткосрочные проекты, целью которых является борьба со стоящими перед Кабулом текущими трудностями (основная часть средств выделяется на гуманитарную помощь населению страны). Представленная Всемирным банком статистика свидетельствует, что, в частности, «США выделяют недопустимо мало средств ... на финансирование таких жизненно важных для экономики Афганистана проектов, как развитие сельского хозяйства, дорожное строительство, создание новых рабочих мест»²⁸. Более того, США не входят в число стран, программа финансирования восстановления Афганистана которых рассчитана на средне- и долгосрочный период (т.е. на период от 5 лет и

больше²⁹). В-третьих, статистика свидетельствует о том, что Соединенные Штаты ежемесячно тратят на проведение военных операций в Афганистане около 1 млрд. долл. Что же касается объемов ежемесячной американской помощи восстановлению Афганистана, то ее размеры составляют только 25 млн. долл.³⁰

Из приведенных статистических данных можно сделать ряд выводов о позиции Соединенных Штатов по вопросу финансирования экономического становления и развития Афганистана. Для Вашингтона оказание помощи Кабулу направлено не на обеспечение возрождения промышленности, сельского хозяйства, финансов Афганистана, а, скорее, лишь на поддержание стабильности в стране за счет как повышения популярности США среди афганского населения, так и приглушения на время наиболее острых конфликтов (по данным правозащитной организации «Human Rights Watch», в 2002 г. военным командованием США в Афганистане было выделено 58 млн. долл. на финансирование администрации губернатора Герата Исмаил Хана с тем, чтобы не допустить его новых выпадов против центрального правительства Хамида Карзая³¹). Что же касается финансирования прочих проектов, то выделение необходимых денежных средств осуществляется не напрямую, а через такие международные организации, как ООН и ЮНЕСКО (в 2002 г. около 84% всей финансовой помощи Соединенных Штатов было оказано через структуры ООН³²). Таким образом США сохраняют за собой возможность «в случае снижения объемов финансирования экономического восстановления Афганистана заявить о своей непричастности к подобному снижению объемов денежных потоков, перенеся всю тяжесть ответственности на международные структуры»³³.

Попытки Кабула исправить подобное положение дел в отношениях с Соединенными Штатами сводятся к призывам руководства страны, во-первых, осуществлять финансирование напрямую, минуя посредников в лице международных организаций, а, во-вторых, расширить объемы финансирования на долгосрочные проекты (по словам представителя министерства финансов Афганистана, «из обещанных ... в 2002 г. денежных средств было выделено лишь 10%»³⁴).

Однако уже упоминавшаяся ограниченность возможностей ИППА (дефицит госбюджета составляет свыше 200 млн. долл., или 50%³⁵) ставит его в крайнюю зависимость от финансирования извне. Поэтому вряд ли приходится говорить о вероятности каких-либо резких шагов Кабула в отношении стран-доноров. По этой причине политика США в области оказания Афганистану необходимой финансовой помощи сохранит свой нынешний характер. В этих условиях поддержка восстановления инфраструктуры и промышленности Афганистана ложится на плечи европейских и азиатских стран (на конференции стран-доноров в Осло в декабре 2002 г. ЕС и Япония заявили о готовности взять на себя основную часть расходов в этой сфере³⁶).

Анализ нынешних афгано-американских отношений, с учетом истории их двусторонних отношений, позволяет сделать ряд выводов о текущем состоянии и перспективах взаимодействия двух стран.

В частности, США оказывают на современном этапе определяющее влияние на развитие Афганистана по трем ключевым направлениям: военно-политическому, экономическому, а также в области разработки общеафганской государственной идеологии. Факторами американского влияния являются военное присутствие США в Афганистане и в регионе, контроль американскими войсками ключевых пунктов на территории страны, решающая роль Вашингтона в формировании новых структур государственной власти Афганистана; приоритетная роль Белого дома в оказании Кабулу экономической помощи и в разработке идеологической основы централизованного управления Афганистаном.

Вместе с тем, военно-политическая нестабильность на иракском направлении обуславливает постепенное снижение значимости Афганистана в глобальной и региональной политике Соединенных Штатов. Подобная оценка развития событий базируется, во-первых, на снижении объемов финансовой помощи, оказываемой Вашингтоном Кабулу в силу необходимости мобилизации ресурсов на нужды восстановления Ирака. Рост активности террористических группировок на иракском направлении при одновременном ее снижении на афганском вызвало отход Соединенных Штатов от активного вовлечения в поддержание правопорядка на афганской территории.

Факты свидетельствуют, что Афганистан, как и прежде, рассматривается руководством Соединенных Штатов в качестве инструмента региональной политики. Такой подход предполагает, что в основе двусторонних отношений лежит стремление США использовать Афганистан в целях реализации своих региональных интересов. По мере решения своих внешнеполитических задач Белый дом сокращает объемы сотрудничества с Афганистаном, который, в силу ограниченности собственных возможностей, не способен изменить эту тенденцию в двусторонних отношениях.

Отмеченная тенденция снижения активности Белого дома на афганском направлении вряд ли претерпит изменения. Экономический потенциал, а также выгодное стратегическое положение Ирака, оказавшегося в центре внимания Вашингтона, могут сделать его основным звеном (вместо Афганистана) в системе регионального влияния США. В этом случае возрастает вероятность полного отстранения Вашингтона от решения внутриафганских проблем, что может привести к усилению влияния радикальных сил на внутривнутриполитической арене Афганистана и возникновении новой угрозы региональной нестабильности.

¹ Olivier Roy, «State Formation of Afghanistan», Yale, 2002, с. 61.

² Там же, с. 63.

- ³ Паями моджахед, 24.04.2002.
- ⁴ Эксперт, 10.02.2003.
- ⁵ Mark Sedra, «Afghanistan: Between War and Reconstruction: Where Do We Go From Here?», Bonn, 2002, с. 34.
- ⁶ Коммерсант, 15.10.2003.
- ⁷ Wall Street Journal, 28.04.2004.
- ⁸ «Официальный бюллетень военного командования США в Афганистане», февраль 2003 г.
- ⁹ The Sunday Telegraph, 12.05.2003.
- ¹⁰ The Wall Street Journal, 23.11.2001; дипломатические отношения в полной мере были восстановлены с открытием 17 января 2002 г. посольства США в Кабуле.
- ¹¹ Mark Sedra: «Lessons from Afghanistan», Yale, 2002, с. 34.
- ¹² The New York Times, 12.12.2001.
- ¹³ Совместное американо-афганское заявление, 10 марта 2002 г., Кабул.
- ¹⁴ The New York Times, 20.06.2002.
- ¹⁵ Mark Sedra: «Lessons from Afghanistan», Yale, 2002, с. 56.
- ¹⁶ The New York Times, 20.03.2002; хочется отметить, что Казахстан, в силу своего географического положения, предоставил США лишь воздушное пространство, а сотрудничество Туркмении с США было закреплено на бумаге, но реального воплощения в жизнь не получило.
- ¹⁷ S/Res/1386/2001, www.uno.org.
- ¹⁸ Заявление Белого дома, 2 мая 2002 г. (www.state.gov).
- ¹⁹ Stephen Zunes «The War in Afghanistan is Far From Over», Ill., 2003, с. 83.
- ²⁰ Паям Моджахед, 20.01.2003.
- ²¹ Паям Моджахед, 04.02.2003.
- ²² Эксперт, 24.03.2003.
- ²³ Ахбар, 17.12.2002.
- ²⁴ The Daily Telegraph, 24.03.2003.
- ²⁵ Заключительная декларация Токийской конференции по восстановлению Афганистана, 22 января 2002 г.
- ²⁶ Mark Sedra, «Afghanistan: Between War and Reconstruction: Where Do We Go From Here?», Bonn, 2002, с. 52.
- ²⁷ World Bank Afghanistan Review, May 2002.
- ²⁸ World Bank Afghanistan Review, August 2002.
- ²⁹ Mark Sedra, «Afghanistan: Between War and Reconstruction: Where Do We Go From Here?», Bonn, 2002, с. 35.
- ³⁰ World Bank Afghanistan Review, August 2002.
- ³¹ Human Rights Watch Report, June 2002.
- ³² World Bank Afghanistan Review, December 2002.
- ³³ John Gershman: «Afghanistan: It is Time for Change in the Nation-Building Strategy», Ill., 2002, с. 17.
- ³⁴ Заявление министерства финансов Афганистана, 27 июля 2002 г.
- ³⁵ World Bank Afghanistan Review, December 2002.
- ³⁶ The Wall Street Journal Europe, 23.12.2002.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ
ОБЫЧАИ НАРОДОВ АФГАНИСТАНА
И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ СТРАНЫ**

Афганистан в течение столетий не только находился на стыке великих цивилизаций, но и становился ареной кровопролитных вооруженных столкновений. История войн в этой стране весьма богата: здесь были и персы, и македонцы, и арабы, и монголы. В новое время в Афганистане сошлись интересы Англии и царской России, позже СССР и США. Афганцы также «славились» грабительскими набегами на соседей: Индию, Персию и Трансоксиану (государства дельты нынешней реки Амударьи). В последние десятилетия Афганистан превратился в убежище международных террористов, прямо угрожающих остальному миру. Все эти факторы способствовали формированию характера и традиций афганского народа.

Афганцы – народ мужественный, храбрый, воинственный, выносливый, гордый и свободолюбивый. Многие правители стремились подчинить и поработить его, но все их попытки потерпели неудачу. В 1747 г. Ахмад-хан Садозай был избран шахом Афганистана. Так возникало первое самостоятельное афганское государство, где раньше на его территории существовали и Бактрийское царство, и Империя Газневидов. Сами афганцы эти государственные образования своими не считали, так как их возглавляли тюркские династии.

Веками на земле Афганистана было неспокойно: шли частые войны, один за другим вторгались завоеватели, перемещались целые народы. Территории, населенные афганцами, входили в состав крупнейших государственных образований Востока: Бактриц, Арабского Халифата, держав Газневидов, Чингизидов, Тимуридов, Сефевидов. И только в середине XVIII в. начался период государственного объединения афганских племен. Во многом именно приверженность своим веками устоявшимся обычаям и традициям помогла афганцам. Поэтому афганский народ гордится своим героическим прошлым, в котором ему не раз приходилось браться за оружие, чтобы отразить очередное нашествие иноземных завоевателей.

Трижды – в 1838–1842, 1879–1881 и 1919 гг. – англичане пытались оккупировать Афганистан и присоединить его к своим колониальным владениям в Индии. И все три раза, благодаря самоотверженной освободительной борьбе народов Афганистана, англичане

терпели поражение. В 1919 г. Лондон был вынужден признать независимость этой страны. Многие считают, что глубокая приверженность традициям, веками устоявшиеся нормы поведения, морали и быта, присущие национальному характеру, помогли афганцам выстоять в этой нелегкой борьбе.

Национальные традиции до сих пор во многом определяют менталитет афганского общества и играют огромную роль не только в жизни людей, помогают оценить их поступки и события окружающего мира, отражаются в истории, но и являются предметом их национальной гордости и достоинства.

Влияние национальных традиций на военную историю государства

Афганистан – своеобразная страна. Если в начале своей истории она была неотъемлемой частью «Великого шелкового пути», то с развитием мореплавания он постепенно отошел на периферию основных товаропотоков по линии Восток – Запад. У афганцев богатая история – история борьбы за свободу и независимость против иноземных завоевателей, они гордятся ею и сумели сохранить в своей первозданности национальный колорит, образ жизни и миропонимание, пришедшие из глубины веков. Несомненно, культура народов Афганистана, их быт, менталитет, особый склад характера, в котором много самобытного и неповторимого, не могли не сказаться на истории этого государства, в том числе на его военной истории.

Пуштуны составляют этническое большинство населения Афганистана. Это – гордый, мужественный, свободолюбивый и воинственный народ. Афганцы высоко ценят в человеке все эти качества, и с ними связаны многие древние обычаи и традиции. Совокупность обычаев, нравов, традиций и нравственно-этнических норм и принципов афганцев нашла свое воплощение в паштунвала. Паштунвала (в переводе с пушту – «образ жизни пуштунов») – это неписанный кодекс чести и достоинства афганцев, основа их психологии и самосознания. Его основными принципами являются:

– «гайрат» – чувство собственного достоинства и национальная гордость.

– «панг-о-намус» – доброе имя.

– «мелмастийя» – гостеприимство.

– «иман-дари» – правоверность.

– «сабат и истикамат» – упорство и целеустремленность.

– «мусават» – равенство.

– «бадан» – компенсация.

Паштунвала – предмет особой гордости, а также священная обязанность афганцев. Каждый из них должен уважать и выполнять национальные обычаи, в противном случае он рискует навлечь на себя и членов своей семьи позор и бесчестье, а иногда и изгнание из

деревни, сожжение дома или отлучение от мечети. Одной из наиболее характерных черт афганцев является их любовь к свободе. «Афганцы, – подчеркивал в свое время Ф.Энгельс, – храбрый, энергичный и свободолюбивый народ»¹. Как отмечал профессор Мухаммад Али еще в 60-х годах XX в., «афганцы скорее будут безропотно переносить невзгоды и нищету, чем согласятся на иностранное господство, каким бы прогрессивным или многообещающим оно ни было»². Как показывает афганская история, народы этой страны никогда не мирились с иностранным господством и вели упорную и мужественную борьбу за свое национальное освобождение. Перед лицом угрозы иностранного порабощения они, несмотря на острые межплеменные разногласия и вражду, находили в себе силы объединиться в единый фронт борьбы и таким образом обеспечить победу над врагом. Свободолюбивый дух афганцев проявлялся и проявляется в борьбе против английских колонизаторов в XIX – начале XX вв., советских войск в 80-х годах и, наконец сегодня в противодействии международным коалиционным силам, ведущим антитеррористическую операцию.

Первое вторжение англичан произошло в декабре 1838 г. Основные силы англо-индийской армии насчитывали около 20 тыс. человек. Вскоре англичане заняли Кандагар, Газни, Кабул. Колонизаторы чувствовали себя хозяевами, унижали местное население. Ненависть к господству иноземных захватчиков достигла кульминации. В 1842 г. в стране разгорелась освободительная война, и возмездие не заставило себя ждать.

Ф.Энгельс писал: «Афганские стрелки, хотя и были вооружены только ружьями, производили в рядах англичан как в Кабуле, так и во время отступления по горам, ужасные опустошения... Урок был жестоким...»³. Афганские воины воевали беспощадно. Крутой нрав с виду мягких, даже добрых афганцев, пронесенная ими через века неприязнь к вооруженным иностранцам на своей земле, вылились наружу уже в первой англо-афганской войне. Этому в известной мере способствовал своеобразный обычай «тижа-иходыль» (букв. – класть камень). Суть его заключается в следующем: если взаимная вражда между племенами ставит под угрозу их независимость, то они по взаимному соглашению временно прекращают враждовать, «кладут камень мира», объединяют свои силы против общего врага и совместно ведут борьбу в интересах своей родины и свободы.

Чувство патриотизма и преклонения перед героическим прошлым своего народа – неотъемлемая черта афганцев. Они исключительно привязаны к своей родине, своему краю и дому. Это проявляется, в частности, в том, что, умирая вдали от родины, они предпочитают быть похороненными на семейном кладбище. В связи с этим раненых и убитых стараются забирать с поля боя.

Также необходимо отметить обычай «нанга», означающий защиту чести, в основе которой лежат ярко выраженное чувство собствен-

ного достоинства и связанная с ним уверенность в себе и необходимость хранить честь других членов общества. Соблюдая «нангу», пуштун безоговорочно и героически защищает достоинство своей семьи, своего племени и всего народа.

Афганцы высоко ценят такие качества, как храбрость, мужество, самоотверженность. Если обратиться к афганской истории, нельзя не заметить, что указанные достоинства формировались всем прошлым образом жизни афганцев и, не в последнюю очередь, их «промыслом войны». Как известно, в средние века афганцы традиционно принимали участие в грабительских войнах и завоеваниях в качестве наемников у феодальных правителей от султана Махмуда Газневи до Надир-шаха Афшара, а затем и в составе войск своих, афганских, монархов. Кроме того, обитая в непосредственной близости от путей индийской сухопутной торговли, они, наряду со скотоводством и кочевой торговлей, испокон веку занимались разбоем на дорогах и грабежом местного оседлого населения. Об этом их несправедливом «промысле» писали многие путешественники и историки. Оказавшийся в конце XVII в. в Персии француз М.Самсон писал: «они воинственны, хорошо стреляют из лука, но являются большими разбойниками, не дающим пощады караванам»⁴. Но справедливости ради следует сказать, что афганцы в прошлые века, когда насилие было нормой жизни, не только грабили, но и сами являлись объектом грабежей и налетов со стороны других племен и разбойных шаек. Все это, вместе взятое, предопределяло особые требования к личным качествам мужчины-воина, мужчины-защитника родного очага. Нашедшие свое выражение в обычае «тура» и «мерана» («тура» – сабля, меч, честь доблестного пуштуна, мужество и отвага, проявляемые им в бою за справедливое дело; «мерана» – мужество, храбрость, героизм, также означает: «сила воли», «стойкость», «непоколебимость» и предполагает преодоление пуштуном любых трудностей). Они считают стойкость и силу воли своими национальными качествами, выработанными жизнью в сложных географических и исторических условиях. У афганцев издревле было принято оповещать боем барабана о нападении грабителей и злоумышленников (обычай «чига»). Услышав этот сигнал, каждый мужчина, способный держать оружие, обязан был незамедлительно прийти на помощь и принять участие в отражении нападения, если даже и придется при этом рисковать своей жизнью. Это древний обычай сплачивал людей и тем самым делал их мощней и сильнее, способными, объединившись, дерзко и молниеносно напасть на численно превосходящего противника и разбить его.

Для выработки у молодежи боевых навыков у пуштунов существуют особые игры и обычаи. Это борьба со щитами, стрелковые соревнования, а также пуштунский танец, который развивает выдержку и выносливость. Своих детей пуштуны воспитывают смелыми, правдивыми, общительными. Детей не запугивают, чтобы они не выросли трусливыми.

В 1880 г. закончилась вторая англо-афганская война. Англия была вынуждена отказаться от завоевания Афганистана. Однако англичане сумели навязать этой стране в 1879 г. договор, по которому государство превращалось в зависимое от Англии, теряло право на самостоятельные внешние сношения. Но в феврале 1919 г. новый эмир Аманулла-хан, разделявший идеи патриотически настроенных афганцев, провозгласил полную независимость Афганистана. В ответ на это англичане начали третью войну. Как и прежде, на защиту страны поднялись афганские племена, народные массы. Несмотря на превосходство в силе и военной технике, англичане опасаясь массового восстания афганского населения, напуганные жестким нравом обитателей этой страны, вынуждены были вскоре прекратить военные действия и признать независимость Афганистана. Победе афганцев вновь в немалой степени способствовали многовековые традиции и обычаи. Так, например, с обычаем «тура» и «мерана» у афганцев связано и отношение к оружию. Как уже отмечалось, в зоне расселения пуштунских племен все совершеннолетние мужчины никогда не расстаются с холодным и огнестрельным оружием. Ношение оружия для них не столько необходимость, сколько древняя традиция, столь же обязательная, как, например, и ношение чалмы или длиннополой рубахи. По глубоко укоренившемуся в сознании пуштунов представлению, оружие – это неотъемлемый атрибут внешнего облика мужчины, олицетворение его мужского и национального достоинства. Т.Гайдар писал «Оружие любят. Особенно стрелковое. Автоматы и карабины чистят старательно, протирают до блеска, смазывают тоненько, отстранив автомат, любят работу и снова принимаются за чистку...»⁵. Нередко можно видеть афганцев, несущих на плече тяжелое, богато инкрустированное перламутром и серебром дульнозарядное ружье, являющееся предметом гордости и символом значимости.

Оказание помощи при нападении врага рассматривается у пуштунов как дело их чести – «панг» – и светлая обязанность. Такой обычай, считается в народе, свидетельствует о дисциплинированности, бдительности и боевой готовности пуштунов.

Все эти традиции существуют до сих пор.

Влияние религиозных традиций на военную историю государства

Каждое государство имеет свои религиозные многовековые традиции, накладывающие заметный отпечаток на жизнь и деятельность людей. Афганистан уникален в том отношении, что это исторически сложившийся сложный конгломерат целого ряда этносов. Самая многочисленная народность Афганистана – пуштуны. Они-то и были неизменными участниками вооруженной борьбы с персидскими, монгольскими и английскими завоевателями. Начиная с XVI в. стремились к созданию собственного пуштунского государства и преуспели в этом в 1747 г.

Подавляющее большинство населения Афганистана (около 98%) исповедует ислам, пришедший в страну между VIII и X вв. Согласно всем прежним конституциям, он был официальной религией страны.

По религиозной принадлежности основную массу жителей Афганистана составляют мусульмане-сунниты, но также здесь проживают мусульмане-шииты (хазарейцы и часть таджиков, и некоторые другие этнические группы) и члены мусульманских сект (исмаилиты).

В условиях неграмотности большинства населения и слабости влияния традиционных СМИ исламское духовенство играет исключительную роль в жизни афганского народа. В соответствии с предписаниями религии, афганцы в течение года соблюдают два больших религиозных праздника: праздник разговения «Эид-уль-Фитр» и праздник жертвоприношения «Эид-Курбан». Празднику разговения предшествует тридцатидневный пост «Руза», совершаемый в священный месяц «рамадан» (по лунному календарю). Этот пост был введен арабской военной аристократией с целью экономии продовольствия в условиях, когда военные действия велись в безводных и бесплодных аравийских пустынях. Впоследствии он был распространен на все народы, исповедующие ислам и возведен в обязательную религиозную догму.

Ежедневно каждый мусульманин обязан совершать пятикратный намаз (молитву). Так, например, во время боевых действий можно наблюдать, как верующие солдаты и офицеры покидают свою позицию, вылезают из танка, выбирают удобное место и начинают читать молитву. «Совершенно непривычное я увидел, пробравшись сквозь заросли желто-зеленых кустов молочая. На поляне, расстелив молитвенные коврики, несколько солдат, стоя на коленях, совершали утренний намаз, прижимались лбом к земле и прикасались к ней руками, а когда распрямылись, обращали раскрытые ладони к небу. В мерном раскачивании, бормотании чувствовался какой-то сложный, гипнотический ритм»⁶. Перед намазом обязательно проводится ритуальное омовение – «возу». Ритуал омовения стал привычной для афганца, и, можно сказать, полезной, с точки зрения гигиены, процедурой. Ведь ежедневное пятикратное омывание ног холодной водой закаляет организм.

В продолжение всего поста среди солдат особую активность проявляет находящийся при них мулла. С началом «Рузы» каждый вечер после захода солнца раздается протяжное пение муэдзина. Оно возвещает о том, что можно принимать пищу. Афганцы стойко переносят пост. Вообще они весьма неприспособлены в пище и, если надо, могут долго обходиться скудным рационом с малым количеством воды. Так, во время войны с англичанами афганский воин, взяв с собой небольшой запас высушенных плодов тутовика, уходил в горы и воевал несколько месяцев.

Духовенство в стране пользуется большим влиянием среди населения и играет значительную роль в его жизни – с момента

рождения человека и до его смерти. Как и в большинстве армий мира, Афганистан имеет свои религиозные институты воздействия на военнослужащих. Ведь бой рассматривается как сильнейшее психологическое испытание, которое способно морально надломить любого. В ходе его не только солдаты, но и офицеры оказываются в экстремальной ситуации, где существует риск для жизни, угроза ранения и смерти. Афганские военные считают чрезвычайно важным постоянное присутствие в бою рядом с собой муллы. Подавляющее большинство солдат афганской армии неграмотно, но глубоко религиозно. В афганской армии полагают, что в боевой обстановке на мулла должно возлагаться решение следующих задач: моральная поддержка воюющих, раненых, умирающих и военнопленных, содействие медикам в оказании первой помощи пострадавшим, проведение богослужений во время погребения. Деятельность муллы позволяет афганским военнослужащим быстрее адаптироваться к условиям военной службы, способствуют усилению их сплоченности, воспитывает патриотизм, укрепляет «особый национальный дух афганцев», сохраняет их обычаи и традиции. В армейской жизни нет, пожалуй, ни одного вопроса, который не толковался бы с позиции ислама и не преподносился бы как «священная религиозная обязанность солдата». В армии считают, что религиозность является чуть ли не критерием высших качеств и боевых достоинств солдата, сержанта и офицера.

Религиозные обычаи воспитывают дух жертвенности во имя ислама. Смерть за веру считается «высшим достоинством» и «наследством», завещанным предками, самым заветным желанием каждого мусульманина. Богатая и героическая военная история Афганистана показывает, как народы, населяющие эту страну, всегда сплачивались в борьбе против иностранных захватчиков. В вооруженных силах Афганистана не последнее место отводилось пропаганде национальных обычаев и традиций, воспитанию верности, любви к военной службе. При этом нередко обычаи и традиции афганцев (пуштунов) связывались с религиозными установлениями и выдавались за общие для всего многонационального населения Афганистана, хотя в действительности таковыми никогда не являлись. Солдаты и офицеры афганской армии знали, что «одной из древнейших черт и характерных обычаев афганского народа» является верность и повиновение старшим, во имя которых надлежит совершать подвиги и не жалеть при этом ни крови, ни жизни. Конечно же, солдат афганской армии воспитывали в религиозном духе. Каждая сотня солдат имеет одного муллу, который учит их читать Коран. Накануне пятницы главный мулла собирает весь батальон, читает ему Коран, произносит проповеди и молится. Так, по словам афганцев, поступают для того, что бы не оставлять солдата без занятий, развивать его и внушать обязанность повиноваться к своему командиру.

Служители культа всегда определяли содержание и динамику духовной жизни народа. Власть и влияние духовного сословия неизмеримо возрастали в периоды внешней угрозы и внутренних политических и социальных коллизий, когда улемы, провозглашая джихад, мобилизовывали широкие массы населения под знамена ислама. Так было во время трех англо-афганских войн, а в последующем – в годы борьбы против реформаторства эмира Амануллы, советского присутствия в Афганистане и правления движения талибов.

Каждый мусульманин в своей жизни должен совершить паломничество к святым местам. Большой известностью в стране пользуется место захоронения «святого» Сеида Мокмада-саиба. Его влияние на население, в частности, южных районов Афганистана всеобъемлюще, а авторитет и вера в его «чудеса» – безграничны. Например, в результате его активного вмешательства был приостановлен в 1968 г. вооруженный конфликт между племенами дааджи и мангал. Благодаря религии и религиозным обычаям и традициям, афганская армия и ополчение приобрели большую боеспособность, становились устойчивыми к влиянию различного рода психологических факторов. Воины, исповедующие ислам, как правило, не боятся смерти. Это и помогало афганским ополченцам много раз побеждать в самых кровопролитных боях и сражениях и снискать себе славу, а своей стране – вписать новые страницы в героическую историю.

Опора на вековые традиции и религиозные установки, воспринятые афганцами, оказали огромное влияние на военную историю Афганистана.

¹ Энгельс Ф. Афганистан, т. 14. М. 1959, с. 78.

² Mohammad A. The Afghans, с. 6.

³ Энгельс Ф. Афганистан, т. 14. М. 1959, с. 84.

⁴ Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М. 1958, с. 29.

⁵ Гайдар Т. Под афганским небом, М. 1984, с. 42.

⁶ Гайдар Т. Под афганским небом.

ПРОИЗВОДСТВО НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ

Проблема борьбы с наркотиками имеет множество аспектов: экономический, политический, правовой, медицинский, нравственный. Наркомания – социальная болезнь современного общества и для ее лечения необходимы точный диагноз, понимание всей сложности недуга явления и трудностей его искоренения. По оценкам Интерпола, к 2000 г. мир подошел с 200 млн. человек, употребляющими наркотики всех видов. Именно этот массовый потребитель вызвал к жизни не менее масштабного производителя. На сегодня безусловным мировым лидером по производству опия и героина является Афганистан¹, поэтому для решения проблемы необходим детальный анализ истории опия в этой стране. Афганистан, по оценке ООН, является одной из беднейших стран мира с высоким уровнем неграмотности, младенческой и материнской смертности и показателем средней продолжительности жизни только в 44 года. Выращивание опия для афганского населения – это, по сути, единственный способ выжить в сложившейся ситуации.

Примерно половина героина, потребляемого в Западной Европе (около 120 т) провозится через Центральную Азию. Горный рельеф и практически полное отсутствие контроля на границах между суверенными государствами СНГ в первые годы его образования (1992–1995 гг.) облегчили контрабандный перевоз наркотиков из страны в страну, подстегнули их выращивание. Среднеазиатский субрегион образовал новый транзитный маршрут незаконного наркотрафика из Юго-Восточной Азии в Россию и Западную Европу. Повылся спрос на наркотики и на местных рынках, возросло число наркоманов. Проникновение сюда из Афганистана опия и героина приобрело постепенно характер наркоэкспансии. Недостаточная эффективность работы правоохранительных органов по причине их разобщенности, нехватка ресурсов, коррупция в их рядах содействовали увеличению объема незаконного производства и распространения наркотиков.

Афганистан в 90-х годах XX в. превратился в крупнейшего мирового производителя и поставщика контрабандных опия и героина. После прихода к власти движения «Талибан» (1994–1996 гг.), активизации там центра международной террористической организации «Аль-Каида» поток наркотиков из этой страны в страны Центрально-азиатского региона заметно увеличился. Незаконная торговля нарко-

тиками приносила и продолжает приносить огромную прибыль преступным группировкам, заинтересованным в сохранении конфликтной ситуации, нестабильности в регионе.

Без детального изучения специфики проблемы, ее исторических корней вести эффективную борьбу с экспансией афганского героина невозможно. Афганистан – страна обычаев, где причины и следствия большинства событий повторяются, на удивление, очень часто, и исторический взгляд на проблему наркотиков в стране просто необходим, ведь причины расцвета контрабанды, активизации наркомафии остаются прежними: политическая нестабильность, экономический кризис, слабость пограничной охраны, отсутствие должного государственного контроля над хозяйственной деятельностью земледельцев со стороны государства.

Опий впервые появился в Греции в V в. до н.э. Выдающийся врач и мыслитель Древней Греции Гиппократ, например, использовал в своей практике лечебные свойства наркотических средств, в частности, опия, считая его исцелителем боли, ценным медицинским препаратом в лечении различных заболеваний. В китайской медицинской литературе он впервые упоминается только в VIII в. н.э.² Как следует из этого описания, выращивание опия впервые началось в районе Средиземного моря, и позже, по индийским торговым путям опий попал в Китай в VIII в. н.э., где стал одним из распространенных лекарственных средств, а в XV в. торговцы из Персии и Индии начали продавать опий как средство, «повышающее настроение»³.

В период с 1640–1773 гг. благодаря активной торговой деятельности европейских и индийских купцов чрезвычайно высокая доходность продажи опия стала очевидной, и опий стал одним из наиболее ходовых товаров. Первые европейские экспедиции в Азию оменовали и начало вхождения Европы на рынок торговли опиумом. Первыми из европейцев опий открыли португальцы. Прибыв в Азию на век позже португальцев, датчане тоже стали активно торговать опиумом. Несмотря на то, что англичане последними из европейцев включились в сделки с опиумом, именно они в XVIII в. из предмета роскоши сделали его товаром масштабного потребления⁴.

Современная эра глобальной торговли опиумом началась в 1773 г., когда английский генерал-губернатор Бенгала, в котором к тому времени уже существовала хорошо отрегулированная опиумная индустрия, объявил монополию на торговлю опиумом. В течение последующих 130 лет Англия активно занималась развитием экспорта индийского опия.

Во второй половине XIX в. опий стал важнейшим товаром. По всей опиумной зоне, от Балкан до Манчжурии, наблюдался постоянный рост посевов и употребления опия. Более того, в это время фармацевтика сделала опиаты доступными массам в городах Западной Европы, обеих Америк и Австралии. И к началу XX в. опий и его производные (морфин и героин) наравне с кофе и чаем составляли основ-

ную номенклатуру импорта на Запад, где его потребление возросло в десятки раз.

Во время Второй мировой войны объемы мировой торговли опиумом снизились. Проблемы с перевозкой наркотика привели к снижению его доли на европейских и американских рынках, что к концу войны сократило число зависимых от наркотика людей. На Востоке же Турция и Афганистан продолжали без особых проблем поставлять опиум на обширный иранский рынок. Не прекращалось производство наркотика и в Китае.

40 лет «холодной войны» внесли много перемен в процесс мировой незаконной торговли опиумом⁶. Приход к власти коммунистов в Китае менее чем за 10 лет лишил мир основного опиумного рынка.

Во время «холодной войны» объем производства наркотика в Юго-Восточной Азии значительно возрос. Турция и Афганистан производили опиум, который потребляли миллионы курильщиков в Иране, после китайской революции ставшем основным потребителем опиума в мире.

В этот период значительно возросло число наркобаронов в Азии, которые активно расширяли производство опиума в регионе. Все это привело к будущему резкому увеличению производства наркотика в Мьянме и Афганистане.

Как следствие сильной засухи в конце 70-х – начале 80-х годов и ряда других причин, производство опиума в районе «Золотого Треугольника»⁷, до того времени являвшегося крупнейшим производителем наркотика в мире, резко сократилось. В ответ на необычайно высокий спрос на рынке производство героина в Афганистане и Пакистане возросло во много раз. К 1979 г. героин из этих стран захватил европейский рынок, а в 1980–1981 гг. и американский. К концу 80-х героин из Афганистана и Пакистана обеспечивал 60% потребностей американского рынка.

Если в 1971 г. в Афганистане и Пакистане было произведено 100 т наркотика, то в 1982 г. объем составил 300 т, а в следующем году – 575 т. В период с 1984 по 1990 гг. доля потребляемого афганского и пакистанского героина в Америке возросла с 5 до 80%⁸.

С 1979 по 1989 гг. региональные наркобароны впервые в истории начали действовать как самостоятельные игроки на международном рынке, умело приспосабливаясь к его условиям. Например, Гульбетдин Хекматиар, один из лидеров моджахедов Афганистана, контролировал большинство центров производства опиума и героина и каналы их продажи.

В начале 90-х годов героин превратился в «мировой» наркотик. Производство наркотика в Афганистане резко возросло. Окончание войны в Афганистане, возвращение беженцев способствовали этому. Люди возвращались в разрушенную страну, где перед ними стоял вопрос выживания. Это и является причиной того, что крестьяне в Афганистане предпочитали и до сих пор предпочитают выращивать

опий, а не другие сельскохозяйственные культуры. Опий дает им стабильный доход, конечно, не такой высокий, как от продажи наркотика, например, в Европе или Америке, но вполне достаточный, чтобы выжить. К тому же культивация опия в стране хорошо налажена, производство героина отработано, а пути переправки в Европу и Америку надежны и проверены.

Росту производства опия в Афганистане также способствовала оказываемая Западом помощь моджахедам, которые расширили посевные площади опийного мака в Афганистане и Пакистане, а концу «холодной войны» Афганистан, наравне с Бирмой, стал крупнейшим поставщиком героина на мировой рынок.

Во второй половине XX в. в Афганистане резко возросли посевы опийного мака, и со временем, к 90-м годам эта страна прочно заняла лидирующую позицию на наркорынке.

Опийный мак в Афганистане производился издавна. В 1932 г., когда только появились первые данные об этом, Афганистан производил 75 т опиума. Для сравнения, в Китае в это же время выращивалось 6000 т. Площадь выращивания в 1932 г. составляла менее 4 тыс. га (для сравнения – к началу 2000 г. площади составили 91 тыс. га⁹). Из докладов ООН об экспорте опиума из Афганистана в конце 30-х годов известно, что производство опиума равнялось примерно 100 т в год¹⁰. В 1945 г. в Афганистане был введен запрет на производство опиума, хотя продолжалась контрабандная перевозка его через Индию. В 1956 г. в Афганистане производилось только 12 т опиума. В ноябре 1957 г. был принят закон, запрещающий производство опиума.

История производства наркотиков в Афганистане и превращение этой страны в 90-х годах XX в. в крупнейшего поставщика опия и героина на мировой рынок тесно связана с перманентным внутренним вооруженным конфликтом, провоцируемым внешними силами, стремящимися к мировому господству и разделу сфер влияния. Афганская проблема изначально имела международный характер.

Здесь столкнулись интересы великих держав. В этой ситуации Афганистан превращается в базовую территорию для разного рода международных криминальных структур: исламских радикалов и тесно взаимодействующих с ними наркогруппировок.

Отношение же властей к наркопроизводству на разных этапах гражданской войны в Афганистане было неоднозначным. Просоветский режим президента Наджибуллы официально декларировал решительную борьбу с производством наркотиков, неоднократно призывал к сотрудничеству в борьбе с контрабандой «белой смерти» и законодательно закрепил ответственность за участие в наркобизнесе.

Оппозиционный режим моджахедов, пришедший к власти в Кабуле в 1992 г., напротив, активно использовал в вооруженной борьбе за свержение «неверных» огромные средства, вырученные от реализации ими же производимого опия и героина. С наркобизнесом были

напрямую связаны и упоминавшийся лидер Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбетдин Хекматиар, и лидер Исламского общества Афганистана (ИОА) Бурханутдин Раббани, ставший в 1993 г. президентом страны, а также многие другие лидеры оппозиции и полевые командиры. Хекматиар, например, в 1992 г. владел, по крайней мере, 11 лабораториями по переработке опийной смолы в героин, 4 из них располагались в Пакистане¹¹.

Сырье поступало с опийных плантаций афганских провинций Нангархар, Кандагар, Забуль и Пактия, которые были подконтрольны полевым командирам из партии ИПА. Бурханутдин Раббани распространял свое влияние на северо-восточный регион Афганистана заселенный, в основном, таджиками. Именно здесь расположены обширные поля опийного мака и индийской конопли, особенно в Бадахшане. Всего же под контролем полевых командиров Раббани находились семь крупных зон производства опия и конопли. Моджахедам нужны были деньги на закупку оружия для ведения гражданской войны и подкупа различных влиятельных вождей кланов, религиозных, политических группировок, чтобы привлечь их под знамена джихада, для создания инфраструктуры повстанческого движения, включая представительство за рубежом и содержание пропагандистского аппарата. Наикратчайший путь к удовлетворению огромных потребностей моджахедов лежал через поля опийного мака.

Производимый в Афганистане и Пакистане наркотик уходил по давно проторенным авиамаршрутам, автодорогам и караванным тропам через пустыни Ирана в Турцию, оттуда в западную Европу, а через порт Карачи – в США. Власти США отказывались рассматривать сообщения о контрабанде наркотиков, т.к. тесно сотрудничали с моджахедами в войне против кабульского просоветского режима. Нередко грузовики, доставлявшие вооружение из Карачи афганским моджахедам, загружались в обратный путь опиумом и героином и беспрепятственно проходили через таможенные посты. ЦРУ США, осуществлявшее поставки оружия моджахедам и помогавшее им в войне с советским воинским контингентом в 1979–1989 гг. и режимом Наджибуллы в 1987–1992 гг., выиграло противостояние с Управлением по борьбе с распространением наркотиков США, протестовавшим против попустительства американских властей увеличению потоков наркотиков из зоны «Золотого полумесяца»¹².

Моджахедамы настойчиво осваивали и другой маршрут – через советско-афганскую границу протяженностью 1500 километров. Однако надежная пограничная охрана, отсутствие отлаженного наркорынка на территории СССР сдерживали их стремления, хотя тайные проходы на границе имелись, и через них можно было выйти на приграничную территорию Узбекской, Таджикской ССР, куда проникали наркурьеры, которые несли с собой оружие, опий, гашиш, проиаламскую пропагандистскую литературу.

Отношение к проблеме производства наркотиков со стороны официального правительства Исламского Государства Афганистан (ИГА), пришедшего к власти после свержения просоветского режима Наджибуллы, оставалось непоследовательным и зачастую основывалось на политике двойных стандартов. Возглавлявшие моджахедов Б.Раббани, А.Масуд и др. в ходе гражданской войны поддерживали и поощряли производство опия-сырца и торговлю им, чтобы на вырученные деньги, как уже указывалось, приобретать оружие, содержать пропагандистский аппарат и т.п. Оказавшись у власти, возглавив коалиционное правительство в Кабуле, Б.Раббани и его окружение в силу объективных и субъективных причин сразу не имело возможности переориентироваться. В официальных заявлениях Б.Раббани декларировал, что решительно и бесповоротно выступает за уничтожение посевов опийного мака, активизацию борьбы с контрабандой наркотиков, а одновременно весьма сдержанно относился к фактам оживления торговли наркотиками, которую вели полевые командиры, высокопоставленные чиновники его правительства. Так, в совместном заявлении по итогам рабочего визита в Кыргызскую Республику 28–29 мая 1999 г. Президент ИГА Бурханутдин Раббани и Президент КР Аскар Акаев констатировали, что «незаконное распространение наркотиков, религиозного экстремизма и терроризма с территории Афганистана представляет угрозу безопасности сопредельных государств, обе стороны выразили намерение объединить усилия в целях противодействия этому злу...»¹³.

Отступив под натиском талибов, правительство Б.Раббани, вооруженные силы, возглавляемые опытным военным стратегом Ахмад Шахом Масудом, тем не менее, контролировали в 1999–2000 гг. около 10% территории Афганистана, непосредственно прилегающей к границам Таджикистана и Узбекистана. Казалось бы, постоянные боевые действия, реальная опасность попасть под пули враждующих сторон должны были заметно снизить контрабандные перевозки наркотиков через территорию Северного альянса, сократить попытки прорыва наркокурьеров через границу на сопредельную территорию СНГ. Однако этого не произошло.

Именно в этот период контрабандисты усилили свою деятельность, и Северный альянс не смог или не захотел решительно противостоять этому, хотя неоднократно заявлял о готовности к сотрудничеству в борьбе с наркобизнесом и необходимости получения в этом деле помощи со стороны международных организаций. Выступая 30 мая 2000 г. на международном форуме «Афганский наркотрафик и проблемы национальной безопасности государств Центральноазиатского региона», посол Афганистана в Таджикистане Сайд Ибрагим Хекмат, отвечая на вопрос, почему его правительство не обратилось в ООН за содействием в уничтожении производства наркотиков на территориях, контролируемых талибами и Северным альянсом, подчеркнул, что кон-

трабандный наркотик идет, в основном, потоком через Горно-Бадахшанскую Автономную область (ГБАО) Таджикистана. Протяженность границы ГБАО с Афганистаном 370 км по горам, ущельям, рекам, где перекрыть дороги крайне сложно. Гарантировать безопасность международных наблюдателей трудно. Контролировать их и одновременно вести войну с талибами, которых поддерживает и вооружает Пакистан и международные террористы, очень сложно. Однако факты свидетельствуют, что даже в самые трудные для судьбы правительства Б.Раббани времена, оно сохраняло и даже расширяло посевные площади под опийным маком на контролируемой территории¹⁴.

Движение «Талибан», развернувшее вооруженную борьбу за власть в Афганистане в 1994 г., а к концу 1996 г. установившее свой контроль над 90% территории страны, заняло весьма неоднозначную позицию по отношению к производству наркотиков. Талибы поощряли и фактически узаконили широкомасштабное выращивание опийного мака, переработку опия-сырца в героин и контрабандную торговлю наркотиком, превратив последний в средство политического воздействия на «неверных», объединив вооруженный террор с наркотеррором. Одновременно режим талибов заявил, что намерен твердо проводить в жизнь идею борьбы с «антиисламской» наркоманией, превратив эту идею в предмет политического торга за признание зарубежными странами и международными организациями движения «Талибан» единственно законной политической силой.

Земледельцы получали в Кандагаре денежные авансы под будущий урожай мака. После погашения долга они отдавали властям 10% натурой или деньгами в качестве налога, а остальной урожай продавали перекупщикам, которые в качестве агентов наркобаронов, владевших фабриками и лабораториями по переработке опия в героин, стремились оптом скупить опий-сырец по ценам ниже рыночных. Владельцы лабораторий платили властям 20-ти процентный налог¹⁵. Налоги с наркобизнеса изначально были главным источником финансирования военных и административных расходов режима талибов, которые принимали меры по повышению урожайности опийного мака, созданию образцово-показательных ферм по его культивированию. Посевные площади под пшеницей, картофелем, миндалем и другими традиционными для Афганистана культурами резко сократились, их вытеснил опийный мак.

Специалисты по переработке сырца в сильнодействующие наркотики разработали методику маркировки героина под чай, сахар, изюм, создали новый жидкий высококонцентрированный субстрат героина «Слезы Аллаха», быстро приводящий к наркозависимости, организовали поставки семян высокоурожайных сортов мака и удобрений из Пакистана.

Талибские власти выплачивали каждому крестьянину, сдавшему один килограмм опия-сырца, 5000 пакистанских рупий и выдавали

документ, разрешающий владеть землей, собственностью, продавать и перевозить опий. А если уплачивалось 200 долларов США, то выдавалось разрешение беспрепятственно перевезти воздушным транспортом 1 кг героина из Кабула в Кундуз, где его можно было продать по более высокой цене.

Контролировавшаяся движением «Талибан» наркосеть объединяла более 30 основных наркогруппировок, а переработкой сырья в 1999 г. занимались более, чем 200 лабораторий, дислоцированных, в основном, в провинциях Нангархар, Хост, Пактия, Гильменд, Кунар, Балх, Кундуз.

Для работы в них приглашали специалистов-химиков, в том числе и из стран Европы. В 1999 г., по данным Программы по контролю за наркотиками ООН, в Афганистане было произведено 4565 т опия (три четверти общемирового объема), что эквивалентно 576 т героина. Лидеры движения «Талибан» установили контакты и с некоторыми европейскими наркоструктурами.

Одновременно в явно пропагандистских целях правительство талибов объявило запрет на «противоречащее исламу» производство, продажу и потребление гашиша, наряду с алкоголем. На них был наложен строгий запрет, и полиция в массовом порядке конфисковывала обнаруженный у населения гашиш, потребителей насильственно «лечили», привлекали к ответственности продавцов. Эта мера оказалась достаточно эффективной, и коноплю в севообороте стал стремительно вытеснять опийный мак, выращивание которого талибы всемерно поощряли. Когда в конце 1995 г. пакистанские власти, стремясь заручиться поддержкой международных организаций в противостоянии с Индией, стали выборочно уничтожать у себя героиновые лаборатории, талибы включились в эту борьбу, перехватили несколько караванов грузовиков, перевозивших через афганскую территорию опий вдоль границ с Пакистаном и Ираном. Однако все попытки ООН и других международных организаций запретить посевы опийного мака ни к чему не привели. Талибы соглашались рассмотреть этот вопрос только при условии политического признания их режима и предоставления экономической помощи, которая компенсировала бы потери доходов от опийного мака. И только в июле 2000 г. под давлением мирового сообщества лидер движения «Талибан» Мулла Омар был вынужден подписать указ, запрещающий выращивание опийного мака, однако опубликованные официальные документы ни в коей мере не сократили поставки афганского опия-сырца и героина на мировой рынок.

Основными причинами бума наркобизнеса в Афганистане стали не традиционные, а новые факторы внешнего и, особенно, внутреннего характера последних десятилетий. Большую роль сыграли факторы внутреннего порядка.

Свыше 20 лет в Афганистане, то усиливаясь, то, временами, прекращаясь, идет война, которая была и продолжает оставаться

основным занятием моджахедов, а затем сменивших их талибов. Страна была разорена, и противоборствующие стороны испытывали острую нехватку финансовых средств для закупки оружия и других целей. После трагических событий 11 сентября администрация Дж.Буша при поддержке НАТО провела антитеррористическую операцию в Афганистане, в результате которой правительство талибов было свергнуто. Но, несмотря на это, страна из кризиса не вышла. Наоборот положение населения еще более ухудшилось. Для разоренного войнами и окончательно обнищавшего афганского крестьянства выращивание опийного мака и получение опия являются наиболее выгодным занятием. По доходности эта отрасль значительно превосходит возделывание пшеницы – основной сельскохозяйственной культуры страны.

Так и будет продолжаться, пока мировое сообщество не предпримет реальных, действенных мер по укреплению безопасности в стране, по возрождению ее экономики.

¹ По данным специалистов Международной программы ООН по контролю за наркотическими средствами, уже в 1997 г. Мьянма и Афганистан являлись лидерами мирового производства опиатов, территория, используемая ими для этих целей, составляла 80% мировой площади под этими культурами, а сбор опия в этих странах был равен 90% мирового урожая. В 1999 г. Афганистан вышел на первое место в мире по производству наркотиков, собрав 4581 т опия-сырца. По расчетам экспертов ООН, это составляло примерно 460 т героина. Чтобы представить себе, какой спрос можно удовлетворить таким количеством, достаточно сказать, что в Италии или Англии ежегодное потребление героина, в пересчете на чистый продукт, составляет примерно 10 т.

² Opium history up to 1858 A.D., Alfred W. McCoy.

³ Там же.

⁴ Хотя Ост-Индская компания и имела владения в Калькутте (с 1656 г.) и Бомбее (с 1661 г.), активно опиумом она не занималась в течение почти всего XVII в. В то время англичане, португальцы и датчане покупали опиум у синдиката индийских купцов, которые являлись монополистами на бенгальском опиумном рынке. Англия начала активно заниматься торговлей опиумом только с 1764 г.

⁵ Opium history up to 1858 A.D., Alfred W. McCoy.

⁶ Использование термина «незаконная торговля» необходимо, так как в мире существует законное (разрешенное) производство наркотиков и психотропных веществ для изготовления лекарств и в научных целях, которое строго контролируется Международным комитетом по контролю за наркотиками (ООН). Согласно протоколу, подписанному в 1953 г. и вошедшему в силу в 1963 г., производство опия в медицинских и научных целях для удовлетворения потребностей всех стран мира было разрешено только 7 странам: Болгарии, Греции, Индии, Ирану, Турции, СССР и Югославии.

⁷ «Золотой треугольник» – это приблизительно 150 тысяч квадратных миль на северо-западе Лаоса, четыре северные провинции Таиланда и северо-восточная часть Бирмы (ныне Мьянма). Собранный на маковых полях опий-сырец перерабатывается в подпольных лабораториях в героин. Большинство таких лабораторий в настоящее время находится в районе Бангкока. Отсюда героин переправляется в европейские страны, Австралию, США.

⁸ Opium history up to 1858 A.D., Alfred W. McCoу.

⁹ Наркотрафик на Великом шелковом пути, М.Б. Олкотт, М., 2000.

¹⁰ www.centrasia.ru

¹¹ К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии, А.Князев, 2003.

¹² Термин «страны “Золотого полумесяца”» был введен журналистами в 80-е годы XX столетия в период производства опиатов в Пакистане. В эту группу вошли Пакистан, Афганистан, Иран и Турция.

¹³ Совместное заявление 29 мая 1999 г. Президента ИГА Бурханутдин Раббани и Президента КР Аскара Акаева // www.centrasia.ru

¹⁴ История афганской наркоэкспансии 1990-х, А.Зеличенко.

¹⁵ К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии, А.Князев, 2003.

**АФГАНСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ**

Масштабная миграция из Афганистана на территорию Российской Федерации началась после падения режима Наджибуллы в 1992 г. Многие афганцы – государственные служащие, военные, учителя, врачи, представители творческой и технической интеллигенции стремились покинуть свою родину и перебраться на территорию бывшего Советского Союза, ранее оказывавшего военную помощь и всяческое содействие режиму Наджибуллы. Путь многих афганских беженцев в Россию пролегал через Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан и государства Закавказья. Некоторые оседали на территории этих государств, другие стремились переехать в Москву или другой крупный российский город. Численность афганцев, находившихся на территории нашей страны в конце 90-х годов, оценивалась примерно в 90 тыс. человек. В настоящее время число мигрантов из Афганистана уменьшилось, так как многие из них уезжают в страны Запада. Однако немало афганцев по разным причинам хотело бы остаться в России. На данный момент можно говорить о существовании афганской диаспоры на территории нашей страны.

Проблемы афганских мигрантов уже затрагивались исследователями-востоковедами, социологами, психологами. Исследования и статьи освещали отдельные и общие аспекты проблем жителей Афганистана, волею судьбы оказавшихся на территории нашей страны.

Большинство мигрантов из Афганистана приехало в Россию со своими семьями. Как известно, афганские семьи довольно большие – в них в среднем по 4–5 детей. Семьи с 1–2 детьми встречаются редко¹. В связи с этим можно говорить о том, что афганская диаспора в России по своему возрастному составу относительно молодая – большую ее часть составляют представители молодого поколения.

Как живет афганская молодежь, с какими проблемами она сталкивается в России, каково ее будущее – это лишь некоторые вопросы, которые мы попытаемся осветить в этой небольшой статье. Сейчас, когда идет процесс восстановления дружественных отношений и экономических связей с Афганистаном, очень важно, чтобы настроения афганцев были положительными. А это зависит и от того, как к ним относятся на чужбине, поскольку многие из них поддерживают контакты со своими родными и знакомыми на родине. В этой связи про-

блемы афганской молодежи в России должны интересовать не только исследователей, но и представителей власти. Ведь не исключено, что в будущем представители современной афганской молодежи, живущей в России, будут играть важную роль в определении политических судеб своей страны.

Некоторое представление о жизни молодого поколения афганцев в Москве автор этой статьи смог получить, работая в одной из организаций, действующей в рамках программы УВКБ ООН (Управление верховного комиссара по делам беженцев). Афганская молодежь, проживающая в России, во многом сталкивается с теми же юридическими, социальными, бытовыми и культурно-психологическими проблемами, что и представители старшего поколения.

Условия жизни большинства афганцев тяжелые – несколько семей вынуждены снимать по комнате в двух- или трехкомнатной квартире или жить в лагерях временного размещения вынужденных мигрантов – «Зеленоградский» и «Вербилки».

Главная проблема всех афганцев, проживающих на территории России – их неопределенный юридический статус. На начало 2000 г. только 540 человек получили² официальный статус беженца. Остальные, по сути, являются лицами, ищущими убежища, и по закону не имеют права жить и работать на территории России. Тем не менее, десятки тысяч афганцев продолжают оставаться здесь и в настоящее время. Находясь практически на нелегальном положении, они не могут получать медицинскую помощь и образование.

Трудности с получением образования – одна из основных проблем афганской молодежи в России. Далеко не все молодые люди имеют возможность даже думать об учебе. Многие афганские дети вынуждены работать, помогая своим родителям. Как правило, они заняты неквалифицированным трудом – работают на рынках помощниками продавцов или даже грузчиками. Девушки, как и взрослые женщины, обычно занимаются изготовлением недорогих украшений или вышивкой.

Для тех, у кого есть время на учебу и чьи родители хотят, чтобы их дети посещали школу, возникает проблема выбора школы – российской общеобразовательной или «афганской».

В 1998–1999 г. в Москве начали действовать образовательные центры для детей афганских мигрантов – «Кузьминки», «Перово», «Зеленоградский», в 2001 г. открылась школа в гостинице «Севастопольская», где афганцами ведется активная торговля и где расположены офисы глав общины и редакции эмигрантских газет.

Все эти образовательные центры действуют по программе, осуществляемой Автономной некоммерческой организацией «Экилибр-Солидарность» в рамках общего проекта представительства УВКБ ООН в России. В школах изучают русский язык и предметы, входящие в учебные программы русских общеобразовательных школ, а также языки дари и пушту и другие дисциплины, которые обычно изучают в

Афганистане. В некоторых из этих центров организованы курсы русского языка для взрослых.

Все вышеперечисленные центры – это так называемые афганские школы. В них, наряду с русскими учителями, преподают афганцы. Одна из целей учебного процесса – воспитание молодежи в соответствии с ценностями традиционного афганского общества. Учащиеся получают представление об истории, культуре и обычаях своей родины. Среди дисциплин важное место уделено изучению Корана. Число учащихся этих школ невелико – обычно не больше ста человек в каждой.

Многие афганцы, отдающие своих детей в эти школы, придерживаются традиционных взглядов и стремятся к тому, чтобы их дети не забыли родной язык и национальную культуру. Поэтому большое внимание уделяется проведению национальных и религиозных праздников. Как правило, это большое событие для всей общины и, в том числе, для учащихся, которые на этих праздниках исполняют национальные песни и танцы.

Не все представители молодого поколения афганцев могут посещать такие образовательные центры. Гораздо большее число афганских детей ходит в общеобразовательные школы, где получает образование по российским стандартам. При этом еще несколько лет назад некоторые школы не соглашались принимать на учебу детей мигрантов из Афганистана.

Положение изменилось в 2001 г., когда московские власти распорядились о приеме в средние учебные заведения города детей, чьи родители не имеют регистрации. Представительство УВКБ ООН приняло деятельное участие в этом процессе. С 2002 г. начал действовать новый проект «Этносфера», который призван способствовать получению образования молодым поколением мигрантов (в основном афганцев) в общеобразовательных школах.

Конечно, не все афганцы хотят отдавать своих детей в российские учебные заведения, так как опасаются, что те потеряют связь с национальной культурой. Поэтому многие родители предпочитают отдавать своих детей в «афганские» школы, где им хотя бы частично прививают традиции родной страны.

В течение нескольких последних лет в российском обществе заметно развивались недоброжелательные настроения по отношению к мигрантам из стран Азии и Африки. Это было связано с наплывом в крупные города выходцев с Кавказа и республик Центральной Азии. В среде части российской молодежи стали проявляться экстремистские тенденции. В Москве уже произошло несколько стычек на рынках, где в основном торгуют выходцы из Азербайджана и южных регионов России. Объектами нападений становятся те, кто имеет темный цвет кожи, в том числе афганцы. Это вызвало обеспокоенность как в общинах, проживающих на территории России, так и в российских государственных структурах.

В 2001 г. правительством России была принята федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Программа должна действовать до 2005 г. Один из ее аспектов посвящен проблемам мигрантов и их отношений с местным населением. Особое внимание уделяется работе с российской молодежью, в том числе и со школьниками.

В этой связи меры правительства России по постепенной интеграции молодого поколения афганцев в российское общество представляются вполне своевременными и целесообразными. То, что афганская молодежь будет учиться вместе с российскими школьниками, должно способствовать формированию у последних более терпимого отношения к афганцам, да и к другим мигрантам. Это сделает афганскую общину более мобильной в социальном отношении, перед ее членами откроются новые возможности и пути.

Программа, по сути, призвана ускорить интеграцию афганцев в российское общество. Она является долгосрочной, поскольку должно пройти несколько лет, пока те афганские дети, которые сейчас поступили в общеобразовательные школы, закончат их. И результаты интеграции будут заметны не сразу. Сам путь вживания таит в себе многие трудности, однако он представляется достаточно перспективным.

Сейчас можно говорить о том, что проблема получения среднего образования афганской молодежью в России сопряжена с меньшими трудностями, чем это было несколько лет назад. Но высшее образование пока что остается труднодоступным для молодых афганцев. Во-первых, большинство из них вынуждено идти на работу сразу же после окончания средней школы, чтобы помочь своим родителям. Во-вторых, отсутствие необходимых документов закрывает дорогу в ВУ-Зы тем из них, кто может и хочет учиться. Нужно отметить, что таких немало – очень многие молодые афганцы проявляют большой интерес к учебе и относятся к ней ответственно. В целом, получить высшее образование имеют возможность лишь единицы, для других учеба заканчивается получением справки или аттестата об окончании средней школы, училища или колледжа. Многие афганские девушки даже не могут доучиться до получения аттестата, так как родители выдают их замуж.

Есть еще целый ряд проблем, с которыми сталкиваются любые мигранты, живущие в чужой стране. Это проблемы психологического и культурного плана. Почти каждый человек, ставший вынужденным мигрантом, испытывает эмоциональный дискомфорт, находясь вдали от родины в чуждой ему обстановке. Многим людям, оказавшимся в таком положении, очень важно ощущать себя частью родной культуры, которую они стараются сохранить. Это относится и к афганцам, живущим сейчас в России. Они хотят, чтобы их дети также не забывали о традициях и обычаях своей родины.

Значительное число молодых афганцев знает о своей родине лишь понаслышке. Многие из них родились уже в России, поэтому русский язык для них как родной: они с одинаковой легкостью могут общаться как на нем, так и на одном из языков своей страны – дари или пушту. Обучаясь в российских школах и общаясь со своими русскими сверстниками, афганская молодежь быстро впитывает культуру нашей страны. Молодое поколение афганцев носит одежду европейского типа, с удовольствием слушает российскую и западную популярную музыку, увлекается современными компьютерными и видеоиграми, посещает дискотеки. Соблюдение религиозных исламских норм становится порой чистой формальностью. Многие вообще не соблюдают никаких религиозных предписаний.

Некоторые молодые афганцы хотят, чтобы их считали русскими (и даже говорят об этом вслух в присутствии своих друзей). По этому поводу можно привести один любопытный пример. Психолог, работающий с афганскими учащимися школы «Севастопольская», попросил учеников одной из групп в возрасте от 10 до 15 лет написать десять предложений, каждое из которых было бы ответом на вопрос «Кто я?». В результате большинство ответов были типа «Я – школьник», «Я – футболист», «Я – мальчик». И лишь два человека из 12 опрошенных написали, что они афганцы или граждане Афганистана.

Нужно отметить, что молодые люди в большей степени, нежели взрослые, подвержены влиянию российской и западной культуры. Девушки, в основном, придерживаются традиционных ценностей. Это происходит во многом потому, что родители считают, что девушкам необходимо лишь дать основы знаний, получаемых в школе. Да и в целом женская половина мигрантов из Афганистана более консервативна, как отмечают психологи³.

В целом, современная афганская молодежь, живущая в России, как уже упоминалось, испытывает сильное влияние русской и западной культуры и частично перенимает ее. Однако говорить об успешной интеграции молодых афганцев в российское общество рано. Неизвестно также, произойдет ли это позже. Влияние традиционной исламской культуры остается очень сильным, особенно на женскую половину афганской молодежи.

Помимо культурных различий, есть и другие факторы, которые могут помешать процессу интеграции. Многим представителям молодого поколения афганцев свойственно ощущение собственной ущербности. Это объясняется неопределенным юридическим статусом их родителей, да и их самих, отсутствием у них некоторых прав, которыми обладает коренное население. Психологи отмечают у значительного числа молодых афганцев наличие так называемого маргинального синдрома, что затрудняет возможность общения на равных с коренным населением, а значит, сужает вероятность самореализации в обществе.

Каковы перспективы афганской молодежи в России? Это во многом зависит от будущего всей афганской общины в Москве и нашей стране. В настоящее время идет процесс переселения некоторых афганцев из России в страны Запада. Переселение проходит при непосредственном участии УВКБ ООН. Многие афганцы желают уехать в одну из стран Европы, США или Канаду. Процесс оформления документов занимает много времени, большому числу мигрантов отказывают в переселении в ту или иную страну. Так что в ближайшее время многие афганцы по-прежнему будут оставаться в России.

И тех, кто хотел бы уехать на Запад, и таких, которым нравится жить в России, объединяет желание служить своей родине. Действительно, молодые афганцы, живущие в России, могут оказаться очень полезными для своей страны. По уровню образованности они выгодно отличаются от своих сверстников в Афганистане. Это – элита всего афганского молодого поколения. При нынешней нехватке образованных кадров в государственных структурах и различных учреждениях Афганистана возвращение туда хотя бы части образованных людей, и в том числе молодежи, могло бы решить одну из многочисленных проблем этой страны.

Однако в настоящее время очень немногие афганцы вернулись на родину из России. Будет ли этот процесс в дальнейшем идти активнее и примет ли молодежь деятельное участие в нем – вопрос будущего.

1. Положение беженцев в мире. 1997 – 1998. М., Интердиалект+, 1998.
2. Психологическая помощь мигрантам. М., Смысл, 2002.
3. Абрамов А. Афганские беженцы в России. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. М., Издательство МГУ, 2000.
4. Бойко В. Афганская диаспора: облик и судьба. – Азия и Африка сегодня. М., 1995, № 10.
5. Валитов В. Социальные сети: взаимоотношения и взаимодействия в афганской общине. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 5. М., Изд-во МГУ, 2000.
6. Икбал А. Афганские женщины в условиях эмиграции. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 7. М., Изд-во МГУ, 2001.
7. Попков В. Афганцы в Москве: миграционные пути и особенности адаптации. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 11, 12, 13. М., Изд-во МГУ, 2003.
8. Солдатова Г., Шайгерова Л. Женщины-афганки в России: группы взаимопомощи. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. М., Изд-во МГУ, 2000.

¹ Абрамов А.В. Афганские беженцы в России. – Мигранты из дальнего зарубежья, № 3. М., изд-во МГУ, 2000, с. 16.

² Психологическая помощь мигрантам. М., Смысл, 2002, с. 10.

³ Г.Солдатова, Л.Шайгерова Женщины-афганки в России: группы взаимопомощи. – Мигранты из дальнего зарубежья № 3. М., 2000, с. 31.

**ИРАКСКАЯ ПРОБЛЕМА
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В США**

Операция американских войск по свержению режима Саддама Хусейна в Ираке и последующая оккупация этой страны сделали иракскую проблему одной из центральных тем внутривнутриполитической борьбы в Соединенных Штатах. Две ведущие политические силы Америки – Республиканская и Демократическая партии – активно разыгрывают иракскую карту в предвыборной кампании 2004 г. В разнообразных журналистских и более серьезных профессиональных исследованиях данного вопроса проявляются диаметрально противоположные точки зрения. Есть мнение, что демократы являются принципиальными оппонентами находящимся у власти республиканцам; по другим оценкам, обе партии придерживаются, по сути, одной и той же линии в отношении Ирака. Для того, чтобы понять истинную картину, необходимо, прежде всего, вспомнить предысторию нынешней ситуации, т.е. риторику и реальные действия республиканцев и демократов в период 1990–2003 гг.

Ирак стал сильным фактором беспокойства в американской внешней политике в 1990 г., когда войска тогдашнего президента этой страны Саддама Хусейна вторглись в сопредельный Кувейт. Тогда у власти в США находилась Республиканская партия во главе с Джорджем Бушем-старшим, которому пришлось приложить определенные усилия, чтобы получить у Конгресса санкцию на использование американских войск в составе международной коалиции, созданной под эгидой ООН для освобождения Кувейта. В конце 1990 г. – начале 1991 г. Демократическая партия обладала большинством в Конгрессе и затягивала принятие решения о присоединении Америки к коалиции, мотивируя это отсутствием прямой и явной угрозы стране и неисчерпанностью дипломатических ресурсов. В то же время, ведущие фигуры Демократической партии на сегодня – Альберт Гор, Джоозеф Либерман и Билл Клинтон – голосовали в 1991 г. за участие США в антииракской коалиции. Все они любят напоминать об этом сейчас, солидаризируясь с курсом Буша-младшего, чтобы набрать политические очки. Однако именно республиканцы внесли «иракскую папку» во внешнеполитическую повестку дня Америки, которая после операции «Буря в пустыне» в 1991 г. не словом, а делом провозгласила свою новую роль в мире после «холодной войны».

Вскоре после войны в Персидском заливе стратеги Республиканской партии во главе с нынешним заместителем министра обороны Полом Вулфовицем по заданию тогдашнего министра обороны, а ныне вице-президента Дика Чейни начали разработку новой внешнеполитической концепции для несостоявшегося второго президентского срока Буша-старшего. Документ под названием «Руководство по планированию оборонной политики» ставил перед Америкой цель не допустить появления сверхдержав на глобальном и региональном уровнях и фактически наделял американскую администрацию правом использовать военную силу для достижения своих внешнеполитических целей без санкции мирового сообщества (принцип преимущественного права, занявший центральное место в Стратегии национальной безопасности, провозглашенной Бушем-младшим в 2002 г.)¹. После того как Буш-старший проиграл выборы 1992 г. Биллу Клинтону, эта концепция отнюдь не канула в лету: ее час настал спустя восемь лет, когда республиканцы, среди которых был целый ряд видных деятелей эпохи президентства Буша-старшего, вернулись в Белый дом под руководством Буша-мл. и опробовали на Ираке свои внешние политические заготовки.

Упомянутая концепция – важное, но не единственное объяснение сегодняшней политики республиканцев в отношении Ирака. Регион Персидского залива является для Америки стратегически важным, прежде всего, по той причине, что там расположены богатейшие месторождения нефти (это положение было зафиксировано еще в начале 80-х годов в «Доктрине Картера»). В свою очередь, нефть – это одна из опор клана Бушей. Обслуживание интересов нефтяных компаний находится в сфере интересов Бушей с 20-х годов минувшего века. Не менее тесные связи обнаруживаются у Буша и многих видных членов его администрации и с военно-промышленным комплексом, которому операция по свержению Хусейна обеспечила огромные оборонные заказы². Принадлежность клана к элите американского общества сделала президента Буша-младшего выразителем интересов крупного капитала во внутренней (снижение налогов) и во внешней политике (силовая поддержка захвата новых источников сырья). Кстати, такая позиция отчасти объясняет, почему американский президент, в отличие от отца, не стал привлекать к своей операции против Ирака силы мирового сообщества и повел ее на деньги американских налогоплательщиков, истратив за год войны около 100 млрд. долл.³

Суммируя все вышеизложенное, невольно приходишь к выводу, что Джордж Буш-младший был в известном смысле обречен на операцию по свержению Саддама Хусейна, само существование которого противоречило политическим и экономическим интересам Америки в понимании республиканцев. Однако прежде, для понимания хронологии развития ситуации, следует остановиться на позиции Демократической партии, представитель которой – Билл Клинтон – занимал Белый дом с 1992 г. по 2000 г.

В указанный период американская политика в отношении Ирака развивалась в контексте резолюций Совета Безопасности ООН, которые определили режим санкций в отношении этой ближневосточной страны после войны 1991 г. Среди всех членов мирового сообщества Америка под руководством Клинтона проводила, несомненно, самую активную политику на этом направлении. Однако в целом эти действия укладывались в так называемую концепцию сдерживания, принципы которой были выработаны еще во времена «холодной войны» и, отчасти, по инерции (а также из-за отсутствия дееспособных альтернатив) продолжали применяться и по отношению к Ираку. Иначе говоря, по крайней мере, на официальном уровне Америка рассчитывала на то, что режим Хусейна «исправится». Например, один из ключевых аспектов иракской проблемы – поиск и ликвидация иракского оружия массового поражения – был для администрации Клинтона инструментом для систематического давления на Саддама Хусейна и стимулирования мирового общественного мнения. Эта политика достигла апогея в конце 1998 г., когда США и Великобритания провели военную операцию «Лис в пустыне» – трехдневный массированный авиационный и ракетный удар по Ираку. Поводом для операции стало нежелание Саддама Хусейна сотрудничать с инспекторами ООН. Однако, несмотря на внушительную военную мощь, «дистанционный» характер этой операции на тот момент вовсе не предусматривал свержения иракского режима.

Но уже комментируя итоги операции «Лис в пустыне», Билл Клинтон официально провозгласил новую цель американской политики в отношении Ирака: «Чтобы избавить регион и народ Ирака от угрозы, исходящей от режима Хусейна, в долгосрочной перспективе мы должны добиться смены власти в Ираке»⁴. Одним из импульсов, заставивших Клинтона сделать это принципиальное заявление, было письмо группы влиятельных американских политиков, призывавших администрацию к полномасштабной военно-дипломатической работе по отстранению Саддама Хусейна от власти. Среди подписавших это письмо были будущий министр обороны в администрации Буша-младшего Доналд Рамсфелд и его будущий заместитель Пол Вулфовиц⁵. Иначе говоря, уже при демократах в американской политике в отношении Ирака стал формироваться жесткий республиканский курс.

На выборах 2000 г. «иракская карта» играла далеко не первостепенную роль, однако в ходе предвыборной кампании Джордж Буш-младший не преминул упрекнуть демократов во главе теперь уже с Альбертом Гором в неэффективном использовании внешнеполитического потенциала Вашингтона. «Американское влияние в мире ослабло и используется неразумно», – отмечал Буш⁶. Будущий вице-президент Дик Чейни тогда же обращал внимание на тот факт, что при республиканском президенте Буше-старшем США добивались гораздо более эффективного действия режима санкций. И хотя это

связано, прежде всего, с тем, что в 1991–1992 г., о которых говорит Чейни, режим санкций активно набирал обороты, другое его замечание следует признать более справедливым. «Администрация (Клинтон) позволила Саддаму Хусейну «сорваться с крючка», он изгнал инспекторов ООН, и администрация ничего не может с этим поделать», – подчеркивал Чейни⁷.

Логика демократов заключалась в том, что, отказываясь от продолжения инспекций, Хусейн собственноручно «закручивает гайки» режима международных санкций. Однако эта логика была бы продуктивна лишь в том случае, если бы тогда, в конце девяностых, в мировом сообществе наблюдалось единство мнений по иракской проблеме, а режим санкций не был бы размыт целенаправленными усилиями руководства Ирака по активному налаживанию торговых отношений с соседними странами (в т.ч. контрабанда нефти). Ориентированный на международное общественное мнение подход Демократической партии оказался неэффективен, и хотя это вряд ли можно считать причиной поражения Гора на выборах 2000 г., избиратели позволили Америке опробовать новый более жесткий подход, проводником которого выступил Джордж Буш-младший.

После событий 11 сентября 2001 г., в ответ на которые Вашингтон развернул крупномасштабную антитеррористическую операцию, можно лишь гадать, как развивалась бы американская политика в отношении Ирака, если бы Соединенные Штаты не были потрясены беспрецедентными террористическими актами. Сменив Билла Клинтона в Белом доме, Буш в начале 2001 г. дал понять, что намерен уделить более пристальное внимание Ираку, чем его предшественник: подтверждениями этого намерения стали очередной авиаудар по военным объектам на территории страны и расширение финансовой поддержки антисаддамовской оппозиции, которая при Клинтоне носила скорее символический характер. Не остался в стороне и нефтяной аспект: администрация Буша-младшего поставила задачу свести к минимуму факторы нестабильности в стратегически важном для нее регионе Персидского залива⁸. Главным из этих факторов являлся, конечно же, режим Саддама Хусейна. Но все это вовсе не означает, что в планах Буша изначально было силовое устранение этого режима.

Однако теракты 11 сентября заставили команду Буша по-новому взглянуть на иракскую проблему. Так называемые ястребы в администрации видели в произошедших событиях отличный повод для начала войны. Например, министр обороны Рамсфелд неоднократно просил ЦРУ расследовать связи режима Хусейна с повинной в терактах организацией «Аль-Каида»⁹. И хотя наличие таких связей так и не было установлено, сам факт проведения этого расследования укрепил образ Саддама как врага в глазах общественного мнения, что немаловажно для такой страны как Америка. В то же время, часть республиканской администрации во главе с госсекретарем Колином

Пауэллом выступала против скоропалительной войны, однако развитие событий показало, что «ястребам» удалось взять верх, оттеснив дипломатов на вторые роли. В начале 2002 г. Буш причислил Ирак к так называемой оси зла, дав старт пропагандистской кампании по подготовке к будущей войне¹⁰.

Как утверждает генерал Уэсли Кларк (один из претендентов на место кандидата от демократов на выборах-2004), уже через несколько месяцев после терактов 11 сентября 2001 г. операция в Ираке обсуждалась в Пентагоне, и весь американский политический истеблишмент был в курсе намерения Буша использовать трагические события в Нью-Йорке и Вашингтоне как предлог для военной операции¹¹. Республиканская администрация добилась невиданной поддержки своих планов по отстранению режима Саддама Хусейна от власти: к силовой акции призвал даже соперник Буша на выборах-2000 Альберт Гор. «Наступает момент, когда нужно перейти от дипломатии к более решительным действиям», – подчеркивал Гор, партия которого прежде делала ставку на переговорный процесс, а не на военные акции¹². Другие демократы если и критиковали военные планы Буша, то делали это крайне осторожно, опасаясь обвинений в непатриотизме. «Следует более четко определить механизм этой военной операции и просчитать ее последствия, – заявил лидер демократического большинства в Сенате Том Дэшл, спустя год после терактов 11 сентября. – Мы не хотим, чтобы решение о войне было принято одной из партий, и не хотим, чтобы в обществе сложилось впечатление, будто бы мы против той (антитеррористической) деятельности, которую ведет президент»¹³.

Столь ширококомасштабная поддержка проявилась и в ходе голосования в Конгрессе по вопросу об использовании американских войск в том случае, если Ирак не выполнит резолюции СБ ООН, касающиеся оружия массового поражения. При этом республиканская администрация фактически поставила режим Хусейна в безвыходное положение, потребовав от него доказательств отсутствия такого оружия: если бы в Ираке возобновились инспекции и было бы найдено ОМП, то команда Буша использовала бы это как повод для атаки, а если такое оружие не было бы обнаружено, это было бы истолковано Белым домом как сокрытие ОМП.

В октябре 2002 г. новая военная операция получила в обеих палатах американского парламента больше голосов поддержки, чем десять с лишним лет назад, когда в повестке дня стояло участие США в выдворении Хусейна из оккупированного им Кувейта¹⁴. И лишь немногие демократы выступили против военного решения иракской проблемы, причем среди этих противников войны практически не было лидеров партии, претендовавших на место кандидата от демократов на выборах-2004: все они, по всей видимости, достаточно хорошо понимали, что до поры, до времени успех войны, которую они под-

держали, будет положительно влиять и на их рейтинг в глазах избирателей. «Это вопрос национальной безопасности, и здесь мы должны быть едины», – подчеркнул руководитель демократического меньшинства в Палате общин Ричард Герхардт¹⁵.

Стартовавшая весной 2003 г. военная кампания, целью которой было отстранение режима Саддама Хусейна от власти в Ираке, имела успех, подтвержденный президентом Бушем в его июньском обращении к американским войскам на авианосце в Персидском заливе: «Миссия выполнена». Однако последовавшая оккупация страны оказалась для Америки не такой легкой задачей: противодействие американцам со стороны различных сил в постсаддамовском Ираке превзошло ожидания, как превзошли ожидания и потери американских войск. Для демократов эти неудачи республиканской администрации стали удобным поводом для разыгрывания «иракской карты» в политической борьбе. Однако, как и прежде, критика носила осторожный характер и касалась по большей части организационных, а не принципиальных вопросов. Радикальные идеи вроде досрочного вывода американских войск из Ирака были озвучены лишь одним из кандидатов от демократической партии – Говардом Дином, который попытался сыграть на антивоенных настроениях избирателей, но был быстро потеснен другими демократами. Тем не менее, в ходе своей кампании Дин сделал ряд существенных замечаний, подвергнув критике, в том числе, и своих коллег по партии. «Думаю, избиратели должны усомниться в ответственности тех демократов, которые проголосовали за резолюцию о начале войны, а теперь критикуют эту войну, прикрываясь утверждениями, что президент ввел их в заблуждение (относительно иракского оружия массового поражения)», – резонно отмечал Дин¹⁶. Однако эти упреки не помешали оппонентам Дина опередить его в гонке за право быть кандидатом от демократов на выборах-2004; вперед вышел сенатор Джон Керри.

На взглядах Керри как соперника Буша на выборах-2004 следует остановиться особо. Как ни странно, среди всех претендентов от демократической партии он был наименее последователен в своей позиции по Ираку. Так, проголосовав за резолюцию о военном решении иракского вопроса, Керри впоследствии не поддержал выделение денежных средств на ведение этой войны¹⁷. За несколько месяцев до начала операции Керри, следуя традиционной линии демократов, призывал использовать дипломатические, а не силовыми ресурсы. «Соединенные Штаты должны начинать войну не потому, что этого хочет администрация, а потому, что страна вынуждена пойти на такой шаг, – подчеркивал Керри. – Война – это крайняя мера»¹⁸. Свою президентскую кампанию Керри начал и вовсе как антивоенный деятель, возглавив движение «Ветераны Вьетнама против войны в Ираке». Однако успехи американской армии в свержении режима Хусейна заставили сенатора отказаться от невыгодной в политическом отношении антивоенной риторики.

В преддверии выборов Керри оказался в ситуации, когда ему, с одной стороны, нужно было сполна использовать «иракский вопрос» для критики Буша, а с другой, – не прослыть непатриотичным пацифистом. Поэтому за несколько месяцев до ноябрьских выборов претендент от демократов, несмотря на усугубляющиеся проблемы администрации Буша в Ираке, по-прежнему не позволял себе антивоенных высказываний. В своей критике Керри делал упор, прежде всего, на поведении республиканцев при подготовке войны, когда общественное мнение было введено в заблуждение разговорами о связях режима Хусейна с террористической организацией «Аль-Каида» и иракском потенциале ОМП. С мнением Керри был солидарен известный эксперт в области международных отношений, советник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезински, называвший политику Буша-младшего в отношении Ирака «экстремистской и основанной на эксплуатации страхов электората», а авторов этой политики обвиняет в «заикленности на переустройстве системы безопасности на Ближнем Востоке, не обращая внимания на авторитет Америки в мире»¹⁹.

В то же время, наблюдая за тем, как его соперник достаточно успешно эксплуатирует на внутривнутриполитической арене свой образ верховного главнокомандующего нации, Керри заявлял, что он смог бы выполнять эту роль более эффективно. В планах демократического кандидата не было ничего революционного: следуя свойственному его партии интернационализму, он обещал в случае его избрания президентом трансформировать иракский вопрос из сугубо американской авантюры в подлинно международную операцию²⁰. С точки зрения внутривнутриполитической конъюнктуры, в этом можно увидеть циничную попытку успокоить избирателей тем, что при Керри в Ираке гибли бы не только американские солдаты. Впрочем, если в призывах кандидата от демократов и была скрыта такая подоплека, она, конечно же, не озвучивалась. «Политическим и экономическим восстановлением Ирака должно заниматься международное сообщество под эгидой ООН», – подчеркивал Керри. В ответ на это Буш возражал, что ООН не может заниматься освоением денежных средств, выделенных на иракскую операцию американским конгрессом²² (в то время как президент Буш-старший в 1991 г. выдворил Саддама Хусейна из Кувейта на деньги стран региона Персидского залива).

Куда больше, чем своего соперника, Керри беспокоил имидж Америки в мире, серьезно пострадавший в результате односторонних действий Буша в Ираке. Эта проблема лежала в основе внешнеполитической части предвыборной платформы демократов под громким названием «Strong at Home, Respected in the World» («Сильные дома, уважаемые в мире»). В частности, лидер Демократической партии обещал посвятить первые месяцы своего правления «возвращению США в международное сообщество» и извинениям перед союзниками

Америки за ошибочную одностороннюю политику республиканцев. «Иракская проблема имеет общемировое значение, а значит, в ее решении должна участвовать НАТО, ведь сейчас это глобальная организация по обеспечению безопасности», – заявлял Керри²³. Как отмечает его коллега по партии Джозеф Либерман, ошибки в политике республиканцев «навесили ярлык негатива на справедливую войну»²⁴. Иначе говоря, в иракском вопросе демократы готовы были пойти не на кардинальные, а на имиджевые коррективы. Между тем, Буш, как известно, привлек к операции Америки в Ираке войска ряда других стран, однако тот факт, что среди ведущих участников оккупации нет столь влиятельных членов НАТО, как Германия или Франция, косвенно свидетельствовало о невысоких шансах планов Керри.

«Мы не можем позволить себе уйти из Ирака, но нашей неудачной политике нужно положить конец, ведь уже допущенными ошибками Америка и так серьезно усложнила свое положение», – резюмировал соперник Буша²⁵. Отсутствие в предвыборной риторике демократов таких слов как «агрессия» или «нефтяные интересы» свидетельствовал о том, что, в случае избрания Джона Керри президентом Соединенных Штатов, Вашингтон, если и отклонился бы от курса Джорджа Буша, то незначительно. Выделенные за последний год огромные бюджетные ассигнования и положительное воздействие войны на американскую экономику не позволяли американскому истеблишменту даже думать о сворачивании «иракского проекта» вне зависимости от того, представитель какой партии находился бы в Белом доме.

И хотя в предвыборной кампании 2004 г. внешняя политика по объективным причинам играла гораздо более важную роль, чем на предшествующих выборах, в арсенале демократической партии было не так уж много инструментов для победы над Бушем на этом фронте. При этом следует понимать, что все успехи Америки в Ираке были вкладом в предвыборную копилку республиканцев, а жестко контролируемые партией Буша Пентагон и иракское руководство не позволили бы неудачам стать достоянием общественного мнения в такой степени, чтобы это могло бы серьезно повлиять на ход предвыборной кампании.

С точки зрения исторической перспективы, трудно сделать однозначный вывод о том, победа какой партии на президентских выборах-2004 принесет большую пользу урегулированию в Ираке. С одной стороны, политика республиканцев многим кажется тупиковой, а успешное развитие стратегии администрации Буша остановилось на свержении режима Хусейна. С другой стороны, в девяностые годы демократы не добились серьезного прогресса в решении иракской проблемы, когда она стояла отнюдь не так остро, как сейчас. Возможно, решительность республиканцев и реальные интересы спонсоров этой партии в Ираке позволят более эффективно справиться со сложившейся ситуацией. Ведь, как уже упоминалось, «иракский про-

ект» – это в значительной степени республиканский проект, а значит, у команды Джорджа Буша есть и право, и обязанность довести его до конца, если ему позволят сделать это американские избиратели.

¹ New-York Times. 01.02.2003.

² Подробнее об этом в книге К.Phillips. American dynasty: aristocracy, fortune and the politics of deceit in the house of Bush.

³ www.costofwar.com

⁴ Заявление Б.Клинтона по итогам операции «Лис в пустыне», 19.12.1998.

⁵ New-York Times. 01.02.2003.

⁶ Выступление Дж.Буша-мл. на конвенции Республиканской партии, 04.08.2000.

⁷ AP, 21.09.2000.

⁸ Report of the National Energy Policy Development Group.

⁹ Counterpunch, 15.10.2002.

¹⁰ Ежегодное послание президента Буша (State of the Union Speech), 29.01.2002.

¹¹ Дебаты претендентов от демократической партии, 29.02.2004.

¹² Речь А.Гора на заседании Совета по международным отношениям, 12.02.2002.

¹³ New-York Times, 14.09.2002.

¹⁴ CNN, 11.10.2002.

¹⁵ Radio Liberty, 03.10.2002.

¹⁶ Washington Post, 16.07.2003.

¹⁷ NY Times, 17.03.2004.

¹⁸ LA Times, 24.01.2003

¹⁹ Z.Brzezinski. Face Reality // The new republic, 28.05.2004.

²⁰ Insight Magazine, 16.03.2004.

²¹ Democratic radio address to the nation, 17.04.2004.

²² Интервью Дж.Буша-мл. телекомпании NBC, 08.02.2004.

²³ Washington Times, 01.05.2004.

²⁴ Дебаты претендентов от демократической партии, 29.02.2004.

²⁵ Выступление Дж.Керри в Westminster College, 30.04.2004.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В СИРИИ

До настоящего времени курдский вопрос привлекал внимание мировой общественности с относительной периодичностью, чему в большей степени способствовал ряд событий, связанных с проведением боевых действий на территории Турции вооруженными отрядами Рабочей партии Курдистана (РПК), арестом в 1999 г. лидера РПК А.Оджалана и войной в Ираке, нежели положение самих курдов на территории этнографического Курдистана. В отличие от Турции и Ирака, курдский вопрос в Сирии отличался некоторой стабильностью, которая в основном была достигнута посредством внешней и внутренней политики, проводимой покойным президентом Х.Асадом. События, произошедшие 12 марта 2004 г. на северо-востоке страны, заставили наблюдателей пересмотреть свои позиции в отношении курдского вопроса в Сирии. Для наиболее полного анализа положения курдов в САР необходимо обратиться к истории вопроса и путям его трансформации на протяжении XX в.

24 июня 1923 г. в Лозанне был зафиксирован раздел этнографического Курдистана, в результате которого одна из его частей окончательно отошла к Сирии. Курдистан был завоеван Османской империей еще в 1514 г. В ходе османо-персидских войн его территория была разделена на две части между Турцией и Персией. Данное деление сохранялось до тех пор, пока в 1918 г. державы Антанты не поставили вопрос о его воссоединении. В августе 1920 г. был подписан Севрский мирный договор, гарантировавший воссоединение Курдистана. Однако в период с 1920 г. по 1923 г. его территория была разделена еще на две части, которые отошли к Ираку (находящемуся под мандатом у Англии) и Сирии (подмандатной Франции). Из общей площади Курдистана (примерно 528 тыс. кв. км.), его юго-западная часть (отошедшая к Сирии) занимает около 30–35 тыс. кв. км.

Курды, проживающие на данной территории, настаивали на том, чтобы Франция, как мандатарий, приступила к решительным действиям по выделению их земель в автономию. Само понятие автономии включало следующее: управление данным районом представителями курдского народа; формирование воинских подразделений и отрядов полиции из курдов; перевод всего делопроизводства на этой территории на курдский язык; обязательное преподавание в учебных заведениях курдской филологии, литературы, истории, культуры и т.д.

С целью консолидации сил в достижении вопроса автономии курдские политические организации в 1927 г. объединились в федерацию «Хойбун» (Принадлежность). Помимо политических объединений, в 30-х годах возник целый ряд просветительских и культурных организаций. Они издавали газеты и журналы, рассчитанные на курдскую аудиторию. В эти годы в свет выходили журналы «Nava» (Призыв), «Roja nu» (Новый день), «Ronahi» (Свет) и т.д.

В 1936 г. Франция отказалась от мандата над Сирией и подписала «Договор о дружбе и помощи». 16 сентября 1941 г. Сирия получила независимость. В этот день было объявлено о том, что в Сирии устанавливается республиканский режим. Первоначально между сирийскими властями и курдами (чьи национально-демократические силы принимали активное участие в борьбе за независимость страны) складывались толерантные отношения, и конфликтных ситуаций не возникало. Однако со временем ситуация изменилась. Этому, в большой степени способствовали разногласия между правительством и курдами в вопросах выделения районов компактного проживания последних в автономию и закрепления за курдами политических и гражданских прав.

В период с конца 40-х по начало 50-х годов внутривнутриполитическая ситуация в стране была крайне нестабильной. В Сирии произошло несколько военных переворотов, первый из которых (30 марта 1949 г.) возглавлял полковник сирийской армии Хусни Аз-Заим – курд по происхождению. В период его краткосрочного президентства ряд курдских политических деятелей был привлечен к управлению страной, а пост премьер-министра занял Мухси аль-Барази (также курд по происхождению). Не сумев удержать руководящие позиции в своих руках, Хусни аз-Заим был отстранен от управления 14 августа 1949 г. группой сторонников Народной партии во главе с полковником Сами Хи-науи. Дальнейшие события все больше втягивали Сирию во внутривнутриполитический кризис, который усиливала конфронтация сторонников объединения с Египтом и их противников.

В это время наблюдалась активизация курдского национально-демократического движения. Так в 1957 г. была создана Демократическая партия Сирийского Курдистана (позже переименованная в Демократическую партию Курдистана), которую в 1960 г. возглавил Х.Дарвиш. Основные задачи партии сводились к закреплению национальных прав курдов в конституции страны, что предполагало обеспечение их участия в органах власти и общественных организациях, а также в предоставлении курдам права на самовыражение¹.

После объединения Сирии и Египта в 1958 г. в Объединенную Арабскую Республику (ОАР), ее руководство пошло на ряд уступок в отношении требований со стороны курдских активистов. Так, были достигнуты соглашения о предоставлении курдам права на публикацию книг и журналов на родном языке и на открытие курдских нацио-

нальных школ². Ситуация изменилась в начале 60-х годов, на что в немалой степени повлияло обострение сирийско-иракских отношений. В сентябре 1961 г. началось вооруженное восстание, возглавляемое М.Барзани, в результате которого на освобожденной курдской территории Ирака было провозглашено независимое Курдское государство.

События в Ираке никак не вписывались в политику арабского объединения, проводимую сирийским руководством, но безусловно могли отразиться на внутривнутриполитической стабильности в самой Сирии. В связи с этим руководство САР приняло решение о проведении ряда мер по предотвращению возможного военного сопротивления со стороны курдского населения, одной из которых стало установление жесткого контроля на сирийско-иракской границе.

К данному периоду изменилась внутривнутрипартийная ситуация у самих курдов. После ареста в 1961 г. ряда политических функционеров в партии произошел раскол, приведший к появлению двух групп. Первая из них (умеренная) настаивала на сближении с Дамаском и на компромиссе в курдском вопросе. Сторонники сотрудничества с сирийским правительством предлагали признать курдам самих себя этническим меньшинством, проживающим на территории Сирии. Вторая (радикальная) группа выступала за предоставление курдам статуса особого народа и объединение с иракской частью Курдистана. Впоследствии партия раскололась на Курдскую левую демократическую партию и на Курдскую демократическую партию. Таким образом, обострились отношения между самими курдами, часть из которых при оценке внутренней и внешней политической ситуации предпочла отказаться от попыток выделения их земель в автономию в обмен на ряд уступок со стороны Дамаска, а часть, видя опыт иракских курдов, призывала к решительным мерам, конечной целью которых было бы воссоединение всех 4-х частей этнографического Курдистана.

Понимая, что признание курдской автономии в настоящий момент может привести в будущем к ее выходу из состава САР, руководство страны принимает решение о проведении ряда мероприятий, направленных на устранение самих оснований для автономии. В ноябре 1962 г. согласно правительственному декрету № 93 от 23 августа была проведена «чрезвычайная перепись населения района Джазиры» (Хасаке). Ввиду того, что перепись была проведена в течение одного дня, свыше 120 тыс. курдов попали в список иностранцев. Как иностранцы они были лишены своей недвижимости и подлежали выселению за пределы района, в свою очередь, этническим арабам на достаточно выгодных условиях предлагалось переселение в этот район. Несколько позже начальником управления безопасности района Джазиры М.Т.Хиялем было написано и опубликовано сочинение под названием «Исследование национальных, социальных и политических особенностей района Джазиры». Согласно предложениям Хияля, курдский вопрос в Сирии, можно разрешить посредством ряда

мер, применение которых на практике привело бы к положительным результатам. По мнению Хилляля, основной задачей является ассимиляция курдов арабским населением, для успешного решения которой необходимы политические, экономические и социальные рычаги. Первоначально предлагалось приступить к планомерному переселению курдов из районов компактного проживания и рассеиванию их среди арабов, а тем из курдов, кто не пожелал переселиться, отказывать в гражданстве. Также предлагалось лишать курдов недвижимости и права на ее аренду; систематически препятствовать росту уровня образования среди курдского населения; ужесточить запреты на издательскую деятельность на курдском языке; отказывать курдам в предоставлении рабочих мест; лишить права избирать и быть избранными всех тех, кто не владеет арабским языком. Среди арабского населения планировалось вести разъяснительную работу, для чего было бы необходимо издание литературы антикурдского содержания. Термины «Курдистан» и «курд» запретить к использованию в СМИ. Курдские топонимы заменить на арабские, (так, впоследствии город Кобани был переименован в Айн аль-Араб, а Дерик в аль-Маликийя). Среди курдского населения также планировалось проводить разъяснительную работу тем более, что (по словам автора) значительная часть курдов «готова пойти на сближение с Дамаском, считая, что их предками были арабы»³. Помимо всего прочего, намечалось провести ряд кадровых перестановок, которые помимо политической и социальной жизни должны были отразиться и на жизни духовной. Всех этнических курдов, занимающих определенные позиции в религиозной иерархии, планировалось заменить этническими арабами.

Необходимо отметить, что Сирия отличается большим этническим многообразием. Большинство – это арабы-сирийцы (90%). Также в стране проживают черкесы, евреи, туркмены, турки, персы, армяне и т.д. По приблизительным оценкам, курдов в стране насчитывается свыше 1,6 млн.⁴ Помимо национальной принадлежности, население страны разделено по религиозному признаку. Основная часть сирийцев исповедует ислам (85%). В данную группу входят сунниты (70% населения), проживающие в Латакии алавиты, друзы, главным образом проживающие в Ас-Сувейде, исмаилиты проживающие в Саламийе, и шииты. Христиане составляют около 15% населения. Они представлены в Сирии православными и католиками, которые, в свою очередь, разделены на греко-католиков, сирокатоликов, армяно-католиков, халдо-католиков, католиков латинского обряда и маронитов. Также в стране проживают армяно-григориане, яковиты (сиро-православные), несториане, протестанты, англикане, адвентисты седьмого дня и т.д. Около 20 тыс. населения страны исповедует езидизм.

В сирийском обществе этноконфессиональный фактор всегда имел важное значение. Так, с приходом к власти в марте 1971 г.

Х.Асада – алавита по конфессиональной принадлежности, алавиты* стали преобладать на руководящих должностях в управлении государством. Представителям конфессии отдавалось предпочтение в экономическом секторе и в распределении должностей высшего командного состава армии⁵. То, что этнические курды или полукурды Хусни аз-Заим, Сами Хинауи и Адиб Шишекли⁶, находясь у рычагов власти, ввели страну в затяжной кризис, выход из которого – всецело заслуга алавита Х.Асада, укрепил мнение о неспособности или неготовности курдских политиков к управлению⁷.

Период с 1970 г. по 1980 г. отмечен как период сближения сирийских курдов с Дамаском. Расколовшиеся партии объединились в Курдский Национальный Конгресс, который впоследствии вновь раскололся, но уже на три партии – «умеренных», «радикалов» и про-барзанистскую группу – «аль-Парти». В стране в это время резко сократилось число арестов среди курдского населения. Как отмечает ряд курдских исследователей, «режим Х.Асада облегчил положение сирийских курдов. Если раньше в Сирии арестовывали араба за то, что он публично провозглашал: «Да здравствует курдо-арабское братство!», то XII-й национальный съезд Баас в 1975 г. заявил: «Наша партия никак не может противостоять интересам и справедливым чаяниям курдского народа, наоборот, она признает и поддерживает его интересы»⁸. Существует и другая точка зрения, которая прямо противоположна вышесказанному. Заявления других курдских политических деятелей сводятся к утверждению, что «вся история правления партии Баас на Ближнем Востоке – это государственная политика непризнания и геноцида курдского народа», отражением чего стали «спровоцированный пожар в 1961 г. кинотеатра в городе Амуде, в результате которого погибло свыше 300 детей»⁹.

Тем не менее, Сирия принимала политических функционеров из различных частей Курдистана, в частности, из Северного (турецкого) Курдистана, где к этому времени широко развернула свою деятельность возглавляемая А.Оджаланом РПК. Также, в свое время, Сирия не отказала в помощи М.Барзани, который обратился за ней к Дамаску в 1976 г.¹⁰

С конца 70-х годов курды начали вести активную деятельность по созданию своей собственной прессы. Так на курдском языке стали выходить журналы: 1979 г. «Gelawej» (Утренняя звезда), 1983 г. «Ster» (Звезда), 1986 г. «Xunav» (Роса), 1989 г. «Gurzek Gul» (Букет роз), 1990 г. «Zanî» (Знание). На арабском языке в 80-х годах выходил журнал «Курдский интеллигент».

В 90-е годы курдский вопрос в Сирии приобрел особое значение. Тогда перед Дамаском возникла угроза остаться без водных ресурсов.

---

* Алавиты (нусайриты) – религиозно-этническая группа последователей Мухаммада б. Нусайра, исповедующие культ Али, Мухаммада и Сальмана аль-Фариси.

Крупнейшая река Сирии (из общей протяженности 2,3 тыс. км на Сирию приходится 672 км) – Евфрат берет свое начало на территории Турецкой Республики. Этот факт турецкое правительство стало использовать в своих интересах. Дамаск был обвинен в поощрении развития на территории Сирии баз РПК. Разногласия между Сирией и Турцией, касающиеся РПК, возникали еще в марте 1985 г., когда Оджалан выступил с инициативой создания «Фронта национального освобождения Курдистана» (ФНОК). РПК развернула свою деятельность за пределами Турецкой Республики. Ее филиалы появились в ряде стран, в том числе и в Сирии. Бескомпромиссная позиция Турции по отношению к курдам со временем вынудила Дамаск пойти на ряд уступок. Первоначально Сирия выступила союзницей Турции в вопросе о жестком контроле за вступлением молодежи в ряды РПК, позже она начала ликвидировать базы РПК на своей территории и, в конечном итоге, осенью 1998 г. выдворила самого Оджалана¹¹. Таким образом, взаимоотношения сирийского правительства и курдов вновь стали ухудшаться.

Преемник Х.Асада – его сын Б.Асад, заняв пост главы государства 27 июня 2000 г., пообещал провести ряд реформ в сирийской части Курдистана. К этому времени курдами уже было создано несколько политических объединений, цели и задачи которых кардинально отличались друг от друга. Политические объединения «Курдский демократический союз» и «Курдский фронт» начали вести свою деятельность в рамках, установленных для курдов государственной властью. Их работа подчинена задачам сотрудничества с Дамаском. Любые активные действия со стороны иных курдских объединений ими осуждаются. В свою очередь, «Курдский народный союз» и «Екити» выступают за активные политические действия и решительные меры в разрешении курдского вопроса. «Екити» является одной из самых многочисленных партий, созданных в Сирии. Ее взаимоотношения с сирийским правительством трудно назвать дружественными. За относительно недолгий период существования («Екити» была создана в 1992 г.) партия неоднократно лишалась своих функционеров. В 2002 г. активистами партии был организован митинг протеста перед зданием парламента. Демонстрантам было обещано, что правительство пойдет на ряд уступок в отношении курдского вопроса, однако обещания не были выполнены. Помимо собственно политических объединений, после прихода к власти Б.Асада в Сирии возникли общественные организации и клубы, такие как «Гражданское общество», клуб «Джалалад Бадырхан» и т.д. Они занимаются просветительской деятельностью в рамках установленных законодательством.

Взаимоотношения Дамаска и курдов не остаются без внимания со стороны курдских политиков, ведущих свою деятельность за пределами САР. В 2003 г. Совет президиума Конгресса свободы и демократии Курдистана опубликовал «Общие принципы демократического

урегулирования курдского вопроса в Турции, Иране, Ираке и Сирии». Основные пункты главы о «формировании демократического союза в Сирии» сводятся к внесению ряда изменений в действующую конституцию страны с применением в дальнейшем их на практике¹². В программе Народного Конгресса Курдистана (НКК) отмечено, что «сирийские власти не применяют жесткой политики отрицания в отношении курдского народа в Юго-Западном Курдистане». Однако НКК в пункте «о курдской проблеме в Сирии и путях ее демократического решения» настаивает на том, что правительство Сирии должно обеспечить курдов гражданскими и политическими правами, которые необходимо закрепить в конституции страны¹³. Следует отметить, что требования НКК касающиеся курдского вопроса в Сирии, принципиально не отличаются от требований, выдвигаемых правительствам Турции и Ирана. Все они сводятся к внесению корректив в ныне действующие конституции государств.

Начало 2004 г. ознаменовалось рядом событий, которые нарушили относительную стабильность курдского вопроса в Сирии. 8 марта 2004 г. 25 членов Временного управляющего совета Ирака единогласно одобрили переходную конституцию страны, определяющую принципы управления страной до конца 2005 г. Документ планировалось подписать несколько раньше, но из-за возникших разногласий с шиитами торжественную церемонию пришлось отложить на неделю. Камнем преткновения стал пункт, согласно которому курдам (контролирующим 3 северных провинции) предоставлялось право вето на принятие конституции в 2005 г. даже в том случае, если за нее проголосуют остальные районы Ирака. Однако под давлением США лидер шиитов аятолла А.Систани пошел на уступки, и документ был подписан (правда, несколько позже А.Систани обратился в ООН с просьбой признать переходную конституцию Ирака недействительной). Таким образом, в случае, если к 2005 г. не будет предпринято никаких мер по выделению курдских районов в автономию, курдские парламентарии имеют право заблокировать принятие новой конституции¹⁴.

Шаги по выделению курдских земель в Ираке в автономию (при явном участии США) не могли не обеспокоить Дамаск, который к настоящему времени все больше сближается с Анкарой и все дальше отдаляется от Вашингтона. Тенденция к ухудшению отношений САР и США приобретает устойчивый характер уже достаточно продолжительный период времени. Еще в 2003 г. начальник генерального штаба Сирии генерал Х.Туркмани охарактеризовал политику США на Ближнем Востоке как «фашистскую». На церемонии выпуска женщин-офицеров военного училища в Дамаске он заявил, что «Вместо того, чтобы признать крах своей политики на Ближнем Востоке, администрация США выдвигает стандартные обвинения против Сирии, утверждая, что страна поддерживает терроризм, а также возлагая на Сирию ответственность за рост сопротивления амери-

канской оккупации в Ираке». Генерал подчеркнул, что Сирия не имеет никакого отношения к терроризму и, более того, борется с ним¹⁵. В начале мая 2004 г. Д.Буш обвинил Сирию в поддержке терроризма, в разработке химического оружия массового поражения, в препятствии стабилизации обстановки в Ираке, после чего против Дамаска были введены экономические санкции, которые предусматривают запрет экспорта из США в Сирию всех групп товаров, за исключением медикаментов и продуктов питания. Также был введен полный запрет на коммерческие операции и полеты сирийских авиакомпаний на территории США, за исключением чартерных рейсов для визитов членов правительства САР¹⁶.

Безусловно, такая постановка вопроса не могла удовлетворять Сирию, которая после подписания конституции в Ираке оказалась перед угрозой возможного в дальнейшем вмешательства США в ее внутривнутриполитическую жизнь, предлогом для чего может послужить как борьба с терроризмом, так и помощь курдскому народу в обретении независимости. Тем более, что так и не получив конституционно закрепленной гарантии, касающейся автономии от правительств Турции, Ирана и Сирии, но обретя энтузиазм от успехов иракского опыта, курды этих стран вполне могут найти в лице США верного союзника. В свою очередь Вашингтон достаточно быстро приобретает опыт в поддержке курдских формирований в Турции, Ираке, Иране, Сирии, Азербайджане и Армении¹⁷.

Найдя верного союзника в лице Турции, правительство которой также крайне озабочено дальнейшим обострением курдского вопроса, Дамаск продолжает отстаивать свои позиции. Открытая конфронтация с США подвигла к восстановлению межправительственных отношений Сирии и Турции. В январе 2004 г. Б.Асад совершил трехдневный визит в Турцию, во время которого провел переговоры со своим турецким коллегой Ахмадом Наждадом Сезером. В ходе визита обсуждались положение в регионе, а также вопросы укрепления двусторонних отношений. Президенты не поддержали идею об отделении курдской части от Ирака, подчеркивая, что такая перспектива может привести к аналогичным требованиям со стороны сирийских и турецких курдов. Одной из решительных мер по предотвращению возможной ситуации стал ввод турецких войск в приграничные с Сирией районы. Таким образом, многолетние разногласия в курдском вопросе постепенно начали разрешаться. Одним из примеров этого стала выдача Сирией в ноябре 2003 г. турецкой стороне 22 человек, подозреваемых в причастности к взрывам в Стамбуле.

Ситуация в Ираке побудила Сирию ужесточить контроль над курдскими организациями, среди которых продолжает свою деятельность РПК, неоднократно менявшая свое название, но не отказавшаяся от стратегии, избранной А.Оджаланом. Так, в начале этого года перед судом предстали семь курдов, арестованных по

обвинению в причастности к деятельности нелегальных организаций и сепаратизме¹⁸.

Одним из наиболее ярких событий 2004 г., связанных с сирийскими курдами, стало массовое столкновение во время футбольного матча, проходившего 12 марта в городе Камышлы (где в основном проживает курдское население) между командами «Джихад» и «Фитувия». СМИ указывают на то, что во время матча болельщики команды «Фитувия» из города Дейр аз-Зор, начали скандировать «Да здравствует С.Хусейн!», на что болельщики команды «Джихада», состоящей из курдов и арабов, ответили скандированием «Да здравствует Барзани!». Политическая окраска дальнейших событий привела к тому, что в этот район сирийскими властями были высланы крупные силы полиции. В результате столкновения погибли 30 человек и несколько десятков было ранено¹⁹. Таким образом, курдский вопрос в Сирии обострился с новой силой.

¹ Курдистан. Вчера и сегодня. Информационный справочник Национально-культурного общества курдов города Симферополя, 2000. I. С. 40.

² История Курдистана. М., 1999 г. С. 421.

³ Курдистан. Указ. соч. I. С. 40.

⁴ Меморандум по курдскому вопросу в контексте иракского кризиса Председателя Национального конгресса Курдистана (НКК) Исмета Шерифа Ванли от 3 марта 2003 г.

⁵ Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Проблема стабильности. Сирии в XXI веке. Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск девятый). М., 2000, с. 207–210.

⁶ Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003. С. 42.

⁷ Фейсал Коч / Шаг к победе. 06.03.2003.

⁸ Курдистан. Указ. соч. I. С. 42.

⁹ По материалам пресс-конференции, состоявшейся 18 марта 2004 г. в Независимом пресс-центре города Москвы.

¹⁰ Анвар Адил. Автореферат на соискание канд. дисс. Курдский вопрос в Ираке (1958–1991 гг.). М., с. 8.

¹¹ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001. С. 317.

¹² Общие принципы демократического урегулирования курдского вопроса в Турции, Иране, Ираке и Сирии // Дружба. № 25, 2003.

¹³ Программа Народного Конгресса Курдистана. Глава III пункт Г. 2004 г.

¹⁴ ИА «Росбалт». 25.03.2004.

¹⁵ NEWSru/13oct2003/siria

¹⁶ NEWSru/12may2004/siria

¹⁷ ИА «Росбалт». 25.03.2004.

¹⁸ Kurdistana azad № 2 (21) 2004.

¹⁹ MIGnews.com 13.03.2004.

**ПЕРВАЯ АМЕРИКАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ «БУРИ В ПУСТЫНЕ»**

17 января 1991 г. авиация США нанесла массированные удары по территории Ирака и Кувейта. Так началось первое крупное вооруженное столкновение между Иракской Республикой и Соединенными Штатами Америки. Этому конфликту было суждено заложить основы более, чем десятилетнего противостояния Багдада и Вашингтона. Именно среднесрочные последствия указанной акции делают ее изучение исключительно актуальным для понимания ситуации в зоне Персидского залива, ее влияния на глобальные процессы. Целью данной публикации является освещение недостаточно изученных аспектов операции «Буря в пустыне» на основе ее критического ретроспективного анализа с учетом современных реалий.

Необходимо отметить политическую преемственность между первой и второй иракскими войнами – «Бурей в пустыне» и «Шок и трепет» (весна 2003 г.), которая фактически явилась завершением первоначальной «идеалистической» концепции «Бури в пустыне». Об их тесном политическом родстве свидетельствует и тот факт, что дело, начатое при президенте Дж.Буше-старшем, было продолжено (ибо об окончании его говорить рано) при Дж.Буше-младшем. Многие деятели прежней администрации (Р.Чейни, П.Вулфовиц, К.Пауэлл), принимавшие видное участие в разработке и осуществлении операции «Буря в пустыне», стали инициаторами или организаторами второй антииракской войны.

Демократическая эйфория, захлестнувшая мир в конце 80-х – начале 90-х годов, привела к значительным искажениям в понимании сущности первой иракской войны. «Буря в пустыне» создавала политические миражи, выгодные национальным интересам США, которые с помощью средств массовой информации внушались людям разных стран в разных частях планеты. Следует признать, что, в отличие от второй антииракской войны, пропагандистская машина Вашингтона в том случае сработала почти безупречно. Этому, бесспорно, способствовало отсутствие альтернативной глобальной идеологии в тот исторический период.

В результате, восторжествовал значительно упрощенный взгляд на эти события как на лучший пример кооперации государств-членов ООН с целью защиты устава ООН, норм международного права, по-

давления агрессии и наказания страны-агрессора. Правда, немалая часть американских консервативных аналитиков настаивала, и не без оснований, что основная заслуга в этом принадлежит только США (другие государства лишь выполняли отведенные им Вашингтоном роли) и что без американского руководства эффективность коалиции ООН была бы минимальной, а ее самой могло бы и не быть (Дж.Киркпатрик, Р.Каган, П.Родмен, З.Бжезински [1]). Но в обоих случаях собственно антииракскую кампанию расценивали как безоговорочно справедливую.

Однако, несмотря на очевидный шовинистический угар военного периода, в США нашлись ученые (Р.Кларк, М.Клер, А.Мазруи, Н.Чомски [2]), которые аргументированно смогли доказать, насколько двойственной на самом деле оказалась роль «коалиции ООН», а, точнее говоря, США в этом конфликте. Правда, непосредственно после войны, учитывая ее результаты, их мнение, в основном, игнорировалось. Тем не менее, дальнейшее развитие событий подтвердило правоту аналитиков. Последствия той войны, как ближайшие, так и отдаленные от нее уже на 13 лет, свидетельствуют не в пользу официальной версии Вашингтона.

Анализ политики президента Дж.Буша-старшего, проведенный самими американскими исследователями, позволяет заключить, что он всегда был последовательным приверженцем акций в духе «политического реализма», то есть трезвого учета национальных интересов и их примата над моральными принципами. Однако с начала кувейтского кризиса 1990–91 гг. и до завершения военных действий риторика представителей его администрации скорее соответствовала «политическому идеализму». Затем она резко изменяется, приобретая уже стандартные черты.

Столь странная модификация может быть объяснена, если считать, что изначально в конфликте между Ираком и Кувейтом администрация Дж.Буша-старшего имела свои интересы, а дальнейшее поведение американских лидеров ставило целью создание необходимого идеологического климата, благоприятного для достижения этих интересов.

Уже в ходе кувейтского кризиса среди американских ученых возник вопрос – преднамеренно или нет администрация упустила из виду концентрацию мощной иракской группировки на границе с Кувейтом? Большинство исследователей, лояльно настроенных к собственному правительству, ограничивались лишь замечаниями, что, озабоченный ситуацией в СССР и Восточной Европе, госдепартамент проявил пассивность на Ближнем Востоке. Однако в некоторых публикациях прослеживается прямое или косвенное сомнение в искренности правительственных чиновников. Аргументами, свидетельствующими о сознательном попустительстве, если не провоцировании агрессии служат следующие факты. 25 июля (за неделю до оккупации Кувейта)

посол США в Ираке Эйприл Гласпи на встрече с Саддамом Хусейном заявила, что «мы [США – В.Г.] не имеем своего мнения по арабо-арабским конфликтам, таким как ваши пограничные разногласия с Кувейтом». В течение той же недели одна из ближайших помощников госсекретаря Дж.Бейкера Маргарет Татвилтер в своем выступлении сделала акцент на том, что у Вашингтона «нет никакого оборонительного договора с Кувейтом». Фактически за день до вторжения Ирака в Кувейт другой помощник госсекретаря Джон Келли подтвердил эту же мысль на слушаниях в Конгрессе, добавив, что США «исторически избегали занимать чью-либо сторону в пограничных спорах». Все это дало основание части американских наблюдателей сделать вывод, что администрация Дж.Буша несет значительную долю ответственности за иракскую оккупацию эмирата [3].

Общепринятый взгляд на первую иракскую войну как на восстановление международной законности также нуждается в некоторой корректировке. Несомненно, что действия Ирака являлись грубым нарушением норм международного права, какими бы историческими правами или благими намерениями более честного распределения богатств среди всех арабских стран их не маскировали иракские лидеры. В этом смысле восстановление суверенитета Кувейта полностью отвечало уставу ООН. Также правительство Кувейта в изгнании имело все основания обратиться за помощью к другим государствам, чтобы противодействовать агрессии.

Однако, отвечая на вопрос, были ли полностью исчерпаны все способы мирного урегулирования ситуации вокруг Кувейта, многие ученые США и большинство неамериканских аналитиков склоняются к мысли, что это отнюдь не так. Более того, Р.Кларк, А.Мазруи и другие американские наблюдатели аргументированно констатируют, что президент Буш и его провоенно настроенное окружение делали все возможное, чтобы предотвратить мирное решение конфликта. Отчасти признание этому можно найти в мемуарах главных участников тех событий. Так, Б.Скауक्रофт пишет, что был серьезно обеспокоен возможностью урегулирования кризиса силами арабских государств, поскольку это позволило бы избежать войны, а, следовательно, оставить агрессора безнаказанным [4]. Думается все же, что он не был до конца искренним в определении мотивов своего беспокойства. В случае недопущения военных действий, Вашингтон заканчивал бы конфликт с нулевой прибылью, то есть не приобретал никаких дополнительных выгод на Ближнем Востоке и в мире. О крайне жесткой, нацеленной на войну линии США и Великобритании, говорят и воспоминания советских дипломатов – Е.Примакова [5] и Б.Сафрончука [6].

Но, несмотря на неоднозначные мотивы американских действий, США в довоенной фазе кувейтского кризиса соблюли большинство необходимых формальностей, чтобы считать свои действия соответствующими международному праву. Иное дело – ход военной опера-

ции. Применение армией США запрещенных международными конвенциями видов вооружения, таких как кассетные бомбы и напалм, поставили новый вопрос: насколько сильно этика союзных войск отличается от этики «непредсказуемых», способных применить оружие массового поражения иракских агрессоров.

Кроме того, на наш взгляд, существует еще одно важнейшее обстоятельство, которому незаслуженно не уделялось должного внимания. Первая американско-иракская война фактически делится на два этапа. С военной точки зрения, – это воздушная и наземная фазы операции. С исторической точки зрения, именно эти фазы соответствуют освободительному и агрессивному этапам войны США против Ирака. Это далеко не первый пример в истории, когда война, начатая с целью самообороны или помощи слабейшему союзнику, приобретает черты агрессии (вспомним хотя бы франко-прусскую войну, где О.фон Бисмарк разыграл события по схожему сценарию с одной принципиальной разницей – Франция и Пруссия были равноценными противниками, в отличие от Соединенных Штатов и Ирака).

Один из наиболее устойчивых информационных миражей «Бури в пустыне» – американский отчет об успехах своего оружия. В реальности американцам и их союзникам удалось нанести поражение лишь армейским частям противника. Элитарная и многочисленная Республиканская гвардия ушла из-под удара. Крайне преувеличенной оказалась широко разрекламированная в ходе боевых действий эффективность противоракетных установок «Пэтриот», реальный КПД которых не превысил 30%. Непомерно завышены данные о потерях иракской армии и занижены собственные потери. Так, широкое распространение получила цифра в 100 тыс. убитых иракских солдат, хотя сразу после завершения военных действий Пентагон оценил потери противника в 25–50 тыс. убитых, а некоторые высокопоставленные военные более конкретно указали на 25 тыс. [7] Однако и эта цифра скорее всего включает не только убитых, но и раненых иракских солдат. Подтверждением этому может служить тот факт, что вместо официально заявленных Пентагоном 175 тыс. пленных после проверки их оказалось меньше 70 тыс. [8] Наконец, проведенные в ходе работы комиссий по разоружению Ирака исследования ООН показали, что количество уничтоженных иракских танков, артиллерии, авиации было завышено американским командованием в 3–4 раза, а иракского ВМФ и ракетных установок – в несколько раз больше, чем просто реально существовало у Ирака перед войной.

Что касается собственного урона, то его американские СМИ вслед за своими военными оценивали от нескольких десятков до 146 чел., а коалиции в целом – до 343. Это несколько удивительно, если учесть, что за время другой операции – «Щит пустыни», т.е. процесса накопления сил в заливе, американцы без боев потеряли за неполных 5 месяцев 100 чел. погибшими в результате только несчастных

случаев. Во время полуторамесячной войны должен был возрасти и естественный травматизм, не говоря уже про боевые потери. По иракским данным, было сбито более 1 тыс. самолетов и вертолетов коалиции, что, конечно, не соответствует действительности. Однако то, что в ходе наземных сражений потери сторон были сопоставимыми, свидетельствует даже официальное сообщение Пентагона о боях за саудовское местечко Кафджи 29–31 января 2001 г. По данным США, погибли 12 американских и 15 саудовских солдат, не считая пропавших без вести, и 30 иракских военнослужащих [7].

Демонизация Ирака американскими СМИ привела к сознательному преувеличению трагических последствий иракской оккупации Кувейта. США обнародовали данные о 15 тыс. убитых иракскими солдатами кувейтах и материальном ущербе эмирата, превышающем 100 млрд. долл. Подобные цифры достаточно прочно укоренились в историографии тех событий, однако они не соответствуют действительности. Детальное исследование последствий иракской агрессии показало, что погибло немногим более 1 тыс. кувейтцев, в том числе и тех, кто погиб с оружием в руках (еще 600 числятся пропавшими без вести) [8]. Ущерб же экономике эмирата колеблется между 25–50 млрд. долл., включая последствия массированных бомбардировок кувейтской территории самолетами союзников. Лишь гипотетически можно представить, каково количество жертв этих бомбардировок в Кувейте, особенно среди лиц некувейтского происхождения, составлявших большинство населения страны накануне вторжения.

После окончания войны у многих тысяч американских и канадских ветеранов (по данным прессы, до 60 тыс. американцев и более, чем 2 тыс. канадцев) стали развиваться симптомы различных трудноизлечимых, хронических или неизлечимых заболеваний. Длительное время администрация США отказывалась проводить расследование по данному факту. Затем под давлением общественности она организовала первую проверку, выводы которой оказались чистейшим фарсом. Возмущенные ветераны потребовали нового расследования. После войны с боснийскими сербами и Югославией Пентагон вынужден был признать, что в операции «Буря в пустыне» войска США апробировали применение оружия с начинкой из обедненного урана. Возможно, именно это привело к нарушению здоровья военнослужащих коалиционных сил. Но, по логике, гораздо больший вред здоровью это оружие должно было принести мирному населению Ирака и освобожденного таким способом Кувейта. Данных об этих последствиях войны до сих пор нет.

Следует отметить, что ни один из этапов кампании против Ирака не вызвал столь единодушного осуждения американских политических наблюдателей всего спектра научных школ и идеологических направлений, как политика Вашингтона сразу после завершения боевых действий. Имеется в виду сознательное не оказание помощи

мощным антиправительственным выступлениям шиитов на юге и курдов на севере Ирака. До этого американское радио неоднократно призывало иракский народ восстать против диктатора. Но после начала реальных выступлений было отмечено, что США рассчитывали на восстание традиционно сильного в Ираке арабского суннитского меньшинства, а не на тех, чьи действия могут привести к дезинтеграции страны. В результате, элитные, не пострадавшие в ходе войны части Республиканской гвардии, жестко подавили восстание.

Однако, если США упустили возможность руками шиитских и курдских повстанцев свергнуть режим С.Хусейна и установить марионеточный режим в Ираке, имеем ли мы достаточно оснований упрекать их в отстаивании, прежде всего, своих, а не общих интересов в Персидском заливе? Вероятно, да. Дело в том, что собственно Ирак в данном случае не являлся целью операции «Буря в пустыне». Организовав без явного нарушения норм международного права своего времени мощную коалицию под собственным началом, нейтрализовав (правда, не без помощи С.Хусейна, долгое время упрямо отвергавшего разумные альтернативы) все попытки мирного урегулирования кризиса, поставив во главу американские ценности, США таким образом утвердили себя в качестве безальтернативного мирового лидера, первого в истории человечества. СССР оказался неспособен как-либо повлиять на ход событий, и всему миру стало очевидно, что биполярной международной системы больше не существует. В этом и заключается главное историческое значение первой иракской войны.

Политикой жесточайших экономических санкций против Багдада, от которых по некоторым, возможно преувеличенным данным погибли до 1,5 млн. простых иракцев, и размещением войск в дружественных аравийских монархиях США добились контроля над мировым рынком энергоносителей, что соответственно привело к резкому и длительному падению цен на нефть. Этим американская администрация достигла не только глобальных экономических, но и политических выгод, например, в отношениях с той же Россией, чья экономика с упадком индустриальной мощи опиралась в основном на нефтегазовый экспорт.

Что касается непосредственно режима С.Хусейна, то в тот момент он был нужен Вашингтону. Оставаясь по-прежнему более мощной военной силой, чем аравийские монархии вместе взятые, Ирак, в реваншистских настроениях которого никто не сомневался, вынуждал правителей указанных стран искать поддержки у США. В результате, американское военное присутствие в Персидском заливе сохранялось на достаточно высоком уровне в течение всех 90-х годов. Базы войск США были дополнительно размещены в Катаре и Саудовской Аравии, помимо Бахрейна и Омана, где они существовали и ранее.

Именно размещение войск «неверных» рядом с главными святынями ислама в Саудовской Аравии и породило то массовое негодование ближневосточной политикой США, которое впоследствии привело

к террористическим актам 11 сентября 2001 г. Из 19 исполнителей этого теракта 15 были саудовцами. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что именно «Буря в пустыне» явилась предтечей современной эскалации насилия на Ближнем Востоке и в мире, которое вслед за американским исследователем С.Хантингтоном некоторые ученые, возможно излишне драматично, именуют «столкновением цивилизаций» – мусульманской со всеми другими, прежде всего, западно-христианской.

1. Brzezinski Z. Selective Global Commitment // Foreign Affairs. – Fall 10Q1. – Vol. 70, № 4. – С. 1–20; Kagan R. The Vision Thing // Commentary. – December 1998. – Vol. 106, № 6. – С. 62–67; Kirkpatrick J. Not Just the Gulf, but the Globe // The Washington Post. – 1990. – December 3; Rodman P.W. Middle East Diplomacy // Foreign Affairs. – Spring 1991. – Vol. 70, № 2. – С. 1–18.

2. Chomsky N. A View from Below // Diplomatic History. – Winter 1992. – Vol. 16, № 1. – С. 85–94; Klare M.T. Controlling the Global Trade in Aims // The Global Agenda: Issues and Perspectives / Ed. by C.W. Kegley, Jr. and E.R. Wittkopf. – New York etc.: McGraw-Hill, 1995. – С. 85–94; Mazrui A.A. Global Apartheid? // Beyond the Cold War: New Dimensions in International Relations / Ed. by G. Lundestad and O. Westad. – Oslo: Scandinavian University Press. – С. 85–98; Два десятка обвинений // Правда. – 1991. – 15 мая.

3. Berman L., Jentleson B.W. Bush and the Post-Cold War World: New Challenges for American Leadership // The Bush Presidency: First Appraisal / Edited by C Campbell and B.A. Rockman. – Chatham, New Jersey: Chatam House Publishers, 1991. – С. 119.

4. Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. – New York: Knopf, 1998. – С. 319.

5. Примаков Е. Война, которой могло не быть // Правда. – 1991. – 27–28 февраля, 1–2 марта.

6. Сафрончук Б. Дипломатическая история «Бури в пустыне» // Международная жизнь. – 1996. – № 11/12. – С. 123–135.

7. Cooley J.K. Payback: America's Long War in the Middle East. – Washington: Brassey's (US), 1991. – С. 185.

8. The Iraqi Invasion of Kuwait: American Reflections. – Washington: International Education and Communication Group, 1994. – С. 188–193.

**РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В АЛЖИРЕ В 90-е ГОДЫ**

Начиная с 80-х годов XX в. в Алжире предпринимаются меры, направленные на расширение экономических свобод и облегчение того финансового бремени, которое государство взяло на себя после достижения страной политической независимости. Их главной целью было повышение темпов экономического роста, преодоление кризисных явлений в хозяйственной жизни, достижение более высокого уровня социального развития.

С 1996 г. в Алжире впервые за истекшее десятилетие отмечают признаки улучшения экономической ситуации. Однако, как оказалось впоследствии, они носили настолько ограниченный и неустойчивый характер, что их с полным основанием можно охарактеризовать именно как первые признаки.

Таблица 1
Некоторые основные макроэкономические показатели
состояния экономики Алжира в 90-е годы

	Показатель, %	
	в 1993–1994 гг.	в 1996–1997 гг.
Темпы роста ВВП страны	-1, -3	+4, +1,3
Темпы инфляции	39	15*
Темпы девальвации динара	около 100	около 8
Темпы роста промышленности**	отрицательные	положительные
Темпы роста производства в сельском хозяйстве	отрицательные	от положительных до отрицательных
Темпы роста золотовалютных резервов	сокращались	около 100
Коэффициент обслуживания внешнего долга	свыше 76	около 28

Примечание: * 1995 г.;

** включая нефтегазовую.

Источник: The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001, с. 320.

Размер внешнего долга страны сократился в 1997 г. по сравнению с рекордным уровнем 1995 г. примерно на 3 млрд. долл., состав-

вив 28,3 млрд. За этот же период выросли золотовалютные запасы – с 2,9 до 4,0 млрд. Некоторое оздоровление государственных финансов выразилось в смене дефицита госбюджета на профицит¹.

В конце 90-х годов, когда практически прошло полтора – два десятилетия с начала рыночных реформ, около десяти лет с начала реализации политики структурной адаптации и стабилизации экономики, а также несколько лет с начала приватизации и проведения пяти этапов разгосударствления, позитивные признаки оживления в хозяйственной жизни проявились в более полной мере. Среди них необходимо отметить следующие.

К концу 1996 г. произошло снижение годовых темпов инфляции с 39% и 22% соответственно в 1994 и 1995 гг. до 15%. В 1997 г. и 1998 г. темпы инфляции упали еще ниже – соответственно до 5,7 и 5%. Это во многом было результатом отмены государственных субсидий на продовольственные и товары массового спроса, позволившей сократить государственные расходы, а также замедления темпов девальвации алжирского динара. Следует отметить, что алжирский динар в первой половине десятилетия претерпел серию девальваций. Так, в течение ряда лет обменный курс динара по отношению к американскому доллару быстро падал, составив на конец года в 1993 г. 24,1, в 1994 г. 42,9 ал. дин., в 1995 г. – 52,2 ал. дин. Однако уже в 1996 г. его падение также резко замедлилось (56,2 ал. дин. за 1 ам. долл.), что и сказалось на уменьшении темпов инфляции.

Сокращение темпов инфляции создало некоторую основу для радикального освобождения из-под государственного контроля цен, на которое правительство пошло в самом начале 1997 г. По оценке Всемирного банка, в Алжире установился самый либеральный торговый режим в регионе Северной Африки.

В 1996 г. отмечается значительное положительное сальдо торгового баланса, который являлся важнейшим фактором, непосредственно влиявшим на финансово-экономическое положение в стране. Прогресс был достигнут благодаря хорошему урожаю зерновых, а также росту физического объема экспорта углеводородов и некоторому повышению цен на энергоносители на мировом рынке.

После 1994 г. наблюдается положительная динамика роста объема ВВП Алжира. Но особенно следует подчеркнуть то, что во второй половине последнего десятилетия XX в. она приобрела определенную устойчивость.

В 1996 г. существенно возросли золотовалютные резервы страны. Этот показатель, как известно, является особенно существенным для формирования благоприятного инвестиционного климата и, соответственно, для привлечения иностранного капитала в алжирскую экономику. Рост золотовалютных резервов стал результатом двух взаимосвязанных факторов: как положительных сдвигов во внешне-торговом балансе, так и достигнутого решения с внешними донорами

об эшелонировании алжирского долга. Последнее обстоятельство способствовало значительному уменьшению коэффициента обслуживания внешнего долга, который, начиная с 1993 по 1996 год, постоянно снижался – соответственно с 76,3% до 47%, затем – до 33,5%, и, наконец, до 27,7%, достигнув уровня, принятого считать международными экспертами уровнем безопасности.

И, наконец, в этом же году было отмечено ощутимое снижение дефицита государственного бюджета, что в совокупности с вышеотмеченными позитивными факторами в финансовом положении страны, создало основу для стабилизации валютно-финансового положения Алжира. Последнее, как свидетельствует мировой опыт, является неременным условием оживления инвестиционной активности, стабильного экономического роста, успешного проведения (завершения) прорыночных реформ. Со всей очевидностью, в частности, на это указывает положительный опыт Туниса 70–80-годов, а также Египта конца 80–90-х годов.

Особо необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что успех реформ и закрепление их одним из своих главных, если не основных, следствий должно иметь такое улучшение инвестиционного климата, которое выражается в росте инвестиционной активности местного частного и иностранного капитала. Только такой результат обеспечивает комплекс условий для преодоления кризисной ситуации в экономике и социальной сфере – стабильный и высокий темп экономического роста, расширение базы для экспортных отраслей, стабилизации национальной валюты, устойчивого погашения инфляции, создания значительного числа новых рабочих мест и т.д. Положение в экономике Алжира во второй половине 90-х годов – начале XXI в. свидетельствует о том, что на этом важнейшем направлении реформ в данный период изменения носили лишь ограниченный характер. Они были связаны с активизацией деятельности иностранного капитала в нефтегазовой отрасли, начавшейся еще в предыдущее десятилетие, а также с некоторым оживлением местного частного капитала. Однако стабильного и широкомасштабного роста негосударственных инвестиций в большинстве отраслей алжирской экономики пока достигнуть не удалось.

Несмотря на очевидный прогресс, достигнутый во второй половине 90-х годов в Алжире в хозяйственной жизни, ряд принципиально важных макроэкономических показателей свидетельствовал о том, что констатировать достижение экономической стабильности, как результат благополучного завершения прорыночных реформ, еще преждевременно. Среди них необходимо выделить следующие:

- если исключить нефтегазовую отрасль, то произошло общее падение промышленного производства в стране, которое составило в 1996 г. значительную цифру в 8%;

- хотя в 1997 г. экономический рост в стране продолжился – второй год подряд после почти десятилетнего периода сокращения ВВП,

он составил небольшую, если не сказать незначительную величину в 1,3%. Темп прироста ВВП не только оказался ниже показателя предыдущего года, но и существенно ниже планировавшегося (5%). Принципиальных изменений в сложившуюся с экономическим ростом ситуацией и его оценкой не вносит и то, что, по оценке МВФ, прирост ВВП в 1998 г. составил порядка 4% (по другим оценкам, он был в пределах 2,5%, хотя официальные источники оценивали его в 5%);

– вновь сельское хозяйство продемонстрировало высокую степень зависимости от колебаний погодных условий, объем сельскохозяйственного производства в 1997 г. сократился, что, наряду со снижением промышленного производства, отрицательно сказалось на объеме ВВП;

– в 1997 г. было зафиксировано беспрецедентное падение экспорта (исключая вывоз за рубеж энергоносителей), его объем сократился на 50%;

– как следствие неустойчивости и падения производства в отдельных ключевых отраслях алжирской экономики отмечается, согласно данным официальной статистики, рост безработицы. Она превысила уровень в 28% от общей численности рабочей силы в стране, причем наибольшее распространение безработицы отмечается среди молодежи: около 56% общего числа безработных составляли молодые люди в возрасте до 24 лет и примерно 80% безработных – люди в возрасте менее 30 лет².

Оценивая макроэкономические и социальные показатели развития Алжира в 90-е годы и, особенно, во второй половине – конце десятилетия, необходимо отметить следующее. Данные, относящиеся ко второй половине 90-х годов, еще недостаточны для объективной и всесторонней оценки результатов реформ. Необходим более длительный период – не 1–3 года, а 5–10 лет после их завершения – стабилизации валютно-финансовой сферы, завершения основных мероприятий в рамках программ приватизации, формирования первичного и вторичного рынка капиталов и других базовых рыночных структур, административной реформы, создания стабильного хозяйственного законодательства и т.д. Поэтому приведенные оценки носят в определенной мере условный, относительный характер. Статистические показатели главным образом указывают на только еще складывающиеся, а не устоявшиеся тенденции.

С учетом вышесказанного, на основе приведенных макроэкономических и социальных показателей можно прийти к следующим предварительным выводам.

Проводимые стабилизационно-структурные прорыночные реформы порождают тенденцию к экономическому росту, стабилизации финансово-экономической сферы, несмотря на то, что они осуществлялись в целом в неблагоприятных экономических и социально-политических условиях. Имеющиеся внутренние потенции к достиже-

нию этих положительных результатов пока проявляют себя явно недостаточно, о чем свидетельствует сохранение ряда негативных тенденций в хозяйственной жизни. Их явная недостаточность частично компенсируется внешней массированной финансово-экономической помощью, которую Алжиру оказывают промышленно развитые страны и крупные финансово-экономические международные организации. Частично жизненно важную компенсационную функцию выполняет и национальный нефтегазовый сектор.

Следует отметить, что, хотя отдельные положительные сдвиги и тенденции в экономической жизни страны носят довольно широкие масштабы (снижение темпов инфляции, рост золотовалютных резервов, рост в отдельных отраслях экономики, некоторая стабилизация курса национальной валюты, оживление инвестиционного процесса и т.д.), они не являются устойчивыми и во многом или даже в решающей степени зависят либо от изменчивых погодных условий (сельское хозяйство, частично промышленность и т.д.), либо от конъюнктуры мировых цен на энергоносители.

Иными словами, пока рано утверждать, что тенденция стабильного экономического роста, восстановленного во второй половине 90-х годов, необратима. На это прямо указывает происшедшее в 1997 г. сокращение объемов сельскохозяйственного производства и промышленности (исключая нефтегазовую отрасль). Эксперты также отмечают, что и в конце 90-х годов такой ключевой показатель, как приток инвестиций, оставался на очень низком уровне. Лишь нефтегазовая отрасль являлась исключением в этом отношении³. А, ведь, именно иностранные инвестиции позволили реформировать переходные экономики новых индустриальных стран, дать необходимый импульс экономическому подъему Китая и других стран, выполняя функции своеобразного локомотива развития.

Остается открытым вопрос о том, в какой мере на экономический рост повлияла проведенная частичная приватизация. Во-первых, она явно носит ограниченный характер: за рамками приватизационных программ остались вопросы, связанные с трансформированием прав собственности в крупнейших сферах алжирской экономики – в нефтегазовой отрасли, в сельском хозяйстве (права собственности на землю и водные ресурсы), да и в других ее отраслях. Ряд экспертов в мире вообще придерживается той точки зрения, что без приватизации земли любая приватизация является, по меньшей мере, лишь частичной, неполной, незавершенной, так называемой эрзацприватизацией. Во-вторых, реформы проводятся в условиях острого системного кризиса, что резко ослабляет их позитивный результативный итог. Требуется дополнительное время для того, чтобы полностью раскрылись их внутренние возможности. И, наконец, в проведении реформ просматривается некоторая медлительность и непоследовательность (авторов реформ можно понять, – принимая во внимание реалии Алжира, стано-

вится ясно, что объективно реформы сопряжены с повышенным риском обострения системного кризиса в стране), что также имеет свои издержки. В конце 90-х годов, несмотря на предпринятые ранее меры, отмечается низкая эффективность местной банковской системы – основы рыночной экономики. Курс национальной валюты все еще, несмотря на значительную ее девальвацию в предыдущие годы и некоторую стабилизацию к 1997 г., продолжал оставаться под угрозой дальнейшего падения, что в целом отражало сохранявшееся кризисное положение в национальной экономике. Неэффективной, с точки зрения инвестиционного процесса, оставалась налоговая система – она слабо поощряла частный капитал к большей активности через капиталовложения, прежде всего в сферу производства. Продолжались вызванные приватизацией конфликты по поводу ее проведения и результатов⁴.

Все это дало основания для вывода о том, что задача проведения и завершения эффективной приватизации, реформы банковской и в целом финансовой системы, сохраняет к настоящему времени свою остроту и актуальность⁵.

Следует добавить, что отдельные важные направления реформ, а некоторые эксперты утверждают – большинство, не были доведены до конца, и данное обстоятельство негативным образом сказалось на эффективности самих реформ, резко ее понизив. Вследствие этого, в конце 90-х – начале XXI в. эксперты МВФ неоднократно во время двусторонних переговоров с делегациями Алжира поднимали вопрос о необходимости продолжения реформ. При этом, МВФ проявлял понимание сложности экономической и внутривластной ситуации, сложившейся в Алжире. Это проявилось в позиции Фонда как по вопросам эшелонирования части внешнего долга, так и предоставления для этих целей кредитов, по проблеме разгосударствления экономики, осуществления административной реформы, структурной перестройки экономики, завершения процесса стабилизации национальной валюты, погашения инфляции, ликвидации дефицита госбюджета и оздоровления всей финансовой системы.

Особенно остро стоит вопрос о сокращении административных расходов, высокий уровень которых оказывает депрессирующее влияние на весь процесс реформ, сужает возможности решения неотложных социальных проблем⁶.

Следует сказать и еще об одной важной стороне реформ – ее обеспеченности как специалистами-профессионалами всех уровней, так и административно-хозяйственным, т.е. чиновничьим аппаратом. Такая обеспеченность была недостаточной, специалистов, особенно среднего звена, по рыночной экономике и современным институциональным реформам в дореформенный период не готовили в системе высшего образования. Старый чиновничий аппарат был антиреформистским по определению, и ждать от него необходимых высокопрофессиональных решений, опирающихся не только на здравый смысл,

но и на адекватный стоящим непростым задачам профессиональный опыт, было верхом наивности. Однако в Алжире с ходом реформ такой аппарат стал постепенно формироваться, в основном из новых специалистов, прошедших соответствующую учебную и практическую подготовку. Проблема состояла в том, что этот процесс явно отставал от требований времени и хода уже начавшихся реформ, что не раз ставило под вопрос сами реформы, не оправдывавшие достаточно высокие ожидания ни со стороны населения, ни той части политической элиты, которая была настроена прореформистски⁷.

При этом критика реформ за определенный крен в сторону сверхлиберальной модели преобразований представляется частично справедливой. Действительно, вряд ли весь государственный сектор следует рассматривать как неэффективный и на этом основании поспешно, без достаточной подготовки, форсировать приватизацию, тем более, что в Алжире отсутствовал тот социальный слой, который был готов взять на себя бремя эффективного собственника, – современного многочисленного слоя частных предпринимателей практически не было. Кроме того, как показывает мировой опыт, государство даже в странах с высокоразвитой рыночной экономикой сохраняет в госсекторе значительную долю национальной экономики⁸. Следует также учитывать и то обстоятельство, что принятие решения о приватизации должно опираться на сравнительный анализ преимуществ и недостатков каждой из форм собственности, который в конкретных экономических условиях, в конкретных отраслях и даже подотраслях может дать совершенно разные результаты⁹. Иными словами, решение о приватизации того или иного объекта или группы предприятий должно носить конкретный характер, опираться на учет состояния каждого конкретного приватизируемого объекта. Абстрактные формулы здесь не подходят, приватизация должна быть индивидуальной или, как иногда определяют эксперты, «штучной».

Справедлива критика реформ и за чрезмерную идеализацию рыночного механизма, замещающего административно-командную систему принятия решений. В этом видится недостаточный учет особого этапа реформ – начального, когда рынок только формируется, и рыночные индикаторы, рыночные механизмы и т.п. еще неадекватно реагируют на динамично меняющиеся обстоятельства, нередко направляя развитие в сторону от оптимального варианта. Здесь имеет место и недооценка важности корректировки реформ, той роли, которую призваны в этом процессе сыграть эксперты, рождающийся слой предпринимателей, новые рыночные структуры, опирающиеся на участие в этом процессе государства и его поддержку.

Если попытаться несколько формализовать отдельные составляющие (ориентиры) рыночных реформ в Алжире и представить, насколько страна в сравнении с мировым опытом следовала этим ориентирам, то картина будет выглядеть следующим образом.

Таблица 2

**Отдельные направления и составляющие прорыночных реформ
в Алжире в сравнении с мировым опытом реформ**

Направление	Алжир	В мире*
1. Институциональны преобразования, в том числе:		
создание конкурентной среды, демонополизация экономики	+	++++
реальное обеспечение прав частных и иных собственников	+++	++++
эффективный банковский контроль над деятельностью хозяйствующих субъектов	++	++++
страхование банковских вкладов	+	++++
2. Либерализация экономической деятельности, в том числе:		
сокращение госсектора (приватизация)	++	+++
поддержка частного предпринимательства	++	++++
поощрение частных капиталовложений	++	+++
привлечение иностранных инвестиций	++	++++
отмена валютных ограничений	Поэтапная	Поэтапная
отмена ограничений на экспорт капитала	Сохраняются	Поэтапная

Примечание: * – оценка значимости данного направления реформ в странах с переходной экономикой.

+ – низкий уровень эффективности в ходе проведения реформ либо отсутствие данного направления в реформах

++ – невысокой или недостаточный уровень эффективности

+++ – важное и эффективное направление в реформах

++++ – очень важное и весьма эффективное направление

Из приведенной таблицы следует ряд важных выводов. В Алжире, в основном, приоритет был отдан в соответствии с мировым опытом институциональным реформам, которые играют более важную роль в прорыночных преобразованиях, чем либерализация хозяйственной деятельности. Впрочем, последнее совершенно не ставит под сомнение исключительную важность самой политики экономической либерализации. В известной мере справедливо утверждение, что институциональные реформы и экономическая либерализация – «две стороны одной медали». Что касается таких важнейших, принципиальных его направлений, как создание конкурентной среды и поддержка частных предпринимателей, то меры, предпринятые в этом отношении, были недостаточны или малоэффективны. Другие существенные направления, как уже отмечалось ранее, также были недостаточно эффективны, что в целом не могло не ослабить положительного эффекта реформ. В известной мере это было следствием общей кризисной ситуации в стране в целом и в экономике, в частности.

Рыночные преобразования и в целом деэтактизация общественной жизни началась уже в условиях экономического и системного кризиса, поразившего общество, ограниченности финансовых ресурсов. Реформы долго откладывались. Но когда стало ясно, что отодвигать дальше проведение глубоких преобразований нельзя, так как это грозит катастрофой, реформам был дан старт. Преобразования проводились уже в условиях глубоких кризисных явлений, которые в большой мере и предопределили падение уровня жизни большинства населения, резкое усиление социальных контрастов, прочие негативные экономические и социальные последствия.

Другим важным фактором, приведшим к негативной части результатов реформ, было отсутствие необходимого опыта проведения преобразований у реформаторов, сопротивление огромного бюрократического аппарата. Именно неумение «делать» реформы породило многие проблемы.

В то же время, как показывает мировой опыт, экономическая либерализация, как правило, усиливает социальные контрасты в странах с низким или невысоким уровнем жизни основной массы населения. Однако там, где рыночные реформы сопровождаются умелой реализацией специальных социальных программ, негативные социальные последствия не носят столь широкого характера и не так продолжительны.

В Алжире острые кризисные явления в экономической и социально-политической жизни продолжают, по меньшей мере, уже полтора – два десятилетия. В условиях затянувшегося переходного периода, сопровождаемого неблагоприятными социальными последствиями, особая роль принадлежит социальным мерам, призванным предотвратить или ограничить масштабы общественных потрясений. Они включают:

- программы создания новых рабочих мест;
- программы финансовой поддержки персонала, увольняемого в связи с реструктуризацией приватизируемых предприятий;
- создание фондов социальной поддержки малоимущих слоев населения;
- создание специальных фондов поддержки молодежи;
- предоставление льгот по оплате базовых видов услуг малоимущими слоями населения.

Имеются и другие формы и направления смягчения социальных контрастов, лежащие не столько в области поддержки социальных низов, сколько в сфере ограничения роста наиболее высоких доходов, повышения эффективности компаний и фирм (и, соответственно, роста доходов юридических и физических лиц), улучшения деятельности пенсионных фондов, в целом системы социального обеспечения за счет перестройки последней.

Учитывая негативные последствия, сложный и порой противоречивый характер, а также масштабы и продолжительность проводимых либеральных реформ, следует сказать, что перспективы последних в начале XXI в. во многом зависят от эффективности социальной политики, призванной не допустить социальных потрясений и свертывания прорыночных реформ, политики корректировки проводимых преобразований.

Если эта задача будет решаться удовлетворительным образом, то шансы на то, что созданные в Алжире основы рыночной экономики будут давать все большую позитивную отдачу, достаточно высоки при всех огромных издержках, которые они принесли обществу в силу выше отмеченных причин.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в Алжире был достигнут относительно высокий уровень отдельных важных макроэкономических показателей. Конечно, частично они явились следствием поддержки проводимых преобразований со стороны ведущих международных финансово-экономических институтов, таких как МВФ, Всемирный банк, Парижский и Лондонский клубы кредиторов, дружественных государств. Однако, если бы не оказали свое позитивное влияние внутренние факторы, положительные результаты вряд ли были бы достигнуты.

За годы реформ создан ряд ключевых структур и институтов современной рыночной экономики. К их числу следует отнести следующие:

- обширный сектор частных и негосударственных акционерных компаний и предприятий, в том числе со смешанным капиталом, на который приходится в начале XXI в. до 30% произведенного ВВП. В Алжире он охватывает от трети до половины общего числа предприятий и компаний;

- сформирована правовая база деятельности негосударственного капитала, хотя она еще несовершенна;

- идет процесс разгосударствления части земельного фонда. Принципиальное значение здесь имеет соблюдение прав и баланса интересов основных реальных и потенциальных (будущих) собственников земли, которые, вместе с тем, представляются основными товаропроизводителями, хозяйствующими субъектами;

- созданы другие условия для деятельности рыночного механизма, обслуживающего интересы частного капитала: частичная конвертация национальной валюты, система подготовки квалифицированных специалистов, прежде всего менеджеров, для частных структур, система поддержки среднего и малого бизнеса и т.д.

Важным показателем потенциала формирования необходимых благоприятных и достаточных условий для сбалансированного и устойчивого экономического роста в рамках рыночной системы является продолжение в Алжире рыночных реформ даже в условиях, в целом неблагоприятных или недостаточно благоприятных для рыноч-

ных преобразований на протяжении продолжительного времени. Возможно, это – самый сильный аргумент в пользу устойчивости прорывной тенденции в современной алжирской экономике.

¹ Bank d'Algerie. Algeria. Guide for Investors. 1997, с. 8.

² The Middle East and North Africa. 2001. L., 2001, с. 320.

³ AIGerie 97. L'annee economique et sociale. Ecotechnics. Alger, 1998.

⁴ George J. Algeria in crisis. L., 1998.

⁵ Algerie. Le guide des indicateurs economiques et sociaux. 1994–1997. AI. 1998.

⁶ International Labour Organisation. – Economically Active Population. Estimates and Projections, 1950–2025.

⁷ Quandt W.B. Between Ballots and Bullets: Algeria's Transition from Authoritarianism. W., 1998.

⁸ World Bank. World Development Report. N.Y., 2003.

⁹ Е.И.Миронова. Алжир: смена приоритетов развития. М., 2004, с. 89–90.

ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ ИРАНА (состояние и перспективы развития)

Транспорт является одной из ключевых отраслей экономики Ирана, в которой в течение последних 15 лет создавалось от 6 до 8% ВВП. Развитию транспорта, как до, так и после революции уделялось значительное внимание. Это видно из данных о бюджетных ассигнованиях на развитие отрасли, которые постоянно увеличивались. Так, если в 1973/74 гг. они составляли 9,4%, то в первой половине 80-х годов достигли уже 14,5%¹. Однако, если до революции средства, выделяемые на развитие транспорта и связи, осваивались на 90–100%, то после революции этот показатель значительно снизился.

Особое внимание развитию транспорта и связи объясняется той важной ролью, которую они играли во время длительной войны с Ираком. Так, например, выход из строя морских портов, находившихся в зоне военных действий, потребовал быстрого расширения пропускной способности портов, расположенных в других районах и т.д.

В ходе войны транспорт понес огромный материальный ущерб, оцениваемый в 514,7 млрд. риалов, или в 3,9% общего экономического урона. При этом, если общий экономический урон складывался из прямого и косвенного примерно поровну, то в структуре урона транспорта преобладал косвенный (79%)².

В последние годы руководство страны уделяет большое внимание развитию трансиранских коридоров («Шелковый путь», Север-Юг и др.), которые могут принести Ирану ощутимые доходы в виде платы за транзит товаров. И в первую очередь это касается стран Средней Азии, которые после строительства железнодорожной ветки от Мешхеда до Бафка получили выход через Туркмению на Персидский залив.

Автомобильные дороги

Вплоть до начала 50-х годов XX в. Иран считался страной классического бездорожья.

До начала Второй мировой войны деятельность, направленная на создание в стране дорог, определялась в основном стремлением соединить между собой крупные населенные пункты, то есть Тегеран с Мешхедом, Тебризом, Хоррамшахром, Исфаганом, Ширазом, Кашаном. Общая протяженность асфальтированных и гравийных дорог составляла 20 тыс. км. Во время войны какие-либо работы по строи-

тельству дорог были приостановлены и возобновлены только с осени 1948 г., когда был принят план развития.

Даже к началу 70-х годов автомобильные дороги в стране делились только на асфальтированные, гравийные и грунтовые. Первые сводные данные о сети автомобильных дорог были собраны в 1962 г. Общая их протяженность на декабрь 1962 г. составляла 32,8 тыс. км, на март 1968 г. 35,7 тыс. км, на сентябрь 1971 г. – 42 тыс. км³. В середине 90-х годов протяженность автомагистралей составляла уже 76,2 тыс. км, а на конец 1998 г. – 140 тыс. км, в том числе 49 тыс. км с твердым покрытием (из них 470 км скоростных)⁴. По данным иранских специалистов, в настоящее время на дорогах страны имеется также более 2 тыс. опасных участков, требующих реконструкции (крутые повороты, сужения, места камнепадов и др.). В последнее время 330 из них были ликвидированы.

При этом нельзя забывать, что в стране имеется большое количество сельских дорог, большинство из которых остаются грунтовыми, а их протяженность из года в год растет.

По мнению иранского исследователя, несмотря на рост протяженности сельских дорог, «Действительность состоит в том, что созданные сельские дороги, имеющие среднюю ширину 5 м и гравийное покрытие, недостаточно высокого качества и не будут способствовать социально-экономическим изменениям». И хотя опубликованные статистические данные дают основание утверждать, что рост протяженности и повышение качества дорог в первой половине 90-х годов создавали предпосылки для роста экономического потенциала, они не могли быть его гарантией.

Вся основная дорожная сеть Ирана для централизации контроля и управления перевозками разделена на 10 основных секторов (по направлениям)⁵:

Тегеран – Базарган	781 км
Тегеран – Решт	325 км
Тегеран – Чалус	194 км
Тегеран – Шираз – Бушехр	1230 км
Тегеран – Мешхед (через Кенаре)	966 км
Тегеран – Мешхед (через Семнан)	892 км
Тегеран – Ахваз – Бендер-Хомейни	1037 км
Тегеран – Кум – Исфаган – Шираз – Бушехр	1230 км
Тегеран – Исфаган – Керман – Бендер-Аббас	1454 км
Тегеран – Исфаган – Захедан	1555 км

Автомобильный транспорт

Учитывая указанный выше рост протяженности дорог, можно было бы ожидать значительного увеличения числа моторизованных средств транспорта, на которые приходится не менее 80% внутренних перевозок. Однако, в 80-е годы происходили резкие колебания численности

транспортных средств, связанные, в первую очередь, с ирано-иракской войной и общим кризисом автомобильной промышленности страны. Рост общего числа зарегистрированных средств транспорта после очень резкого сокращения начался в 1991 г. Но лишь в 1993 г. число транспортных средств достигло дореволюционного уровня. Этому, без сомнения, способствовало развитие автомобилестроения в самом Иране. В стране насчитывается 12 автозаводов. Самый крупный из них «Ходроу» в Тегеране строился, в основном, на средства от продажи нефти при содействии западногерманской фирмы «Мерседес-Бенц» (1962 г.). В 1967 г. по разработкам иранских инженеров была выпущена первая модель легкового автомобиля «Пейкан». Потом появились различные грузовые, легковые, автобусные модификации. В 1988 г. компания «Ходроу» подписала с французским концерном «Пежо-Ситроен» соглашение о партнерстве, и в 1990 г. в стране начали продавать первые «Пежо-405» иранской сборки.

В 1998 г. были выпущены 25 тыс. автомобилей «Пежо», причем 60% комплектующих этой машины были иранскими. В 1999 г. запущена новая серия автомашин «Пежо-205». Предполагается, что завод будет ежегодно выпускать до 50 тыс. таких машин. Но основным автомобилем завода «Ходроу» до сих пор является «Пейкан», эталоном для которого послужили некоторые британские модели. Сейчас автомобиль полностью модернизирован, 95% его комплектующих деталей производится на месте. Компания выпускает до 500 машин в день. В 2002 г. на рынках появился «Пейкан», полностью сконструированный и произведенный в Иране. В настоящее время Иран экспортирует более, чем в 30 стран грузовики, автобусы, мини-автобусы и легковые автомашины.

В начале 2004 г. в г. Ноушахре (пров. Мазандеран) начались работы по выпуску местной компанией MAZIRAN грузовиков и прицепов, детали которых поставляет минский автомобильный завод. В течение года планируется наладить сборку машин и довести выпуск до 500 автомобилей в год⁶. В феврале 2004 г. была также открыта линия по сборке грузовиков марки «АТКО». Ежедневно линия будет выпускать 15–20 тяжелых грузовиков. В 1997/1998 гг. в Иране было выпущено 250 тыс. автомобилей, в том числе 4,4 тыс. тяжелых грузовиков. В настоящее время, сообщил министр промышленности ИРИ Джахангири, выпуск таких машин доведен до 15 тыс. в год⁷. Выпуск машин малой грузоподъемности будет доведен к концу года до 7,7 тыс. единиц. Руководитель Организации развития и модернизации иранской промышленности Акбар Торкан заявил в одном из своих интервью, что в недалеком будущем из цехов автозаводов будут выходить 500 тыс. машин ежегодно, и тогда доля иранского автомобилестроения составит один процент их мирового производства.

В тот же период, то есть в первой половине 90-х годов, происходил весьма существенный рост перевозок средствами автотранспорта. За пять лет объем этих перевозок вырос на 82%⁸.

Однако, как показала действительность, существующая сеть автодорог еще недостаточна для полного удовлетворения возрастающих потребностей страны в перевозках, а качество транспортных магистралей далеко от требований времени.

Распределение транспорта по губерниям (останам) также очень неравномерно. Так, на долю Тегерана приходится около трети всего зарегистрированного автопарка страны.

В настоящее время численность транспортных средств способна почти полностью удовлетворить внутренние потребности в перевозке грузов, и трудности в этом вопросе заключаются в основном в низкой эффективности их использования.

Хотя имеющиеся марки грузовиков не слишком разнообразны («Мерседес», «Вольво», «Мак», «Скания»), однако в результате спада промышленного производства и снижения импорта долгое время их не удавалось обеспечить в должной мере запчастями и сервисом. Другая трудность – низкий профессионализм водителей. Так, если в Западной Европе грузовики с опытными водителями проходят в среднем 1 млн. км, то в Иране пробег вдвое меньше, что сильно влияет на расходы, связанные с транспортировкой грузов. Низкий уровень квалификации иранских водителей проявляется и в ускоренном износе покрышек. Средний их пробег в Иране составляет 60 тыс. км., а должен доходить до 100 тыс. Это, в свою очередь, приводит к значительному росту импорта автопокрышек, что наблюдалось в послереволюционный период (с 1978 г. по 1982 г. доля импорта выросла с 37,5 до 70,9%).

Еще одна причина, препятствующая росту эффективности функционирования автотранспорта, – состояние автодорог, многие из которых построены в 30–40-е годы и непригодны для эксплуатации современных грузовых автомобилей.

Особо следует отметить постоянный рост цен на автомобили, запчасти и ремонтные работы. Например, расценки на выполнение ремонтных работ с 1978 г. по 1987 г. выросли на 1000%.

Тем не менее, автомобильный транспорт сыграл большую роль в обеспечении перевозок во время ирано-иракской войны. В целом около трети всех перевозок для нужд фронта производилось автомобильным транспортом.

В настоящее время автомобильный транспорт играет важную роль в транспортировке грузов внутри страны. Его доля составляет до 85% всех перевозок. И эта тенденция в ближайшее время будет сохраняться, а значит автомобильная отрасль имеет хорошие предпосылки для бурного роста. Наилучшим катализатором может послужить процесс превращения страны в международный транзитный центр, о чем уже давно мечтает руководство исламской республики.

Наряду с этим, из года в год быстро растет частный автопарк Ирана. Многие западные автомобильные компании расценивают

иранский рынок одним из самых перспективных, наряду с Китаем и Восточной Европой.

Железнодорожный транспорт

Развитость транспортной инфраструктуры, в том числе железных дорог, – индикатор зрелости экономики в целом и важная предпосылка экономического роста. Низкая пропускная способность транспортных магистралей может в значительной мере сдерживать экономический рост. По плотности железнодорожной сети Иран значительно отстает от развитых стран, ряд районов по-прежнему изолирован от общего экономического пространства страны, поскольку они не связаны с центром железнодорожными магистральями.

Железнодорожное строительство в Иране началось в начале XX в., когда Россия построила железную дорогу Джульфа-Тебриз (145 км) с небольшим ответвлением к озеру Урмия (Суфиан – Шарафхане, 53 км). Позже, вплоть до строительства знаменитой трансиранской железной дороги Бендер-Шахпур – Бендер-Шах от Каспийского моря до Персидского залива, протяженностью 1440 км, в стране железные дороги не строились⁹.

После вхождения Ирана в ряд военных блоков (Багдадский пакт, СЕНТО) западные страны оказали ему значительную помощь в развитии железнодорожной инфраструктуры. Однако вплоть до Исламской революции многие транспортные проблемы так и не были решены: юг и восток страны были практически изолированы от остальных районов, а магистраль Бендер-Хомейни – Тегеран не обеспечивала нормального функционирования порта. В то время простой судов на рейде в ожидании разгрузки исчислялся неделями, а иногда – месяцами. 1978 г. был особенно тяжелым – постоянные забастовки практически парализовали работу транспорта. Однако после революции иранское правительство приняло ряд небезуспешных мер по развитию транспортной инфраструктуры, хотя ирано-иракская война нанесла железнодорожной сети ощутимый ущерб. Значительное число локомотивов и вагонов безвозвратно выбыли из строя в результате боевых действий.

В результате приложенных усилий, в канун исламской революции были построены магистральные ответвления на восток и запад. Одним из важнейших результатов было соединение внутренней сети железных дорог с турецкой сетью через участок Шарафхане – Котур (140 км). Общая протяженность сети на тот момент составляла 4,5 тыс. км. Были начаты подготовительные работы по прокладке линии Мешхед – Серахс, которая должна была соединить иранскую сеть с туркменской. Эта линия протяженностью 175 км была открыта в 1998 г.

Активизация железнодорожного строительства, которое затронуло не только основные, второстепенные и маневровые линии, но и подъездные пути к промышленным и торговым объектам, наблюдалась с первой половины 90-х годов. Так, длина основных путей в

1995\96 гг. составляла 5332 км, в 1998\99 гг. достигла 6264 км, а к марту 2001 г. – 6668 км.

Протяженность железнодорожных магистралей Ирана (км)

Год	Основные магистралы	Второстепенные ветки и маневровые пути	Коммерческие и промышл. ветки
1981/82	4567	758	350
1986/87	4567	1235	...
1991/92	4847	1567	451
1994/95	5226	1619	049
1995/96	5332	2349	550
1996/97	5612	2398	609
1997/98	5995	1964	532
1998/99	6264	2239	662
1999/2000	6398	2240	781
2000/2001	6668	2232	736

Источник: Iran Statistical Yearbook 1376, с. 370, 1376, с. 365.

Большие сдвиги происходили и в самой работе железнодорожного транспорта. Несмотря на то, что число действующих локомотивов и их мощности в 90-х годах были ниже, чем до революции, можно полагать, что эффективность их функционирования возросла и существенно превосходила предреволюционную. Рост таких показателей, как численность перевезенных пассажиров, а также перевезенных грузов в весовом исчислении и тонно-километрах свидетельствовал о способности государства удовлетворять потребности растущего населения и экономики в перевозке грузов.

Количество локомотивов, перевезенных пассажиров и грузов

Год	Локомотивы		Пассажиры		Грузы	
	единиц	мощность, тыс. л. с.	тыс. чел.	Оборот млн. пасс/км	Масса тыс. т	Оборот млн. т/км
1981/82	225	547	4320	2526	6781	3861
1986/87	313	816	6336	4637	12704	7319
1991/92	312	463	8138	4585	16979	7701
1994/95	233	623	9134	6479	21340	10700
1995/96	233	606	9622	7294	21401	11865
1996/97	247	627	8882	7044	22650	13658
1997/98	269	661	9451	6103	24405	14400
1998/99	265	655	9561	5631	21615	12638
1999/00	267	647	10688	6451	23019	14082
2000/01	278	696	11707	7128	25199	14179

Источник: Iran Statistical Yearbook 1377, с. 370, 1379, с. 365.

В первой половине 90-х годов иранское государство, ориентируясь на будущее, начало осуществлять на практике задачу превращения страны с международный железнодорожный транзитный центр.

В середине 30-х годов постройкой и введением в строй трансиранской железной дороги была решена задача соединения через Тегеран Каспийского моря и Персидского залива. В 1971 г. вместе со сдачей в эксплуатацию линии Шарафхане – Котур Иран оказался связанным через Турцию с Европой, а с введением в строй в 1995 г. двухколейной линии Бафк – Бендер-Аббас (730 км) и в 1998 г. уже упоминавшейся линии Мешхед – Серахс, Иран обеспечил железнодорожный выход всех стран Средней Азии через Персидский залив к Оманскому морю и Индийскому океану.

Начавшееся в ту же пору строительство линии Керман – Захедан (560 км) должно соединить иранскую сеть через Мирджаве с пакистанской. То есть, в конечном итоге, вся Северная и Западная Европа окажется связанной через Иран с Индией и странами Юго-Восточной Азии.

Таким образом, несмотря на относительно низкую пропускную способность, иранская сеть железнодорожных магистралей способна обеспечить прохождение транзитных грузов по транспортным коридорам как с севера на юг, так и с запада на восток.

Необходимо также добавить, что уже начата прокладка второй колеи маршрута Тегеран – Мешхед и осуществлен план строительства линии Мешхед – Бафк, который резко сократил путь из Средней Азии к порту Бендер-Аббас в Персидском заливе. В планах правительства сооружение магистрали через Ирак и Сирию до Средиземного моря и дороги от Астары на границе с Азербайджаном через порт Энзели до Тегерана (этот вариант прорабатывался советскими проектными организациями еще в шахский период, но решение о строительстве по ряду причин принято не было). Если эти проекты будут осуществлены, значение Ирана как транзитной территории значительно возрастет.

Морской транспорт

Развитие морских портов и их пропускной способности происходило главным образом в 60-х годах. В период с 1958 по 1971 г. общий импорт, проходящий через морские порты, увеличился с 1063,4 тыс. т до 2499,7; экспорт в те же годы составил 267,3 и 1078,9 тыс. т соответственно¹⁰.

В 1967/68 г. через порты прошло 91,3% экспорта (без нефти) и 96,2% импорта.

По положению на 1986 г., флот судоходной компании Ирана состоял из 85 судов, включая 70 океанских. На март 2001 г. количество судов, принадлежащих Ирану, составляло 89 единиц, и, кроме того, 24 судна ходили под флагами дочерних компаний (Ирано-Индийской, Ирано-Арабской и Ирано-Каспийской).

Портовое хозяйство продолжало увеличивать свою пропускную способность и в последующие годы. Особую роль в этом сыграл внезапный приток нефтедолларов в результате почти четырехкратного роста цен на нефть с начала 1974 г. Впоследствии это вызвало значительный рост потока импортных грузов, что привело южные порты страны буквально к ухудшению, так как существовал недостаток мощностей для приема грузов. Так, в 1975/76 г. через эти порты прошло 12 млн. т импортных грузов, а 1 млн. т пришлось на северные порты. И уже в 1977 г. ставилась задача довести пропускную способность портов до 50 млн. т¹¹.

По сравнению с дореволюционным периодом произошли значительные изменения в значимости отдельных портов Ирана в общем грузообороте. Из-за военных действий полностью были выведены из строя порты Хоррамшахр и Абадан, на долю которых приходилось соответственно 25,3% и 5,9% общего грузооборота страны. Постепенно сошло на нет и функционирование порта Бендер-Хомейни, переработавшего в 1978 г. 37,9% грузооборота портов страны. Параллельно с этим выросла доля в грузообороте таких портов, как Бушехр (Бушир) – с 5,6% до 15% и Бендер-Аббас – с 21% до 76,5%. Последний превратился в ключевой порт страны, чему способствовала модернизация старого порта «Шахид Бахонар» и строительство второго крупного порта «Шахид Раджаи». Особое значение, придаваемое властями расширению пропускной способности Бендер-Аббаса, объяснялось его удаленностью от театра военных действий. В то же время доля северных портов (Энзели и Ноушахр) практически осталась без изменений – 3,6%. В 1984 г. начал функционировать порт Чахбахар, расположенный в восточной части Оманского залива и занимающий важное стратегическое положение, дающее возможность контролировать вход в Персидский залив (новое название – «Шахид Бехешти»). В целом, в 1987 г. по сравнению с 1978 г. грузооборот иранских портов снизился на 17,9%, а число обработанных судов с 3310 до 1291 соответственно. Среднее время стоянки и ожидания погрузочно-разгрузочных работ увеличилось со 165,9 до 469,9 часов. Однако с вводом в эксплуатацию в 1986 г. порта «Шахид Раджаи» этот показатель значительно улучшился. В 2000/2001 гг. количество судов, обработанных в южных портах, достигло 3346, а в каспийских – 1373 (более чем четырехкратное увеличение по сравнению с 1978 г.).

Громадное значение для Ирана (особенно во время ирано-иракской войны) имело успешное функционирование терминалов по экспорту нефти. Главный экспортный терминал – на острове Харк, а два других нефтеналивных порта – Абадан и Бендер-Махшахр в результате военных действий были выведены из строя (сейчас их мощности восстановлены). Харк способен принимать танкеры водоизмещением до 500 тыс. т, и в дореволюционный период через него экспортировалось до 5–6 млн. баррелей нефти в сутки. Однако после начала

«танкерной войны» в Персидском заливе и особенно постоянных бомбардировок организация экспорта нефти в очередной раз претерпела изменения. Теперь главные порты по экспорту нефти находились у островов Сири и Ларк, расположенных в более безопасной части залива. Из старых танкеров были созданы временные плавучие терминалы, куда нефть доставлялась с острова Харк иранскими или специально зафрахтованными для этих целей иностранными танкерами. А с этих плавучих терминалов нефть поступала на суда заказчиков.

В 1986–1987 гг. с Харка отгружалось до 1,5 млн. баррелей нефти в сутки. Другой терминал был расположен на острове Лаван, его мощность была доведена до 300 тыс. баррелей в сутки.

Сдвиги в области развития морского транспорта, достигнутые ИРИ, весьма значительны, особенно если учесть огромный ущерб, нанесенный портовому хозяйству юга страны. Ущерб был преодолен за период с 1992 г. по 1997 г. Всего за 5 лет, государство оказалось способным увеличить разгрузку судов более чем на 80%. При этом внимание привлекает цифра 30,6 тыс. т обработанного в 1996/97 гг. груза, которая дает основание вспомнить намерение еще дореволюционного правительства довести эту цифру до 50 млн. т.

Грузооборот портов (только разгруженные суда) (тыс. т)

Год	Каспийские порты	Южные порты	Всего
1986/87	473	12144	12617
1991/92	1883	19378	21261
1994/95	2178	20768	22946
1995/96	2542	22615	14157
1996/97	3976	26678	30654
1997/98	3947	32563	36509
1998/99	2841	27114	29958
1999/00	2657	38480	41137
2000/01	3938	39431	43369

Источник: Iran Statistical Yearbook 1379, с. 375.

Вполне естественно предположить, что за показанным выше ростом грузов, поступающих в ИРИ, стоит существенное увеличение количества судов, принадлежащих государственной судоходной компании Ирана. Их число по сравнению с 1992 г. и, тем более, с 1977 г. значительно возросло, а вместе с тем возросла и общая грузоподъемность. Но подобные сдвиги не могли играть решающей роли во внешнем грузообороте страны. Хотя средняя грузоподъемность судов возросла, но была еще далека от способности обеспечивать заявленный грузооборот. Видимо, решающим оказалось значительное участие зарубежного флота.

Все вышесказанное ни в коей мере не умаляет заслуг ИРИ в развитии торгового флота, хотя бы потому, что он играет возрастающую роль в перевозке грузов и пассажиров между портами юга Ирана и арабских государств Персидского залива.

Сейчас активно функционирует Ирано-индийская судоходная компания (основана в 1974 г.), в которой Ирану принадлежит 51% акций. В 1983 г. компания располагала 12 судами, а в период с 1990 г. по 1996 г. это число неизменно оставалось на уровне 10 единиц. Компания занимается главным образом перевозкой продовольственных грузов из Индии и Юго-Восточной Азии в Иран. Она активно участвует в торговле обеих стран: объем импорта товаров из Индии в Иран вырос с 14,1 млрд. в 1981/82 гг. до 39,5 млрд. риалов в 1996/97 гг., а экспорт в Индию – с 82 млн. до 21 млрд. риалов соответственно¹². Однако, в то же время необходимо заметить, что прибыль компании невелика. Ее основной задачей является пока не получение экономической выгоды, а планомерное развитие торговых и других отношений между Индией и Ираном.

Ранее существовали также и смешанные Ирано-кувейтская и Ирано-египетская судоходные компании, деятельность которых была приостановлена по инициативе ИРИ в связи с позицией, занятой этими двумя странами в ирано-иракской войне.

В настоящее время в распоряжении судоходной компании ИРИ находится 147 судов, водоизмещением более 1 тыс. т каждое и общим водоизмещением более 4 млн. т.

Значение данного вида транспорта трудно переоценить. Посредством морских перевозок осуществляется большая часть экспорта и импорта страны.

Говоря о перспективах, необходимо учитывать уже упоминавшуюся идею о превращении ИРИ в международный транзитный центр. Если это будет осуществлено на практике, то иранские порты, а вместе с этим и иранские суда будут активно задействованы в мировой торговле. Однако необходимо еще очень многое сделать для развития отрасли, в частности, улучшить и развить инфраструктуру, увеличить количество судов различного водоизмещения, воспитать достаточное количество квалифицированных служащих и т.д.

Авиационный транспорт

Этот вид транспорта начал делать первые шаги, когда Иран только начал преодолевать свое «классическое бездорожье» на земле, то есть в 20-е годы. Тогда скромные потребности страны в авиации удовлетворялись немецкой компанией «Люфтганза». Свою лепту в обучение кадров и формирование парка самолетов Ирана внес и Советский Союз.

Бурное развитие авиатранспорта естественным образом оказалось связанным с общими планами развития экономики страны. Оно

было обеспечено созданием и постоянным совершенствованием сети аэропортов. К 1970 г. в стране насчитывалось 17 аэропортов, 5 из которых были международными. Сейчас в Иране существует 322 аэропорта (из них 122 имеют взлетно-посадочную полосу с твердым покрытием, 187 – грунтовую взлетную полосу, а 13 являются специализированными вертолетными аэропортами).

Руководила развитием этой отрасли авиационная компания «Хома», вначале частная (700 чел. занятых), затем – государственная. К середине 70-х годов она насчитывала 5 тыс. сотрудников, имеющих специальную подготовку. С 1965 г. на линию вышли самолеты марки «Боинг» (к 1968 г. – 4 машины). До появления реактивных самолетов компания обслуживала лишь внутренние линии. С 1976 г. ее самолеты стали совершать рейсы в Нью-Йорк через Лондон¹³.

Крупные международные аэропорты находятся в городах Тегеран, Бендер-Аббас, Абадан, Исфаган, Тебриз, Бушир и Киш. Кроме того аэродромы с твердым покрытием функционируют в Ширазе, Мешхеде, Ахвазе, Кермане, Захедане, Йезде и Хамадане. В настоящий момент ведутся работы по строительству нового международного аэропорта под Тегераном, который должен будет разгрузить аэропорт Мехрабад.

За пять лет (с 1991 г. по 1996 г.) число пассажиров, перевезенных на внутренних рейсах, выросло на 13,6% (а по сравнению с 1976/77 гг. на 186,2%). Но эти данные относятся лишь к перевозкам, выполненным в рамках плановых рейсов, другая картина складывается при учете и чартерных рейсов. Включая их, число пассажиров, перевезенных на внутренних рейсах за это же время, возросло на 67,1%. Это свидетельствует о недостатке числа плановых рейсов в сравнении с объективными потребностями в них, о скрытых возможностях и способности авиации ИРИ к оперативным действиям.

Пассажирооборот внутренних и международных рейсов

(тыс. чел.)

Прибывшие			Убывшие			Год
Международные	Внутренние	Всего	Международные	Внутренние	Всего	
449	3794	4243	509	3794	4303	1986/87
597	5211	5808	638	5211	5849	1991/92
705	7816	8521	731	7816	8547	1994/95
759	8440	9200	822	8440	9263	1995/96
886	8363	9250	943	8363	9306	1996/97
1096	9242	10338	1211	9242	10453	1997/98
1096	8085	9180	1125	8085	9210	1998/99
1363	8237	9599	1338	8237	9574	1999/00
1489	7938	9427	1520	7938	9458	2000/01

Источник: Iran Statistical Yearbook 1379, с. 377.

Сейчас иранские компании обслуживают до 78% пассажиров, прибывающих или отбывающих из страны. Эти показатели можно назвать впечатляющими, учитывая жесткую конкуренцию на международном рынке авиационных перевозок.

В перевозке же грузов воздушный транспорт Ирана существенной роли не играет, на его долю приходится лишь около 1% грузоперевозок.

Грузооборот внутренних и международных рейсов (тонн)

Прибывающий			Убывающий			Год
Международные рейсы	Внутренние рейсы	Всего	Международные рейсы	Внутренние рейсы	Всего	
24107	22693	46800	16161	22693	37753	1991/92
20123	30691	50814	17246	30691	47937	1993/93
12509	25820	38330	16030	25820	41850	1993/94
11714	23923	35636	23022	23923	46945	1994/95
8863	16898	25761	16908	16898	33806	1995/96
15964	29265	45229	17971	29265	48246	1996/97
17962	32938	50900	19074	32938	52012	1997/98
14965	20024	34989	18516	20024	38540	1998/99
17830	20986	38816	23030	20986	44016	1999/00
14553	19175	33728	17981	19175	37156	2000/01

Источник: Iran Statistical Yearbook 1379, с. 387.

По всей вероятности, в ближайшее время не стоит ожидать бурного роста в этой отрасли. Количество перевезенных пассажиров и грузов из года в год сохраняется на одном уровне, иногда даже наблюдается тенденция к уменьшению.

Трубопроводный транспорт

Общая протяженность основных трубопроводов – около 10 тыс. км. Из них 4 тыс. км – нефтепроводы, 2,5 – продуктопроводы и около 3,5 – газопроводы.

Основные магистральные нефте- и продуктопроводы: Абадан – Тегеран (950 километров), Ахваз – Тегеран (750 км), Тегеран – Мешед (850 км), Тегеран – Решт (330 км), Тегеран – Тебриз (550 км), Гачсаран – Шираз (330 км)¹⁴. Во время ирано-иракской войны особое значение имели нефтепроводы, соединяющие нефтяные месторождения юга с островом Харк, бесперебойное функционирование которого обеспечивало около 90% иранского нефтяного экспорта. Во время конфликта нефтепроводы, наряду с нефтеперекачивающими станциями и нефтеперерабатывающими заводами, подвергались многократным бомбардировкам. В целом в послереволюционный период доля нефтепродуктов в транспортировке нефти в стране снизилась.

Самый длинный иранский газопровод – Трансиранский магистральный газопровод (ТИМГ-1) – более 1100 км, проходящий по маршруту Бехбехан – Астара, был построен в 1970 г., и по нему осуществлялось снабжение попутным газом с южных нефтяных месторождений как центральных и северных районов страны, так и его экспорт в СССР (до 1980 г.). Этот газопровод обслуживают восемь компрессорных станций. С 1983 г. функционирует газопровод Серахс – ТЭС Нека, который соединил газоочистительный комплекс в Серахсе (остан Хорасан) с южным побережьем Каспийского моря. Протяженность газопровода – около 800 км, а пропускная способность – около 7 млрд. куб. м³ в год.

В 1986 г. введен в эксплуатацию газопровод Канган (месторождение на юге Ирана) – Исфаган длиной 588 км, являющийся южным участком ТИМГ-2; пропускной способностью – до 10 млрд. куб. м¹⁵.

К 2005 г. иранское руководство рассчитывает создать сеть магистральных газопроводов – 16 тыс. км и газораспределительную сеть – 27 тыс. км. Однако опыт создания подобных объектов в Иране дает основание усомниться в реалистичности этих планов. Многие проекты планировались, но не были осуществлены из-за недостатка финансовых и технических средств. Замороженными оказались проекты по созданию газопровода из Хузестана в район порта Джаск (побережье Оманского залива), газопровода из Ирана в Турцию.

Связь

Развитие информационной инфраструктуры является одним из важнейших показателей экономического потенциала страны. В Иране до начала 90-х годов развитию телекоммуникаций уделялось мало внимания, причинами этого были и затянувшаяся ирано-иракская война, и санкции, наложенные на Иран со стороны США. Кроме того, политика изоляционизма и опоры на собственные силы, недостатки системы технического образования обусловили значительное отставание Ирана в сфере развития современных телекоммуникаций. Однако после завершения ирано-иракской войны иранское руководство предприняло ряд мер, направленных на выправление создавшегося положения. В 1995 г. Иран инвестировал в развитие средств связи примерно 2–2,3 млрд. долл. ежегодно. По объему инвестиций в средства связи и телекоммуникации Иран отставал только от Турции, вкладывавшей в развитие аналогичной сферы примерно 5 млрд. долл.

Иран располагает достаточно разветвленной системой связи. С 1978 г. по 2001 г. число почтовых отделений различного типа выросло с 2,2 тыс. до 6,3 тыс. Новые отделения создавались, как правило, в сельских и отдаленных районах страны. Вместе с тем, в послереволюционный период отмечалось снижение эффективности работы почты. За указанные годы общий объем переработанных почтовых отправлений снизился с 839 тыс. до 122 тыс., однако численность пер-

сонала выросла – с 7,8 тыс. до 11,2 тыс. человек. Таким образом, в стране наблюдалось снижение производительности труда в отрасли. В то же время доходы почты выросли, что в большей степени можно объяснить ростом цен на оказываемые услуги. Капиталовложения в развитие почты в первые послереволюционные годы значительно снизились, но к 1987 г. они вернулись к уровню 1978 г.

Телефонной и телеграфной связью охватываются практически все районы страны. В 1987 г. в Иране насчитывалось около 1,8 млн. телефонных абонентов, то есть почти в 2 раза больше, чем до революции, а по данным на 1997 г. число абонентов достигло 6,7 млн. и почти 300 тыс. абонентов пользовались сотовой связью (для «развития сети мобильной телефонии активно привлекаются иностранные компании, в том числе Nokia, Italtel, Alcatel-SEL. В Тегеране в Саада-табаде был построен спутниковый центр правительственной связи; наравне с государственными развиваются и частные телекоммуникационные сети.). По данным «The International Telephone Union» (<http://www.itu.ch>), в 1995 г в Иране было примерно 7,57 телефонных линии на 100 чел., по прогнозам на 2001 г. это соотношение должно было достигнуть 17 телефонных линий. Интересно проследить динамику роста количества телефонных номеров в Иране за последнее десятилетие:

Годы	Число телефонных номеров (тыс.)
86/87	1766,9
91/92	2902,3
94/95	5201,9
95/96	5924,2
96/97	6690,5
97/98	7319,4
98/99	8285,2
99/00	9456,5
2000/01	10699,4

Источник: Iran: Statistical Yearbook 1379, с. 405.

Нельзя не отметить значительный прирост количества телефонных номеров в период с 1991 г. по 2000 г. Доступ к телефонной связи имели 3,5 тыс. деревень, в то время как в конце 70-х годов – только 300. Местная телефонная сеть страны развивалась преимущественно за счет строительства радиорелейных станций (прокладке кабельных линий препятствует пересеченный рельеф). Центр радиорелейной сети находится в Тегеране. Выход на международные каналы связи обеспечивается как традиционными кабельными каналами, так и современными радиорелейными каналами. Радиорелейные станции соединяют Тегеран с Турцией, Пакистаном, Сирией, Кувейтом, Таджикистаном и Узбекистаном.

Количество междугородних и международных телекоммуникационных каналов

Международные каналы		УКВ радиорелей- ные каналы	S.T.D. каналы	Год
Входящие	Исходящие			
1569	670	28864	11986	1986/87
2356	1854	74846	37878	1991/92
4586	3185	144097	71922	1994/95
5038	3759	204417	124578	1995/96
7021	4277	240107	155254	1996/97
7623	4396	271787	171755	1997/98
7937	4631	305550	227601	1998/99

Источник: Iran: Statistical Yearbook 1377.

Плата за пользование телефоном растет достаточно сильно, особенно за междугородние и международные переговоры. С помощью автоматических телефонных станций Иран связан почти со всеми странами Западной Европы и США.

Кроме того, постепенно расширяется и сеть оптоволоконных каналов связи. Наибольшее развитие оптоволоконные каналы связи получили в Тегеране и ряде крупных городов. Два оптоволоконных канала связи соединяют Тегеран с Кумом и Казвином. Иран с Аравийским полуостровом соединяют два подводных оптоволоконных кабеля – на Абу-Даби и Шарджу.

Иранским компаниям в 1995–96 гг. принадлежало первое место по производству оптоволоконных кабелей и оборудования для телекоммуникационных сетей в Среднеазиатском регионе. Был даже заключен ряд контрактов о поставке иранского телекоммуникационного оборудования в Таджикистан и Россию.

Широкое развитие получила и телексная связь, соединяющая страну со всеми ее основными экономическими партнерами. Иран арендовал и несколько каналов спутниковой связи. Центр по управлению ею расположен в г. Асадабад.

В конце 90-х годов в стране насчитывалось 28 основных телевизионных ретрансляторов (450 вспомогательных). Телевизионными абонентами были 4,61 млн. человек. Что касается радио, то в стране существовало 72 АМ-станции, 5 ФМ-станций (в 2001 г. их число достигло 493) и 5 коротковолновых станций. Радио пользовалось более 17 млн. человек.

Практически все сегменты сектора телекоммуникационных услуг в Иране принадлежат государству. Согласно 2-му и 3-му планам развития экономики страны, должен расти объем частных и иностранных инвестиций, привлеченных в сектор телекоммуникаций. Однако на деле вмешательство частного и иностранного капитала ограничивается лишь мобильной телефонией и АТС в сельской местности емкостью до 2 тыс. номеров. При этом, хотя не существует стандартов

качества телефонной связи, государство пытается контролировать совместимость между телефонными станциями различных компаний. Принимаются усилия противостоять проникновению частного и иностранного капитала в сферу интернет-провайдерских услуг.

Пользование Интернетом слабо развито в Иране: в стране всего 420 тыс. пользователей глобальной сети и 8 интернет провайдеров.

Качество и скорость каналов иранских компьютерных сетей очень низко, как следствие – многие иранские сайты практически недоступны «извне», а из Ирана достаточно сложно посмотреть сайты иностранных компаний и организаций. Во 2-м и 3-м пятилетних планах экономического развития страны было обращено особое внимание на развитие сети Интернет в Иране.

К сожалению, нет точной статистики по количеству вычислительных машин, однако по примерным оценкам наличие 10 компьютеров на 1 тыс. чел. представляется достаточно точной оценкой.

Примерно 6 крупных фирм в стране занимаются производством компьютерного оборудования, на рынке программного обеспечения представлены примерно 500 фирм. Большинство из них расположены в Тегеране.

На данный момент Иран практически не экспортирует свои программные продукты за рубеж. Однако нельзя не отметить тот факт, что в последнее время качество иранских программных продуктов значительно возросло, и мелкие партии иранских компьютерных дисков продаются и за границей.

Правительством ИРИ предпринимается ряд шагов по развитию информационных технологий в стране. Прежде всего, это меры по повышению уровня подготовки кадров. В средних школах улучшается качество преподавания английского языка как базового для технических специальностей. В университетах расширяется преподавание различных компьютерных дисциплин, открываются различные курсы по повышению уровня компьютерных знаний. Правительство также пытается создать такие условия, при которых иранская молодежь, получившая образование за рубежом, вернулась бы на родину. Иранские компании активно участвуют в различных компьютерных выставках. Отдельной строкой в государственном бюджете идет финансирование гражданских и военных исследований в области информационных технологий.

Пока росту информационных технологий в Иране препятствуют и низкоскоростные линии, и устаревшее оборудование, и санкции со стороны США. Но если Иран будет развиваться в сфере информационных технологий с той же скоростью, что и Россия в начале 90-х, то в ближайшие несколько лет стоит ожидать информационной революции в регионе.

По обоснованным прогнозам иранской прессы революция в средствах связи неизбежно приведет к определенным политическим

изменениям. Спрогнозировать возможную ситуацию достаточно сложно, однако феноменальный успех сети интернет-кафе в Тегеране, а затем их закрытие властями наводит на определенные мысли. Нельзя не отметить и тот факт, что не только правительственные организации широко используют интернет для пропаганды своей деятельности. Практически все оппозиционные группы иранской интеллигенции за рубежом имеют собственные сайты. Очевидно одно – в ближайшее время Иран будет стремительно сокращать технологический разрыв в области информационных технологий. Какие политические перемены вызовет технологическая революция – пока дать однозначный ответ нельзя.

Заключение

Можно констатировать, что транспорт и связь в Иране занимают важное место в системе хозяйства, обеспечивая не только внутренние перевозки грузов, нефти и газа, транзитные перевозки грузов из Европы и Средней Азии в страны Персидского залива, Пакистан и Индии, но и внутреннюю, и международную коммуникацию.

Иранское руководство в последние годы в связи с началом проведения курса либерализации экономики стало создавать в портах Каспийского моря и Персидского залива свободные торговые и экономические зоны, где иностранным фирмам предоставляются значительные льготы по налогообложению, что также должно привести к увеличению товарооборота и дальнейшему развитию транспортных магистралей.

Рассматриваются также варианты проведения через иранскую территорию нефте- и газопроводов, по которым нефть и газ могут транспортироваться из республик Средней Азии в Персидский залив для отгрузки потребителям Европы и Дальнего Востока.

Приведенная выше динамика развития позволяет сделать вывод, что транспорт и связь в Иране будут и дальше развиваться такими же темпами, что и в годы последней пятилетки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Персонал, занятый в железнодорожной компании Ирана (чел.)

Персонал	Пол	Количество
В центре	Мужской	4605
	Женский	456
На периферии	Мужской	21443
	Женский	169
Итого	Мужской	26048
	Женский	625
Всего		26673

Источник: «A look at the Railways of the IRI» с. 7.

№ 2

Проекты, реализованные после Исламской революции

№ п/п	Дорога	Год разработки	Год постройки	Длина (км)
1	Бафк – Бендер-Аббас и ветки Голь-Гохар, Сарчешмех и Шахид Раджаи, и Пор-та Бахонар	1981	1994	626 74
2	Мешхед – Серахс	1992	1996	165
3	Две ветки Мийандашт – Бендер-Имам	1982	1993	92
4	Керман – Бакейн	1982	1992	24
5	Пристань Лофтабад и ее соединение со станцией Артик в Туркменистане	1994	1995	2
6	Соединение промышленного центра в Эльборзе с железнодорожной сетью (Казвин)	1992	1995	11
7	Дублер Моста Котур	1987	1992	7,5
8	Вторая ветвь Тегеран – Гармсар – Мешхед	1990	2001	823
9	Бадруд – Майбод	1995	1997	254
10	Малеки – Априн	1992	1996	24
11	Соединение индустриального центра Кавех с железнодорожной сетью	1995	1997	25
12	Чадормалоу – Ардакан – Арзханг	1990	1998	219

13	2 линия Тегеран – Априн	1982	1996	20
№ п/п	Дорога	Год разработки	Год постройки	Длина (км)
14	Априн – Мохаммадийе	1993	1998	122
15	2 линия Мохаммадийе – Шоураб	1997	1998	20
16	Соединение Мохаммадийе 2 – Мохаммадийе 1	1993	1998	6
17	2 линия Априн – Мохаммадийе 2	1993	2000	122
18	Дизичех – Фоулад Мобараке	1986	1991	23
19	Джаджарм – Алумина Бухит	1992	1998	37,5
20	Соединение порта Амирабад с железнодорожной сетью	1995	2000	20
21	2 линия Малеки – Карадж	1990	2000	18
Итого:				2837

Источник: «A look at the Railways of the IRI» с. 47.

№ 3

Проекты, находящиеся в стадии строительства

№ п/п	Дорога	Длина (км)
1	Казвин – Решт – Энзели	225
2	Априн – Бахрам	31
3	Керман – Захедан	539
4	Незамийе – Мийандашт	37
5	Две ветки Тегеран – Малеки	22
6	Исфаган – Шираз	506
7	Мохаммадийе – Сакех	35
8	Бафк – Мешхед	800
	Ветка Торбате Хейдарийе – Санган	148
	Ветка Табас – Парвадех	43
9	Мийане – Бостанабад – Тебриз	200
10	Соединение Урумийе с железнодорожной сетью	180
11	Запад страны	556
Итого:		3334

Источник: «A look at the Railways of the IRI» с. 48.

№ 4

Проекты, находящиеся на стадии изучения

№ п/п	Дорога	Настоящий статус проекта	Длина (км)
1	Байаз – Иезд	Представлена 1-ая часть 1-ой фазы	160
2	Соединение Шахр-е-Корд с железнодорожной сетью	Представлена 2-ая часть 1-ой фазы	70
3	Энзели – Астара	Представлена 2-ая	125

№ п/п	Дорога	часть 1-ой фазы Настоящий статус проекта	Длина (км)
4	Парсабад – Ардебил	Представлена 2-ая часть 1-ой фазы	245
5	Хоррамшахр – Басрех	Представлена 2-ая часть 1-ой фазы	18
6	Захедан – Мирджаве	Представлена 2-ая часть 1-ой фазы	96
7	Ахмадабад – Рафсанджан – Керман	Представлены данные по изучению 1-ой фазы	160
8	Бендер-Туркман – Гомишан – граница с Туркменистаном	Представлены данные предварительных исследований	60
9	Соединение Базаргана с железнодорожной сетью	Представлены данные предварительных исследований	190
10	Шахруд – Горган	Представлены данные предварительных исследований	350
11	Шираз – Бушехр	Представлены данные предварительных исследований	370
12	Шираз – Сирджан (шахта Голь-Гохар) Ветка Нейриз	Представлены данные предварительных исследований	310 50
13	Соединение Хамедана с железнодорожной сетью северо-запада страны (Тажикстан)	Представлены данные предварительных исследований	230
14	Горган – Буджнурд – Мешхед	Представлены данные предварительных исследований	596
15	Соединение Мехрана и Дехлорана с железнодорожной сетью	Представлены данные предварительных исследований	240
16	Санандадж – Хамедан	Представлены данные предварительных исследований	158
17	Сирджан – Бардсир	Представлены данные предварительных исследований	86
18	Соединение Илама с западными железными дорогами страны	Представлены данные предварительных исследований	65
	Итого:		3579

Установленные и действующие телефоны
(тыс. ед.)

Год	Обычные телефоны		Телефоны общественного пользования		Селения, имеющие телефонную связь, тыс.
	установленные	действующие	городские	дорожные	
1981/82	1361	1025	5,5	0,8	0,7
1986/87	1767	1480	7,9	1,9	2,3
1991/92	2902	2456	13,5	2,6	5,0
1992/93	3686	2998	15,8	3,1	5,8
1993/94	4623	3462	21,0	5,2	6,6
1994/95	5202	4320	26,1	5,6	8,7
1995/96	5924	5090	47,6	7,1	12,2
1996/97	6691	5825	59,8	7,9	14,6
1997/98	7319	6503	65,9	8,3	16,1
1998/99	8285	7355	71,5	9,5	18,7

Источник: А.З.Арабаджян, с. 303.

¹ «Современный Иран» М. 1993 г., с. 248.

² «Современный Иран» М. 1993 г., с. 249.

³ А.З.Арабаджян «Исламская республика Иран. Экономический потенциал» М. 2002 г., с. 111.

⁴ Iran Ru, 12/05/2004.

⁵ «Современный Иран» М. 1993 г., с. 249.

⁶ Iran News, 04.02.2004.

⁷ Iran News, 09.02.2004.

⁸ А.З.Арабаджян «Исламская республика Иран. Экономический потенциал» М. 2002 г., с. 113.

⁹ А.З.Арабаджян «Исламская республика Иран. Экономический потенциал» М. 2002 г., с. 113.

¹⁰ «Iran Statistical Yearbook 1375» Tehran 1998 г., с. 360.

¹¹ З.Арабаджян «Исламская республика Иран. Экономический потенциал» М. 2002 г., с. 117.

¹² А.З.Арабаджян «Исламская республика Иран. Экономический потенциал» М. 2002 г., с. 118.

¹³ А.З.Арабаджян «Исламская республика Иран. Экономический потенциал» М. 2002 г., с. 118.

¹⁴ «Современный Иран» М. 1993 г., с. 256.

¹⁵ «Современный Иран» М. 1993 г., с. 257.

РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ ВОКРУГ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА

В последние годы осуществление Тегераном национальной ядерной программы вызывает растущую озабоченность мирового сообщества, продиктованную опасением, что Иран, получив доступ к мирным ядерным технологиям и материалам, создаст необходимые условия для создания собственного ядерного оружия.

Возможность подобного развития событий, безусловно, существует. Обладание Ираном ядерных вооружений не только ослабит международные институты и инструменты контроля за нераспространением оружия массового поражения (ОМП), но и серьезно дестабилизирует всю обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, превратит страны региона в заложников ядерных амбиций таких непримиримых противников, как Иран и Израиль, приведет к радикализации ближневосточной политики США и многим другим непрогнозируемым осложнениям.

Насколько оправданными представляются такие прогнозы? Иранские власти не устают подчеркивать, что национальные интересы страны требуют развития ядерной энергетики (в обоснование этого тезиса приводится целый ряд аргументов общего характера, вплоть до экологических). Тегеран не устает подчеркивать сугубо мирный характер своей ядерной программы, заявляя, что в оборонной доктрине страны «нет места оружию массового поражения». Официальная позиция иранского руководства в отношении проблем нераспространения ОМП определилась задолго до Исламской революции 1979 г. и звучит примерно так: Иран считает, что ОМП не повысит безопасность страны, а только усилит ее уязвимость; Иран полагает, что гонка вооружений в регионе представляет опасность и твердо следует цели освобождения региона и всего мира от ОМП путем полного уничтожения подобных вооружений.

Еще в 1974 г. Иран внес на рассмотрение ООН предложение об объявлении всего Ближнего Востока зоной, свободной от ядерного оружия. Иран участвует также в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Конвенции о химическом оружии (КХО), Конвенции о биологическом и токсинном оружии (КБТО), он подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). В 1958 г. Иран подписал устав МАГАТЭ, а в 1973 г. присоединился к Всеобъемлющему соглашению о гарантиях с МАГАТЭ с целью содей-

ствовать инспекциям Агентства. В 2003 г. Тегеран подписал и Дополнительный протокол к ДНЯО, дающий право Агентству на проведение «внезапных» инспекций ядерных объектов без предварительного уведомления иранской стороны.

Казалось бы, официальный Тегеран сделал все возможное, чтобы отвести от себя любые подозрения в «нечестной игре». Несмотря на это, напряженность вокруг национальной ядерной программы сохраняется до сих пор. Особую обеспокоенность Запада вызывают такие технические составляющие иранского ядерного проекта, как программа создания ядерного топливного цикла (ЯТЦ, объект в Натанзе) и строительство тяжеловодородных реакторов (ТВР, объект в Араке), для работы которых необходимо использование высокообогащенного урана.

Когда в феврале 2003 г. Иран посетила делегация МАГАТЭ, иранцы отказали ей в посещении завода по производству тяжелой воды в Араке и шахты по добыче урана в Йезде, поскольку эти объекты не подпадали под соглашение о гарантиях. Руководство МАГАТЭ и представители США немедленно выразили свою озабоченность по поводу производства в Иране тяжелой воды, которая не может быть востребована в обозримом будущем по причине отсутствия в Иране соответствующих реакторов, использующих природный уран и тяжелую воду. При этом было указано, что последняя может быть применена в реакторах-наработчиках оружейного плутония.

Иранцы в ответ уличили оппонентов в применении двойных стандартов. Сегодня, по словам иранских официальных лиц, уже более 12 стран занимаются обогащением урана в промышленных либо полупромышленных масштабах, многие из них используют ТВР. Разве можно утверждать, что все эти государства работают над созданием ядерного оружия?

Российско-иранское сотрудничество в ядерной области. Россия стремится к конструктивному взаимодействию с Тегераном во всех областях, в том числе и ядерной. Это не означает, что наша страна готова «закрыть глаза» на потенциальную опасность иранской ядерной программы. Общий подход к иранской проблеме определяется необходимостью поставить надежный заслон на пути распространения военных ядерных технологий и материалов. Как неоднократно подчеркивалось российскими официальными лицами, угроза распространения ядерного оружия – один из наиболее серьезных вызовов международной безопасности и стабильности¹.

Вместе с тем, «Иран, – как заявил В.В. Путин на встрече с иранским министром иностранных дел К.Харрази 17 мая 2004 г., – наш давний и стабильный партнер»². Это не пустые слова. Россия не может допустить ослабления своих политических и экономических позиций на емком иранском рынке и стремится в полной мере использовать выгоды от тесного взаимодействия с Тегераном в области разработки мирной ядерной программы.

В рамках соответствующего российско-иранского межправительственного соглашения от 25 августа 1992 г. российские организации ведут работы по реконструкции и достройке первого блока АЭС «Бушир» (до конца 70-х годов строительство велось западногерманскими фирмами по собственному проекту). После визита в Россию президента Ирана С.М.Хатами (март 2001 г.) были предприняты меры по ускорению строительства. Общая численность работающих на АЭС «Бушир», включая российских специалистов, в настоящее время превысила 3,5 тыс. человек. Несмотря на ряд проволочек, строительство блока близится к завершению.

Позиция США. В отличие от России, США после 1979 г. в принципе не признают за Тегераном права использования ядерных технологий и, в частности, ставят под сомнение заявления Ирана о том, что национальная ядерная программа преследует исключительно мирные цели. Как выразился американский посол в Австрии К.Брилл, «Люди, которые пытаются вырабатывать энергию просто для того, чтобы лампочки работали, так себя не ведут»³. В сущности, это единственное серьезное подозрение, какое американцы могут высказать Ирану.

Американская сторона объясняет свою настороженность тем, что не видит необходимости для Ирана – страны, богатой нефтью и газом – тратить огромные деньги еще и на ядерную энергетику. По словам официального представителя Госдепартамента Р.Баучера, США «озабочены возможностью приобретения ядерных вооружений государством, поддерживающим терроризм».

Вашингтон, обвиняя Иран в разработке военной ядерной программы, в качестве одного из аргументов приводит свое наблюдение, что большая часть иранской деятельности по созданию обогатительных мощностей поведилась тайно. Так, по словам американцев, несмотря на то, что главе МАГАТЭ М.Эльбарадаи были показаны 164 центрифуги на объекте в Натанзе, Иран, якобы, обладает возможностью построить 60–70 тыс. центрифуг, которых было бы достаточно для производства оружейного урана в значимых количествах. Вашингтон заявляет также о систематическом нарушении Тегераном соглашения о гарантиях с МАГАТЭ (закупка в Китае в начале 90-х годов гексафторида урана, выделение металлического урана и т.д.)

Кроме того, подозрения США вызывает нежелание Тегерана сотрудничать с международными организациями по контролю над вооружениями, проявившееся в затягивании процесса присоединения к системе международных гарантий МАГАТЭ и Дополнительному протоколу к ДНЯО.

В определенной степени претензии США к Ирану являются обоснованными, однако в то же время нельзя не заметить завидной «гибкости» американского подхода по отношению к другому государству, уже не «пороговому», а «пост-пороговому» – Израилю, вообще стоящему вне ДНЯО. Необходимо подчеркнуть, что жесткая позиция США

в иранском вопросе вызвана не столько стремлением обеспечить выполнение действующих международных норм в отношении очередного «порогового государства», сколько стратегическими соображениями и интересами Вашингтона в зоне Персидского залива, Центральной и Южной Азии.

Позиция Евросоюза. Политический диалог между ИРИ и ЕС был начат только в 1995 г. В 1997–98 гг., после избрания на пост президента ИРИ умеренного реформатора С.М.Хатами, диалог был расширен, охватив несколько новых областей, в том числе и вопросы нераспространения.

Общий подход европейцев к проблеме определяется видением Ирана в качестве потенциально важного регионального экономического партнера, способного предложить европейским странам значительные возможности для развития торговли. Вместе с тем, в Брюсселе исходят из того, что этот потенциал может реализоваться лишь после начала в Иране масштабных экономических реформ в либеральном духе, ускоренного продвижения Тегерана по пути демократии и соблюдения прав человека. Наконец, заинтересованность европейских государств в конструктивном сотрудничестве с Тегераном обусловлена и тем значением, какое имеет Иран в борьбе с наркотрафиком из Афганистана, в сдерживании неконтролируемых миграционных потоков и т.д.

Эти обстоятельства объясняют значительно более осторожную (по сравнению с американской) политику единой Европы и крупнейших европейских стран (Великобритании, Германии и Франции) в отношении Ирана и национальной ядерной программы. Более взвешенный и прагматичный подход европейцев позволил им добиться важного дипломатического успеха, когда в октябре 2003 г. в результате блиц-визита в Тегеран трех европейских министров иностранных дел Иран пообещал сделать свои ядерные программы абсолютно прозрачными. Со своей стороны, главы внешнеполитических ведомств Великобритании, Германии и Франции обязались помочь Ирану в развитии мирных ядерных программ, получив его согласие действовать в строгом соответствии с резолюцией МАГАТЭ. Как заявил по окончании встречи с министром иностранных дел Ирана К.Харрази его британский коллега Дж.Стро, «все мы уважаем право любого суверенного государства развивать свои ядерные программы в мирных целях, не будучи при этом вовлеченным в распространение ядерного оружия»⁴.

Примечательно, что решение Ирана подписать Дополнительный протокол к ДНЯО, принятое на переговорах с европейцами, было официально озвучено в ходе визита секретаря Совета безопасности ИРИ Х.Роухани в российскую столицу в ноябре: своеобразный жест дипломатической вежливости, подчеркнувший внешнеполитические приоритеты Тегерана.

Договоренности, достигнутые в конце 2003 г., не смогли переломить ситуацию и «закрыть иранское ядерное досье». Причиной тому послужила жесткая позиция США и двойственная позиция ЕС. Европейцы признают, что Тегеран сотрудничает с МАГАТЭ, но при этом упрекают иранцев в том, что делается это «не в полном объеме». Претензии к Ирану основаны на положениях доклада главы МАГАТЭ М.Эльбарадаи, опубликованного перед началом работы очередной сессии Совета управляющих Агентства, которая открылась в Вене 14 июня 2004 г. С одной стороны, в докладе подчеркивается, что в отношениях Агентства с Ираном есть прогресс, и «МАГАТЭ имеет доступ ко всем ядерным объектам». С другой стороны, там выражено беспокойство «относительно характера и масштабов использования Ираном оборудования для обогащения урана». В соответствующем духе выдержана и принята на сессии резолюция, проект которой был представлен Великобританией, Германией и Францией. В документе утверждается, что «Иран не снял подозрения в том, что, возможно, работает над своими военными ядерными программами».

Глава МИД Ирана К.Харрази счел европейский проект резолюции «навязанным и продиктованным США». Конфликт между делегациями Ирана и стран, поддержавших резолюцию, еще более обострился, когда президент Ирана С.М.Хатами пригрозил выйти из ДНЯО и денонсировать свои односторонние обязательства по прекращению обогащения урана, взятые в 2003 г.

Комментируя ситуацию, сложившуюся в Вене, заместитель министра иностранных дел России С.Кисляк отметил, что наша страна заинтересована в продолжении «самого тесного сотрудничества» Ирана и Совета управляющих МАГАТЭ. Тому есть весомая причина: в случае, если конфликт между Ираном и Агентством окажется неразрешимым, иранское «ядерное досье» станет предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН. России, в силу взятых на себя обязательств, придется отказаться от завершения в 2005 г. строительства Буширской АЭС стоимостью 800 млн. долларов. «Россия откажется от работы в Бушире, если Иран откажется от требования о прозрачности своих ядерных программ и нарушит требования МАГАТЭ», – заявил на встрече «восьмерки» на Си-Айленде в США Президент России В.Путин. Но, пока Иран «выполняет все требования..., отказываться от сотрудничества нет необходимости».

Работа сессии Совета управляющих МАГАТЭ еще раз показала, насколько сложно ее участникам достичь если не взаимопонимания, то хотя бы компромиссного решения по вопросу об иранской ядерной программе. В этих условиях перед Россией стоит непростая задача: необходимо обеспечить выполнение заключенных контрактов в области ядерной энергетики, создать необходимые условия для расширения двустороннего сотрудничества, в том числе военно-технического, и, не в последнюю очередь, – сохранить нынешний высокий уровень

политического взаимодействия, имеющего важное значение в системе отношений России с исламским миром.

В то же время, российская дипломатия должна приложить все усилия для скорейшего снятия всех озабоченностей международного сообщества в отношении иранского «ядерного досье», перевода вопроса из политической плоскости в чисто техническую. Сделать это будет тем более непросто, что конструктивные шаги России в этом направлении неизбежно встретят противодействие США. Очевидно, что, независимо от исхода предстоящих президентских выборов в США, американская стратегия в отношении ближне- и средневосточного региона в ближайшей перспективе не претерпит существенных изменений. Действуя в рамках представлений команды Дж.Буша о «новом крестовом походе», Вашингтон и в дальнейшем будет препятствовать осуществлению иранской ядерной программы, независимо от того, насколько оправданы будут его действия с точки зрения международного права, интересов третьих стран и самого Ирана.

¹ Выступление Министра иностранных дел России И.С.Иванова на конференции «Россия и новое мироустройство», Москва, 12 мая 2003 г.

² <http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/05/64514.shtml>

³ <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A47808-2004Jun16.html>

⁴ <http://pda.lenta.ru/world/2003/10/21/iran/>

⁵ <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2004/gov2004-49.pdf>

О КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Израиль располагает значительным потенциалом для проведения НИОКР по различным видам высокотехнологичной техники. Среди них выделяются космические – ракеты-носители (РН) и искусственные спутники Земли (ИСЗ). Хотя многие страны желают вступить в «космический клуб», запуск ИСЗ на РН собственного производства пока смогли произвести немногие, в том числе Израиль.

История развития космической отрасли Израиля, как фактически и во всех других странах-членах «космического клуба», неразрывно связана с военно-промышленным комплексом и заказами армии либо органов госбезопасности.

Вопрос о необходимости создания израильских средств наблюдения за вероятным противником был поднят еще в 1974 г. Шимоном Пересом. Он предлагал покупать разведывательные спутники в США, однако премьер-министр Исхак Рабин отнесся к этой идее отрицательно.

В 1981 г. генерал-майор Йегошуа Саги, начальник военной разведки (АМАН), санкционировал выделение 5 млн. долл. на проведение предварительного анализа способности израильской промышленности производить разведывательные спутники, оборудование для них и РН. Это решение мотивировалось необходимостью для Израиля располагать собственными источниками получения разведывательных фотоматериалов высокого качества и отслеживания передвижений армий сопредельных стран.

В результате, в 1982 г. с санкции премьер-министра страны Менахема Бегина и министра обороны Ариэля Шарона было создано Израильское космическое агентство (СЕЛА), под эгидой которого и должно было быть развернуто производство разведывательных спутников в интересах Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ). Главой агентства стал известный астрофизик Юваль Неэман, руководителем военных программ – бригадный генерал в отставке Хаим Ашад.

Сразу же у израильской космической программы появились первые проблемы. Новый начальник военной разведки Эхуд Барак скептически относился к необходимости и возможности развертывания израильской орбитальной группировки. Поэтому он санкционировал в 1983 г. приостановление работ над ИСЗ и РН. Кроме того, отмечалось отсутствие дополнительных финансовых фондов, необходимых для проведения дальнейших НИОКР. Тем не менее, в 1984 г. мини-

стерству обороны Израиля удалось изыскать денежные средства для продолжения работ, и тогдашний глава оборонного ведомства Моше Арене отдал распоряжение о проведении конкурса на разработку разведывательного спутника под кодовым наименованием «Офек» («Горизонт»), а также РН «Шавит» («Метеор»).

В конкурсе приняли участие авиастроительная корпорация «Таасия авирит», известная на Западе, как «Israeli Aircraft Industries» (IAI), и концерн «РАФАЭЛ», производящий твердотопливные и монопропеллентные ракеты.

Оба конкурсанта предложили РН с двигателями на твердом топливе (РДТТ). Это выглядело достаточно логично, поскольку технология производства РДТТ в Израиле уже была отработана на баллистических ракетах (БР) средней дальности, в то время как, скажем, криогенные жидкие топливные компоненты (водород) потребовали бы продолжительных и дорогостоящих НИОКР. Кроме того, встал бы вопрос о строительстве мощностей по производству и хранению больших объемов сжиженного кислорода. Применение же относительно простых в хранении несимметричного диметилгидразина и азотного тетроксидов было маловероятным из-за проблем политико-экологического характера, возникающих в случае аварии РН на старте. Вряд ли правящим кругам Израиля и его соседей понравилась бы возможность заражения значительных территорий этими крайне токсичными веществами.

В конкурсе победило предложение фирмы «Таасия авирит» как более дешевое и технологичное. Ее РН представляла собой твердотопливную трехступенчатую ракету стартовой массой около 22 т, способную вывести на низкую орбиту до 160 кг полезной нагрузки (ПН). Впрочем, «РАФАЭЛ» тоже не остался обделенным: в РН была применена третья ступень предлагавшейся концерном ракеты (1).

При разработке топлива концерн сотрудничал с корпорацией «Таасия цваит», она же – Israeli military industries, (отсюда не подтвержденные официально данные экспертов Jane's о том, что РН «Шавит» разработана на базе твердотопливной БР «Иерихон-2», в свою очередь, использующей технологию французской фирмы «Дассо» и ее БР MD 660) (2). Кроме того, по мнению ряда экспертов, в частности, Дж.МакДауэлла, «Таасия авирит» сотрудничала в разработке «Шавит» и с южноафриканской корпорацией «Армско». Впрочем, последняя осуществила испытательные пуски своей РН RSA-3 с базы Оверберг в июне-июле 1989 г. и ноябре 1990 г., то есть после запуска израильской РН.

Поскольку АМАН отказывалась принимать участие в разработке, предполагалось возложить ведомственную ответственность за разработку ИСЗ на военно-воздушные силы. Однако в 1986 г. командующий израильскими ВВС генерал-майор Авиху Бен-Нун наотрез отказался принимать на себя такую ношу, поскольку у его ведомства и так хватало забот вроде разработки истребителя-бомбардировщика «Лави».

К счастью для израильской космической программы, новый глава АМАН Амон Липкин-Шахак выступил в 1987 г. в поддержку проекта, взяв ответственность за разработку ИСЗ «Офек» на себя. Итогом стал успешный запуск ИСЗ «Офек-1», осуществленный 19 сентября 1988 г. РН «Шавит» с базы ВВС Пальмахим, расположенной неподалеку от города Кирьят-Гат. Полет ракеты проходил в направлении не против вращения Земли, как на других космодромах, а по нему, над Средиземным морем и в сторону Гибралтара, что стало стандартом для последующих запусков РН «Шавит». Такой способ запуска, резко уменьшающий возможную ПН, был принят, чтобы отработанные ступени РН или спутник в случае аварии не попали в руки сопредельных Израилю государств. Кроме того, в случае падения обломков РН на населенные пункты эти государства обязательно предъявили бы Израилю разного рода претензии и требования.

ИСЗ «Офек-1», согласно имеющимся данным, представлял собой весомый макет разведывательного спутника массой 156 кг. На нем проводилась отработка систем энергоснабжения, терморегуляции и связи, а также бортового компьютера. Разведывательное оборудование отсутствовало. Спутник функционировал несколько недель, на орбите же он оставался 4 месяца и сгорел в плотных слоях атмосферы 14 января 1989 г.

Второй весомый макет, «Офек-2», с помощью которого отработывались системы ориентирования ИСЗ в пространстве, был выведен на орбиту уже 3 апреля 1990 г. Однако попытки запуска полноценного ИСЗ долгое время преследовали неудачи. В 1991 и 1994 гг. были проведены два неудачных запуска. Возникали проблемы с запуском РДТТ третьей ступени и разделением ИСЗ и третьей ступени, в результате чего оба раза спутник, совершив суборбитальный полет, падал в Средиземное море.

Удача повернулась лицом к израильской космической программе 5 апреля 1995 г. Модифицированный по итогам неудачных запусков и более мощный вариант РН «Шавит» вывел на низкую орбиту разведывательный спутник «Офек-3» массой 225 кг. ИСЗ, оснащенный фотоаппаратурой высокого разрешения, проработал на орбите до осени 2000 г. (3)

В целом, начало 90-х годов было для израильской космической отрасли временем больших и, в большинстве своем, несбывшихся надежд. Концерн «Таасия авирит» активно предлагал РН «Шавит» для коммерческих запусков. Так, в 1990 г. IAI совместно с алабамской фирмой Delta research Inc. предлагал «Шавит» для запуска космического аппарата «Метеор» в интересах НАСА, а затем и других спутников. Причем, чтобы обойти американское законодательство, запрещающее использование иностранных РН для вывода на орбиту правительственных ПН, предполагалось заменить первую ступень ракеты на произведенную корпорацией ARC (Atlantic Research). Все эти

предложения были отклонены. Кроме того, в 1994 г. «Шавит» проиграл конкурс на сверхлегкий носитель для США крылатой РН «Пегас».

Предлагались зарубежным корпорациям и отдельные ракетные компоненты. Так, «РАФАЭЛ» с сентября 1992 г. совместно с ARC предлагает верхнюю ступень РН «Шавит» своего производства для коммерческого использования на сверхлегких ракетах. «Таасия Авирит» же весной 1990 г. заявил об успешных испытаниях кислород-водородного ракетного двигателя для разгонного блока (РБ), способного выводить на геостационарную орбиту спутники массой до 2,1 т и пригодного к установке практически на любую использовавшуюся в то время РН тяжелого и среднего класса. Однако этот проект так и остался невостребованным и был закрыт в 1994 г.: американские и европейские производители РН не были заинтересованы в использовании «чужого» РБ, Индия же и Россия отказались от этого РБ по финансовым соображениям.

Вместе с тем, космическая отрасль развивалась достаточно стабильно. Проводились запуски коммерческих спутников: в 1996 г. РН «Ариан-4», стартовавшая с космодрома Куру во Французской Гвиане, вывела на орбиту телекоммуникационный геостационарный спутник «Амос-1» («Afro-Mediterranean orbital system»). «Амос-1» являлся совместным детищем израильской IAI и французской Starsem. Зона покрытия спутника – Ближний Восток и Европа. Идея создания такого ИСЗ выдвигалась еще в 1983 г. бизнесменом и членом Кнессета Меиром Амитом. Кроме того, велось сотрудничество с образовательными учреждениями: силами хайфского Техниона и израильского космического агентства был подготовлен «студенческий» микроспутник «Гурвин-ТехСат-1Б». Его запуск состоялся 10 июня 1998 г. РН «Зенит-2» с Байконура. Спутник до сих пор находится на орбите, отработав по программе больше, чем предполагалось по самым оптимистичным расчетам.

Что касается попыток дальнейшего расширения орбитальной группировки Израиля, то они окончились неудачей. Запуск спутника «Офек-4» 21 января 1998 г. сорвался из-за сбоя в блоке управления второй ступени РН «Шавит». Расследование инцидента показало, что ошибка в программном обеспечении РН была допущена из-за сокращенного цикла предстартовой подготовки и недостатка собственных специалистов у АМАН. В связи с этим в 1999 г. ВВС все-таки пришлось взять на себя дальнейшую разработку и оперативную эксплуатацию ИСЗ «Офек».

В связи с приближающимся завершением срока службы ИСЗ «Офек-3» МО Израиля потребовало запуска нового спутника, однако на этом этапе возникли проблемы финансового плана. Частные компании, согласившиеся инвестировать средства в запуск ИСЗ, требовали гарантий его успешности. Как результат, новый ИСЗ «Эрос», предназначенный для мониторинга поверхности Земли, был запущен в декабре 2000 г. российской РН «Старт-1» (конверсионный вариант РС-12М, она же – СС-25) с космодрома «Свободный».

Официально «Эрос» был коммерческим спутником, предназначенным для экологического и природно-ресурсного мониторинга Земли. На деле, большинство фотосессий спутника проводились по заказу МО Израиля (4).

Тем не менее, поскольку ИСЗ «Эрос» не был полностью подконтролен МО, вопрос о запуске очередного разведывательного ИСЗ с повестки дня не снимался. Как результат, 28 мая 2002 г. РН «Шавит», стартовавшая с базы ВВС «Пальмахим», вывела на орбиту ИСЗ «Офек-5» массой 300 кг. ИСЗ стоимостью примерно в 60 млн. шекелей представляет собой цилиндр высотой в 2,3 метра и диаметром в 1,2 метра. Спутник фиксирован на эллиптической орбите с апогеем (точкой максимального удаления от Земли) 600 км и перигеем (минимального удаления) – 370 км. «Офек-5» совершает полный виток в течение 90 мин., однако из-за специфики орбиты он проходит над одной и той же точкой земной поверхности раз в двое суток, что создает «мертвые зоны» между периодами наблюдения. Фотоаппаратура ИСЗ позволяет делать высококачественные цветные снимки с разрешением до 1 м.

В начале 2003 г. при содействии НАСА был осуществлен полет в космос первого израильского астронавта, военного летчика Илана Рамона. Он провел в космосе ряд экспериментов в области физики полупроводников и выращивания сверхчистых кристаллов кремния в интересах электронной промышленности. Также им была осуществлена фотосъемка ряда участков земной поверхности. Полет закончился трагически: 1 февраля 2003 г. многоразовый космический корабль «Колумбия» разрушился после входа в плотные слои атмосферы. Основные вероятные причины гибели МКК – значительное повреждение теплозащитного покрытия на этапе старта либо на орбите, а также самопроизвольный взрыв топливных компонентов двигателей ориентации на этапе торможения и входа в атмосферу. Тем не менее, ряд израильских СМИ, в частности, газета «Глобс», сообщали о переговорах Израиля с НАСА о запуске второго израильского космонавта в космос. Предполагается, что координатором совместной американско-израильской космической программы будет атташе МО Израиля в США генерал-майор Моше Еври Сукеник.

27 декабря 2003 г. был осуществлен запуск второго коммерческого телекоммуникационного спутника «Амос-2». ИСЗ, изготовленный на заводе «Мабат» фирмы «Таасия авирит» имеет расчетный срок работы от 11 до 12 лет и массу 1,44 т. В зону его покрытия входит не только Европа и Ближний Восток, но и Северо-Восточное побережье США. Первоначально предполагалось, что ИСЗ будет запущен с космодрома Куру с помощью РН «Ариан-5», однако в связи с существующими техническими проблемами с криогенной ступенью этой РН, крайне плотным графиком пусков, а также удачным запуском европейской автоматической межпланетной станции «Марс Экспресс»

российской РН, один из создателей «Амос-2» – фирма Starsem – предложила использовать Байконур.

Пуск ракеты «Союз-ФГ» с разгонным блоком «Фрегат» прошел успешно, на следующий день, 28 декабря, ИСЗ занял свою позицию. Связь со спутником осуществляется из центра управления полетом «Таасия авирит», расположенного в комплексе аэропорта им. Бен-Гуриона.

После запуска «Амос-2» предполагается в конце 2004 г. вывести на орбиту российской РН коммерческий спутник «Эрос-Б», а также армейский коммуникационный ИСЗ массой 2,7 т. Пока не известно, с какого космодрома и какой РН будет осуществлен запуск последнего. Есть вероятность, что это будет перспективная РН «Шавит» LK-1 или LK-2, оснащенная более мощной второй ступенью, и РБ с жидкостным двигателем и способная вывести ИСЗ массой до 800 кг на круговую полярную орбиту высотой 700 км. Эти РН будут готовы к производству в 2005–2006 гг., и «Таасия авирит» уже несколько лет пытается войти с ними (пока – безуспешно) в международную программу запуска легких спутников Leolink.

Кроме того, ведется разработка новых малогабаритных спутников фоторазведки «Офек-6» и «Офек-7», а также ИСЗ радиолокационной разведки. Последние три спутника должны быть построены к 2008 г. С их запуском израильское командование сможет ликвидировать существующие сейчас 48-часовые паузы в наблюдении и получать оперативную информацию о своих вероятных противниках в режиме реального времени.

Масса спутников не превысит 100 кг, а запуск будет осуществляться с помощью новой РН «Аврора» сверхлегкого класса, стартующей с борта самолета-носителя. РН «Аврора-А» создана с использованием узлов противоракеты воздушного базирования ERBS-«Хец» (ERBS – увеличенная версия опытной ракеты «Анкор Шехер», созданной на базе УР «Полай» класса «воздух-воздух»). Фактически, первая ступень «Авроры-А» – это две параллельно соединенные в одном корпусе ракеты ERBS. Вторая ступень РН под названием «Азув» создана заново, хотя тоже имеет двухдвигательную компоновку. Запускаться РН «Аврора-А» будет с борта истребителя F-15. Кроме того, на ранней стадии проектирования находится более мощная РН «Аврора-Б», стартующая с борта специально оборудованного транспортного самолета С-130. Правда, здесь «Аврора-Б» будет иметь перед собой серьезного конкурента в виде разработанной Хайфским технологическим университетом (Технион) РН ALS – облегченного варианта «Шавит», также запускаемого с борта транспортного самолета. Применяемая в вышеупомянутых системах схема воздушного старта позволит «оторваться» от существующих территориальных ограничений и, возможно, осуществить пуск «классическим» способом – против вращения Земли (5, 6).

Следует отметить, что Израиль расширяет свое сотрудничество и с «космическими державами третьего эшелона». Предполагается, что

в 2005 г. Индия осуществит запуск ракетой GSLV научного спутника, который послужит платформой для орбитального телескопа израильского производства. По данным газеты Indian Express, целью проекта общей стоимостью 15 млн. долл. будет составление более точной объемной карты Галактики. Кроме того, согласно заявлению министра науки Израиля Модии Зандберга от 24 января 2004 г., индийская сторона также предложила Израилю участвовать в запуске зонда «Чандраян Пратхам» к Луне в 2008 г. По словам министра, формальное согласие высшего руководства Израиля уже получено (7). Правда, после взрыва на космодроме Шрихарикота в феврале 2004 г. многие индийские СМИ выражали опасения, что программы сотрудничества с иностранными государствами будут сильно сокращены (8).

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что Израиль смог закрепиться в «клубе космических держав», несмотря на существовавшие проблемы. Однако пока сдерживающим фактором для развития израильской космической техники является географический, из-за которого Израилю приходится применять заведомо проигрышные в экономическом плане решения. В связи с этим, пока не будет решен вопрос о запусках против вращения Земли, коммерческая эксплуатация израильских РН крайне маловероятна.

Помимо этого, серьезные опасения внушает состояние финансов государства Израиль. Руководитель израильской космической программы при МО профессор Хаим Ашад отметил, что финансирование космоса находится на критическом уровне, и при его снижении часть проектов придется замораживать (9).

Не в последнюю очередь это связано с тем, что МО Израиля осуществляет сразу несколько дорогостоящих проектов – перевооружение пехоты автоматами TAR-21 «Тавор», модернизацию танков «Меркава Mk. 4» до уровня «Меркава-4 БАЗ (Барак Зоэр)», производство танков «Меркава-5», развертывание ракетного комплекса ПРО «Хец» («Эрроу»), участвует в создании легкого многофункционального боевого самолета F-35. Учитывая крайне негативное отношение министерства финансов Израиля ко всем этим проектам, часть из них, вероятно, попадет под сокращение. Не исключено, что экономить решат и на космосе.

1 «Новости космонавтики», М. № 7, 2002.

2 Jane's space directory, 13th ed. (1997–98), с. 252–254.

3 Journal of British interplanetary society. L., May/June 2002, с. 193–200.

4. www.waronline.org

5. Там же.

6. www.haaretzdaily.com

7. Maariv international, Jerusalem. 24.01.2004.

8. Indian express, Bombay, 24–25.02.2004.

9. www.isra.com

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
И НАУКОЕМКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИЗРАИЛЕ**

Исследования и разработки в области высоких технологий играют особую роль в экономике Израиля. Крошечная страна с ограниченными природными и финансовыми ресурсами, все еще находящаяся в состоянии военного противостояния с частью из своих соседей, вынуждена постоянно искать нестандартные творческие решения – будь то капельное орошение (как способ решения проблемы ограниченных водных ресурсов) или танк «Меркава» (как один из элементов развития оборонной промышленности). В силу своего особого исторического и географического положения Израиль обязан четко формулировать стоящие перед ними задачи, находить пути скорейшего их решения и разрабатывать надежные способы практического воплощения этих решений.

Израиль сделал ставку на развитие и использование человеческого капитала для обеспечения своей экономической и военной безопасности, достижения уровня передовых экономически развитых стран мира. В современных условиях наиболее выгодной является торговля наукоемкой продукцией, значительную часть цены которой составляет интеллектуальная рента, присвоение и капитализация которой является важнейшим источником экономического роста. Поэтому главное внимание должно уделяться стимулированию экспорта наукоемких товаров с высокой долей добавленной стоимости, обеспечению условий капитализации доходов от экспорта и их вложению в расширение производства¹.

Последнее десятилетие отмечено необычайно быстрыми темпами развития высоких технологий вне рамок военной промышленности или университетских и прочих специализированных исследовательских центров, где они были изначально сконцентрированы. В пересчете на душу населения Израиль занимает второе (после США) место в мире по созданию новых фирм в области высоких технологий, производящих инновационную, рыночно ориентированную продукцию.

Путь развития высокотехнологичных отраслей

На первом этапе развития технологическая промышленность Израиля была тесно связана с оборонной промышленностью. Первые научно-исследовательские проекты 60-х годов касались связи и элек-

троники в военной промышленности, но побочные результаты этих исследований, нашедшие свое применение в гражданских разработках, помогли заложить основу израильских высоких технологий первого поколения. Было необходимо обеспечить качественное превосходство Армии обороны Израиля над противником, чей колоссальный численный перевес дополнялся военно-технической поддержкой Советского Союза. Поэтому самая квалифицированная рабочая сила, наиболее современное оборудование и новейшие технологии находили свое применение на предприятиях израильского ВПК. В 80-е годы более 50% всех расходов Израиля на НИОКР шло на военные цели.

В конце 80-х годов в израильской экономике началась конверсия. Но для модернизации промышленности требовались инвестиции, которые, однако, не могли прийти в закрытую и нестабильную страну. Вдобавок, международные санкции и запрет для всех европейских и американских компаний иметь дело с израильскими партнерами оставляли страну на периферии мирового бизнеса.

Уже в 1984 г. израильский экспорт научно-исследовательских разработок принес 1,6 млрд. долл. В этом же году число инженеров и ученых выросло на 460%, экспорт электронной индустрии составил 895 млн. долл. Эти цифры, свидетельствующие об ускоренном развитии израильских высокотехнологичных отраслей, не ускользнули от внимания мировых хай-тек корпораций, которые с начала 80-х годов начали организовывать в стране центры НИОКР. Intel основала подобный центр в Хайфе, а также крупный сборочный завод в Иерусалиме, а позже и завод в Кирьят-Гате. В 1982 г. основано министерство науки и развития, в 1983 г. – Израильское Космическое Агентство, а уже в 1984 г. состоялась первая встреча представителей только что основанной Ассоциации Хай-тек Индустрии.

С начала 90-х годов волна иммиграции из стран бывшего СССР способствовала еще большему увеличению объема иностранных инвестиций, ведь кроме того, что Израиль стал страной с самым большим в мире числом ученых и инженеров на 10 тыс. работающих – 135 чел. (в ближайшей по этому показателю к Израилю стране – США – этот показатель составлял 85 чел.), новая высококвалифицированная рабочая сила оплачивалась значительно ниже, чем аналогичная в промышленно развитых странах Запада. Израиль опережал индустриальные страны и по относительному показателю научного потенциала, исчисляемому по методу Д.Прайса (число ученых, имеющих хотя бы одну публикацию в международном научном журнале на данный год на 10 тыс. работоспособного населения). Всего в системе израильских НИОКР в начале 90-х годов было занято около 10% населения². Дополнительными стимулами стали налоговые льготы израильского правительства и местных властей, предоставляемые иностранным инвесторам, основание большого количества технологических «инкубаторов», процесс мирного урегулирования проблем с Палестиной и Иорданией.

К тому времени доля продукции хай-тек индустрии составляла 23% от всего экспорта Израиля и, при постоянном росте, достигла 33% в 1997 г. Продажи программных продуктов израильских компаний возросли с 450 млн. долл. в 1990 г. (из которых 89 млн. долл. приходились на экспорт) до 3 млрд. долл. в 1999 (2 млрд. долл. – экспорт).

Резкое развитие хай-тек индустрии повлекло за собой большое число сделок по выкупу израильских компаний «старт-ап» мировыми транснациональными корпорациями и наплыв израильских компаний в списки NASDAQ и NYSE. Это, например, Check Point (Nasdaq: CHKP), Amdocs (NYSE: DOX), Comverse (Nasdaq: CMVT), и Mercury Interactive Corporation (Nasdaq: MERQ), 14 израильских компаний выступают на европейских фондовых биржах, не считая, разумеется, тех фирм, которые представлены на Тель-Авивской фондовой бирже³.

Сегодня Израиль представляет собой крупнейший в мире после Силиконовой долины научно-технический парк, уступая ей только по такому показателю, как концентрация новых компаний, работающих в области высоких технологий: на 6,5 млн. населения страны приходится 4 тыс. технологических предприятий. В пиковый период «интернет-лихорадки» 1999–2000 гг. в Израиле ежедневно создавались два-три венчурных предприятия. На рубеже нового тысячелетия Израиль может законно гордиться тысячами своих фирм в таких областях, как телекоммуникации, программное обеспечение, полупроводники, биотехнология и медицинская электроника. В основном это недавно созданные компании, что не помешало некоторым из них занять прочные позиции на мировом рынке. Такие мировые лидеры в области высоких технологий, как Intel, Motorola, IBM, Microsoft, Alkatel и 3Com, имеют свои филиалы и научно-исследовательские центры в Израиле. Целый ряд межнациональных компаний приобретает израильские фирмы, израильские патенты и привлекает к работе израильских специалистов.

Фирмы хай-тека расположены по всей стране – в Тель-Авиве, Иерусалиме и в городах развития в Галилее и в Негеве. Основные центры высоких технологий находятся в Тель-Авиве – Промышленный парк Atidim, в Герцлии-Питуах севернее Тель-Авива, в Реховоте, поблизости от Института им. Вейцмана, и в северо-восточных пригородах Тель-Авива.

Одна из главных проблем, стоящих на современном этапе перед израильским научно-техническим комплексом, заключается в том, что основные научно-исследовательские, производственные и экономические возможности в области самых передовых технологий концентрируются в военно-промышленном комплексе. Например, в крупнейшее объединение израильского ВПК – Israel Aircraft Industries (IAI) входят четыре специализированных отделения, а это около 20 предприятий, более половины сотрудников которых заняты в сфере НИОКР. Продукция IAI – это космическая техника, самолеты, ракеты, системы целеуказания, управления и связи, раннего предупреждения,

радары, миноискатели, композитные материалы для военного транспорта. В 1993 г. IAI реализовало продукции на 1,5 млрд. долл., в том числе оружия и военной техники – на 1,1 млрд. долл. В 1994 г. объем заказов достиг 3 млрд. долл. При этом в 1994 г. было экспортировано 80% продукции, в 1995–96 гг. – около 70%⁴.

Сейчас по ряду направлений происходит активный перелив технологий из военной сферы в гражданское производство. Например, для израильских радиоэлектронных компаний характерно стремление создавать системы двойного использования, поэтому многие военные разработки представляют непосредственный интерес для народного хозяйства. Аэрокосмическая промышленность, связанная с нуждами обороны, дала толчок технологическому развитию в гражданских областях. Вслед за первым израильским гражданским самолетом «Арава» был создан реактивный «директорский» самолет «Уэст-винд». Израиль производит и экспортирует спутниковое оборудование: дисплейные системы, аэронавигационные компьютеры и полетные тренажеры. Страна является мировым лидером в области технологии и производства беспилотных летательных аппаратов.

Другой пример – Военное Управление Rafael, приоритетным направлением развития которого являлись производство изделий электронной оптики (область, в которой Управлением достигнуто мировое лидерство), сенсорных устройств, микроэлектроники и развитие инфракрасной технологии получения изображения. На стыке отдельных направлений его предприятия производили продукцию гражданского назначения, пользующуюся спросом на мировом рынке.

2000 г. стал переломным для мирового хай-тека. Не обошел он и Израиль. Принцип ведения бизнеса, основанный на ускоренном и безосновательном размещении акций на фондовой бирже для дальнейшей капитализации, показал свою несостоятельность. Инвесторы, несколько предыдущих лет ожидавшие возвращения вложенного капитала, сократили вливания в старт-апы. Рынок перенасытился, сказка о компьютерах как панацее от всех проблем, была разоблачена. Ситуацию усугубили СМИ, часто и много муссировавшие мысль о стагнации в отрасли и ее бесперспективности для экономики. Обвал на фондовых биржах вызвал замораживание действующих проектов и сворачивание зарождающихся. «Мыльный пузырь», основанный на неосведомленности покупателей, модности темы и переизбытке новых технологий, лопнул – разрешился так называемый кризис «дот-комов» (от английского «.com»), когда вдруг стало ясно, что реальная цена огромного числа мелких компаний, число работников в которых зачастую не достигало и десяти человек, завышена во много раз. Многие сходились во мнении, что наступила постэкономическая эра, когда число занятых на предприятии и стартовый капитал минимальны, а стоимость самой компании очень высока. Кризис отрицательно сказался на притоке венчурного капитала в хай-тек компании, и, хотя в Израиле хай-тек всегда

был сектором, «специализировавшимся» более на оптико-волоконном оборудовании для интернет-провайдеров, защите данных и памяти, чем на «дот-комах», начавшаяся интифада усложнила ситуацию и снова привела к увеличению госрасходов на военную промышленность.

Глава отделения электронной отрасли при Объединении Промышленников Израиля, Амирам Шор, выступил в ноябре 2002 г. с заявлением, в котором описал ситуацию в отрасли и сделал некоторые прогнозы. По его словам, высокотехнологичный экспорт вырос в 4 раза с 3 млрд. долл. в 1991 г. до 12,3 млрд. долл. в 2000 г.; тем не менее, в течение 2000 г. вследствие кризиса он упал на 12,6%, до 11 млрд. долл. в 2001 г. Шор отметил, что к концу 2002 г. понижение экспорта продукции отрасли, по сравнению с предыдущим годом, достигло 16%, а сумма экспорта составила лишь 8,2 млрд. долл. Докладчик обратился к правительству с требованием увеличить бюджет 2003 г. по статье «развитие и исследование» по меньшей мере на 100 млн. долл.⁵

**Ведущие компании Израиля,
работающие в области «высоких технологий» (1998 г).**

Компания	Область деятельности	Число работников	Объем экспорта в млн. долл.	Объем продаж в млн. долл.	Темп роста, %
ECS	Медицинская косметика	300	3,29	115	371
Check Point	Антивирусы	150	31,9	70	244
Nais	Компьютеризированные голосовые системы	270	39,8	65	93
Gillat	Спутниковая связь	330	74,1	100	55
Teledata	Быстрая телефонная связь	270	57,1	90	47
Efrat	Компьютеризированные почтовые ячейки	1100	207,3	290	36
Technometrics	Автоматизация производственных линий	300	44,5	57	35
Qutzat Rad	Компьютеризированные коммуникации	700	113,9	140	26
ECl	Телефонная связь	310	588,7	690	21
Orboteck	Электрооптика	1100	148,2	190	17

Источник: Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 169.

Правда, есть и другие данные, показывающие уже не конкретные цифры по конкретному году, а общую динамику развития отрасли: Центральное статистическое бюро Израиля опубликовало в 2001 г. отчет о развитии сферы высоких технологий за последние пять лет. Производ-

ство в этой сфере выросло на 72%, при этом рост числа занятых в производстве составил лишь 24%. Средняя зарплата работников сферы высоких технологий выросла на 30% до 15 тыс. шекелей в месяц и сейчас на 80% превышает среднюю по стране. Доля промышленной продукции сферы высоких технологий, предназначенная для продажи на мировых рынках, выросла с 60% до 70% (в целом по индустрии доля экспортируемых товаров выросла с 23% в 1995 г. до 40% в 2000 г.).

Кадры

Залог израильских успехов в сфере высоких технологий – это наличие высококвалифицированных, энергичных и предприимчивых специалистов. Двадцать процентов всех работающих имеют высшее образование. Израиль уступает по этому показателю только США (в Канаде он составляет 17%, в Великобритании – 12%, в Италии 8%). Как уже говорилось, Израиль занимает первое место в мире по численности инженеров; в стране имеется 28 тыс. – наивысший мировой уровень на душу населения.

За последнее десятилетие в страну прибыл почти миллион новых репатриантов из бывшего Советского Союза, причем образовательный уровень этих новых граждан превышает среднеизраильский: 2,3% новоприбывших имеют вторую и третью ученые степени, в то время как по Израилу в целом этот показатель составлял 1,2%. 2/3 этих иммигрантов имеют высшее образование; 40% обладают опытом работы в сфере науки и высшего образования. Более 10% новых иммигрантов имеют дипломы инженеров (их число почти вдвое больше количества инженеров израильского происхождения). Среди репатриантов из бывшего Советского Союза преобладают специалисты в сфере новых материалов и прогрессивных технологий, что хорошо дополняет традиционную компетентность израильских специалистов в таких областях, как программное обеспечение, полупроводники, медицинское оборудование, биотехнология, электроника и связь.

Оценивая качество рабочей силы, следует отметить, что уровень образования работающих в Израиле и раньше был весьма высок. В 1990 г. 17% занятых имели высшее и 19% – среднее специальное или незаконченное высшее образование. Среднее число лет обучения работающего возросло с 8,5 в 1970 г. до 12,1 в 1988 г.⁶

Существенно важный вклад в подготовку специалистов высоких технологий вносит Армия обороны Израиля. Призывные комиссии осуществляют – в масштабе всей страны – отбор наиболее способных и многообещающих молодых людей. Им предоставляется возможность пройти, наряду с воинской, специальную научную подготовку в рамках элитарных учебных программ. Выпускники приобретают не только уникальные знания, но и навыки лидерства и умение решать нестандартные задачи, не говоря уже о том, что в процессе учебы завязываются дружеские отношения, которые в дальнейшем

становятся основой делового сотрудничества. Нередко компаньонами вновь созданных фирм хай-тека являются недавние однополчане.

Однако в полном противоречии с радующей глаз статистикой местные разработчики все активнее стремятся «уехать» из страны. Главным покупателем израильских компаний, работающих в сфере высоких технологий, являются, конечно, крупнейшие корпорации США, которые тратят на эти цели большие деньги даже по заокеанским меркам. Сенсацией 2003 г. стала покупка американской корпорацией Lucent Technologies частной компании Chromatics с персоналом всего 160 человек за 4,5 млрд. долл. (это обеспечило Lucent более широкое присутствие на рынке оптико-волоконных сетей, который, по прогнозам специалистов, будет расти более чем на 60% в год). Значительные вложения в израильские высокие технологии сделали и многие другие иностранные компании.

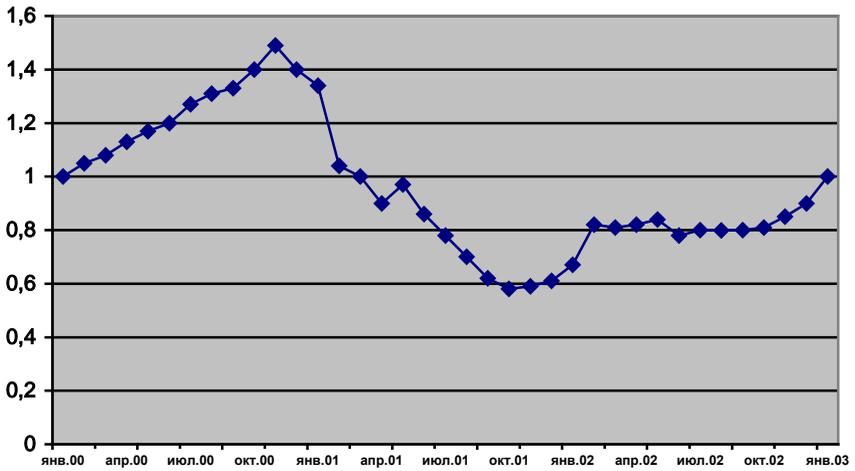
Существует и другая тенденция. Большинство израильских компаний «превентивно» выносят свои штаб-квартиры за пределы страны, прежде всего в США. Это связано с непомерным налоговым бременем и нюансами израильского законодательства, которое, например, запрещает акционерам продажу акций компании в течение двух лет в случае ее слияния с зарубежной фирмой.

Такая ситуация не устраивает руководство Израиля, которое хотело бы видеть национальные высокотехнологические компании в качестве самостоятельных игроков на рынке, а Израиль – одной из ведущих технологических держав не только на Ближнем Востоке, но и в мире. По мнению израильских экспертов, для реализации этой задачи правительство страны должно как можно скорее пойти на снижение налогов и изменения в законодательстве. Иначе уже через несколько лет Израиль может остаться без собственных разработчиков высокотехнологичной продукции⁷.

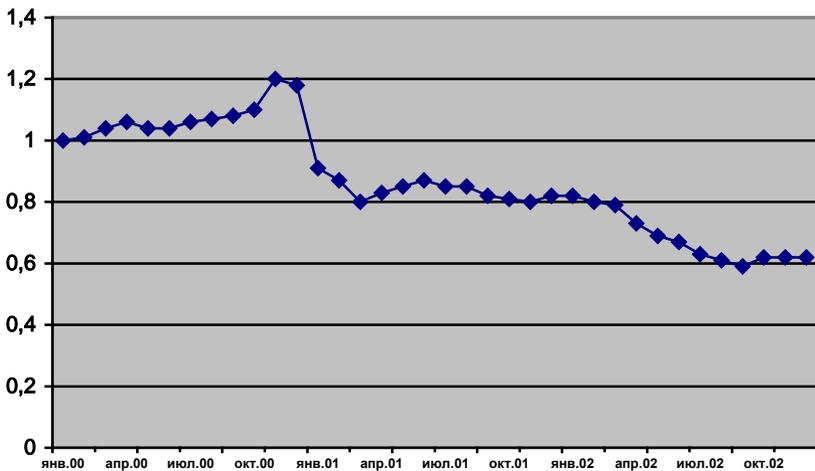
Ситуацию усугубил кризис в хай-теке, начавшийся в 2000 г. За 3 года, прошедшие с его начала, было уволено 10% высококвалифицированного персонала. Особенно пострадали программисты и менеджеры среднего звена – спрос на них упал на 64% по сравнению с пиковым в конце 2000 г., когда 37% всех объявлений о найме на работу были так или иначе связаны с хай-теком. Увольнения в Интернет-секторе в период наибольшего спада – в феврале 2001 г. – составили 40% работников. Только в мае 2002 г. начался небольшой рост спроса примерно на 5–6% в месяц, простимулированный в какой-то мере правительством, разработавшим в августе 2002 г. специальную программу по найму в государственные организации 3,5 тыс. человек, уволенных в результате кризиса⁸.

Приведенные ниже диаграммы, составленные по данным, взятым с сайтов www.globes.co.il и www.delo.co.il, иллюстрируют эти процессы. Спрос на специалистов в области хай-тека вычислялся на основе опубликованных объявлений о найме.

**Динамика спроса на специалистов в области хай-тек
(за 1 принято положение на январь 2000 г.)**

**Динамика изменения зарплаты работников хай-тек
(за 1 принята средняя зарплата,
выплаченная в январе 2000 г.)**

Заметна некоторая стабилизация уровня заработной платы. По данным сайта www.evrey.com, в конце 2003 г. средняя зарплата в секторе хай-тека составляла 14,3 тыс. шекелей (10 тыс. шекелей – после уплаты налогов; 2,5 тыс. долл.). Это почти на 5% выше, чем в конце 2002 г. С учетом инфляции реальный рост составил 3%⁹.

Весьма заметный рост уровня заработной платы на фоне общемирового экономического спада объясняется, во-первых, тем, что первая волна увольнений как в хай-теке, так и в классических сферах промышленности, «задела» в основном тех, кто был принят на работу недавно. Это, по определению люди, получающие в общей тарифной сетке начальные ставки. Вывод подтверждается и результатами исследования, проведенного компанией MIT (группа Manpower). По данным компании, к концу 2003 г. потребность в рабочей силе в отрасли высоких технологий сократилась в Израиле, по сравнению с октябрём 2002 г., на 43%. При этом в первую очередь снизился спрос на рядовых программистов, работников службы поддержки и администраторов сетей.

Кроме того, в Израиле (собственно, как во всех развитых странах) в промышленности происходят структурные изменения. Во многих отраслях труд работников низшей и средней квалификации заменяется более квалифицированным, связанным с использованием компьютеров и высоких технологий, что неизменно приводит к росту зарплат. По данным той же компании MIT, в израильском хай-теке растет спрос на инженеров-программистов высокой квалификации и опытных менеджеров компаний¹⁰.

И, наконец, третья причина. Решением Кнессета в конце 2002 г. минимальный уровень зарплат был поднят до 3,3 тыс. шекелей в месяц (800 долл.).

Многие эксперты сходятся во мнении, что за первой волной увольнений должна последовать вторая волна. Помимо увеличения числа безработных, это приведет к замораживанию роста уровня заработной платы. А, может быть, и к некоторому снижению.

Академические исследования

Научно-исследовательскую работу в стране ведут десятки правительственных, армейских и общественных институтов, медицинские центры и высшие учебные заведения.

Как все университеты мира, израильские университеты считают своей главной задачей развитие фундаментальных научных исследований. Показателем эффективности их научной деятельности может служить количество публикаций во всех областях науки, которое постоянно растет, и, судя по коэффициенту цитирования, они пользуются большим авторитетом в международном научном сообществе.

В процентном отношении к общей численности работников, занятых в народном хозяйстве, Израиль имеет гораздо больше авторов

публикаций в области естественных и технических наук, сельского хозяйства и медицины, чем Великобритания, Канада или Германия, уступая только США, а также самый высокий процент соавторств с зарубежными учеными.

Источник: Israeli biotechnology project, Tel-Aviv: 2001.

В целях интеграции израильской науки в международное научное сообщество поощряется проведение постдокторальных исследований и «шабатонов» (творческого отпуска, предоставляемого раз в семь лет ученым и инженерам) за границей и участие в зарубежных научных конференциях. В институтах, университетах и на государственном уровне осуществляются программы по научному обмену и совместные проекты с зарубежными партнерскими организациями. Израиль также является важным центром международных научных конференций: он проводит их более сотни в год.

Занимаясь широкомасштабной научно-исследовательской деятельностью, университеты вносят большой вклад в развитие науки в Израиле. Институт им. Вейцмана стал одним из первых институтов в мире, при котором была создана особая организация по коммерческому внедрению его разработок (1958 г.), а сегодня подобные структуры существуют во всех израильских университетах. Впервые в мире в Израиле стали прикреплять наукоемкие промышленные проекты к университетским программам. Помимо этого, при университетах создаются, часто в содружестве с местными или иностранными компаниями, дочерние промышленные фирмы, которые занимаются коммерческой реализацией продукции, созданной на основе технических разработок этих университетов.

Израильские вузы работают в тесном сотрудничестве с расположенными по соседству промышленными парками. Вот несколько примеров такого сотрудничества: промышленный парк «Кирьят-Вейцман»

и Институт им. Вейцмана в Реховоте; иерусалимские технологические парки «Хар Хоцвим» и «Малха» и Еврейский университет; парк высоких технологий МАТАМ в Хайфе и хайфский Технион; парк высоких технологий «Атидим» и ТельАвивский университет.

Сейчас в университетах действуют межотраслевые исследовательские центры и экспертные институты, роль которых в таких отраслях как строительство, транспорт и образование поистине неопределима. Научно-исследовательские институты также проводят огромную консультационную работу в области технологии, финансов и менеджмента. Доля участия израильской промышленности в финансировании научных исследований по контрактам с университетами – более 9% (в США и Канаде 6–7%).

Правительственные затраты на проведение научных исследований увеличились с 242 млн. долл. в 1990 г. до 426 млн. долл. в 1994 г. и 464 млн. долл. в 1995 г. Особенно значительным было увеличение государственного бюджетирования израильской науки в 1993–94 гг., когда рост его составил соответственно 14,8% и 17,8% по отношению к предыдущим годам. В финансировании израильских научных исследований традиционно принимали участие, наряду с правительственными структурами, частные благотворительные фонды, университеты и корпорации. Так, в 1993 г. их доля в финансировании научных исследований составляла: 46% – корпорации, 35% университеты, 12% – правительство и 7% – фонды¹¹. Следует отметить, что высокая доля затрат на научные исследования в университетских бюджетах являлась для Израиля традиционной, в 1990/91 учебном году она составляла в бюджетах: 49,4% Еврейского Университета в Иерусалиме, 43,9% «Техниона», по 43,4% Тель-Авивского Университета и Университета им. Бар-Илана, 34,6% Университета им. Бен-Гуриона в Негеве и 17,2% Хайфского Университета¹². В науке было занято полное время или часть его около 20% всех выпускников израильских вузов¹³.

Государственная поддержка НИОКР и венчурного бизнеса

В 1985 г. был принят «Закон о поддержке НИОКР в Израиле». В основе этого закона – программа финансирования научных исследований. Компании – как большие корпорации, так и малые фирмы, прошедшие конкурсный отбор, могут получить государственные гранты и поддержку для развития своих технологий и налаживания производства. Бюро Главного Ученого при министерстве промышленности и торговли (БГУ) ежегодно выделяет около 400 млн. долл. в качестве стипендий на исследования и разработки, что покрывает от 30% до 66% всей их стоимости. Около 100 млн. долл. в год составляют компенсации министерства в виде процентных отчислений при условии успешной реализации продукции.

Фирмы, обратившиеся в БГУ для получения гранта			
годы	количество фирм	обратившиеся в первый раз	
		всего	предприятия «старт-ап»
1990	451	216	30
1991	576	264	109
1992	626	241	165
1993	661	245	179
1994	777	291	218
1995	715	236	146
1996	705	257	200
1997	643	200	170
1998	629	222	165
1999	598	208	138
Всего		2380	1520

Источник: Israeli biotechnology project, Tel-Aviv, 2001.

Занятым в инновационном бизнесе промышленным компаниям предоставляется статус «одобренных предприятий», то есть статус наибольшего благоприятствования. Такие фирмы освобождаются от подоходного налога, ставка налога на доходы корпораций снижается с 45% до 25% нераспределенной прибыли, норма амортизационных отчислений удваивается, различного рода платежи, связанные с регистрацией компании, откладываются на 5 лет, импортируемое предприятием оборудование и строительные материалы освобождаются от таможенных пошлин и налога на покупку. Кроме того, за счет государственных субсидий и кредитов финансируется до 90% вложений в основной капитал, на льготных условиях сдаются в аренду производственные сооружения, выделяются средства на подготовку персонала.

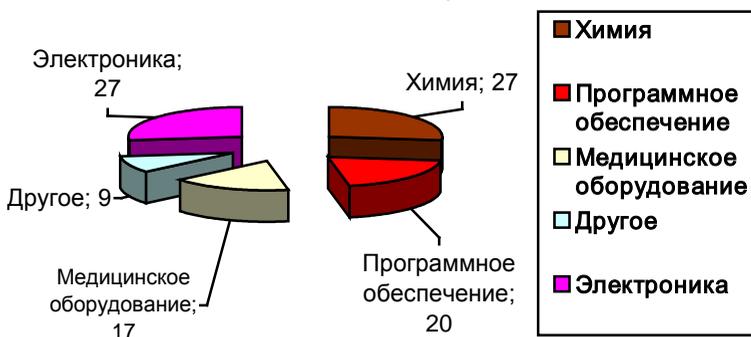
БГУ сейчас поддерживает огромное количество программ, главные из которых: MAGNET – программа поддержки начинающих компаний; программа технологических инкубаторов; многочисленные программы двух- и многостороннего сотрудничества с иностранными фирмами, работающими в данной области.

MAGNET. Еще в 90-е годы стало понятно, что израильский высокотехнологичный сектор слишком фрагментирован, а компании слишком малы, чтобы успевать за быстроизменяющимся рынком. Израильские НИИ действовали в изоляции от индустриального развития Европы и Америки. Поэтому огромный экономический потенциал не был задействован. Чтобы преодолеть эти трудности, в 1992 г. была начата программа MAGNET. Целью было помочь созданию консорциума, в который могли бы войти как исследовательские институты, так и фирмы, работающие в тех же областях. В 1992–96 гг. гранты по этой программе были выданы 14 проектам. К концу 1999 г.

было создано 18 консорциумов, распорядившихся общим бюджетом в 60 млн. долл., и 4 дополнительных консорциума готовились присоединиться к ним. Выплаты по этой программе, рассчитанные на 3–5 лет, составляли 66% от затрат компании и 100% от затрат академического партнера (80% – грант министерства, 20% – компании), имеющего право на долю в прибыли после реализации проекта. Гранты на внедрение разработанной технологии составляли 66% от затрат в первые 3 года и 50% – в последующие. При этом от фирм не требуется возвращать выделенные средства. Имея в виду возможный конфликт с антитрестовским законодательством, члены консорциума должны обещать, что их деятельность не будет препятствовать развитию других компаний.

Инкубаторы. БГУ организовало так называемый проект «Инкубатор технологий», который пытался удовлетворить финансовые, инфраструктурные и технологические потребности новой, но очень перспективной отрасли экономики. Фирмы, получающие место в «теплице», имеют право на грант в размере или 85% от утвержденного бюджета проекта, или до 170 тыс. долл. в год на протяжении двух лет. Бюджет данного проекта постепенно возрастал с 3,6 млн. долл. в 1991 г. до 30 млн. долл. в 1999 г. Более 800 научных проектов в 28-ми «инкубаторах» были поддержаны в течение этого десятилетия, а 600 из них оказались осуществленными. Примерно половина из шестисот новых предпринимателей подписала договоры либо с инвестором, либо с коммерческим партнером, причем сумма сделок находилась в диапазоне от 50 тыс. долл. до 18 млн. долл. В целом ассигнования на эти проекты составили более 320 млн. долл. В «инкубаторах» сейчас работают около 900 человек, 70% из них – иммигранты.

Распределение проектов в «инкубаторах», 1999 г.

Источник: Israeli biotechnology project, Tel-Aviv, 2001.

Программа поддержки других программ НИОКР. Фирмы, желающие принять участие в этой программе, представляют в БГУ свой проект на рассмотрение, и если проект одобряется (таких обычно около 70%), фирма получает грант в размере 50% необходимой ей суммы. Успешные разработки (ведущие к прибыли от продажи) должны отдавать БГУ «отступные» в размере 3% от ежегодной прибыли до достижения размера выплаченных дотаций. Для получения гранта необходимы три условия:

1. Фирма-претендент должна сама изготавливать конечный продукт.
2. Продукт должен изготавливаться в Израиле.
3. Любые know-how, относящиеся к дотируемому проекту, не должны передаваться третьим лицам.

Инвестиционный центр министерства торговли и промышленности предоставляет субсидии для создания новых и расширения существующих промышленных предприятий. Размер ссуды зависит от региона – предприятия, расположенные в периферийных зонах, вправе претендовать на более значительные субсидии. Фирмы хай-тека, как правило, не являются особенно капиталоемкими, поэтому они предпочитают такую форму поощрений, как налоговые льготы.

Бюджет Бюро Главного Ученого (1988–2000 гг.),						
млн. долл.						
Годы	гранты на НИОКР	отдача (возвращенные средства)	отдача/грант	итого выплачено*	программа Magnet	инкубаторы
1988	120	8	0,07	112	–	–
1989	125	10	0,08	115	–	–
1990	136	14	0,10	122	–	–
1991	179	20	0,11	159	0,3	3,6
1992	199	25	0,13	174	3,7	16
1993	231	33	0,14	198	4,6	23
1994	316	42	0,13	274	10	28
1995	346	56	0,16	290	15	31
1996	348	79	0,23	269	36	30
1997	397	102	0,26	295	53	30
1998	400	117	0,29	283	61	30
1999	428	139	0,32	289	80	30
2000	395	128	0,32	267	70	30

Источник: Israeli biotechnology project, Tel-Aviv, 2001.

* Как видно из таблиц, количество компаний, обращающихся в БГУ, уменьшается, а бюджет БГУ все растет. Это объясняется тем, что средняя сумма, тратящаяся на проект, возросла с 227 тыс. долл. в 1995 г. до 368 тыс. долл. в 1999 г.

БГУ координирует также международное сотрудничество и проводит в жизнь договоры в области исследований и разработок, дополняющие совокупность израильских соглашений о свободной торговле с разными странами.

Фонды «повышенного риска». Ключ к успеху в сфере высоких технологий – это инвестиционные фонды, вкладывающие средства в создание новых компаний. Наличие венчурного капитала, обеспечивающего деятельность «стартовых» предприятий (где риск неудачи и банкротства, естественно, выше, чем у старых солидных компаний), позволило осуществить свои идеи сотням новых предпринимателей.

В Израиле в 1992 г. была создана государственная компания с капиталом в 100 млн. долл., которая, в свою очередь, создала 10 венчурных фондов, вложив в каждый из них 8 млн. долл., при условии привлечения еще 12 млн. долл. частных вложений. Основной идеей было привлечь к партнерству в этих фондах широко известных и успешных на Западе венчурных предпринимателей. Было поставлено условие – западные партнеры должны были обучать израильтян всем аспектам технологии венчурного хай-тек-бизнеса. Привлекательность участия в этих фондах для западных «акул» обеспечивалась исключительно льготными для них условиями распределения дохода (и страхования рисков). Можно сказать, что государственные деньги пошли на оплату услуг «западных специалистов» – и окупились в виде привлеченных в хай-тек 5 млрд. долл. инвестиций с немалым коэффициентом 50¹⁴.

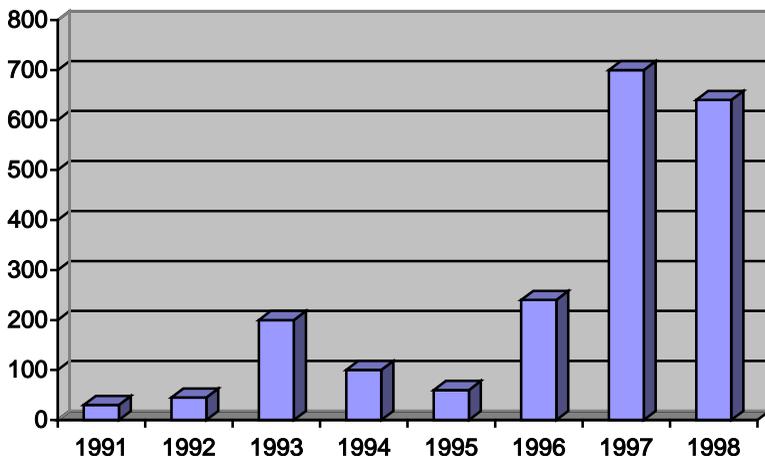
В 1999 г. в Израиле на деятельность частных фирм высоких технологий была мобилизована рекордная сумма – свыше 1 млрд. долл. Эти деньги поступили как из инвестиционных фондов повышенного риска, так и из иных источников. Около 43% всех средств удалось мобилизовать из местных фондов, остальное – из зарубежных. В 1999 г. примерно 330 компаний получили необходимые ссуды из венчурных инвестиционных фондов. Доминирующей сферой деятельности для многих компаний хай-тека тогда стал Интернет, но заметные капиталовложения были сделаны также и в такие области, как связь, полупроводники и программное обеспечение. В 2000 г. в Израиле уже 60 венчурных фондов, наряду с денежными ссудами предоставляющих и компетентные управленческие консультации. Поручителями фирм являются не только ведущие мировые инвесторы, но и международные компании хай-тека, заинтересованные в успехе новых израильских предприятий. В 2000 г. они распорядились 4 млрд. долл., инвестированными в 160 предприятий «старт-ап»¹⁵. При этом, по данным израильской ассоциации венчурного капитала, в течение самого 2000 г. в хай-тек было инвестировано 2,5 млрд. долл. Основную часть – около 1,7 млрд. долл. – составили прямые американские инвестиции; еще 435,6 млн. долл. вложили израильские венчурные фонды, которые, в свою очередь, получили деньги из тех же США.

Более половины общей суммы было направлено на развитие телекоммуникаций. В 2001 г. вклад израильских венчурных фондов составил уже 812 млн. долл.

Но и отдача от каждого вложенного доллара получилась немалой. По данным Центрального бюро статистики Израиля, объем экспорта высокотехнологической продукции достиг в 2000 г. 15 млрд. долл. – это около трети всего экспорта страны. Только программных продуктов было экспортировано на 2,5 млрд. долл. Причем, 38% купили страны Северной Америки, 37% – Европа, 10% – Азия, 5% – остальные страны и регионы.

Некоторый спад объемов инвестиций, наметившийся в конце 2001–2002 гг., постепенно преодолевается. В 2003 г. 26 самых больших рискованных фондов в Израиле вложили в хай-тек 2,3 млрд. долл., что на 31% больше, чем в 2002 г. В 2003 г. они инвестировали в 1208 компаний, что на 26% больше, чем в 2002 г.¹⁶

Объем инвестиций израильских венчурных фондов в "старт-апы", млн. долл.

По данным сайта www.mfa.gov.il

Несмотря на политическую нестабильность, поток инвестиций в Израиль вряд ли иссякнет. Президент America Online Investment Лигал Лидэр заявил, что его компания будет «увеличивать инвестиции в эту страну». В 1998 г. АОI за 400 млн. долл. приобрела созданную

молодыми («двадцатилетними») программистами компанию Mirabilis – разработчика ICQ, популярной во всем мире технологии обмена сообщениями в Интернете. А в 2000 г. AOL вложила 50 млн. долл. в семь израильских компаний и четыре венчурных фонда.

Самым успешным венчурным проектом в Израиле аналитики считают компанию Check Point. Ее даже сравнивают с Microsoft на раннем этапе развития. Компания была основана в 1994 г. группой программистов, уволившихся в запас из израильской армии. Сейчас Check Point контролирует более 50% мирового рынка технологий Firewall, обеспечивающих контроль над доступом к сетям. Объем этого быстрорастущего рынка в 2000 г. оценивался в 548 млн. долл.¹⁷

В первые годы существования государства потенциальных вкладчиков смущал фактор риска, связанный с военным положением; кроме того, иностранные капиталовложения не поощрялись социалистическими правительствами, декларировавшими необходимость создания самостоятельной промышленной инфраструктуры. Однако мало-помалу иностранные компании принялись зондировать почву. В 70-е годы Motorola обозначила первое значительное американское присутствие в Израиле – сегодня эта фирма занимается разработкой и производством оборудования связи и полупроводников, и ее годовой объем продаж превосходит 1 млрд. долл. За ней последовала IBM, начавшая с филиала, занимавшегося сбытом готовой продукции и техническим обслуживанием. К концу 70-х годов этот филиал превратился в крупное предприятие в Хайфе. Intel тоже начинал с небольшого исследовательского филиала в Хайфе. Сейчас ему принадлежат два гигантских предприятия по производству полупроводников – в Иерусалиме и в городе развития Кирьят-Гате. Но по настоящему солидные иностранные капиталовложения начали осуществляться только в 90-х годах.

Благодаря развитию мирного процесса исчезло ощущение чрезмерного риска. Израильтяне, обосновавшиеся в Силиконовой долине, также сыграли определенную роль в готовности американских предпринимателей решиться на капиталовложения в стране. В 1992 г. иностранные вложения в израильский хай-тек составляли 0,4 млрд. долл., в 1999 г. – 3,7 млрд. долл., а в 2000 г. был достигнут пик – 5 млрд. долл. Правда, уже в первой половине 2001 г. они составили всего 1,1 млрд. долл.¹⁸

Вот некоторые из крупных прямых вложений, осуществленных за последние годы:

– Американская компания BMC купила за 675 млн. долл. израильскую фирму New Dimensions, занимавшуюся разработкой уникального программного обеспечения для систем контроля, автоматизации и управления предприятием.

– SunGuard, США, уплатила 210 млн. долл. за фирму Oshap (Герцлия), создавшую действующие в масштабе реального времени

системы программного обеспечения для производственных линий предприятий автомобильной и авиакосмической промышленности.

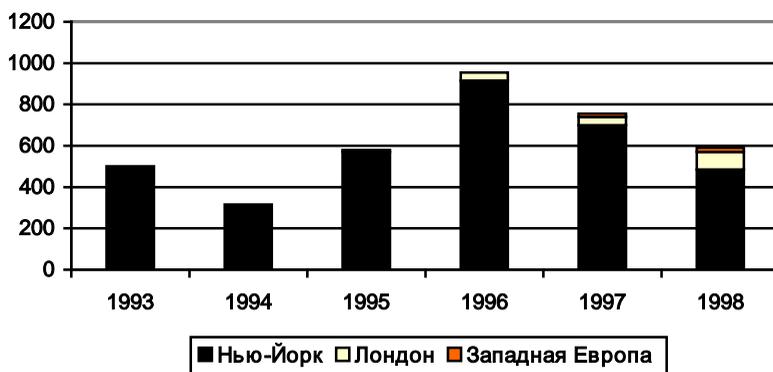
– Наиболее громкой сделкой 2000 г. стало поглощение – американская Lucent приобрела израильскую Chromatics путем обмена акций на сумму 4,6 млрд. долл. До этого в истории израильского бизнеса наиболее крупным считалось поглощение Intel компании DSP Communications, занимавшейся разработкой решений для цифровых сотовых коммуникаций. Intel, стремясь к развитию своего Интернет-бизнеса и приложений для него, выложила в 1999 г. 1,6 млрд. долл.

– Platinum Technology за 386 млн. долл. приобрела фирму Memco Software, компанию, разрабатывающую системы сетевой безопасности.

Как обычно, европейским странам потребовалось больше времени для того, чтобы оценить израильский потенциал. Тем не менее, немецкий автомобилестроительный гигант Volkswagen заключил сделку стоимостью в 200 млн. долл. с Dead Sea Works и создал совместное дочернее предприятие по извлечению из Мертвого моря магния, необходимого автомобильной и авиакосмической промышленностям. Несколько вновь созданных израильских фирм были куплены немецкими компаниями Siemens и Ornet.

Израильские фирмы не только являются объектами покупки, но иногда и сами приобретают зарубежные компании. Так, мировой лидер в разработке CRM-систем (Customer Relationship Management) израильская фирма Arndocs в 1999 г. купила за 358 млн. долл. канадскую Architel, постоянными клиентами которой являются и General Electrics и Microsoft¹⁹.

**Объем иностранных инвестиций
в израильские фирмы, в млн.\$**

По данным сайта www.mfa.gov.il

Международные связи Израиля в области научных исследований и разработок осуществляются сегодня на всех уровнях – от государственных контактов до контактов между отдельными учеными. Неоценимый вклад в научно-технический прогресс Израиля внесло создание межгосударственных научно-исследовательских организаций, сфера деятельности которых охватывает широкий диапазон областей от фундаментальных исследований до промышленных разработок и маркетинга.

Главным партнером Израиля в научно-технической области остаются США. В 70–80-е годы это сотрудничество развивалось ускоренными темпами, особенно в области производства боевой техники. Израильские разработчики получили доступ к новейшим американским аэрокосмическим, электронным и другим технологиям. Вместе с тем, за последнее десятилетие заметно вырос интерес американских фирм к собственно израильской технологии.

Признанием этого фактора явилось приглашение Израиля принять участие в программе «стратегической оборонной инициативы» и передача ему контракта на разработку и производство противоракетной системы «Хец» («Стрела»). В январе 1989 г. IAI и американский концерн «Боинг» подписали соглашение о совместном производстве системы «Хец». Соглашение предусматривает создание широкой международной сети маркетинга и выход на рынки ведущих стран НАТО.

Между израильским Агентством по освоению космического пространства и НАСА действует соглашение о сотрудничестве и обмене информацией. В соответствии с ним, в 1985 г. в стране была введена в строй станция слежения за американскими спутниками с помощью лазера. Израилю был передан ряд пакетов космической технологии. НАСА взяло на себя обязательство подготовить совместный американо-израильский полет в космос.

Помимо США, Израиль имеет давние научно-технические связи со странами Западной Европы. Организационной основой развития научно-технического сотрудничества с Францией стала созданная в 1984 г. Ассоциация исследований и развития Франция – Израиль, в которой действуют три совместных проекта. MLE Lasers (Израиль) и Semci (Франция) разрабатывают и производят роботов-сварщиков для автомобилестроения. Elzint с группой французских фирм ведет работы по созданию компьютеризованных систем термо- и рентгенографии медицинского назначения. Robotics (Израиль) совместно с Ogosos (Франция) разрабатывает автоматизированную линию сборки электронных компонентов на печатных платах. Активно сотрудничают с израильскими учеными и их западногерманские коллеги²⁰.

В рамках сотрудничества с ЕС Израиль в 90-е годы участвовал в Фонде Европейского Сообщества по технологическому сотрудничеству (ЕСIP), реализующем программы поддержки через финансовые учреждения (в Израиле – банки Нарoalim и Leumi) и Общеевропейской программе по технологическому сотрудничеству (EUREKA). Из-

раиль заключил с ЕС соглашение (ратифицированное в 1996 г.) об ассоциированном членстве в программе ЕС «4-я структура» в области сотрудничества в научных исследованиях (в неядерных областях), действовавшей с 1994 по 1998 г. Это позволяло израильским организациям (имеющим двух европейских партнеров) претендовать на 50% прямого финансирования затрат на научные исследования промышленных корпораций и 100% – университетов. Для Израиля особый интерес представляла возможность доступа в рамках этой программы к разработанным в странах ЕС технологиям в области экологии и транспортных систем. Членский взнос Израиля в программу «4-я структура» в 1996 г. составил 40 млн. долл. при общем бюджете программы в 12,3 млрд. экю (16 млрд. долл.).

В области патентной защиты Израиль, бывший членом Парижской Конвенции, присоединился в 1996 г. к Соглашению о патентном сотрудничестве, что предоставило его гражданам патентную защиту в 80 государствах – членах Соглашения.

Американо-израильский научный фонд (BSF)

Основан в 1974 г. в целях поощрения гражданских исследований, представляющих взаимный интерес. Он финансируется обоими государствами на паритетных началах, его бюджет составляет 100 млн. долл. Фонд субсидирует программы исследований в различных областях науки – от антропологии и биомедицинской инженерии до физики и проблем охраны окружающей среды. С начала своего основания фонд выделил около 2000 стипендий (грантов) на общую сумму порядка 90 млн. долл.

Американо-израильская научно-техническая комиссия

Сформирована по совместной инициативе Ицхака Рабина и Билла Клинтона с целью финансирования долгосрочных проектов, способствующих повышению качества жизни и улучшению состояния экологии, а также экономическому и технологическому развитию обеих стран. Примеры таких проектов: создание солнечного термоэлектрического генератора мощностью в десятки мегаватт или вертикальных установок для опреснения морской воды.

Американо-израильский межгосударственный фонд исследований и разработок в промышленности (BIRD-F)

Израильско-американский двусторонний фонд был основан в 1977 г. с целью поощрения необоронных промышленных исследований и разработок. Фонд финансирует 50% затрат по проекту и имеет право получать отчисления от реализации проекта в размере не более 150% от предоставленного гранта. Все заявки на исследования вносятся совместно фирмами обеих стран и обязательно должны предусматривать обоюдную выгоду. Фонд финансировал уже около 200 проектов в области телекоммуникаций, электроники, компьютерного обеспечения и медицинского оборудования, что позволило получить более 1 млрд. долл. прибыли. Средства фонда образуются из

равных отчислений обеих стран и составляют сегодня примерно 110 млн. долл. В числе проектов можно назвать разработку биосенсоров для клинической диагностики (на основе пептидов), усовершенствованные комплекты интегральных схем для радиотелефонов, компьютеризованные стойла для дойки коров.

Канадско-израильский фонд промышленных исследований (CIIRDF)

Канадско-израильский фонд промышленных исследований и разработок был основан в 1994 г. как аналог соответствующего Израильско-американского фонда. Фонд финансирует 50% затрат по совместным проектам (не более 7 проектов в год), а также содействует техническому сотрудничеству между двумя странами. В рамках фонда создана всеканадская сеть экспертов из 270 специалистов.

Сингапуро-израильский фонд промышленных исследований (SIIRD)

Фонд был основан в 1996 г. Каждая из стран-участниц внесла в него по 1 млн. долл. Финансируемые проекты предусматривают создание компактных недорогих систем, основанных на использовании цифровой технологии.

Англо-израильский фонд промышленных исследований (BRITECH)

Англо-израильский фонд был основан в 1999 г. Совместные вклады в Фонд составят на протяжении ближайших пяти лет 15,5 млн. фунтов стерлингов – по 2,5 миллиона в течение первых двух лет и по 3,5 миллиона в третий, четвертый и пятый годы. Задача Фонда – поощрение сотрудничества в области исследований и разработок между английскими и израильскими фирмами. Фонд будет поддерживать двусторонние проекты, обещающие коммерческий успех.

Германо-израильский фонд научных исследований и разработок (GIF)

Был основан в 1987 г. в целях содействия фундаментальным и прикладным исследованиям в областях, представляющих взаимный интерес. Его капитал складывается из равных отчислений обеих стран; доход от него идет на осуществление специальных совместных исследований в гуманитарных областях, медицине, химии, физике, математике, технологии, сельском хозяйстве и социальных дисциплинах.

В числе стран, заключивших с Израилем двусторонние соглашения о сотрудничестве в научной области, Южноафриканская Республика, Мальта, Люксембург, Словения, Индия, Нидерланды, Испания, Португалия, Австрия, Бельгия, Ирландия.

В середине 90-х годов соглашения о сотрудничестве в освоении космоса были заключены Израилем и с Россией. В 1995 г. было заключено соглашение с Китаем (первое такого рода для этой страны) о создании фонда в 5 млн. долл. для исследований в области биотехнологии, сельского хозяйства, лазеров, компьютерной и космической технологии. В том же году между США и Израилем был заключен ряд соглашений о сотрудничестве в области здравоохранения, открывавших дорогу для масштабных совместных проектов в области производства медицинского оборудования, медикаментов и биотехнологии.

Следует отметить также организацию в 1997 г. трехсторонней (со взносами участников по 1 млн. долл.) иордано-американо-израильской программы (TRIDE)²¹.

Средства связи и информационные технологии.

Электронная промышленность и производство программного обеспечения являются одними из наиболее перспективных направлений израильской промышленности.

В 1990–95 гг. экспорт продукции электронной промышленности Израиля вырос с 2,2 млрд. долл. до 4,9 млрд. долл.²² При этом некоторые компании-пионеры израильской электронной промышленности, относящиеся к числу крупнейших, активно развивавшиеся в 80-е годы, к началу 90-х столкнулись с серьезной конкуренцией в своей сфере на мировых рынках и понесли существенные убытки. Так, в 1996 г. уменьшился объем продаж и экспорта у компаний Elbit (на 2,5% и 3,3% соответственно) и Scitex (на 4,7% и 4,9% соответственно)²³.

Несмотря на это, шесть из десяти ведущих израильских компаний-экспортеров в 1996 г. работали в области электроники. Для входящего в группу IDB концерна Scitex, в котором работало 3,4 тыс. чел., годовой объем продаж составил 695,1 млн. долл., а экспорт продукции – 690,7 млн. долл. Объем продаж фирмы ICA Telecom (дочерняя компания фирмы Clarige, 2,8 тыс. занятых) составлял 588,7 млн. долл. (в 1997 г. он вырос на 15,12% – до 678 млн. долл.), а экспорт – 557,2 млн. долл. Соответствующие показатели концерна Tadiran, принадлежащего Koog (8,3 тыс. сотрудников), равнялись 1116,8 млрд. долл. (в 1997 г. – 1113 млрд. долл.) и 523,1 млн. долл. Elbit (дочерняя компания концерна Elron) с 3 тыс. работников имела объем продаж 525,2 млн. долл. и экспортировала продукции на 505,6 млн. долл. Наконец, пионер израильского производства полупроводников Intel Electronics Ltd. (1,2 тыс. чел.) экспортировал 100% продукции на сумму 363 млн. долл. Объем продаж компании Motorola Israel в 1997 г. составил 952 млн. долл.²⁴

На внутреннем рынке, однако, наблюдается спад в продажах компьютеров и комплектующих (в 2002 г. объем продаж был на 20,5% меньше, чем в 2001 г.²⁵). Во многом это связано с насыщенностью рынка, но свою роль сыграло и то, что люди, ранее тратившие огромные деньги на улучшение параметров их ПК (upgrade), стали понимать, что они становились всего лишь жертвами очередной рекламной кампании; никакой реальной выгоды от подобных действий быть не может.

Курс на приоритетное развитие в области НИОКР в первой половине 90-х годов израильской биотехнологии привел к серьезному прорыву в разработке современных медицинских инструментов и оборудования в стране.

Объем экспорта израильских компьютерных программ и материалов по системному анализу увеличился в 1990–95 гг. с 153,2 млн. до 286,6 млн. долл. с нарастанием абсолютных объемов экспорта и тем-

пов роста. Разработка в Израиле компьютерного обеспечения для мирового рынка получила в первой половине 90-х годов развитие в связи с притоком в страну программистов из бывшего СССР, в том числе действующих в области обеспечения русскоязычными версиями «программного продукта» последнего поколения стран СНГ. Израильские системы компьютерной графики и построения изображения с успехом применяются в печатном деле в Израиле и за его пределами. Эффективность школьного образования значительно повышается с использованием компьютерных обучающих систем, многие из которых были разработаны специально для экспорта. Создаются программы как для больших компьютерных комплексов, так и для малых и средних компьютеров. Софтверные компании стабильно увеличивали объем даже в 2001 г., в разгар кризиса. В Израиле основная масса подобных фирм имеет от трех-пяти программистов в мелких фирмах, до десяти-двадцати в средних, дающих основную массу рабочих мест. Многие из них создавались для осуществления краткосрочных проектов и прекращали свое существование по их окончании, но немалая часть оказалась вполне жизнеспособной. Наиболее крупными и прибыльными софтверными компаниями в 2001 г. являлись: Amdocs – увеличил в 2001 г. свою прибыль на 36%; Check Point – на 57%, и Mercury Interactive Corporation – на 38%²⁶.

Объем продаж в области производства полупроводников (45 компаний), не включая производство компьютерных чипов, составлял в 1995 г. 250–300 млн. долл. Крупнейшими производителями полупроводников являлись Tower Semiconductor и концерн Intel Electronics Ltd., помимо существовавшего производства в Хайфе, построивший завод в г. Кирьят-Гат, введенный в действие в 1996 г.²⁷

Интенсивно развивается оптическая промышленность, включая электронную оптику и лазерную технику. Израиль является мировым лидером в области волоконной оптики, электрооптических систем контроля печатных плат, приборов ночного видения, электрооптических роботизированных производственных линий. В Израиле разработаны и широко используются компьютерные системы, включающие программное обеспечение и специализированные периферийные устройства.

Робототехника начала развиваться в конце 70-х годов и сегодня производит роботы для выполнения различных технологических операций: шлифовки драгоценных камней, сварки, упаковки, сборки и т.д. Ведутся интенсивные исследования по применению искусственного интеллекта в робототехнике.

Электронная промышленность, выпускавшая до конца 60-х годов в основном товары широкого потребления, в настоящее время достигла высокого технологического уровня как в военной, так и в гражданской сфере. Научно-исследовательские разработки широко используются для цифровой обработки, передачи и улучшения качества изображения, звука и другой информации при производстве теле-

фонных станций, систем синтеза голоса и дублирования телефонных линий.

Данные по 2003 г. показывают, что в этом секторе хай-тека идет стабильный рост. Продажи производящей флэш-карты компании M-Systems в 2003 г. удвоились, и после трех лет убытков у фирмы появилась прибыль. Amdocs, выпускающая программное обеспечение для автоматической выписки счетов, увеличила продажи в четвертом квартале 2003 г. на 26%, а чистую прибыль – на 60%. У Mercury Interactive Corporation за тот же период рост составил 29%; у Nice Systems, занимающейся программным обеспечением деловых операций и систем с числовым управлением, – 25%. Компания Vocaltec, выпускающая software для передачи звуковых сообщений, стала звездой NASDAQ: стоимость акций фирмы многократно возросла, однако ее деятельность в четвертом квартале 2003 г. все еще характеризовалась убытками конъюнктурного характера²⁸.

Компания Pelefon работает на израильском рынке сотовой связи с 1986 г. К началу 90-х годов Pelefon Ltd., находящаяся в совместном владении Motorola и Bezeq (первоначально Motorola и Tadiran), пришла как компания, обслуживающая обеспеченную часть общества. Однако в 1994 г. на рынок вышла компания Cellescom, победитель конкурса 1993–94 гг., проведенного министерством связи. Ее владельцами являлись Bell South (США), Discount Investments и P.E.C. (Израиль) и Safta Brothers (Бразилия) с предоставлением 10%-го опциона IAI. Стратегия Cellescom, первоначально действовавшей в районе Тель-Авива, состояла в развитии массового рынка недорогих услуг. Тарифы ее были, в зависимости от типа звонка, в 3–9 раз меньше, чем соответствующие расценки Pelefon. В итоге, если в Израиле в 1994 г. насчитывалось лишь 130 тыс. аппаратов фирмы Pelefon, а в 1995 г. – 195 тыс. Pelefon и 250 тыс. Cellescom, то в 1996 г. – 500 и 535 тыс. соответственно²⁹. Сегодня Pelefon обслуживает около 1,5 млн. пользователей, используя технологию NAMPS и осваивая более передовую технологию CDMA; предлагает пользователям сотовый Internet, известный как GoNext.

Израильяне довольно много говорят по мобильным телефонам. В среднем один абонент в Израиле наговаривает ежемесячно 350 минут. В Европе эта цифра составляет 140 минут, а в США – 100 минут. Сотовые телефоны нового поколения революционизировали израильский рынок связи в 90-е годы, попутно заменив пейджеры как показатель социального статуса среднего класса, выступавшие в этом качестве в начале рассматриваемого периода. По данным Международного Телекоммуникационного Союза (International Telecommunication Union), Израиль входит в первую пятерку стран по количеству сотовых телефонов на душу населения. По этому показателю Израиль делит третье и четвертое место с Италией – 92,5 «трубки» на 100 жителей страны. Впереди лишь Тайвань (106,5 телефона на

100 жителей) и Люксембург (105,4). Замыкает пятерку – китайская провинция Гонконг (91,6)³⁰.

Сейчас сотовый рынок обслуживается четырьмя компаниями, которые покрывают всю страну. Третий оператор, Partner, имеет 800 тыс. клиентов и использует стандарт GSM, а управляется консорциумом, принадлежащим Hong Kong's Hutchison. Четвертая компания, называемая MIRS (Motorola Integrated Radio Services), использует передовую форму двусторонней радио связи, объединяя радио, сотовый телефон, пейджер и мобильный Internet. Компания, на две трети принадлежащая Motorola Israel, обслуживает 155 тыс. абонентов, или 2,5% израильского населения – это самый высокий мировой показатель распространения для этого вида технологии.

В 2003 г. израильской start-up SpeechView в содружестве с крупнейшим провайдером мобильной связи Израиля Cellescom была предложена новая услуга, которая способна помочь людям с нарушениями слуха общаться по сотовому телефону. Технология основана на фонетическом распознавании и переводе речи в движения губ компьютерного персонажа на экране. Благодаря такому подходу удается, во-первых, упростить программное обеспечение, а во-вторых, гарантировать лингвистическую независимость приложения – слова в разных языках разные, но речевой аппарат для произнесения звуков используется один и тот же.

Интернет получил в Израиле широкое распространение в середине 90-х годов. В 1994 г. министерство связи определило национальную политику в этой области и в 1995 г. начало выдавать лицензии компаниям, обеспечивающим доступ в Internet, так называемым «провайдерам». В том же году на средства Израильской Ассоциации Науки и Технологии было создано объединение пользователей Интернета. Первый Internet-провайдер, Netvision, начал свою работу в 1994. Сейчас подобных компаний более 30: в конце 1999 Internet Gold имел 175 тыс. абонентов, Netvision – 140 тыс., Bezeq International – 60 тыс. и Barak – 40 тыс.³¹ В 1996 г. пространство израильского Интернета было разделено на 11 зон и 2749 областей. 46% компаний подключено ко Всемирной Сети. В марте 2003 г. число интернет-пользователей составило 1,27 млн. человек старше 13 лет, или 20% населения страны. При этом у 92% пользователей интернет есть дома, а 195 тыс. пользуются им в учебных заведениях³². Это сравнительно мало, ведь число ПК на семью в Израиле высоко (60%). Эксперты объясняют этот низкий показатель языковыми барьерами, высокими тарифами и ранее отсутствовавшим высокоскоростным доступом в Internet в домах.

Израильские компании ищут выход из положения. С 30-го сентября 2002 г. Pelefon начал работать с технологией скоростного сотового интернета IX, которая поддерживает систему связи третьего поколения 3G. Pelefon является первой в Израиле и одной из первых в мире компаний, начавших внедрение технологии IX и переход к сото-

вой связи третьего поколения наряду с фирмами в Корею, США, Канаде и Японии.

Технология IX позволит Pelefon передавать данные (DATA) со скоростью 144 килобита в секунду, что в несколько раз превышает скорость, предлагаемую сегодня израильтянам конкурирующими провайдерами сотовой связи в Израиле. В Европе коммерческую эксплуатацию мобильных телефонов третьего поколения смогут начать только в конце 2004 г.

Компания Bezeq Veinleumi перешла барьер в 50 тыс. абонентов быстрого интернета и сообщила также о готовящемся усовершенствовании (стоимостью в десятки миллионов шекелей) увеличении мощности канала до 1,2 гигабайт. Как утверждают в Bezeq, в распоряжении компании находится самая мощная сеть на израильском рынке на сегодняшний день³³.

Биотехнологии

Индустрия биотехнологий в Израиле находится все еще в периоде своего становления, состоит из 144 компаний, включая 40 проектов в инкубаторах, и 3,5 тыс. работников. Большая часть (75% общего числа) предприятий – это маленькие старт-апы с количеством занятых менее 20 человек, в то время как стоимость дюжины крупных фирм составляет 80% от стоимости всей индустрии, а их продажи – 2/3 от общих продаж. Ожидаемые темпы роста израильского рынка биотехнологий – это примерно 12% в год³⁴. Это одно из самых перспективных направлений современной науки, что объясняется как ростом и старением населения планеты и связанными с этим ростом количества потребляемой пищи и принимаемых лекарств, так и технологической эволюцией отрасли.

Экспорт продукции фирм, работающих в области биотехнологии, вырос с 15 млн. в 1988 г. до 280 млн. долл. в 1993 г. В то же время финансирование ряда направлений исследований было явно недостаточным. Так, правительственная комиссия в 1994 г. отметила, что израильские исследования в области медицины на 70% зависят от иностранных грантов, и рекомендовала выделять на них не менее 15% всех государственных затрат на науку³⁵. В 1999 г. продажи биотек сектора Израиля составили 376 млн. долл., 92% этой суммы принадлежат 10% фирм. За последние 5 лет количество хай-тек компаний увеличивалось ежегодно на 13%, а объем продаж – на 14%. 2003 г. стал особенно успешным для двух самых крупных компаний, занятых в сфере биотехнологий. Компания «Тева» завершила сделку по покупке за 2,4 млрд. долл. американской компании Sico: объединенная корпорация будет насчитывать 13 тыс. сотрудников, а ее продажи должны достигнуть 3,3 млрд. долл. Израильско-американская фармацевтическая компания «Таро» не может конкурировать с «Тева» по масштабам, но по качеству финансово-экономических показателей ее

опережает. В четвертом квартале 2003 г. «Таро» продемонстрировала рост продаж на 46%, до 81,6 млн. долл. (за весь 2003 г. объем продаж составил 315 млн. долл. – 49%-ный рост по сравнению с 2002 г.). Были развернуты новые производственные отделения в США и Ирландии, в Хайфе создано многоцелевое химическое производство. Чистая прибыль «Таро» в 2003 г. достигла 61,2 млн. долл., т.е. превысив уровень 2002 г. на 37%³⁶. Израиль внес существенный вклад в биотехнологическую революцию. Создана разветвленная инфраструктура для медицинских, парамедицинских и биоинженерных исследований. Более половины научных публикаций в этой области относятся к клинической медицине и биомедицине. Израиль поставляет на международный рынок самое современное оборудование для диагностических и лечебных целей, в частности, компьютерные томографические сканеры, магниторезонансные графические системы, ультразвуковые сканеры, медицинские ядерные камеры и хирургические лазеры.

Израильские биотехнологии				
Сфера деятельности	Число компаний	Число работников	Объем продаж в 1999 г. млн. долл.	Рыночн. ст-ть в 2000 г. млн. долл.
Терапевтика	43	1280	166	2222
Диагностика	27	471	28	138
Агротехнологии	30	831	114	286
Индустриальная биотехнология	24	191	39	93
Биология	14	492	79	149
Биоинформатика	6	231	3	472
Всего	144	3496	429	3360

Источник: Israeli biotechnology project, Tel-Aviv, 2001.

Со старением населения напрямую связано увеличения объемов производства и разработок биотерапевтических лекарств и косметики. Около 50% всех исследований и 2/3 продукции (43 компании общей рыночной стоимостью 2,2 млрд. долл.). Израильские ученые разработали передовые методы производства интерферона, эффективно применяемого для борьбы с вирусными и инфекционными заболеваниями, а также гормона человеческого роста. Из последних разработок израильских ученых можно также назвать точно дозируемый жидкий полимер, предотвращающий образование зубного камня; препарат, способствующий уменьшению как доброкачественных, так и злокачественных опухолей простаты; применение ботулина для коррекции косоглазия³⁷.

Генная инженерия (3 компании стоимостью 472 млн. долл.) в Израиле менее развита, что связано с высокой стоимостью исследований. Поэтому израильские компании только еще планируют прибыль от ведущихся разработок в биоинформатике, фармакогеномике и изготовлении новых лекарств на их основе в 2004 г. в размере 7 млрд. долл. и ежегодный 35%-ый рост продаж³⁸.

Диагностика на основе исследований клеточного ядра имеет все шансы стать одной из наиболее прибыльных ветвей медицины. В Израиле сейчас 27 компаний этого профиля общей стоимостью 138 млн. долл.³⁹

Биотехнологии в сельском хозяйстве (30 компаний стоимостью 286 млн. долл.) активно развиваются с 15%-ым ежегодным приростом прибыли. Сейчас внимание исследователей сосредоточено в основном на повышении полезности продуктов животного и растительного происхождения (увеличение количества витаминов и протеинов в пище)⁴⁰.

Сектор	Проекты на стадии разработки в инкубаторах	Из них успешные старт-апы	Процент от общего кол-ва компаний	Не работавшие в инкубаторах
Терапевтика	7	4	25%	9
Диагностика	12	2	17%	0
Агротехнологии	16	6	35%	1
Индустриальная биотехнология	10	3	25%	2
Биология	4	2	40%	1
Биоинформатика	1	1	50%	1
Всего	50	18	28%	14

Источник: Israeli biotechnology project, Tel-Aviv, 2001.

Фирмы, занятые в этой области, страдают от недостаточной согласованности и кооперации между ними самими, исследовательскими центрами и правительственными учреждениями. Около 50% проектов в «инкубаторах» так и не окупаются, а те, что получали поддержку негосударственных инвесторов, в 85% случаев продолжают успешную деятельность. Кроме того, в сферах производства лекарств и диагностики должно пройти не менее пяти, а иногда пятнадцати лет, прежде чем препарат, пройдя успешно все клинические испытания, будет разрешен к применению и станет приносить доход.

Несмотря на трудности, с которыми столкнулся не только Израиль, но и весь мир в начале нового тысячелетия, хай-тек, несомненно, будет развиваться, и в нем будут возникать новые перспективные направления. Человеческая мысль не стоит на месте даже при недостатке финансирования и правительственной поддержки. Израиль же, обладающий большим интеллектуальным потенциалом тысяч инженеров, выделяющий огромные средства через различные фонды на

разработку и внедрение новых технологий, останется одним из лидеров в этой области. Постоянно возникают новые перспективные направления хай-тека. Например, недавно появившийся сектор, связанный с использованием нанотехнологий, уже привлек внимание инвесторов, в том числе, и к своим израильским разработчикам. Наблюдается тенденция все более широкого использования продукции израильского высокотехнологического сектора во всем мире для обеспечения национальной и личной безопасности. В связи с последними мировыми событиями предполагается, что и США, и Европа будут выделять на это огромные средства.

Кроме того, израильский технологический рынок, ставший после либерализации наиболее крупным на Ближнем Востоке, теперь является еще и одним из факторов политической стабильности – транснациональные корпорации, вложив в израильский рынок миллиарды долларов, не хотели бы его потерять.

¹ А.В.Федорченко. Израиль накануне XXI века: проблема адаптации национальной экономики к новым условиям. М., 1996, с. 34.

² Там же, с. 34.

³ www.globes.co.il 02.05.2001.

⁴ Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 44.

⁵ www.ijc.ru 27.10.2002.

⁶ SAI. 1991, с. 342.

⁷ Эксперт. № 022, 12.06.2000.

⁸ Ha'aretz, 2001–2003.

⁹ <http://www.evrey.com/analysis/#1>

¹⁰ israelonline 10.11.2003.

¹¹ Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 118.

¹² SAI. 1996, с. 527–532.

¹³ Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 118.

¹⁴ Эксперт, № 40. (www.expert.ru)

¹⁵ Компьютерра, № 45, 18.11.2002.

¹⁶ israelonline 03.03.04.

¹⁷ Компания, № 035, с. 58–59.

¹⁸ MoneyTree 29.07.2001.

¹⁹ Компьютерра www.komputerra.ru 25.06.2001.

²⁰ А.В.Федорченко. Израиль накануне XXI века: проблема адаптации национальной экономики к новым условиям. М., 1996, с. 38.

²¹ Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 120.

²² Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 50.

²³ Там же, с. 52.

²⁴ Там же, с. 51.

²⁵ www.globes.co.il 30.01.2002.

²⁶ www.globes.co.il 22.10.2001.

²⁷ Е.Я.Сатановский. Экономика Израиля в 90-е годы. М., 1999, с. 51.

- ²⁸ Казначей. Экономическое приложение к газете «Вести». 04,03,2004.
²⁹ Там же, с. 70.
³⁰ www.il4u.org.tl 04.12.03
³¹ Там же, с.71
³² www.globes.co.il
³³ israelonline 02.02.2003.
³⁴ Israeli Biotechnology Strategy Project. Тель-Авив, март 2001.
³⁵ Israel Yearbook & Almanac. Jerusalem, 1995, с. 265–266.
³⁶ Казначей. Экономическое приложение к газете «Вести». 04.03.2004.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.

**АРАБСКИЙ СЕКТОР
В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Палестинские арабы, оставшиеся на территории Государства Израиль после войны 1948 г., получили его гражданство. Доля арабов в населении Израиля всегда оставалась практически неизменной (19–20%). По данным ЦБС Израиля, в начале 2004 г. в стране проживало 1311 тыс. арабов, из них 1082 тыс. мусульман, 117 тыс. христиан и 111 тыс. друзов¹. Роль национального меньшинства в еврейском государстве влекла за собой множество проблем, которых сейчас не меньше, чем 30–40 лет назад. На современном этапе развития Израиля на положение арабской общины повлияли два события: подписание соглашений Осло и интифада Аль-Акса.

Начало 90-х годов двадцатого столетия было отмечено серьезными позитивными сдвигами в системе отношений между арабами и евреями в Израиле. Возникшая в конце семидесятых годов тенденция к «израилизации» арабов продолжилась в 80-е годы и достигла пика в середине 90-х годов. Большое значение имело развитие мирного процесса: усиление интеграционистских настроений среди израильских арабов было вызвано обещанием И.Рабина прекратить исторически сложившуюся дискриминацию арабов в сфере распределения государственного бюджета, социальных служб и занятости.

В 90-е годы понимание политическим руководством страны важности сокращения разрыва между двумя секторами, вызванное прогрессом в мирном урегулировании, было переведено на язык практических решений. Шагом вперед стало прекращение практики конфискации земель и объявления территорий, принадлежащих арабам, закрытой военной зоной, легализация ряда сооружений, построенных без официального разрешения, увеличение бюджетного финансирования органов местной власти в арабском секторе. Начиная с 1994 г., правительство постепенно отменяло акты, дискриминирующие арабское население при начислении пособий на содержание детей. Была назначена комиссия министров для проверки возможности возвращения изгнанных со своих земель жителей нескольких арабских деревень, территория которых была объявлена закрытой военной зоной. Несколько населенных пунктов в арабском секторе получили статус городов. Определенные шаги были предприняты для преодоления культурной и символической дискриминации. Были учреждены лите-

ратурные премии за произведения на арабском языке, впервые арабы стали лауреатами Государственной премии Израиля, арабские граждане были включены в состав делегаций (правда, их роль была более символической, нежели политической) на мирных переговорах с арабскими странами. Израильских арабов стали регулярно включать в число тех, кто зажигает огонь на торжественной церемонии, посвященной празднованию Дня независимости. И хотя для многих арабов участие в подобной церемонии было весьма проблематичным, можно утверждать, что в этот период в израильском обществе появились «ростки общей гражданской культуры»².

В атмосфере надежды на скорое урегулирование конфликта израильское общество по-новому взглянуло на арабское население Израиля, осознавая сложность проблем, стоящих перед ним, и ответственность государства за их решение. В этот период возникают различные общественные организации, целью которых становится привлечение внимания правительства к проблемам арабского сектора и борьба с дискриминацией национальных меньшинств. Так, деятельность организации «Сиккуй» («Шанс»), объединяющей под своим крылом и евреев, и арабов, проживающих в Израиле, направлена на «освещение дискриминации арабских граждан Израиля и изменение ситуации», основополагающим принципом ее работы является «понимание того, что равенство между двумя группами ... это ключ к будущей жизни»³.

Важным фактором в жизни израильских арабов в течение двух последних десятилетий стали институты гражданского общества. В 50–60-е годы, в период режима военной администрации, арабский негосударственный сектор в Израиле практически не развивался. После отмены военного режима началось постепенное становление гражданского общества в арабском секторе, пик развития которого пришелся на 90-е годы, когда за десятилетний период было зарегистрировано 656 амутов (общественных организаций, не приносящих прибыли)⁴.

Неправительственные организации израильских арабов подразделяются на специализированные профессиональные ассоциации; местные организации; всеизраильские арабские ассоциации (деятельность которых направлена на достижение определенных целей); всеизраильские объединения, выражающие политические или групповые интересы арабов⁵.

Организации второго типа преобладают, так как получить официальное разрешение на их создание и мобилизовать в их рамках человеческие ресурсы проще, по сравнению с другими. Несмотря на количественный рост арабских общественных организаций, их эффективность остается ограниченной. Частично это является следствием государственной политики, направленной на сдерживание кооперации среди израильских арабов, однако основная причина за-

ключается в недостатке опыта в создании общественных объединений и в управлении.

По мнению израильского ученого А.Эпштейна, израильские арабы копируют сионистскую модель «государства в пути», пытаясь основать собственные национальные институты⁶. Так, израильские арабы создали комиссию мэров арабских населенных пунктов, выполняющую ту же роль, которую играл «Ваад ха-ишув» – руководящий орган еврейского самоуправления – во времена британского мандата. В конце 2001 г. ими был создан Земельный фонд – аналог еврейского «Керен каемет ле-Израэль». Увеличивается число комиссий по градостроительству и проектированию, а также исследовательских центров, действующих в самых различных областях – здравоохранении, просвещении, на рынке недвижимости. Для борьбы за придание официального статуса арабским деревням был создан «Союз 40». Организация «Алаан» занимается общественным развитием, «Ансар ас-Саджин» – защитой прав заключенных, «Аот Амаль» – делами образования в арабском секторе. Большинство этих организаций финансируется западными фондами и принимает под свое крыло многих арабов с высшим образованием, которые не нашли себе места в израильских структурах. Один из ведущих деятелей головной организации израильских арабов «Аль-Итиджаа», Амир Махуль, видит в этих организациях основу инфраструктуры будущей автономии израильских арабов. Его мнение разделяет лидер организации «Адалла» Хасан Джебарин, считающий, что «израильские арабы должны получить культурную автономию»⁷.

Показательно, что эти устремления не находят понимания ни у израильских, ни у палестинских политических лидеров. Болезненные для израильтян уступки палестинцам должны были, среди прочего, предотвратить превращение Израиля в двунациональное государство. Израильцы сейчас, как никогда, полны решимости сохранить еврейский характер своей страны, поэтому не может быть и речи о предоставлении национальной автономии арабам внутри самого Израиля. Но не все палестинские лидеры смирились с фактом существования Государства Израиль. По их мнению, те, кого они определяют как «палестинские арабы, находящиеся под сионистской оккупацией с 1948 г.», должны бороться не за автономию внутри Израиля, а за его ликвидацию и создание единого палестинского государства на всей территории бывшей подмандатной Палестины. Подобное неприятие стремлений израильских арабов как евреями, так и палестинцами ставит эту группу в сложное и крайне уязвимое положение. Можно утверждать, что провозглашение в 1994 г. палестинского самоуправления в секторе Газы и на Западном берегу реки Иордан привело даже к ухудшению статуса израильских арабов. С одной стороны, они не воспринимаются как полноценные израильтяне из-за их

связи с палестинцами, с другой, палестинцы считают их предателями.

И в 90-е годы основные стратегические задачи израильского руководства в отношении нееврейского населения страны оставались неизменными. Власть стремилась сохранить доминирующее положение еврейской общины и еврейский характер израильской государственности, при этом руководство страны прилагало немалые усилия, чтобы максимально сгладить негативные последствия фактического социально-правового неравенства граждан по национально-религиозному признаку.

В то же время израильские арабы начинают все активнее выступать за превращение Израиля в обычное гражданское государство. В этой связи ими выдвигаются требования как об изменении государственной символики, являющейся на сегодня сугубо еврейской, так и об отмене Закона о возвращении, важного для сохранения еврейского характера Государства Израиль. Выступая против этого закона, израильские арабы требуют предоставить право на возвращение в Израиль всем палестинцам, покинувшим свои дома в ходе войны 1948 г. Удовлетворение этого требования приведет к превращению Израиля в двунациональное государство с равным удельным весом еврейского и арабского населения, что неприемлемо для национально ориентированной части израильского общества. Если учесть высокие темпы роста арабского населения (у израильских арабов в среднем приходится 4,57 ребенка на семью, у евреев – 2,64)⁸, страна в течение считанных лет станет преимущественно арабским государством. Выражаются опасения, что при этом еврейское меньшинство окажется под угрозой духовного и физического уничтожения.

Несмотря на продвижение мирного урегулирования, многие проблемы израильских арабов не были решены, а сложившийся стандарт отношений с государством было непросто изменить из-за сильной инерции политики дискриминации арабского меньшинства.

Согласно опросу, проведенному в 1995 г., в период после заключения мирного соглашения с Иорданией и ряда промежуточных соглашений об урегулировании с ООП, 31% евреев отрицали право арабов голосовать на выборах в Кнессет; 32,5% заявляли, что одобрили бы практику усиления надзора над большинством арабов в Израиле; почти 37% полагали, что Израиль должен использовать любую возможность для поощрения арабов к выезду из страны. От 51% до 69% арабов ответили, что безотносительно к прилагаемым ими усилиям они не смогут найти работу, соответствующую их уровню образования и квалификации; от 54% до 81% опрошенных были недовольны состоянием учреждений образования и культуры в их городах и деревнях⁹.

Можно выделить несколько блоков нерешенных социальных проблем в арабском секторе. Первый из них связан с жилищной проблемой. Показатели плотности населения в арабских городах и де-

ревнях довольно высоки, но правительство скудно финансирует инфраструктуру существующих населенных пунктов и отказывается создавать новые, в то время как новое жилье для евреев строится постоянно. Другой блок – проблема безработицы. Так, альтернативные рабочие места для феллахов, чьи земли были конфискованы, не создаются. Третий блок – проблема образования. До сих пор существует неравенство между евреями и арабами с точки зрения подготовки учителей, выделяемого количества учебных часов, наличия в школах психологов, медсестер и социальных работников. В результате, уровень подготовки арабских школьников низок, и доля арабских студентов в израильских университетах составляет всего 7%. Говоря о проблеме образования, доктор Адель Манна, руководитель программы по исследованию арабского общества в Израиле в иерусалимском институте Ван Лир, акцентирует внимание и на его содержании: «Арабские школьники обязаны изучать ТАНАХ и сдавать по нему экзамен на аттестат зрелости, но не могут сдавать подобный экзамен на знание ислама или христианства; они обязаны изучать творчество Х.-Н.Бялика, но не могут изучать палестинскую арабскую поэзию; еврейскую историю – да, но историю других народов – почти нет, а палестинцев – вообще нет»¹⁰. А.Манна приходит к следующему выводу: «Сегодня арабская молодежь испытывает трудности с самоопределением. Государство путем жесткого контроля над учебными программами, пытается отнять у ребенка представление о том, что он – араб и палестинец, ничего не предлагая взамен. Можно воспитывать ученика в системе ценностей иудаизма и сионизма, в представлении о том, что он – гордый гражданин еврейского государства, но при первом же столкновении с существующим в реальности неравноправием эта гражданская самоидентификация рассыпается в прах. И тогда, в поисках ответа на вопрос о самоопределении, подросток обращается к неконтролируемым источникам информации о политических и национальных движениях, об исламе и других темах, о которых запрещено или нежелательно разговаривать в школе»¹¹.

Главный вывод А.Манна заключается в том, что все проблемы арабского меньшинства в Израиле – «экономические, юридические, политические – не случайны», а являются «результатом сознательного стремления оттеснить к краю, не дать развиваться»¹². Самая болезненная проблема израильских арабов, по его мнению, – отсутствие чувства причастности к жизни страны.

Экономический прогресс и экспансия высшего образования в арабском секторе в Израиле несомненно способствовали созданию сильного среднего класса у арабов. Вместе с этим многие профессии, рабочие места в крупных компаниях и правительственных организациях для них до сих пор закрыты. В связи с этим депутат Кнессета от партии «Балад» А.Бишар'а заявлял: «Арабские деревни не могут предоставить рынок для растущего среднего класса. Для того, чтобы

быть принятым в израильском обществе, арабы должны гораздо сильнее стучаться в двери истеблишмента»¹³.

Разочарование, вызванное невыполнением многих обещаний, данных правительством Рабина, и внешнеполитические причины – обострение ситуации в Южном Ливане и регресс мирного процесса – привели к радикализации израильских арабов. В глазах многих арабов убийство И.Рабина стало переломным моментом, резко изменившим их положение к худшему. Так, в 1999 г. 65,5% опрошенных арабов считали, что правительство Барака привело к ухудшению их положения, а 76,2% были того же мнения о правительстве Нетаниягу. Эти данные резко отличаются от результатов опроса, полученных в 1995 г., когда лишь 3,1% опрошенных в арабском секторе полагали, что политика И.Рабина привела к ухудшению их положения¹⁴.

Период пребывания у власти Нетаниягу и Барака свидетельствует о возникновении тенденции, получившей название «палестинизации». Решающую роль в изменении отношения израильских арабов к Государству Израиль после убийства И.Рабина сыграли два фактора. Первым из них явился отход от «политики благопритествования» правительства Рабина, направленной на сокращение социально-экономического разрыва и устранение дискриминации арабских граждан. Предвыборная кампания будущего премьер-министра Нетаниягу использовала националистические лозунги: «Нетаниягу хорош для евреев», «Арабы голосуют за Переса», «Биби или Тиби». Приход к власти правительства Нетаниягу привел к торможению процесса, направленного на достижение равноправия арабских граждан. Правительство Барака, которого поддержали 90% арабов, участвовавших в голосовании, не предприняло существенных шагов для достижения фактического равноправия арабских граждан. Более того, продолжение переговорного процесса с палестинцами вызывало у израильских арабов противоречивые чувства. Горячая поддержка мирных переговоров и надежда на изменение к лучшему собственного положения омрачались ощущением, что израильские арабы, не получив представительства в мирном процессе, оказались вытесненными на его периферию, и что все стороны, отстаивая собственные интересы, «предали» их.

Вторым фактором радикализации и отчуждения арабского сектора от государства было усиление влияния в его политической структуре националистических и религиозных элементов, представляемых партией «Балад» и исламским движением.

В подобной ситуации исламизм оказывается едва ли не единственной силой, которая предлагает израильским арабам некий способ разрешения их проблем. Более 62% опрошенных в 1995 г. израильских арабов-мусульман заявили, что, по их мнению, исламское движение действительно выражает интересы арабов Израиля. Такого же мнения придерживались почти 24% арабов-христиан и более 21%

друзов. 48% арабов-мусульман выразили готовность голосовать за исламский список на местных выборах¹⁵.

Религиозная радикализация израильских арабов (особенно мусульман) не может не беспокоить израильское общество. Согласно результатам представительного опроса, проведенного во второй половине 90-х годов, 46% арабов-мусульман и 38% арабов-христиан рассматривают религиозную составляющую собственной идентичности как основную. Среди мусульман почти половина (49,1%) отказывается не только родниться, но и дружить с людьми иного вероисповедания. 39% приверженцев ислама поддержали идею ликвидации Государства Израиль и создания исламского государства, основанного на законах шариата, на всей территории Палестины. 44% израильских арабов выразили понимание и поддержку палестинским террористам. Влияние исламского движения на израильских арабов растет буквально на глазах. В то время, как менее 49% опрошенных евреев определяют себя как «религиозные» в той или иной степени, среди арабов таковых было более 72%¹⁶.

Говоря об израильских арабах, стоит отметить эволюцию поведения политических лидеров этой общины. До начала первой интифады (в декабре 1987 г.) политика арабских депутатов Кнессета не была радикальной. В целом это поколение выражало лояльность государству и иногда понимание нужд еврейского большинства. Например, депутат от коммунистической партии Тауфик Туби всегда был известен как бескомпромиссный защитник прав арабского населения, но при этом он называл себя патриотом Израиля и настаивал на том, что не существует никаких противоречий между его арабской национальностью и израильской гражданской идентичностью. Его позиция была ярким примером взглядов, распространенных среди арабских лидеров в Израиле в течение длительного времени: будущее арабского меньшинства зависит от того, насколько оно примет основные принципы проживания в еврейском государстве.

Спустя двадцать лет, на политической сцене появилось новое поколение арабских парламентариев. В то время как арабским общественным деятелям, оставшимся в стране по окончании войны 1948 г., пришлось мириться с условиями правления военной администрации и серьезными трудностями в области экономики и образования, их преемники, появившиеся на политической арене в 70-х годах, фактически выросли уже в другом Израиле и восприняли совсем другие идеи. В позициях таких известных арабских политиков как Азми Бишара, Ахмед Туби, Мухамед Бараке и Абдель Малик Дехамше заметны растущая самоуверенность и готовность пропагандировать даже радикальные взгляды, несмотря на риск конфронтации с еврейским большинством. В частности, незадолго до состоявшихся 28 января 2003 г. выборов Центральная избирательная комиссия Израиля отстранила депутатов Кнессета А.Туби и А.Бишару от участия в кампа-

нии, мотивируя это тем, что в высшем законодательном органе страны не могут состоять политики, поддерживающие террор и отрицающие еврейский характер государства. В определенной мере, это было связано с тем, что А.Бишара позволял себе делать вызывающие заявления в поддержку действий «Хизбаллы». Верховный суд Израиля отменил решение ЦИК, и А.Тиби и А.Бишара прошли в Кнессет шестнадцатого созыва. Показательна позиция этих депутатов в отношении «права на возвращение» палестинских беженцев. А.Бишара подчеркивает, что это требование носит абсолютный характер, и даже палестинское руководство не имеет права отказаться от него. По мнению А.Тиби, признание «права на возвращение» является непременным условием примирения двух народов в регионе. Подобные высказывания не могут не пугать израильский истеблишмент, поскольку ставят под угрозу еврейский характер государства.

В том, что касается отношения к еврейскому государству, новое поколение арабских политических деятелей пришло к широкому консенсусу. Можно говорить о его трех составляющих: отрицании политического и нравственного обоснования существования еврейского государства; открытом отождествлении арабских политиков с непримиримыми врагами Израиля; их сочувствии актам насилия и террора против еврейских граждан и Израиля. Соответственно, программа арабских депутатов Кнессета по упразднению еврейского характера государства Израиль предусматривает отказ от его национальной идентичности, отмену Закона о возвращении и признание «права на возвращение» палестинских беженцев¹⁷.

Произошедшие перемены можно объяснить несколькими причинами. Повышение экономических и образовательных стандартов среди израильских арабов постепенно сводит на нет их ощущение беспомощности перед лицом еврейского большинства; свобода передвижения и возможность пересекать ту линию, которая до 1967 г. была государственной границей, способствует росту солидарности с населением территорий; отдельные неудачи Израиля в ходе текущего конфликта приободряют арабов, которые видят, что Израиль не является непобедимым. Коренные изменения в израильской политике, соглашения Осло, создание Палестинской национальной администрации и зависимость правительства Рабина от арабских депутатов сыграли значительную роль в формировании взглядов нового поколения арабских лидеров, а также в создании образа политика, который станет настоящим представителем израильских арабов: депутат Кнессета, чья самоуверенность позволяет ему бросать вызов государственным устоям.

В статье «Вызов изнутри: новая идеология израильских арабских политиков» Дан Шифтан говорит, что «парадоксальным образом, наиболее заметные изменения во взглядах арабских лидеров произошли в 90-е годы, когда процесс интеграции арабского населения

шел наиболее успешно как в моральном, так и в материальном плане. ... Именно в тот момент, когда борьба арабов за равноправие стала приносить конкретные плоды, их политическое руководство сменило курс, наглядно продемонстрировав еврейскому большинству, что главным приоритетом этого руководства является вражда наций, а не гражданское равноправие... В настоящее время ни один представитель арабской общины в Израиле не может рассчитывать на поддержку общественности, не объявив борьбу против Израиля стержнем своей политической программы¹⁸.

С продолжением переговорного процесса достижения правительства Рабина постепенно сходили на нет, а напряженность отношений между двумя крупнейшими национальными группами Израиля усиливалась. Кризис мирного процесса достиг своего апогея в октябре 2000 г., когда началась интифада Аль-Акса. Поводом к ней послужило посещение А. Шароном 28 сентября 2000 г. Храмовой горы, что было воспринято палестинским обществом как глубокое оскорбление и нарушение духа процесса Осло. На следующий день в Иерусалиме произошли столкновения, в ходе которых четверо палестинцев были убиты и свыше двухсот ранены. Поступок Шарона обострил застарелые проблемы, связанные со спором о принадлежности святых мест, и повлек за собой вспышки насилия. Волнения охватили все территории, подконтрольные ПНА, распространились на отдельные районы Иерусалима, Назарет, Акко, Яффо и ряд других городов. Массовые беспорядки, демонстрации и столкновения арабов с израильской полицией, принесшие жертвы, переросли в настоящую террористическую войну арабов против израильтян, вызывавшую, в свою очередь, ответные удары со стороны Израиля.

Следует отметить, что вторая палестинская интифада в корне отличалась от первой. Если в период первой интифады, развернувшейся на территориях, израильские арабы соблюдали почти полный нейтралитет, то в ходе интифады Аль-Акса они стали активно помогать террористам, а некоторые и сами занимались террористической деятельностью. На контролируемых ПНА территориях, жители, которых не имеют израильского гражданства, стычки, даже более напряженные, чем беспорядки октября 2000 г., давно стали частью политической реальности, но в самом Израиле, в пределах «зеленой черты», акций протеста подобного масштаба не случалось, пожалуй, никогда. Израильские арабы, в подавляющем большинстве своем, не были вовлечены в активные антигосударственные действия, кроме проводимых ежегодно с 30 марта 1976 г. акций протеста против отчуждения земель. Однако в сентябре 2000 г. ситуация изменилась: уже в первый день интифады депутат Кнессета Абдель-Малик Дехамше заявил: «Мы приложим все усилия для того, чтобы арабские граждане Израиля мобилизовались на спасение мечети Аль-Акса»¹⁹. За три года после начала второй интифады израильские арабы со-

вершили девять террористических актов, еще 90 попыток предотвращены полицией. За содействие террору были арестованы более ста израильских арабов. Опрос, проведенный в 2001 г., показал высокую степень вовлеченности арабских граждан Израиля в акции второй интифады: 43% опрошенных сказали, что участвовали хотя бы в одной из демонстраций протеста²⁰. Выборы премьер-министра страны, состоявшиеся 6 февраля 2001 г., бойкотировались израильскими арабами. Выражая протест против действий правительства и полиции Израиля, исламское движение проводило в арабских населенных пунктах демонстрации, на которых призывало воздерживаться от голосования. Общественные деятели арабского сектора подчеркивали, что бойкот выборов выражает их глубокое разочарование политической и правоохранительными системами Государства Израиль. Даже те исследователи, которые склонны преувеличивать лояльность арабского меньшинства, вынуждены признать, что за последнее время его отношение к Государству Израиль заметно ухудшилось.

Интифада Аль-Акса обнажила болевые точки в отношениях еврейской и арабской общин Израиля. Социологические опросы показывают, что в результате этого недоверие еврейского большинства к арабскому меньшинству достигло рекордных отметок. В ходе опроса общественного мнения, проведенного Миной Цемах из института «Дахаф» сразу после начала второй интифады, выяснилось, что 74% из числа опрошенных евреев назвали действия арабских граждан «предательством». Опрос, проведенный в марте 2002 г. Центром стратегических исследований Тель-Авивского университета, показал, что и полтора года спустя уровень недоверия остается очень высоким: 61% опрошенных евреев сообщили, что считают израильских арабов «угрозой для безопасности страны»²¹.

События интифады Аль-Акса вызвали широкий резонанс не только в политических, но и в общественных и академических кругах. Если в целом еврейская часть израильского общества (особенно «левые») считала, что «неблагодарные» арабы их предали, то, по мнению арабских интеллектуалов, «интифада Аль-Акса просто открыла правду, что между двумя народами существует конфликт»²².

По мнению Надима Рухана, одного из членов общественной организации «Школа мира», занимающейся проблемами сосуществования евреев и арабов, арабы долгое время «пытались приспособиться». На очередной конференции «Школы мира» он заявил: «Мы называли это адаптацией; “израильский араб” играл роль члена израильского общества. Я полагаю, что арабы в Израиле, также как и еврейское израильское общество, расплачиваются за это октябрьскими событиями и тем, что происходит сейчас»²³.

В связи с этим генеральный секретарь организации ФАТХ на Западном берегу реки Иордан М.Баргути заявлял: «Насилие началось по вине Израиля, из-за его колониальной и оккупационной политики,

которую практически невозможно изменить. Мы требуем остановить израильское насилие на улицах наших городов, мы требуем, прежде всего, соблюдать те соглашения, которые они с нами заключили за последние годы. Поэтому интифада не против мирного процесса, а за него, но не за мирный процесс в понимании Израиля»²⁴.

На фоне произошедших беспорядков с новой силой начинает звучать требование израильских арабов предоставить им гражданские и национальные права, которые они заслуживают. Их позиция выражается в следующих словах: «Мы, палестинцы, внесли свой вклад в построение общества равенства и справедливости, которое служило бы интересам и евреев, и арабов... Мы освободились от наследия эпохи военных администраций, теперь пришло время евреев освободиться от необходимости быть хозяевами. Они (евреи) отказываются избавиться от чувства превосходства, которое является неотъемлемой частью конфликта»²⁵.

Израильские арабы подчеркивают, что им придется продолжить борьбу за существование и собственную идентичность, пока евреи не изменят восприятие реальности. Арабы заявляют: «Отказываясь признать палестинцев равными партнерами, евреи ждут более серьезно взрыва, чем интифада Аль-Акса»²⁶.

Главная проблема, по мнению израильских арабов, заключается в том, что основная масса евреев не осмыслила всей тяжести проблем арабского сектора и имела искаженные представления о происходящем. «Большая часть израильского общества не осознает несправедливость, совершенную по отношению к палестинцам, они считают, что сами являются жертвами исторической несправедливости, совершенной палестинцами», – заявляет Надим Рухана²⁷. Говоря о собственном положении, израильские арабы подчеркивают, что они находятся не в такой ситуации, где несправедливость была однажды проявлена и впоследствии прекратилась, – несправедливость продолжает совершаться ежедневно, последствия этого ощущаются в каждой сфере их жизни. Так, для арабских граждан Израиля и других палестинцев трагедия 1948 г. является не просто исторической реальностью или вопросом национальной памяти. «Несправедливость продолжается, пока не решена проблема незарегистрированных деревень и перемещенных лиц, а управление экономикой, образованием и иммиграции происходит за счет арабов»²⁸.

В целом события октября 2000 г. ознаменовали завершение перехода израильских арабов от попыток адаптироваться к действиям открытой борьбы за начало диалога, который будет основываться на признании евреями арабов как равных партнеров и как общность с национальным самосознанием и национальными правами. Этот процесс трансформации модели взаимоотношений с еврейским обществом можно проследить по высказываниям самих представителей арабского сектора. Если раньше израильские арабы «были самым

тихим меньшинством в ряду других национальных меньшинств в мире, стремящихся к равенству или национальным правам»²⁹, то в последние годы появились социальные и политические силы, пытающиеся расширить рамки сложившегося пространства, в котором существуют арабы в Израиле, и перестроить его. Теперь они открыто заявляют: «Мы никогда не будем прежними хорошими и послушными арабами, с которыми евреи чувствовали себя удобно»³⁰.

Открытое высказывание подобных мнений сразу после событий интифады не могло не повлиять на отношение еврейской части израильского общества к арабской общине. В отчете общественной организации «Сиккуй» за 2001–2002 гг. сообщается, что, начиная с октября 2000 г., «ненависть, стремление к остракизму и расизм по отношению к арабским гражданам принимают новое измерение»³¹. Подозрительность и неприязнь стали доминировать в восприятии евреями арабов на всех уровнях, от бытового до государственного. В январе 2001 г. депутат Элейзер Козн (Национальный союз – Наш дом Израиль) предложил всем парламентариям – евреям покидать зал заседаний Кнессета, когда на трибуну выходит араб. Козн распространил среди депутатов письмо, озаглавленное «Состояние войны с палестинцами». В нем он вопрошал: «Поверит ли кто-нибудь, что во время второй мировой войны, немец, не офицер в форме СС, не нацист, просто обычный немец, мог стоять на трибуне британского парламента в Лондоне и выступать с речью в поддержку нацистской Германии?»³².

В целом члены Кнессета арабского происхождения начинают восприниматься общественностью как экстремисты, предатели, «пятая колонна», иностранные агенты или пособники врага. Это связано с тем, что в последнее время, как отмечалось выше, изменился тон заявлений арабских депутатов. В прошлом это были осторожные выступления меньшинства, принимающего навязанный ему статус гражданской неполноценности. Однако в последнее десятилетие они не только озвучивают настроения арабского населения Израиля, отказывающегося принимать старую систему отношений правящего и управляемого как саму собой разумеющуюся, но позволяют себе довольно эксцентричные высказывания и часто открыто поддерживают интифаду.

В настоящее время из всех существующих возможностей изменения политики руководства страны в отношении арабского меньшинства можно выделить три, предполагающие самые кардинальные изменения системного характера. Это: переселение арабов, введение военного режима в местах компактного проживания арабов и отказ от еврейского характера государства и превращение его в «гражданское государство всех своих граждан».

В декабре 2001 г. на израильском телевидении («Канал 2») транслировалось интервью Авидора Либермана (занимавшего в то время пост министра), в котором он призывал к осуществлению трансфера арабов из Израиля. Он заявил: «Я не отрицаю возмож-

ность трансфера. Мы не должны бежать от реальности. ...Проблема номер один для Израиля – это не палестинская проблема. Прежде всего, это проблема арабов-граждан Израиля. Тем, кто называет себя палестинцами, придется уехать в Палестину...»³³

Идея трансфера не является новой, однако после начала второй интифады она звучит с новой силой. Опрос общественного мнения, осуществленный в феврале 2002 г. профессором Ашером Арьяном из Центра стратегических исследований Яффе, показал, что 46% израильских евреев поддерживают трансфер палестинцев из Иудеи, Самарии и Газы, а 31% высказываются за трансфер арабов из самого Израиля. Когда же вопрос был задан в более обтекаемой форме, 60% опрошенных высказались за трансфер израильских арабов³⁴.

В скобках следует отметить, что в «разгар» мирного процесса в русскоязычной прессе появилась публикация под названием «Пощадите арабов-палестинцев! (повторный призыв к евреям и «ко всему прогрессивному человечеству»)», в которой была представлена программа практического осуществления трансфера арабов из Израиля. Автор предлагал высылать нарушителей порядка и законов за пределы Израиля; прекратить создание у арабов иллюзий, что у них есть перспектива не только образования своего государства, но даже и какой-либо автономии, что должно было послужить стимулом к добровольному трансферу; поставить израильских арабов в такое же положение, в каком находились евреи в СССР³⁵.

С подачи радикально настроенных политиканов как еврейского, так и арабского происхождения, образ арабского населения демонизируется в коллективном сознании израильтян, что в условиях интифады только углубило пропасть между двумя группами населения страны. На конференции, проходившей в Хайфском университете, политический деятель Эфраим Эйтам, назвал арабские поселения в Галилее «раковыми опухолями на теле нации»³⁶, а самих арабов «бомбой, подложенной под всю израильскую демократическую систему внутри «зеленой черты»³⁷. Такие настроения достигают апогея в публикациях, разжигающих национальную рознь и угрожающих стабильности государства. Так, в одной из русскоязычных газет в статье, озаглавленной «Как мы можем заставить их уехать», содержался призыв подвергнуть «кастрации заключенных арабов и людей, арестованных за антиизраильскую деятельность», мужчинам, добровольно согласным на операцию, предлагалось материальное вознаграждение. Автор предполагал, что «кастрация пойманных арабов способна стать сильным психологическим инструментом, которое может использовать еврейское подполье для того, чтобы посеять панику среди арабского населения и способствовать эмиграции арабов из Израиля»³⁸. Для того, чтобы обуздать естественный прирост арабского населения, предлагалось перенять опыт Китая, где наказываются родители, имеющие более одного ребенка. Среди методов наказания назывались увольнение родителей

с работы, высылка их в отдаленные местности, трансфер детей в арабские страны. Подобные настроения израильских евреев приводят к насильственным действиям по отношению к арабам и даже к террористическим актам. В марте 2004 г. по подозрению в террористической деятельности были задержаны 22-летний житель Ашдода Евгений Гроссман и 22-летний Элиран Голан из Хайфы. На протяжении трех лет Э.Голан совершал террористические акты против арабов и евреев, симпатизирующих арабам, с помощью собственноручно изготовленных взрывных устройств. Среди прочего, на его счету взрыв у мечети в Хайфе (июль 2001 г.) и покушение на депутата Кнессета от партии «Хадаш» Исама Махула (октябрь 2003 г.). В ходе следствия было установлено, что Голан планировал также нападения на депутатов Кнессета Мухаммеда Бараке, Ахмеда Тиби и Азми Бишару. В этом контексте следует отметить, что единственная пострадавшая из-за деятельности Голана, Джамиля Агбария, раненная во время взрыва у мечети в Хайфе, не была признана жертвой террора и не смогла получить компенсацию, так как израильский закон не считает насильственные действия евреев проявлением терроризма.

Арабские граждане Израиля едины во мнении, что в израильском обществе существует несоразмерное представление о конфликте и положении арабов из-за необъективного освещения проблем в СМИ. Так, упоминавшийся выше Надим Рухана говорит (об арабах, проживающих в еврейском квартале): «Евреи знают о страхах арабов, но не знают о страхах арабов. Страх существует»³⁹.

Благодаря революции, произошедшей в сфере коммуникаций, и появлению арабского спутникового телевидения, которое транслирует репортажи о ситуации на Западном берегу и в Газе, израильские арабы смотрят и новости на иврите, и каналы «Аль-Джазира» или «Абу-Даби», получая, таким образом, информацию из разных источников. Израильские евреи в своем большинстве пользуются только израильскими средствами массовой информации, представляющими часто односторонний взгляд на конфликт.

Работу израильских СМИ раскритиковал на очередной конференции «Школы мира» один из ее активистов, Д.Рабинович, еврей по происхождению, утверждающий, что «они [СМИ] играют ключевую роль в поддержании определенного образа двух народов: евреев-радетелей мира и палестинцев-поборников войны»⁴⁰. По его мнению, подобный взгляд выражается в бесконечном освещении в новостях малейших проблем евреев и замалчивании трагедии арабов. «Телевизионные репортажи и газетные статьи с заголовками «Насилие» дают заведомо ложное представление о происходящем. Это взгляд, который фокусируется исключительно на боли еврейской жертвы и построен на отсутствии понимания и признания того, чего противоположная сторона пытается достичь. Это облегчает представление поведения палестинцев как насильственного от природы»⁴¹.

Критике подвергается и расставление акцентов в представляемой информации: когда совершаются атаки на израильтян, легитимность ответных атак не ставится под сомнение и не соотносится с историческим контекстом. «Израильские атаки всегда описываются как реакция на действия палестинцев. Это выглядит так, словно палестинцы сделали нечто ужасное, а израильтяне просто отвечают тем же. Связь с событиями недельной давности, оккупацией, 1948 годом или Сионистским конгрессом 1887 г. будет считаться нерелевантной»⁴².

В последнее время израильские интеллектуалы более, чем когда-либо, обеспокоены проблемой сосуществования двух народов в рамках одного государства, мирному характеру которого бросила вызов интифада Аль-Акса.

В ноябре 2000 г. группа из 26 ученых представила Эхуду Бараку доклад, озаглавленный «После кризиса: новые направления государственной политики по отношению к арабам». Цель доклада заключалась в пересмотре «принципов еврейского этно-территориального национализма, который привел к интифаде»⁴³. В докладе рассматривалась проблема «исторической несправедливости, которой арабы подвергались на протяжении более, чем пятидесяти лет», и шесть сфер, требующих реформирования: земля, муниципалитеты, образование, закон, самоидентификация и развитие. В документе подчеркивалось, что, несмотря на приверженность принципу равенства израильских граждан, заявленного в Декларации независимости Израиля, формально страдания арабов на индивидуальном, семейном и групповом уровне вследствие войны 1948 г., сроду не были признаны. «Государство никогда не выражало сочувствия по поводу того факта, что в конце войны арабские граждане оказались субъектами государства, действующего с позиции силы по отношению к ним, не представляющего их политических интересов и основанного на их разрушении»⁴⁴. В докладе рекомендовалось официально признать катастрофу, постигшую палестинский народ в 1948 г., ввести национальный день памяти в честь Накбы; отметить мемориалами места, где находились разрушенные арабские деревни, и сохранять то, что от них осталось. «Мы предлагаем изменение и/или написание дополнительной версии национального гимна, изменение флага или принесение извинений со стороны государства за историческую несправедливость, совершенную по отношению к палестинским арабам»⁴⁵. Авторы доклада подчеркивали, что эта часть предложений не является слишком затратной и легка в исполнении, однако для многих евреев, она стала наиболее устрашающей. «Данная глава, посвященная проблеме гражданского участия и самоидентификации палестинских граждан Израиля, угрожает израильским евреям, потому что указывает на то, что настоящее равенство между гражданами Израиля означает переопределение государства», – говорит Д.Рабинович⁴⁶.

В последнее время наблюдается тенденция к усилению палестинской составляющей самосознания израильских арабов. Например, 15 мая 2001 г. в пятьдесят третью годовщину образования Государства Израиль израильские арабы и палестинцы-жители Западного берега и сектора Газы выступили в Иерусалиме на совместном митинге, посвященном дню национальной катастрофы.

Арабо-израильское противостояние будет и в дальнейшем оказывать решающее воздействие на статус и самоидентификацию арабских граждан Израиля. Результаты первого опроса, проводимого среди израильских арабов со времен начала второго витка интифады, свидетельствовали об изменениях, произошедших в их самоидентификации и отношении к Государству Израиль. Так, 33% опрошенных сказали, что определение «израильтянин» наиболее точно соответствует их идентификации. В 1995 г. подобный ответ давали 63% респондентов. 35% считают, что израильские евреи им ближе, чем палестинцы оккупированных территорий. Увеличилась доля людей, отказывающих Государству Израиль в праве на существование (46% в 2001 г. против 35% в 1995 г.). Большинство опрошенных (58%) убеждены, что интифада отдалила их от государства, гражданами которого они являются⁴⁷.

При этом ряд данных свидетельствует об устойчивости процесса интеграции. Лишь 4,7% опрошенных в 2001 г. арабов выразили желание переехать в палестинское государство, когда оно будет основано, что чуть выше данных 1995 г. (4,2%) и более, чем в три раза ниже показателей 1976 г. Менее трети (29,5%) жителей района Треугольника были согласны, чтобы их город или деревня были присоединены к Палестинскому государству (по результатам опроса, проведенного среди жителей Треугольника в сентябре 2002 г., доля тех, кто согласен на присоединение к Палестинскому государству своего населенного пункта, упала до 18%). В то же время две трети опрошенных считают долгом израильских арабов помогать финансово и морально своим собратьям на оккупированных территориях, а также оказывать политическое давление на Израиль с целью урегулирования конфликта⁴⁸.

Можно прогнозировать и обратный переход от «палестинизации» к «израилизации» арабского населения Израиля после создания палестинского государства, руководство которого вряд ли сможет и захочет помочь израильским арабам в таких вопросах, как борьба против дискриминации на рынке труда или создание культурной автономии. В таких условиях главным шагом израильских властей должна стать продуманная политика по отношению к арабскому сектору – обеспечение равных прав и возможностей арабских граждан, лояльных к Израилю. Сегодня ситуация обратная: израильские арабы как нечто единое воспринимаются большей частью населения как досадная обуза.

- ¹ Подробнее см. статьи Шломо Громана на сайте www.languages-study.com
- ² См. статью Дины Зисерман-Бродской «Проблемы арабского меньшинства в Израиле» на сайте www.teena.org.il
- ³ The Sikkuy Report 2001–2002. Monitoring Civic Equality Between Arab and Jewish Citizens of Israel. – Jerusalem 2002.
- ⁴ Зисерман-Бродская Д. «Проблемы арабского меньшинства в Израиле».
- ⁵ Подробнее см.: Dmitri Makarov. Islam and Development at Micro Level: Community Activities of the Islamic Movement in Israel. – Russian center for strategic research and international studies, Moscow 1997.
- ⁶ Алек Д. Эпштейн. Бесконечное противостояние. – М., 2003.
- ⁷ Алек Д. Эпштейн. Бесконечное противостояние, с. 170.
- ⁸ Алек Д. Эпштейн. Бесконечное противостояние, с. 168.
- ⁹ Эпштейн А., Меламедов Г. «Двунациональное еврейское государство». Отчет комиссии Т.Ора и проблемы арабоязычного населения Израиля // Ближний Восток и современность, № 19. – М., 2003.
- ¹⁰ Цитируется по Эпштейн А., Меламедов Г. «Двунациональное еврейское государство». Отчет комиссии Т.Ора и проблемы арабоязычного населения Израиля там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Beshara A. Palestinians in Israeli Constructing Their Identity // Bi-Annual Report 1999–2001, School for Peace (Neve Shalom, Wahad As-Salam). – Jerusalem 2002. /иврит/
- ¹⁴ Зисерман-Бродская Д. Проблемы арабского меньшинства в Израиле.
- ¹⁵ Эпштейн А., Меламедов Г. «Двунациональное еврейское государство». Отчет комиссии Т.Ора и проблемы арабоязычного населения Израиля.
- ¹⁶ Алек Д. Эпштейн. Бесконечное противостояние, с. 177.
- ¹⁷ См.: Шифтан Д. Палестинский вызов еврейскому государству: новая идеология израильских арабских политиков // Ближний Восток и современность, № 18. – М., 2003.
- ¹⁸ Там же
- ¹⁹ Эпштейн А., Меламедов Г. «Двунациональное еврейское государство». Отчет комиссии Т.Ора и проблемы арабоязычного населения Израиля.
- ²⁰ Алек Д. Эпштейн. Бесконечное противостояние, с. 174.
- ²¹ Шифтан Д. Палестинский вызов еврейскому государству: новая идеология израильских арабских политиков.
- ²² Halabi R. Arab-Jewish Relations Since the Intifada // Bi-Annual Report 1999–2001, School for Peace (Neve Shalom, Wahat Salam). – Jerusalem 2002. /иврит/
- ²³ Rouhana N. From Conflict Resolution to Reconciliation // Bi-Annual Report 1999–2001, School for Peace (Neve Shalom, Wahat Salam). – Jerusalem 2002, с. 60. /иврит/
- ²⁴ См. интервью М.Баргути М.Шевченко на сайте www.press.try.md
- ²⁵ Halabi R. Arab-Jewish Relations Since the Intifada, с 41.

- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Rouhana N. From Conflict Resolution to Reconciliation, с. 61.
- ²⁸ Там же, с. 62
- ²⁹ Там же, с. 61.
- ³⁰ Halabi R. Arab-Jewish Relations Since the Intifada, с. 41.
- ³¹ The Sikkuy Report 2001–2002. Monitoring Civic Equality Between Arab and Jewish Citizens of Israel, с. 47.
- ³² «Ха-арец», 24 ноября, 2002 г., «Элейзер Коэн: покиньте Кнессет, когда говорит араб».
- ³³ «Едиот ахаронот», 28 декабря, 2001 г.
- ³⁴ По материалам сайта www.rjews.net.
- ³⁵ The Sikkuy Report 2001–2002. Monitoring Civic Equality Between Arab and Jewish Citizens of Israel, с. 54.
- ³⁶ Едиот ахаронот, 14.02.2002.
- ³⁷ Едиот ахаронот, 05.02.2001.
- ³⁸ The Sikkuy Report 2001–2002. Monitoring Civic Equality Between Arab and Jewish Citizens of Israel, с 54.
- ³⁹ Rouhana N. From Conflict Resolution to Reconciliation, с. 59.
- ⁴⁰ Rabinovitch D. Jews, Self-righteousness and Intifada al-Aksa // Bi-Annual Report 1999–2001, School for Peace (Neve Shalom, Wahat Salam). – Jerusalem 2002, с. 55. /иврит/
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, с. 56.
- ⁴³ Там же, с. 60.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же, с. 58.
- ⁴⁷ Алек Д. Эпштейн. Бесконечное противостояние, с. 172.
- ⁴⁸ Зисерман-Бродская Д. Проблемы арабского меньшинства в Израиле.

А.Владими́ро, Т.Солопова

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ
ГЛАЗАМИ «РУССКИХ» ИЗРАИЛЬТЯН**

«Динамика арабо-израильского конфликта – хотя и не единственный, но едва ли не основной фактор, влияющий как на формирование электоральных предпочтений израильских избирателей, так и на уровень сплоченности полиэтнического израильского общества в целом». (Барух Киммерлинг¹).

«При всех наших репатриантских проблемах, связанных с жильем, трудоустройством, пенсионными вопросами, мы все же – граждане Государства Израиль. Нам здесь жить, растить своих детей и внуков. Немыслимо ни за какие социальные льготы пожертвовать безопасностью этой страны, принести в жертву нашу обороноспособность, наше будущее...». (Эфраим Гур²).

Основные тенденции внутривосточного развития Израиля всегда в большой мере определялись и определяются неурегулированностью палестино-израильского конфликта. Вопрос о дальнейшей судьбе территорий, оказавшихся под контролем Государства Израиль в результате войны 1967 г. и статусе Иерусалима, вопрос – быть или не быть палестинскому государству и проблема палестинских беженцев, борьба с терроризмом и дальнейшее мирное урегулирование являются неотъемлемой частью повестки дня политической жизни страны и важным фактором, влияющим на гражданское общество.

Не случайно, характерной особенностью внутривосточной ситуации в Израиле долгое время было сохранение «национального консенсуса» по вопросам безопасности. Его истоки лежат, прежде всего, в трагическом историческом прошлом евреев, которое остается важным фактором формирования общественного сознания. Помимо этого огромную роль сыграли сионистские идеи и религиозные установки.

Однако оккупация арабских территорий нарушила традиционную расстановку сил в стране, ускорила их поляризацию и послужила началом разрушения внешнеполитического консенсуса.

В последние годы Израиль находится в состоянии затяжного внутривосточного кризиса, который проявляется в маргинализации израильского политического истеблишмента, постоянном увеличении числа секторальных партий, разрушительно воздействующих на устойчивость общества, деградации национальных институтов и

национальной идеи, нарастании противоречий между различными группами, составляющими израильское общество.

Таким образом, проблема поиска путей решения палестино-израильского конфликта на правительственном уровне на сегодня находится в тупике, несмотря на многочисленные усилия, предпринимаемые в этом направлении. Все мирные инициативы израильского правительства, серия длительных переговоров и подписание многочисленных соглашений привели отнюдь не к разрешению конфликта, а к дальнейшей его эскалации.

Ни палестинцы, ни Израиль не достигли своих главных целей: палестинцам так и не удалось создать независимое государство, а израильяне не смогли обеспечить свою безопасность. К середине 90-х годов мирный процесс стал замедляться, а его конец был ознаменован очередным витком интифады, вспыхнувшей в сентябре 2000 г. на территории сектора Газа и Западного берега реки Иордан и продолжающейся до сих пор.

Очевидно, что государственную политику в отношении палестино-израильского конфликта определяют правящие круги и политический истеблишмент Израиля, однако предметом нашего анализа является позиция израильского общества по данной проблеме.

На уровне гражданского общества отношение к вопросам безопасности и поиску путей решения этого конфликта преломляется через специфические черты общественного сознания, на которое влияют такие самостоятельные по отношению к политике факторы, как культурный уровень, традиции, стереотипы и настроения.

Израильское общество формировалось и продолжает формироваться в результате репатриации со всех континентов земного шара сотен тысяч людей. Евреи, иммигрировавшие из разных стран со времени основания государства, были носителями разных, часто плохо сочетающихся друг с другом культур, имели разный социально-экономический статус и отличающийся политический опыт. Несколько мощных волн иммиграции создали «критические массы» избирателей из разных общин и тем самым способствовали выдвижению иммигрантов на влиятельные социальные и политические позиции. Экономический рост в сочетании с выходом на социальную арену новых поколений как иммигрантов, так и уроженцев Израиля не мог не повлиять на мировоззрение, политические взгляды и образ жизни определенных групп и отношения между ними. Все это находит свое выражение в политическом поведении.

В этой работе будет рассматриваться роль русскоязычной общины Израиля в социально-политической жизни страны и ее отношение к палестино-израильскому конфликту.

«Русская» составляющая современного Израиля – это около миллиона человек, жизненный опыт которых основан на существовании в многонациональном светском государстве (с традициями, в равной

мере базирующимися на основе христианской и исламской цивилизаций) как народа, а не как религиозного меньшинства. Опыт этот, единственный в своем роде для еврейской диаспоры, имеет для Израиля уникальное значение. Он позволяет смоделировать своеобразные пути развития израильского общества и государства в период глубокого кризиса традиционного сионизма всех толков, переводя палестино-израильские отношения из состояния неразрешимого конфликта на рельсы нормального межнационального урегулирования. Именно «русский» фактор позволяет Израилю найти выход из тупика, в который зашла национальная идеология, монополюно доминировавшая на политической сцене страны в течение XX в., столкнувшись с неразрешимыми противоречиями между базисными установками типа построения государства «народа без земли» на «земле без народа» с реалиями существования Палестинской национальной автономии³.

В этом смысле справедливо высказывание С.Лисицы и Й.Переса: «... репатрианты из СНГ далеки от полюсов израильского общества – они не богатые и не бедные; они не отличаются ярким еврейским самосознанием и не питают симпатии к израильским арабам; они не воинственные правые и не крайне левые. С точки зрения экономического положения и трудоустройства, это не иммиграция по нужде, которую принимают исключительно из гуманных и социальных соображений. С другой стороны, их нельзя определить как благоденствующую, обладающую значительным капиталом и не нуждающуюся в помощи общность. Речь идет о группе, стоимость содержания которой для государства и ее вклад более или менее уравновешены. То есть, оказывается, что основная позиция удаления от полюсов – это не только просчитанная стратегия репатриантов, но и их объективное место в расколотой общественной структуре современного Израиля»⁴.

Общая характеристика исследуемой группы

Как известно, алия из СССР в Израиль фактически началась после Шестидневной войны. Тот факт, что в результате этой войны Советский Союз во второй раз разорвал дипломатические отношения с Израилем (впервые это, как известно, произошло в 1953 г.), не стал препятствием для репатриации в Израиль советских евреев – напротив, масштабы репатриации после 1967 г. были несоизмеримы с практически полным запретом на нее в 1948–1953 и в 1955–1967 гг., когда дипломатические отношения между двумя странами были установлены в полном объеме. В 1968 г. в Израиль прибыли 224 советских еврея, в 1969 г. – более 3 тыс.⁵ Две волны массовой эмиграции из СССР/СНГ (в 1969–1979 гг. и с 1989 г. по настоящее время) превратили Израиль в крупнейший в мире центр русскоязычного еврейства. По данным министерства абсорбции и Еврейского агентства, за последние тридцать лет (после 1973 г.) из СССР/СНГ в Израиль прибыли около 1,2 млн. чел.

Таким образом, иммигранты из бывшего СССР прибыли в огромном количестве за очень короткое время. Это обстоятельство стало решающим фактором, определившим их политическое и социальное поведение. Причиной этой огромной волны иммиграции было не столько стремление жить на Земле обетованной, на родине предков, сколько желание многих сотен тысяч людей избежать политических и экономических проблем, сопровождающих распад некогда стабильной державы.

Иммиграционная волна 90-х годов сделала русскоязычное еврейство самой крупной субэтнической группой (после достаточно гетерогенной группы уроженцев Израиля) и стала основой формирования общины новых иммигрантов. В течение первых пяти лет с момента начала большой алии (1989 г.) проявились признаки организованной общинной жизни, сложилась коллективная самоидентификация русскоязычной общины в Израиле.

Репатрианты из СССР/СНГ, как известно, оказали значительное влияние на развитие израильской экономики (прежде всего, в области индустрии высоких технологий), культуры и социальной сферы. Не менее весома роль русскоязычной общины в политической жизни страны⁶.

По словам президента РЕК Е.Я.Сатановского, во внутривнутриполитической и социальной сферах приток за короткий период высокообразованной русскоязычной массы иммигрантов с европейским образованием и культурой, высокими потребительскими стандартами, отверженных идее социально ориентированной рыночной экономики необратимо изменил израильское общество. Люди эти, политически активные и являющиеся носителями ментальности граждан сверхдержавы (присущей в конце XX в. только жителям бывшего СССР и американцам), помноженной на постперестроечный скептицизм в отношении всех и всяческих авторитетов, догм и идеологий, буквально взорвали сложившийся в Израиле на протяжении десятилетий баланс сил. При этом огромную роль сыграло как, само по себе, их количество, составившее в течение 90-х годов около 20% населения страны, так и то, что впервые в Израиль прибыла массовая алия, не только постоянно подпитываемая количественно, но и не порвавшая со страной исхода (включая сохранение многими предыдущего гражданства). В отличие от подавляющего числа иммигрантов предыдущих десятилетий из до- или послевоенной Европы, стран исламского мира или восточного блока (включая СССР) люди эти могли без особых проблем вернуться назад, если их жизнь на новом месте по каким-либо причинам не складывалась, да и сама по себе оторванность их от прежнего уклада в условиях новых технологий и открытого общества была минимальной⁷.

Число их оказалось таким большим, а «качество» в большинстве своем столь высоким, что «переварить» эту массу Израиль оказался не

в состоянии, и страна вынуждена была сама начать приспосабливаться к ним. Как следствие, «русские» в Израиле 90-х годов получили возможность влиять на положение страны и направление ее развития.

Таким образом, значение «русского» фактора в израильской общественно-политической жизни крайне велико, поэтому представляет особый интерес отношение «русских» репатриантов к палестино-израильскому конфликту, ибо во многом именно они являются той силой, которая способна оказать заметное влияние на традиционное восприятие конфликта с арабами израильским обществом, а значит, и повлиять на его дальнейшее разрешение. Вкратце наше утверждение можно выразить словами Авиغدора Либермана: «сила, способная не допустить капитуляции Израиля, – это русскоязычная община»⁸.

Психологические аспекты восприятия образа араба

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу отношения «русских» репатриантов к арабо-израильскому конфликту, необходимо понять как оно было сформировано, и что в наибольшей степени определило этот процесс.

Представляется, что ответ на этот вопрос кроется в характере самосознания иммигрантов из бывшего СССР, их своеобразной ментальности. Эта специфика стала результатом воздействия целого ряда факторов, как то:

1. Трудности «доизраильского периода»: как те, которые привели к решению о репатриации, так и те, которые пришлось преодолеть для его реализации.

2. Проблемы, которые неизбежно возникают с первых дней жизни в Израиле, – бытовые, организационные, психологические.

3. То, что можно назвать «советским образом мышления». Принципиально иные способы ориентировки в окружающей действительности, невозможность во многих случаях адекватно оценивать происходящее, а значит, и планировать свои действия.

4. Языковой барьер.

Эти факторы определяют психологическое состояние олим с первых дней пребывания в стране и оказываются основными в первые 3–4 месяца.

Также хотелось бы выделить такие аспекты, как стереотипные способы мышления, препятствующие ориентировке в новой ситуации, правильному восприятию новой действительности, в которой алия должна жить и действовать, в которую она должна влиться. Речь идет о сформировавшейся за все годы существования советской власти подмене собственного мнения человека своего рода «клише», имитирующими народное мнение, позволяющими судить о тех или иных явлениях без достаточного знания предмета. Как результат, новые репатрианты, несмотря на свой в целом высокий образовательный уровень, оказались едва ли не наиболее восприимчивой к всевоз-

можным стереотипам и массовым манипуляциям группой израильского общества.

Причем, нужно отметить, что, если в СССР такие «клише» создавались всеми средствами массовой информации, партийными, комсомольскими, профсоюзными и даже пионерскими организациями, то в Израиле к распространению подобных неадекватных слухов приводит создание в местах скопления олим (ульпаны, курсы, клубы пенсионеров и т.д.) так называемых референтных групп⁹.

В этом смысле показательное распространение в среде русскоязычных репатриантов мнение, что патриот Израиля – это тот, кто если и не ненавидит арабов, то уж явно выступает против каких-либо территориальных уступок им. Так, например, автор одной из статей интереснейшего русско-еврейского журнала «Новый век» в первом номере за 2003 г. пишет: «Сын, как и я, патриот Израиля и противник «мирного процесса»¹⁰. Ни тождество «патриот Израиля [есть] противник мирного процесса», ни написание словосочетания «мирный процесс» в кавычках, в доказательствах и объяснениях не нуждаются. И автору, и большинству читателей все очевидно и так. Некоторые аналитики считают, что эта точка зрения объясняется, в первую очередь, тем, что большинство «русских» репатриантов, прибывавших в начале 90-х годов в Израиль (а именно тогда прибыло большинство из них), в сущности, не имело ни малейшего представления об истории арабо-израильского конфликта, демонстрируя свойственную «имперскому сознанию» неготовность к каким-либо территориальным уступкам безотносительно к выяснению вопроса о причинах конфликта и субъективной правде каждой (в том числе, и противоположной) из сторон. После 11 сентября 2001 г. в умах многих возобладала точка зрения, что «все арабы – террористы, с пеленок воспитаны в ненависти, а мы относимся к сообществу демократических стран и вынуждены защищаться». Смена риторики очевидным образом не сопровождалась сменой политической позиции: арабы как не воспринимались, так и не воспринимаются сколько-нибудь серьезными партнерами для ведения мирных переговоров.

Подобный подход характерен и для восприятия образа араба на уровне бытового сознания. Показательны в этом смысле данные, собранные в конце 90-х годов хайфскими социолингвистами Ларисой Филалковой и Марией Еленевской¹¹ в ходе развернутых бесед с несколькими десятками русскоязычных израильтян (см. Приложение 1). На основе данного исследования можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, восприятие образа араба и интерпретация его поведения в большинстве случаев зависят от предыдущего опыта респондентов, соответственно новые ситуации и реалии интерпретируются в рамках знакомых культурных кодов.

Так, репатрианты из Средней Азии воспринимают арабов как мусульман, знакомых им по странам исхода. Поэтому в отличие от многих

выходцев из европейских районов бывшего СССР, предпочитающих арабов-христиан мусульманам, первые подчеркивают свою близость с последними. Из интервью известно, что быт многих еврейских семей был организован под сильным влиянием мусульманского окружения. Строгое разделение мужских и женских ролей, почтение к старшим, скромный стиль в одежде, осторожность в отношениях с посторонними – таковы модели поведения, усвоенные ими с детства. Отсюда умение маневрировать и легкость в общении с арабами-мусульманами, хотя эти респонденты отмечают также и потенциальную опасность, которую может повлечь за собой «умышленное или неумышленное нарушение этих кодов («С ними главное найти общий язык. Если ты его не нашел – все. Ты будешь первым врагом»).

Во-вторых, приходится констатировать преобладание отрицательного стереотипа врага. Информанты изначально предполагают, что от них ожидают именно такого отношения к арабам. В тех случаях, когда личный опыт противоречит этим ожиданиям, они испытывают неловкость.

В отличие от евреев из восточных стран, принесших образ араба в коллективном сознании из стран исхода, «русские» репатрианты столкнулись с ним лишь в процессе эмиграции и интеграции в израильское общество. Попытка освоения новой действительности с помощью привычных кодов, как следует из проанализированных примеров, ненадежна. Непонимание рождает неуверенность, страх и даже агрессию. Итак, в основе формирования образа лежат два неравноправных источника: израильские масс-медиа на русском языке, доступные всем, и ограниченные личные контакты. К подобным выводам приходит и Моше Кенигштейн¹² в исследовании ценностных ориентаций, установок и стереотипов русскоязычных репатриантов, находящихся в Израиле менее года. Отношение к арабам представлено в их высказываниях, из коих 34% (категории 1–2) – негативные и лишь 6% (категория 5) – позитивные; остальные высказывания могут быть определены как нейтральные (категории 3–4), либо же респонденты не ответили на поставленный вопрос (см. Приложение 2).

Как и в первом исследовании, большая часть высказываний респондентов представляет собой негативные стереотипы и штампы расистского характера, достаточно широко распространенные и среди старожилов Израиля. Нередко эти стереотипы поддерживает и культивирует израильская пресса, в том числе и «русская», некоторые общественно-политические движения и партии. Однако немалую роль в их формировании играет и тот факт, что для репатриантов из бывшего СССР характерны «слабая политкорректность», довольно циничный подход к проблемам прав человека и отсутствие толерантности.

Это в первую очередь связано с тем комплексом коллективных и индивидуальных качеств, который выработался у русских евреев на основе особенностей положения их в русской и советской империях,

под влиянием имперской, великодержавной идеологии, коммунистической и социал-демократической доктрины, а также комплекса отчуждения советского еврейства, который, в отличие от других стран мира, основывался не на религиозном и языковом характере, но, тем не менее, был очень сильным и доминантным в определении специфики личности и еврейского социума в целом¹³.

Таким образом, влияние русской и советской истории, общества, ментальности на еврейских выходцев из бывшего СССР столь велико, что вместо воссоединения и интеграции в Израиле русско-советская еврейская община в начале 90-х годов выделилась в самостоятельный олимовский «русский» сектор, чье восприятие окружающей действительности крайне специфично.

Что касается палестино-израильского конфликта, то можно сделать следующий вывод: «русские» репатрианты в этот период не работали четко сформулированной позиции по этому вопросу, вследствие чего восприятие арабов на бытовом уровне (примеры которого были приведены выше) превращается в фактор, определяющий выбор ими того или иного решения этой проблемы.

Тенденции последних лет: интеграция в израильское общество

В последнее время в русскоязычной общине произошли заметные перемены. Вследствие того, что пик иммиграции пришелся на 1991–92 гг., основная масса «русских» репатриантов находится в стране уже, как минимум, 10 лет, а значит, они уже достаточно плотно интегрировались в израильское общество, превратились в израильтян.

По мнению А. Либермана, за это время иммигранты прошли путь, который у других растянется на несколько поколений: «мы стали на ноги, заняли положение, о котором многие уроженцы страны могут только мечтать»¹⁴.

Немаловажен и тот факт, что значительно сократился поток иммиграции из СССР/СНГ, а также сильно изменились политические и социальные обстоятельства, связанные с иммиграцией. Прежде всего, государственные учреждения, занимающиеся абсорбцией, приспособились к постоянному притоку от 4 до 5 тыс. новых иммигрантов в месяц. Это способствовало улучшению социально-экономического положения олим. Однако состав алии изменился не только количественно, но и качественно: иммигранты конца 90-х годов уже знали об Израиле гораздо больше, чем прибывшие в начале десятилетия.

Так, А. Катаева-Венгер (автор книги «Алия 90-х: психологические аспекты», в которой она подробно исследует социально-психологические факторы, воздействующие на «русских» репатриантов, создает психологический портрет русскоязычной общины Израйля) после визита в Россию в середине 90-х годов приходит к заключению, что «русские» евреи, остающиеся в СССР/СНГ и собирающи-

еся репатриировать в Израиль, существенно более осведомлены об израильской жизни, чем их предшественники.

Особенно характерно их восприятие проблем израильской безопасности и палестинского терроризма, о котором свидетельствуют заданные ими вопросы. Они спрашивали «не просто, бегают ли террористы по улицам Тель-Авива, Хайфы и Иерусалима с ножами и пистолетами. Их интересовала сущность наших (израильтян – прим. Авт.) взаимоотношений с арабами, оценка той информации, которую выдавали российское телевидение, радио, пресса, поскольку в этих высказываниях сквозило либо полное безразличие, либо, чаще всего, совершенно явное предпочтение арабской позиции, осуждение Израиля»¹⁵.

Таким образом, эти люди достаточно информированы об этих проблемах, хорошо понимают ситуацию. Это не случайно, так как характер взаимоотношений с арабами играет серьезную роль в принятии решения о репатриации. Соответственно, прибыв в Израиль, люди эти совершенно по-другому будут смотреть на многие стороны израильской жизни, что приведет к скорейшей интеграции их в израильское общество.

Как следствие, уменьшается стремление «русских» репатриантов к обособленности, выделению в отдельный сектор израильского общества. Напротив, они интенсивно внедряются в израильское общество, хорошо понимают его проблемы, формируют свои собственные взгляды и предпочтения. Это в полной мере справедливо и в отношении их восприятия проблемы палестино-израильского конфликта: несмотря на то, что первоначально она являлась для них второстепенной (по сравнению с более «важными» в тот период социально-экономическими трудностями), сегодня эта проблема вышла на первый план в результате того, что «русские» репатрианты осознали, сколь важна ее роль во всей истории Израиля.

Однако нельзя не отметить, что, прибыв в Израиль в начале 90-х годов в период бурного развития мирного процесса (когда была открыта новая страница в палестино-израильских отношениях и казалось, что установление мира, при всех его трудностях, не за горами), они были лишены возможности сравнить свое априорное восприятие палестино-израильского конфликта с тем, что есть на самом деле. Как следствие, адекватное восприятие этой проблемы сформировалось у них лишь после начала второго витка интифады, когда они впервые столкнулись с реалиями палестино-израильского конфликта.

Представляется необходимым остановиться на этом подробнее. Прежде всего, нужно отметить, что продолжающаяся уже более 2-х лет интифада оказала значительное воздействие на израильское общество. Достаточно проанализировать данные о жертвах терактов, чтобы увидеть, насколько сильно эта «война на истощение» затронула каждую его часть. Очевидно, что русскоязычная община Израиля в этом аспекте не является исключением.

Более того, по ряду объективных причин «русским» репатриантам чаще, чем другим, приходится сталкиваться с проявлениями интифады. Так, по статистике, шанс погибнуть от руки террориста за «зеленой чертой» в семь раз выше, чем в ее пределах. Число жертв среди поселенцев примерно соответствует потерям армии во время боевых операций. Среди жертв террора жителей Иудеи, Самарии и поселений вблизи сектора Газы примерно 21,5%, в то время как их доля в населении страны не превышает 3%.

Известно, что 20% от общего населения территорий составляют «русские» (40 тыс. из 200 тыс.), причем их число постоянно увеличивается. Соответственно, они становятся наиболее вероятной мишенью для террористов.

Следующая категория жертв террора – совсем новые репатрианты. Так, до 2003 г. в Тель-Авиве на учете в организации СЕЛА состояла 131 семья новых репатриантов из бывшего СССР, потерявших близких в террористических актах последней интифады. Это связано, в первую очередь, с тем, что они наименее адаптированы к реалиям израильской жизни, также важно, что в большинстве своем они представляют собой наиболее социально незащищенную группу. Малоимущие люди заведомо поставлены в особо опасные условия, так как у них «нет возможности пользоваться частным транспортом» и они «проживают в районах, где террорист менее заметен в толпе». Внутри «зеленой черты» наиболее опасными представляются Иерусалим, Южный и Центральный Тель-Авив, Хайфа, Хадера, Ришон Ле-Цион. Излишне говорить, что все перечисленное – районы массового проживания новых репатриантов. Так, по словам Н.Щаранского, до 40% жертв терактов в автобусах – это новые репатрианты¹⁶.

Однако «русские» репатрианты становятся жертвами не только волн насилия, но и экономического кризиса, также порожденного непрекращающейся террористической войной.

Два года интифады обошлись Израилю в 7 млрд. шекелей, и это только расходы, поддающиеся калькуляции, а ведь есть еще финансовые потери от вывоза капитала, от бегства инвесторов, от краха индустрии туризма. По словам А.Либермана, «этих денег с лихвой хватило бы на все социальные программы»¹⁷, вместо этого происходит обвальное обнищание граждан, и репатриантам это известно, как никому другому. По словам Р.Бронфмана, «люди, за 10–12 лет более или менее вставшие на ноги, оказываются на дне, пополняя ряды безработных. Они лишаются возможности выплачивать ссуды за купленные квартиры, не могут дать образование детям, их в одночасье вынесли за скобки нормального существования»¹⁸.

Таким образом, представители русскоязычной общины несут многочисленные жертвы в условиях интифады, она значительно ухудшает их материальное положение, и, тем не менее, они неоднократно подчеркивали, что не намерены покидать страну, готовы сражаться в израиль-

ской армии. Вместе с тем, интифада привела и к появлению новых аспектов в восприятии проблемы арабо-израильского конфликта в целом: если первоначально позиция по этому вопросу представляла собой точку зрения «стороннего наблюдателя» (так как в основном базировалась на восприятии этих проблем, сложившемся еще в странах исхода), то теперь – «непосредственного участника событий» (так как она была продиктована жизненным опытом, накопленным уже в Израиле).

Вместо заключения:

В рамках данной работы было проанализировано отношение русскоязычной общины Израиля к палестино-израильскому, конфликту и было выявлено несколько аспектов этой проблемы.

Очевидно, что после приезда в новую страну для самой алии первоочередной проблемой было выживание, новоприбывшие боролись за относительно достойное существование. Понятно, что в этих условиях их мало занимали общеизраильские проблемы. Что касается палестино-израильского конфликта, то сложность в формировании той или иной позиции по этому вопросу заключалась еще и в том, что до приезда в Израиль эти люди не имели ни малейшего представления о сущности этой проблемы, а в Израиле слабая ориентация в этом вопросе порождена необходимостью решать более насущные социально-экономические проблемы, а также элементарным незнанием языка иврит, что, естественно, затрудняло восприятие этой проблемы.

Однако надо отметить, что с самого начала своего пребывания в стране «русские» занимают относительно стабильную позицию по проблемам ближневосточного урегулирования, поддерживая блок Ликуд и отвергая какие-либо компромиссы. Эта тенденция проявляется, начиная с 70-х годов, как следствие того, что алия из СССР в этот период была антисоветски настроена, в большинстве своем она не желала слышать само слово «социализм» и не принимала схем решения палестино-израильского конфликта, предлагавшихся левыми партиями. Более того, как отмечал в своем исследовании Цви Гительман, антиарабская и антимусульманская ориентация иммигрантов из СССР/СНГ сформировалась еще в странах исхода. По его мнению, это было связано с тремя факторами: оппозицией евреев к очевидно проарабскому внешнеполитическому курсу Советского Союза; негативным личным опытом многих советских граждан, накопленным в ходе тех или иных контактов со студентами из арабских и мусульманских стран, тысячами обучавшихся в вузах СССР/СНГ; антирусскими настроениями во многих мусульманских республиках бывшего СССР, раздражавшими русскоязычных жителей европейских республик (к числу которых принадлежали и большинство прибывших в Израиль из СССР/СНГ евреев и членов их семей)¹⁹. Это же справедливо для «русских» репатриантов, прибывших в страну во время «большой алии» 1989–91 гг., в силу того, что именно представители

предыдущей волны, носители преимущественно правых взглядов, оказали на них наибольшее влияние, заняв видное положение в общине. К таким деятелям можно отнести не только непосредственно репатриантов-«семидесятников», но и прибывших в самом конце 80-х годов идейно близких им многолетних «отказников». К этим группам относятся такие видные израильские русскоязычные политики и общественные деятели, как Натан Щаранский, Юрий Штерн, Эдуард Кузнецов, Иосиф Менделевич, Юлий Эдельштейн, Иосиф Бегун, Зеэв Гейзель, Авигдор Либерман и другие.

Безусловно, нельзя не отметить влияние русскоязычных СМИ, появившихся в Израиле уже в начале 90-х годов, и пользовавшихся широким спросом у «новых репатриантов», так как последние недостаточно знали иврит, чтобы читать ивритоязычные периодические издания. Так, ежедневная газета «Время» на десять лет стала (сменив по дороге владельцев и название – на «Вести») ведущим печатным средством массовой информации «русского» Израиля, заняв ведущие позиции на ниве информационной журналистики. Соответственно, этот источник информации во многом определял представления своих читателей о социально-политической жизни Израиля и, в том числе, о палестино-израильском конфликте, а принимая во внимание ярко выраженную правую ориентацию ее ведущих журналистов, да и вообще заметный уклон вправо русскоязычных СМИ (по словам М.Хейфеца, «когда читаешь «русские» газеты в Израиле, у неопытного читателя не возникает сомнений: левые привели страну на грань поражения, правые ее нынче спасают»²⁰), – правые тенденции «русских» израильтян были очевидны и легко предсказуемы. Так, по результатам опроса ПОРИ, проведенного в июне 1991 г., 55% респондентов заявили, что Израилю следует сохранить за собой все территории Западного берега и сектора Газы, «даже если это будет означать срыв окончательного заключения мирного соглашения»; 85% заявили, что было бы желательно переселение всех палестинцев из Израиля и с оккупированных территорий и превращение Израиля в полностью еврейское государство, хотя 61% не согласились с этой позицией, считая ее невозможной. А накануне выборов 1992 г. 46% опрошенных заявили, что Израиль не должен возвращать никаких оккупированных территорий, а 40% высказались за возможное возвращение только части из них²¹. Опрос, проведенный Институтом Гэллага в 1993 г., показал, что почти три четверти русскоязычных израильтян (73,5%) убеждены: арабам верить нельзя²². Однако наиболее ярко правые настроения в русскоязычной общине по вопросам палестино-израильского конфликта прослеживались в ходе обсуждения законопроекта о референдуме, который должен был утвердить договор с Сирией, предусматривавший отступление с Голанских высот. По опросам общественного мнения, в тот период среди рус-

скоязычного населения только 25% выступали за уход с Голанских высот.

Таким образом, многочисленные опросы выходцев из бывшего СССР/СНГ по проблемам ближневосточного урегулирования в 90-е годы выявили значительно больше правых подходов к мирному процессу и палестино-израильским отношениям по сравнению с остальными израильтянами²³. Такая жесткая позиция среди иммигрантов стала тенденцией. Другими словами, идеологическая ориентация «русских» израильтян приближается к правой и правоцентристской зоне израильского политического спектра, однако этим не исчерпывается. Это подтверждают материалы израильской и российской прессы, в которых приводятся интервью как с яркими представителями русскоязычной общины Израиля, так и с ее «рядовыми» членами. В соответствии с ними можно сделать следующие выводы:

– Прежде всего, как и большинство израильтян, «русские» репатрианты хотят мира с палестинцами вследствие огромной морально-психологической усталости от перманентного состояния войны с ними (среди погибших в терактах за последние годы – более 37% «русских»). Причем, они хотят, чтоб этот мир был заключен как можно скорее.

– Во-вторых, для них в целом характерна некоторая идеологическая незрелость, которая выражается в радикализации позиций. Так, одни готовы на существенные уступки, вплоть до создания палестинского государства на территории Иудеи и Самарии, а также на раздел Иерусалима, в то время как другие заявляют, что самый верный путь к решению палестино-израильского конфликта и связанных с ним проблем – это жесткая и решительная борьба с арабским террором, возвращение спокойствия на улицы израильских городов. Политики с «русской улицы» позволяют себе заявления подобные тому, которое сделала Ася Энтова газете «Новости недели»: «Для начала необходимо ликвидировать террористическую Палестинскую автономию. Израильский суверенитет должен быть распространен на Иудею, Самарию и Газу. Нужно вернуть нам реальный контроль над Храмовой горой. Бандитских главарей, начиная с Арафата, надо судить как Эйхмана за преступления против человечества»²⁴.

– Не менее важно отметить, что наиболее взвешенная и осознанная позиция по арабо-израильскому конфликту существует лишь у тех «русских» репатриантов, которые лично столкнулись с этой проблемой. Речь идет, прежде всего, о «поселенцах», жителях еврейских поселений на Западном берегу и в секторе Газа.

Приведем одну из наиболее типичных точек зрения, сформулированную в интервью газете «Известия» жителями поселения Бейт-Хорон Ильей и Лизой Левит и Александром Шиповым. По словам последнего, раньше, когда поселение было только образовано, отношения с арабами были вполне дружескими. Он вспоминает: «Я в соседние арабские деревни ездил пить кофе. Они приходили ко мне

в гости, посидеть, отдохнуть, приносили маслины, иногда приводили отца, а отец в арабской семье – это очень серьезно. Если его приводят в гости – это знак того, что ты – друг. Все изменилось с началом так называемого мирного процесса, когда появился Арафат. Он же организовал совершенно мафиозную систему». Саша скептически относится ко всем мирным договоренностям, так как, «на самом деле это их (палестинцев – прим. авт.) ни к чему не обязывает, ... это совершенно другая психология». Таким образом, главное препятствие к достижению мира Саша видит в столкновении культур («...это совершенно разные культуры»). В отличие от него Лиза говорит, что «наша проблема в том, что Израиль не смог защитить тех арабов, которые хотели жить по-соседски, а не перестреливаться. Мы фактически предали тех, кто с нами сотрудничал. В результате, мы остаемся на этой земле без поддержки, фактически один на один с бандитами». Что касается выхода из создавшегося положения, то все трое понимают, что на сегодня уже невозможно найти решение, удовлетворяющее всех. Тем не менее, Лиза считает, что «единственное решение – дать живущим здесь арабам денег и выселить в арабские страны, в ту же Иорданию, там много незаселенных земель». Ее позицию поддерживает Илья, по словам которого, «земля Израиля должна стать еврейской». В отличие от них, Саша настроен не так категорично. *«Проблема заключается в нас, – говорит он. – Пока мы не можем договориться между собой, пока «Авода» кричит, что не будет сотрудничать с Шароном, пока нет единства, решение найти трудно. Если мы сумеем договориться, оно будет найдено куда быстрее»²⁵.*

Таким образом, в русскоязычной общине нет полного единства относительно арабо-израильского конфликта, а напротив, – представлен широкий спектр мнений. В этом смысле тенденции политического размежевания в русскоязычной общине, при всех отличиях, сближаются с характером аналогичных размежеваний в израильском обществе в целом.

Итак, «русские» репатрианты прошли в Израиле большой путь от замкнутой, секторальной группы к полноценной части израильского общества; от тяжелых социально-экономических проблем к благосостоянию и достойному социальному статусу. Иммиграция в страну с абсолютно иной культурой и социальными, экономическими и политическими условиями, резко отличающимися от тех, в которых они жили до эмиграции, почти всегда оказывается трудным и болезненным процессом. Закономерно, что в первые годы жизни в Израиле большинство русских репатриантов дезориентированы. Однако постепенно знакомясь с жизнью израильского общества, работая с израильцами и служа вместе с ними на армейских сборах резервистов, иммигранты постепенно усваивают общие нормы нового социума, достигают экономического благополучия и престижных социальных пози-

ций и, спустя какое-то время, начинают чувствовать себя вполне уверенно, что способствует снижению сепаративных настроений в среде.

На сегодня русскоязычная община достаточно интегрирована в израильское общество, хотя обладает особым менталитетом, культурой и воспитанием; более того, она является важным фактором внутривнутриполитического развития страны, существенно влияющим на расстановку и баланс политических сил²⁶.

¹ Данный тезис был впервые высказан иерусалимским социологом Барухом Киммерлингом в середине 70-х годов; см.: *Kimmerling B. Anomie and Integration in Israeli Society and the Salience of the Arab Israeli Conflict // Studies in Comparative International Development. 1974. Vol. 9. Issue 3. С. 64–89.*

² Интервью с Эфраимом Гуром // «Вести» (Израиль) 09.05.96.

³ Сатановский Е.Я., Россия и Израиль в XXI веке // «Международная жизнь», осень 1998 г., с. 53–54.

⁴ Лисица С. и Перес Й. Проблемы самоидентификации выходцев из СССР/СНГ в Израиле и их отношения с уроженцами страны, в сборнике статей «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество», М., 2000.

⁵ З.Гейзель, «Политические структуры Государства Израиль» (М., 2001), с. 154.

⁶ Ханин В., Политические элиты, общественные структуры и социально-политические конфликты в общине выходцев из СССР/СНГ в современном Израиле, в сборнике статей «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество», М., 2000 г., с. 242.

⁷ Сатановский Е.Я., Россия и Израиль в XXI веке, с. 51.

⁸ Берг И. Национальный лагерь объединяется // «Новости Недели» (Израиль) № 3683, 28.11.02.

⁹ Катаева-Венгер А. Алия-90: психологические аспекты. (Москва-Иерусалим: Призма-Пресс, 1995 г.) с. 20–26

¹⁰ «Новый век», № 1 (2003), с. 106.

¹¹ Фиалкова Л., Еленевская М. Свои и чужие: “русские” в Израиле (метаморфозы иммигрантского сознания), в сборнике «Вестник Еврейского Университета» № 5 (23) (Москва: Мосты Культуры, 2001 г.) с. 147–162.

¹² Кенигштейн М. Ценности и стереотипы «русских» репатриантов: опыт этнометодологического исследования, в сборнике статей «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество», с. 296–309

¹³ Солодкина М., Факторы нематериального порядка, затрудняющие интеграцию алии-90 в израильское общество, в сборнике «Цивилизационный дискомфорт. Советские евреи в Израиле в 90-е годы» (Тель-Авив: «Иврус», 1996 г.), с. 105.

¹⁴ Авигдор Либерман. Видеть мир таким, какой он есть // «Новости Недели» № 3678, 23.01.03.

¹⁵ Катаева-Венгер А. Алия-90: психологические аспекты, с. 132–133.

¹⁶ Мартынова В. Теория направленного взрыва // «Вести» 30.01.03.

¹⁷ Берг И. Национальный лагерь объединяется // «Новости Недели» 28.11.02.

¹⁸ Стессель И. Момент истины (интервью с Р.Бронфманом) // «Новости Недели» № 3678, 23.01.03.

¹⁹ Z.Gitelman, *Immigration and Identity* (New-York: 1995).

²⁰ М.Хейфец, Маятник должен качнуться влево? // «Вести», 9 января 2003 г.

²¹ Масюкова И.В. Политическая ориентация русскоязычных иммигрантов в Израиле (в 90-х годах).

²² Цитируется по: Т.Р. Horowitz, *Ideology, Identity and Frustration...*, с. 110.

²³ Масюкова И.В. Иммигранты из стран СНГ в Израиле и проблема ближневосточного урегулирования, с. 145–147.

²⁴ Интервью с Асей Энтовой // «Новости Недели» № 3683, 28.11.02.

²⁵ Бабаян Н. Нас сюда никто не отправлял // «Известия» 31.01.03.

²⁶ Масюкова И.В. Иммигранты из стран СНГ в Израиле и проблема ближневосточного урегулирования, с. 142.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Данное исследование было проведено хайфскими социолингвистами Л.Фиалковой и М.Еленевской и опубликовано в сборнике «Вестник Еврейского Университета» № 5 (23) в 2001 г. Оно в целом посвящено анализу образа чужака в иммигрантских рассказах. Рассматриваемые свидетельства, с одной стороны, индивидуальны, поскольку основаны на личном опыте рассказчика или его окружения, а с другой, – содержат общие элементы, так как личный опыт субъективно интерпретируется на основе ценностей, убеждений и представлений, характерных для определенных социальных и культурных групп. Материалом для данного исследования стали беседы с 65 иммигрантами из разных регионов бывшего СССР. Все информанты иммигрировали в 90-е годы. Исследователи используют вымышленные имена, так как почти все собеседники пожелали остаться анонимными. Здесь отобраны фрагменты из тех интервью, которые отражают различное отношение к арабам.

Так, например, выросшая в Ташкенте Екатерина Р. воспринимает арабов-мусульман как узбеков, знакомых ей с детства: «Я с ними [арабами-христианами] не общалась. Вот с мусульманами – да. То есть у них те же праздники, те же законы, те же отношения. Это что-то родное, я на этом выросла, то есть я это знаю». Принимая социальную дифференциацию полов, одну из важнейших особенностей мусульманской культуры, Екатерина вместе с тем стремится к равенству и умеет по достоинству оценить значимость и знаковость оказываемого ей расположения: «... я заходила в кондитерскую и [арабы-мусульмане] мне первым делом говорили: Катенька, доброе утро! То есть они уже старались выучить русский язык, они старались со мной говорить на русском ... Мне это приятно. Меня ставят равной».

Таким образом, Екатерина Р. чутко реагирует на нюансы общения, будь то взгляд или улыбка. Не менее важна для нее и попытка установить с ней контакт на родном языке.

Несколько иное восприятие представлено в интервью с Зиной Б. Так же, как и Екатерина Р., она доброжелательно относится к арабам, но, в отличие от первой, боится осуждения, т.к., как отмечают исследовательницы, «в ее глазах именно враждебность является легитимной». Показательно, что Зина осуждает «интеллигентную с виду» женщину, которая, когда речь заходит об арабском вопросе, произносит расистский лозунг («Лучший араб – мертвый араб»). Причем,

нужно отметить, что последняя не только не видит ничего предосудительного в такой позиции, но и считает ее «идеологически выдержанной», ожидая поддержки слушателей. И, что особенно важно, она не единственная, кто разделяет подобную точку зрения. Так, Симона К. открыто выступает за сегрегацию. По ее мнению, город Акко, в котором она живет, был бы гораздо привлекательнее, если бы евреи и арабы не общались вообще и жили в разных районах. Свое негативное отношение Симона объясняет как реакцию на враждебность со стороны арабов, хотя, как видно из ее интервью, ее установки в значительной мере базируются на стереотипах. Так, она рассказывает, что в день поминовения, в то время как все остановились и стояли, какой-то человек продолжал идти. Симона совершенно уверена, что это араб. На вопрос, откуда такая уверенность, она отвечает: «Я не знаю, опять же, видите, что это подсознательно».

Из израильских газет известно, что были случаи игнорирования израильскими арабами минуты молчания в день поминовения погибших воинов, а следовательно, восприятие Симоной К. этого эпизода не было случайным. Вместе с тем, поведение незнакомца становится для рассказчицы единственным критерием для определения его этнической принадлежности и политических взглядов. Таким образом, приходится констатировать преобладание стереотипа врага. Информанты изначально предполагают, что от них ожидают именно такого отношения к арабам. В тех случаях, когда личный опыт противоречит этим ожиданиям, они испытывают неловкость.

Приложение 2

Ответы участников опроса распределились следующим образом:

1. Арабы – угроза Израилю, всем евреям (21% ответов); арабы – это война, террор, ненависть и страх. Они ненавидят Израиль и евреев, хотя уничтожить и будут воевать, несмотря на все соглашения. Арабам нельзя доверять и уступать, они ненадежны и способны на самые грязные действия. Арафат – хамелеон. Арабы живут в Израиле «с ножом за пазухой». Палестинское государство – только повод для уничтожения Израиля. Это враг номер один для евреев. Вражда будет вечной, и пока Израиль силен, он непобедим.

2. Арабы – плохие люди (13% ответов): арабы – антисемиты, агрессивные и воинственные, опасные и беспощадные. Люди, лишённые моральных принципов, продажные, лживые, хитрые, коварные, вероломные, двуличные. Безграмотные, неопытные, неприятные внешне и внутренне. Люди «второго сорта». Ассоциируются со всем ненавистным.

3. Арабы – наши соседи, возможные партнеры и друзья (13% ответов): арабы еще долго не будут друзьями, но могут не быть врагами. Большинство арабов предпочитает мирное сосуществование с Израилем. В будущем, возможно, они хорошие соседи, партнеры в

политике, экономике и торговле. Они вправе жить на территории Израиля, имеют право на самоопределение и свою культуру. Нельзя преследовать целую нацию за преступления террористов. «Образ врага» в лице арабов сильно преувеличен.

4. Арабы – обычные, нормальные, разные люди (8% ответов): есть хорошие и плохие, богатые и бедные, дружелюбные и агрессивные, террористы и мирные жители, наши враги и сторонники. Это народ, который хочет жить как все. Их можно понять – любая нация, поставленная в те же условия, вела бы себя так же. Террористы есть у всех народов, это не национальная черта. Национальность менее существенная характеристика, чем уровень развития и культуры.

5. Арабы – хорошие люди (6% ответов): арабы – те же евреи, братья евреев. Есть очень умные, образованные, культурные. Израильские арабы – мирные, трудолюбивые, исключительно гостеприимные, верные в дружбе, отзывчивые и открытые. Хорошие работники, строители. Я встречал только хороших арабов. Я отношусь к ним хорошо, так как жил среди них.

ОГЛАВЛЕНИЕ

П.Т.Кушнир МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ	3
Н.С.ГЛЕБОВА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	20
М.А.Ас-Саид ИМПОРТ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ЕГО РОЛЬ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ВНУТРЕННИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ПРОДУКТАХ ПИТАНИЯ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ	39
М.Назири ПОЛИТИКА СТРАН-РЕЦИПИЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ	47
П.Н.Мамед-заде ЕГИПЕТСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ МЕЖАРАБСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РЕФОРМИРОВАНИЮ ЛАГ	55
П.Н.Мамед-заде ОТНОШЕНИЯ ЕГИПТА С ЛИВИЕЙ И СУДАНОМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖАРАБСКИХ СВЯЗЕЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	65
Т.В.Евсейчик АРАБСКИЙ ВОСТОК И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	86
Д.И.Серов НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ УКРАИНЫ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ	94
М.Халаф РОССИЙСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ БИЗНЕС В АРАБСКИХ СТРАНАХ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	102
М.Я.Скибинская ПОДХОДЫ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ К ВОЕННО-СИЛОВОМУ ВАРИАНТУ РЕШЕНИЯ ИРАКСКОЙ ПРОБЛЕМЫ	108
Ю.С.Кудряшова КОПЕНГАГЕНСКИЕ КРИТЕРИИ ЕС И ТУРЦИЯ	118
А.Н.Борейко ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	132
П.Е.Павлов АФГАНИСТАН В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 Г.	137
О.А.Лазарева НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЫЧАИ НАРОДОВ АФГАНИСТАНА И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ СТРАНЫ	149
А.А.Иконников ПРОИЗВОДСТВО НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ	157
А.Ю.Лавров АФГАНСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ	167
М.В.Бордунов ИРАКСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В США	173

Е.В.Загорнова КУРДСКИЙ ВОПРОС В СИРИИ	182
В.В.Гребцов ПЕРВАЯ АМЕРИКАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ «БУРИ В ПУСТЫНЕ»	191
А.Р.Махлюфи РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В АЛЖИРЕ В 90-Е ГОДЫ	198
А.А.Шустер ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ ИРАНА (СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)	209
Л.Н.Сенной РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ ВОКРУГ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА	230
Д.С.Бабкин О КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ	236
Н.В.Сапунова НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И НАУКОЕМКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИЗРАИЛЕ	243
А.В.Листопадова АРАБСКИЙ СЕКТОР В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ	273
А.Владими́ро, Т.Солопова БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ ГЛАЗАМИ «РУССКИХ» ИЗРАИЛЬТЯН	291

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-ческий
потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан
и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI
в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. **"Турция между Европой и Азией".** Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. **"Ислам и политика".** Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".

69. **"Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".** Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".

72. **Зеэв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей,
(совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте".
(совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.
103. "Иран и СНГ". Сборник.
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии".
Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. **В.М. Ахмедов** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".
108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.
109. **В.П.Юрченко** "Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы". Сборник.
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола)
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы".
Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова**"Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ".
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **Аганин А.Р., Соловьева З.А.** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин** "Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии".

122. **Е.И.Миронова** "Алжир: смена приоритетов развития".
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке".
127. "Иран и Россия". (Сборник статей)
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". (Сборник статей)
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока". Аналитические записки.
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г.
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт". Аналитические записки.
137. "Иран". Аналитические записки.
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис** "Израиль в начале XXI века".
139. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
140. **И.А.Матвеев** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003)".
141. **А.В.Гасратян** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by Alek D. Epstein.
144. **М.З.Ражбадинов** "Египетское движение «Братьев-мусульман»".
145. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and
N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In co-

operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation"
by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geysel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In co-
operation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Rus-
sian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**

In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

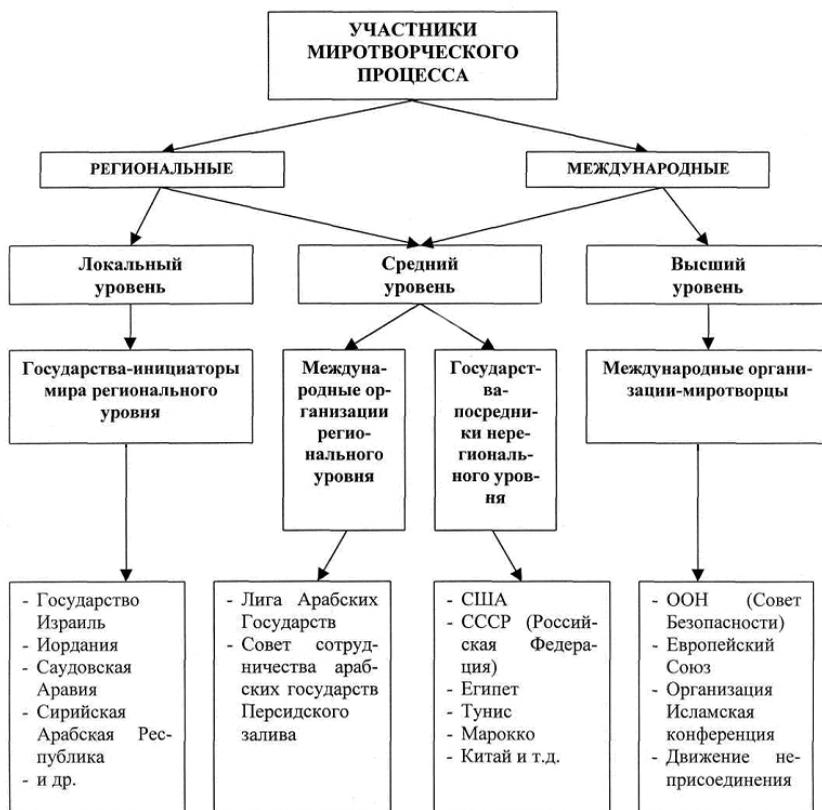
- 106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
- 107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
- 108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
- 109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
- 110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
- 111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
- 112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
- 113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)
- 114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
- 115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
- 116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
- 117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
- 118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva.**

2004

- 119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin.**
- 120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
- 121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
- 122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
- 123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
- 124. Analytical records. "Terrorism".
- 125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East,

South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)
131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**.
144. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**.
145. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays).

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

Научное издание

ВОСТОКОВЕДНЫЙ СБОРНИК
ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Подписано в печать 17.12.2004 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 20,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 65

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»